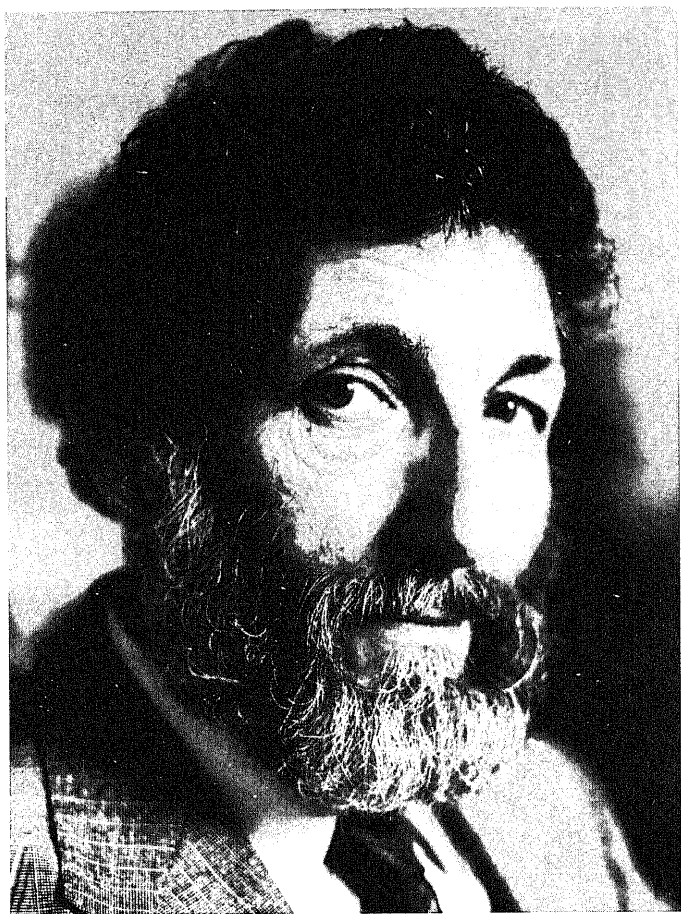

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Bru

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ТРУДЫ**

В двух томах

Том II

**Экономическая демография
Анализ
демографических
процессов**

МОСКВА НАУКА 2005

Рецензент
доктор экономических наук *О.С. Пчелинцев*

Вишневский А.Г.

Избранные демографические труды: В 2 т. / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – ISBN 5-02-033775-7

Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – 2005. – 381 с. – ISBN 5-02-033777-3 (в пер.)

В том включены опубликованные в разные годы работы по экономической демографии, а также по исследованию конкретных демографических процессов: рождаемости, смертности, воспроизводства населения, миграции – в СССР, России, странах Восточной и Западной Европы, во всем мире. Особое внимание сосредоточено на анализе противоречивого характера советской демографической модернизации и ее торможения на поздних стадиях демографического перехода в условиях демографического кризиса последней трети XX–начала XXI в. Рассматривается вопрос о демографических последствиях политических репрессий в СССР. Анализируются демографические перспективы России и рассматриваются возможные альтернативы демографического развития страны в XXI в.

Для демографов, экономистов, географов.

Vishnevsky Anatoly

Selected demographic works. Vol. 2: Economic demography. The analysis of demographic processes. – M.: Nauka, 2005. 381 p.

This volume contains works published in different years and consecrated to economic demography as well as to an analysis of concrete demographic processes (fertility, mortality, population replacement, migration) in the USSR, in Russia, in Eastern and Western Europe and in the World. Special attention is given to an analysis of the contradictory nature of the Soviet demographic modernization and its braking in the late stages of demographic transition in the context of the demographic crisis of the last third of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The demographic consequences of political repression in the USSR are examined. The demographic prospects of Russia are analyzed and possible alternatives of demographic development of the country in the 21st century are considered.

For demographers, historians, economists and geographers.

ISBN 5-02-033775-7

ISBN 5-02-033777-3 (Т. 2)

© Российская академия наук, 2005

© Вишневский А.Г., 2005

© Редакционно-издательское
оформление. Издательство “Наука”,
2005

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В последние годы в нашей стране получили заметное развитие исследования связей между экономикой и населением. Двусторонний характер этих связей обусловил два основных направления исследований. С одной стороны, имеются экономико-демографические работы, посвященные изучению влияния социально-экономических факторов на воспроизводство населения, демографическое поведение и т.п. С другой стороны, в ряде работ рассматриваются проблемы, иногда называемые демоэкономическими и связанные с воздействием демографических факторов (численности населения, его структуры, темпа его роста и т.д.) на экономику.

Из двух отмеченных направлений второе, демоэкономическое, пока привлекает значительно меньшее число исследователей. В литературе последних лет имеется несколько статей, посвященных демоэкономическим проблемам [3; 26; 30]. Ряд важных демоэкономических вопросов освещен в недавно вышедшей коллективной монографии [24].

В целом, однако, демоэкономические процессы изучены меньше, чем они того заслуживают, что, возможно, отражает некоторую недооценку влияния, оказываемого демографическим фактором на экономическое развитие. Воздействие изменений в режиме воспроизводства населения на экономическую жизнь страны часто воспринимается упрощенно, только сквозь

¹ Впервые опубликовано в виде двух отдельных статей: Население и производство // Модели демографических связей / Под ред. А.Я. Боярского. М.: Статистика. 1972. С. 66–127; Влияние демографических факторов на производство // Влияние социально-экономических факторов на социально-демографические процессы / Под ред. В.С. Жученко, В.С. Стешенко. Киев: Наукова думка, 1972. С. 176–234.

призму непосредственных и очевидных последствий: динамики численности трудовых ресурсов или определенных контингентов потребителей. Однако существуют последствия менее явные, хотя, возможно, не менее серьезные. Нащупать и оценить эти последствия значительно труднее, но сделать это необходимо, потому что научное управление экономикой предъявляет все большие требования к нашим знаниям обо всех факторах, влияющих на экономическое развитие. Настоящая статья и представляет собой попытку рассмотреть некоторые из таких менее очевидных влияний, оказываемых демографическим фактором на экономику.

В реальной действительности экономико-демографические и демоэкономические процессы разворачиваются одновременно, тесно переплетаются между собой, образуя непрерывную цепь причинно-следственных связей. Их разделение на две самостоятельные группы носит, конечно, условный характер и может быть оправдано только целями теоретического анализа, который сам есть шаг к теоретическому синтезу, дающему адекватное описание действительности во всем ее многообразии.

То же самое следует сказать о взаимоотношении демоэкономических процессов с процессами воздействия демографических факторов на неэкономические области (демосоциологическими и т.д.). Демографическое развитие влияет на все области жизни людей, затрагивает их имущественное и правовое положение, биологическое и социальное окружение, область этики и религии, состояние здоровья, принципы воспитания и образования и т.п. Экономические последствия стоят в ряду большого числа других последствий демографических процессов и могут оцениваться изолированно только на определенной стадии анализа, который, однако, неизбежно должен предшествовать синтезу.

Потребность в такой аналитической стадии и диктует необходимость выделения демоэкономических процессов в качестве самостоятельного объекта исследования.

В настоящей статье рассматривается только одна сторона демоэкономического взаимодействия – влияние демографических процессов на результаты собственно производства. Проблемы влияния демографических факторов на процессы накопления и потребления, которые в единстве с процессом производства обеспечивают непрерывную возобновляемость и расширение всего общественного производства, остаются за рамками статьи.

Развитие производства происходит под влиянием большого числа факторов, среди которых демографический фактор едва ли занимает первостепенное положение, хотя он и не так незна-

чителен, чтобы им можно было пренебречь. Выделить действие демографического фактора среди всех прочих при статистическом анализе факторов, влияющих на рост производства, вообще очень сложно, а при том состоянии теории, которое мы имеем сейчас, особенно трудно, потому что многие важные вопросы, относящиеся к изучению демоэкономических процессов, и не ставились перед статистикой.

Поэтому главным направлением настоящего исследования является логический анализ механизма демоэкономического взаимодействия и его математическое моделирование.

Рассматриваемые ниже модели описывают взаимодействие экономических (в какой-то мере и экономико-социологических) и демографических переменных. При этом в качестве экзогенных, внешних по отношению к модели, независимых от других факторов, рассматриваются только демографические переменные. Экономические же переменные, эндогенные, вообще говоря, зависят от поведения экзогенных факторов. Больше того, предполагается, что они зависят только от них. Это означает последовательное проведение принципа "*ceteris paribus*" в отношении поведения экономических переменных: все время исследуется, как они изменяются под влиянием изменения демографических переменных *при прочих равных условиях*.

Такая однонаправленность моделей является, конечно, их слабостью, простительной, как уже говорилось, только на определенном этапе анализа, к которому и относится эта статья.

Принцип экзогенности демографических переменных предполагает принятие с самого начала какой-то гипотезы в отношении их изменения, независимого от рассматриваемых моделей.

Роль такой гипотезы мог бы играть, например, какой-нибудь конкретный многовариантный прогноз динамики населения на более или менее длительный срок для какой-то определенной территории.

Однако для наших целей более удобна теоретическая модель населения, развивающегося на основе определенных гипотетических закономерностей. Мы используем здесь известную модель стабильного населения. При неизменной смертности численность и возрастная структура такого населения полностью определяются одним параметром – истинным коэффициентом естественного прироста (коэффициентом Лотки) r .

Если $l(x)$ – не зависящая от времени функция дожития до возраста x , а $Be^{r(t-x)}$ – общее число родившихся x лет назад, то в момент t число всех живущих в возрасте x составит

$$P(t, x) = Be^{r(t-x)}l(x); \quad (1)$$

численность всего населения

$$P(t) = Be^{rt} \int_0^{\omega} e^{-rx} l(x) dx; \quad (2)$$

доля населения в возрасте x во всем населении

$$C(x) = \frac{Be^{r(t-x)} l(x)}{Be^{rt} \int_0^{\omega} e^{-rx} l(x) dx} = \frac{e^{-rx} l(x)}{\int_0^{\omega} e^{-rx} l(x) dx}. \quad (3)$$

Функция возрастной структуры $C(x)$ не зависит от t , но зависит от r , причем характер этой зависимости таков, что изменения $C(r, x)$ в результате уменьшения r можно охарактеризовать как процесс старения населения.

Действительно, дифференцируя выражение (3) по r , получим

$$\frac{\partial C}{\partial r} = C \left[-r + \frac{l'(x)}{l(x)} \right], \quad (4)$$

а учитывая, что $\frac{l'(x)}{l(x)}$ — мгновенный коэффициент смертности, или сила смертности,

$$\mu(x) = \frac{l'(x)}{l(x)}, \quad (5)$$

имеем

$$\frac{\partial C}{\partial r} = -C [r + \mu(x)]. \quad (6)$$

В обычных условиях сила смертности $\mu(x)$ в первые годы жизни уменьшается, достигая некоторого минимума, а затем увеличивается с возрастом. Например, сила смертности населения СССР в 1958–1959 гг.²:

$\mu(0) = 0,04144$	$\mu(13) = 0,00094$
$\mu(1) = 0,08435$	$\mu(20) = 0,00161$
$\mu(5) = 0,00131$	$\mu(30) = 0,00240$
$\mu(10) = 0,00084$	$\mu(40) = 0,00361$
$\mu(11) = 0,00081$	$\mu(50) = 0,00680$
$\mu(12) = 0,00081$	

² Рассчитано по: [13: 262–263], по формуле $\mu(x) = \frac{2q(x)}{2 - q(x)}$, где $q(x)$ — вероятность умереть в возрасте x лет.

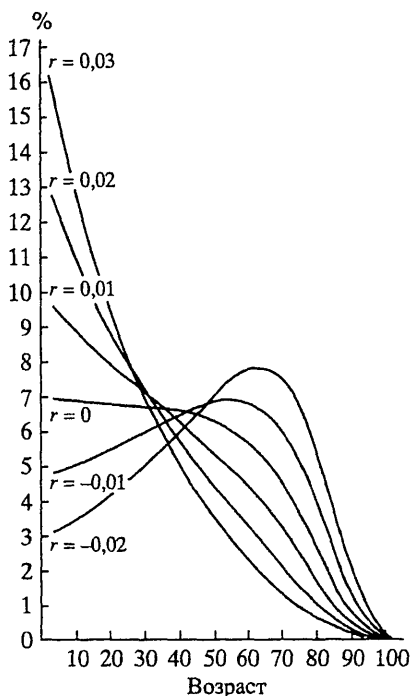

Рис. 1. Возрастная структура стабильного населения при различных значениях r (на базе таблицы смертности населения СССР, 1958–1959 гг.)

Обозначим возраст, которому соответствует минимальная сила смертности $\mu_{\min}$, через $x_{\min}$. Тогда в точке $x = x_{\min}$

$$\frac{\partial C}{\partial r} = -C[r + \mu(x_{\min})]. \quad (7)$$

Если r отрицательно (убывающее население) и по абсолютному значению больше $\mu(x_{\min})$, то выражение в скобках тоже отрицательно, а $\frac{\partial C}{\partial r}$ — положительно и остается положительным до тех пор, пока растущее с возрастом $\mu(x)$ не станет больше r , а частная производная $\frac{\partial C}{\partial r}$ не сменит знак с плюса на минус. До этого момента функция $C(r, x)$ будет монотонно возрастающей, начиная с этого момента — монотонно убывающей.

Если же r отрицательно, но по абсолютному значению меньше $\mu(x_{\min})$ или если r положительно, то для интервала измене-

[illegible]

ний x от $x_{\min}$ до $+\infty$ частная производная $\frac{\partial C}{\partial r}$ все время будет отрицательной, а функция $C(r, x)$ – убывающей, причем скорость убывания (крутизна кривой) будет тем больше, чем больше значение r .

На графике (рис. 1) нанесены кривые, соответствующие изменению функции $C(r, x)$ для функции дожития $l(x)$ всего населения СССР в 1958–1959 гг. при разных значениях r . Площадь под каждой кривой, естественно, равна 1 (в силу того, что $\int_0^{\infty} C(r, x) dx = 1$), ордината каждой точки на кривой указывает

на долю населения в возрасте x (абсцисса точки) во всем населении. Очевидно, что по мере перехода от больших r к меньшим ординаты младших возрастов уменьшаются, а старших увеличиваются, что и означает старение населения.

Следует обратить внимание на то, что размах этих изменений тем больше, чем больше $\bar{x}$ отличаются от среднего возраста x , вблизи которого влияние изменений r на долю соответствующих возрастных групп незначительно [52].

В дальнейшем мы будем часто прибегать к модели стабильного населения и использовать только что указанные его свойства.

Для иллюстрации мы будем использовать семейство стабильных населений, построенных на базе таблицы смертности всего населения СССР в 1958–1959 гг. для изменений истинного коэффициента естественного прироста в диапазоне от $r = -0,010$ до $r = +0,030$. В табл. 1 приводятся возрастные структуры соответствующих стабильных населений; на основе данных таблицы составлен и график на рис. 1.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И УРОВЕНЬ ПРОИЗВОДСТВА

Изменения в демографической области могут оказывать влияние на совокупные результаты производства тремя способами:

во-первых, через изменение численности и структуры работников;

во-вторых, через изменение эффективности использования производственных ресурсов в результате меняющегося количественного соотношения между ними (например, в результате повышения фондовооруженности труда);

в-третьих, через изменения эффективности использования ресурсов, имеющие качественную природу, не связанные с изме-

нением соотношений между количествами ресурсов (например, влияние технического прогресса).

Изучение влияния происходящих с населением процессов на экономические результаты производства требует применения модели, которая отражала бы основные зависимости между элементами производства и допускала учет влияния демографического фактора. Такой моделью, связывающей “выпуск” (валовой общественный продукт, народный доход и т.п.) с величиной ресурсов и эффективностью их использования, может служить производственная функция.

Мы начнем с рассмотрения простейшей статической одноресурсной производственной функции.

Одноресурсная статическая производственная функция

Если предположить, что все ресурсы, которые общество использует в процессе производства, сводятся к труду и производственным фондам, причем количество труда, измеряемое в данном случае числом работников (L), и количество производственных фондов (G) могут быть различными, но соотношение между ними, т.е. фондовооруженность труда, остается неизменным:

$$g = \frac{G}{L} = \text{const}, \quad (8)$$

то результаты производства (“выпуск”) можно выразить в качестве функции от количества любого из этих двух видов ресурсов:

$$Q = f(G) \quad (9)$$

или

$$Q = \varphi(L). \quad (10)$$

Выражения (9) и (10) могут быть следующим образом конкретизированы:

$$Q = bG; \quad (11)$$

$$Q = qL, \quad (12)$$

где q – средняя производительность труда (трудоотдача), а b – фондоотдача.

Пока соотношение (8) остается в силе, можно с одинаковым успехом пользоваться производственной функцией в записи (11) и в записи (12) в зависимости от целей анализа, соображений технического удобства или наличия статистических данных.

В рамках проводимого здесь анализа нас может интересовать влияние демографических переменных как на величину используемых ресурсов (G и L), так и на эффективность их использова-

ния (величины q и h), что в конечном счете определяет поведение производственной функции в целом. Если определенным демографическим переменным соответствует более высокая производительность труда, то в силу равенства

$$q = gh, \quad (13)$$

вытекающего из формул (8), (11) и (12), им автоматически соответствует и более высокий коэффициент фондоотдачи. Следовательно, определение наилучших демографических показателей по какому-либо выбранному критерию в рассматриваемом случае вполне обеспечивается применением одноресурсной производственной функции типа (11) или (12).

Введем в производственную функцию демографические переменные, используя в качестве исходной формулу (12).

Пусть, как было условлено выше, P – общая численность насе-

ления, $C(x)$ – доля населения, имеющего возраст $x \left(\int_0^{\omega} C(x) dx = 1 \right)$,

$\xi(x)$ – коэффициент производственной активности населения в возрасте x . Тогда числа работников в возрасте x

$$L(x) = PC(x)\xi(x) \quad (14)$$

и общее число работников

$$L = \int_0^{\omega} L(x) dx = \int_0^{\omega} PC(x)\xi(x) dx. \quad (15)$$

Пусть далее $q(x)$ – производительность одного среднего работника в возрасте x . Производительность труда каждого работника зависит всегда, во-первых, от общего уровня производительных сил (уровня техники, организационной структуры, размещения и т.п.), а во-вторых, от индивидуальных характеристик работника, не связанных с этим общим уровнем развития (например, различия в физической силе, в способности и т.п.). Будем рассматривать только те индивидуальные различия, которые вытекают из демографических характеристик работника: пола, возраста, matrimonialного состояния, числа детей и т.п. Для простоты сведем все различия к одному демографическому фактору – возрасту. Этим нельзя было бы ограничиться, если бы речь шла о рассмотрении действия отдельных конкретных факторов (что будет сделано ниже), но для общего схематического рассуждения этого вполне достаточно.

Выберем какой-нибудь возрастной интервал, например 35–39 лет, и примем производительность труда среднего работника

этой возрастной группы за единицу. Если каждой возрастной группе свойственны специфические характеристики производительности труда, то для любой группы (для удобства записи будем рассматривать одногодичные возрастные группы)

$$q(x) = qs(x), \quad (16)$$

где q – производительность труда в возрасте 35–39 лет, а $s(x)$ – по-возрастные коэффициенты производительности. Для значений x от 35 до 39 всегда $s(x) = 1$.

В соответствии с формулами (12) и (16) “выпуск” работников, имеющих возраст x , составит

$$Q(x) = qs(x)PC(x)\xi(x), \quad (17)$$

а “выпуск” всех работников будет соответственно

$$Q = qP \int_0^{\omega} C(x)\xi(x)s(x)dx. \quad (18)$$

Если предположить определенную стабильность функции $s(x)$ – устойчивость соотношений между повозрастными уровнями производительности труда, то изменения величины q можно интерпретировать как изменения в уровне общественной производительности труда, не связанные с возрастными различиями.

Перейдем теперь к исследованию того влияния, которое оказывают демографические факторы на значения переменных в правой части выражения (18), а тем самым и на значение производственной функции в целом.

Численность населения и производственная функция

Влияние общей численности населения на число работающих в каждой возрастной группе $L(x)$ и на общее число работников

$$L = \int_0^{\omega} L(x)dx \text{ очевидно. При неизменной функции возрастной}$$

структуры $C(x)$, неизменном соотношении полов, неизменных по-возрастных коэффициентах трудовой активности $\xi(x)$ и при прочих равных условиях численность работников пропорциональна численности населения.

Гораздо более сложен вопрос о влиянии численности населения на среднюю общественную производительность труда, т.е. на величину q . Предположение о том, что такое влияние вообще имеет место, основывается на учете известного эффекта масштаба производства.

Само понятие масштаба производства, особенно когда речь идет обо всем народном хозяйстве, не является достаточно определенным. Его можно охарактеризовать самыми различными показателями: объемом валового или чистого продукта, стоимостью основных фондов, численностью экономически активного населения и даже размером экономически освоенной территории, причем ни одна из подобных характеристик не может быть исчерпывающей. Отсюда затруднения в сравнении масштабов различных экономик, а иногда даже и невозможность или бессмысленность подобных сравнений.

Как сравнить, например, масштабы английской и индийской экономик и каковы аналитические возможности подобных сопоставлений? Совокупный народный доход в Англии значительно выше, чем в Индии, а численность экономически активного населения значительно ниже. Что можно сказать о сравнительных масштабах этих двух экономик?

Однако в рассматриваемом нами гипотетическом случае положение значительно проще. Так как нас интересует влияние численности населения при *прочих равных условиях*, масштаб производства полностью характеризуется именно численностью населения или зависящей от нее численностью работников *L*. Иначе говоря, здесь еще остаются вне поля зрения такие факторы, как наличие для этой численности соответствующих средств производства, а также спроса на продукцию и саму рабочую силу.

Как в этих условиях изменение масштаба производства влияет на общественную производительность труда?

Когда речь идет об отдельных предприятиях, экономическая теория признает существование прямой связи между размером предприятия и производительностью труда. Преимущества крупного производства перед мелким, “экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе” [22: 90], подчеркивались еще К. Марксом.

Правда, даже и этот бесспорный принцип не может применяться догматически и толковаться таким образом, что только крупные и крупнейшие предприятия имеют право на существование. “Максимизация размера предприятий – это не самоцель. Ее суть в том эффекте, который достигается на основе этих размеров. Поэтому нельзя считать правильным, когда большим достижением объявляются сами по себе масштабы вложений в предприятие-гигант, а не величина получаемой обществом отдачи от этих затрат в сравнении с той отдачей, которую общество получило бы от предприятия меньших размеров” [10: 13].

Подобный же подход возможен и в отношении всего народного хозяйства в целом. Как влияет численность населения на

эффективность работы народного хозяйства, на производительность труда среднего работника? Нет ли здесь аналогии с отдельным предприятием?

Вопрос об экономических последствиях численности населения, “размера нации” давно занимает умы экономистов. Правда, повышенный интерес к этому вопросу обычно связан с определенными политическими событиями, оценка экономического значения “размера нации” часто не свободна от влияний эмоционального характера. Австрийский экономист Ротшильд пишет о распространении “размерного пессимизма” (size pessimism) в странах, от которых в силу тех или иных политических событий отпали значительные территории [57: 169]. Так было после первой мировой войны в Австрии в результате развала Австро-Венгерской империи; превращение Австрии в маленькую страну отождествлялось в представлении многих с сокращением ее экономических возможностей. Так было позднее в результате крушения колониальных империй в таких странах, как Нидерланды или Бельгия, и даже в более крупных (Англия, Франция).

В то же время Ротшильд отмечает, что никакого “размерного пессимизма” не наблюдалось в маленьких странах, созданных в результате завоевания государственной самостоятельности, например в возникших на развалинах Австро-Венгерской империи Чехословакии, Венгрии и т.п. В них, наоборот, преобладал дух оптимизма, вызванный к жизни национальным освобождением и открывающимися новыми возможностями [57: 189].

Другой пример относительно широкого интереса к вопросам экономического значения масштабов национальных экономик, также имеющего политическую окраску, связан с проблематикой “европейской интеграции”, “общего рынка” и т.д. “Практические аргументы в пользу создания общего рынка и зон свободной торговли основываются на предпосылке, что существует экономический эффект масштаба, который не исчерпывается в рамках национальных государств, известных нам сегодня, но который достижим при размерах государств или зон торговли, могущих быть созданными” [56: 13].

Вполне возможно, что политические, военные и т.п. соображения могут приводить к переоценке экономического значения масштаба производства. Но и независимо от этих соображений существуют определенные основания полагать, что общественная производительность труда не безразлична к масштабу производства, а значит, и к общей численности населения.

Функционирование современного крайне сложного многоотраслевого народного хозяйства невозможно без некоторой минималь-

**Удельный вес предприятий с малым и большим числом
работающих, в %**

Страна	до 50 чел.	1000 чел. и более
США	16,4	32,6
ФРГ	15,0	32,3
Италия	21,0	24,4
Франция	19,0	22,3
Нидерланды	24,0	27,2
Бельгия	28,0	23,0

Источник: [40: 270]

ной, но все же весьма значительной численности населения. Сама необходимость существования огромного количества *различных* народнохозяйственных объектов (промышленных предприятия, научных учреждений и т.п.), потребность в развитом всестороннем разделении труда внутри общества задает некий уровень, ниже которого не может опуститься без ущерба для экономики численность трудовых ресурсов, а значит, и численность населения. Развитие наиболее эффективного массового и крупносерийного производства предполагает существование достаточно емкого рынка, что также связано с численностью населения. Все народнохозяйственные объекты наиболее эффективны, когда они имеют рациональные, оптимальные размеры, но при малочисленном населении и развитом разделении труда неизбежны карликовые размеры многих таких объектов, а значит, и низкая их эффективность.

Вот, например, данные об удельном весе самых мелких и самых крупных предприятий 6 развитых капиталистических стран, расположенных в порядке убывания численности населения, в середине 1950-х годов (табл. 2).

Несмотря на некоторые отклонения, общая тенденция очевидна: по мере перехода от более крупных стран к более малым увеличивается доля мелких предприятий и убывает доля крупнейших. Кроме того, многие исследователи отмечают не только большие размеры предприятий в этих странах, но и более высокий уровень их специализации, что также связано с емкостью внутреннего рынка и возможностью развивать в этих странах массовое производство [56: 18].

Соображение о связи размеров и эффективности экономических единиц с общей численностью населения относится не только к промышленным предприятиям, научным учреждениям и т.п., но и к формам территориальной концентрации населения

и производства. Страны с более высокой численностью населения имеют больше возможностей в смысле создания крупных промышленных центров, сосредоточения населения в больших городах. Большие города, особенно столицы, играют огромную роль в современной экономической жизни. Они являются средоточием наиболее прогрессивных элементов производительных сил, наиболее квалифицированных кадров, центрами научно-технического прогресса. Экономический и научно-технический потенциал этих городов, существенно влияющий на экономический и научно-технический потенциал всей страны в целом, в большой мере зависит от их величины. Однако далеко не каждая страна может позволить себе хотя бы один, не говоря уже о нескольких, достаточно крупный город, и ограниченность людских ресурсов играет при этом не последнюю роль.

В зарубежной Европе, например, из числа 25 крупнейших городских агломераций, сложившихся на базе отдельных крупных городов (мы исключаем конурбации, возникшие в районах добывающей промышленности, например, Рур), 15 находятся в пределах самых больших по численности населения государств — ФРГ, Англии, Франции, Италии и Испании, а из первой десятки крупнейших городских образований на эти страны приходится 7 [25: 107].

Конечно, все изложенные соображения особенно существенны, когда речь идет об автаркически организованном хозяйстве какой-нибудь страны. Наличие международного разделения труда способно в значительной степени компенсировать недостатки, связанные с ограниченными возможностями разделения труда внутри стран с небольшой численностью населения. Все малые страны широко используют международные экономические связи. С. Кузнец, исследовавший проблемы экономического роста малых государств, приводит таблицу, характеризующую возрастающую роль внешней торговли по мере убывания численности населения (табл. 3).

Эти данные относятся к 1949 г. О размерах внешней торговли по отношению к валовому национальному продукту по 9 капиталистическим странам в 1957–1959 гг. свидетельствуют следующие данные, % [40: 231]:

США	9	Малые страны Европы:	
Крупные страны Европы:		Нидерланды	95
ФРГ	36	Бельгия	63
Англия	42	Дания	67
Франция	27	Норвегия	86
Италия	28		
В среднем	34	В среднем	78

Связь между численностью населения и ролью внешней торговли

Группы стран	Средняя численность населения	Средний доход на душу населения в долларах	Средний объем внешней торговли на душу населения, в долларах	4 : 3, в процентах
1	2	3	4	5

30 стран с более высоким душевым доходом

Первая пятерка	69,0	653	142	21,8
Вторая пятерка	15,0	399	176	44,1
Третья пятерка	10,5	429	252	58,8
Четвертая пятерка	6,2	360	234	65,0
Пятая пятерка	3,9	579	306	52,9
Шестая пятерка	1,3	447	374	83,6

30 стран с менее высоким душевым доходом

Первая пятерка	214,2	52	19,6	37,7
Вторая пятерка	29,1	100	44,0	43,8
Третья пятерка	16,4	59	27,2	26,1
Четвертая пятерка	5,5	84	56,6	67,4
Пятая пятерка	2,7	68	41,4	67,1
Шестая пятерка	1,2	101	65,0	64,2

Источник: [48: 19–20].

Международное сотрудничество открывает перед малыми государствами широкие возможности для преодоления узости внутреннего рынка, трудностей, связанных с созданием экономических и территориально-экономических комплексов оптимальных размеров, для обмена результатами материальной и духовной деятельности. Экономика Норвегии или Финляндии может развиваться не только под влиянием “столичной” деятельности Осло или Хельсинки, но и ощущать заметное воздействие Лондона, Парижа или Москвы.

Но если учесть, что в определенных исторических условиях, при наличии экономических и политических межгосударственных противоречий, таможенных барьеров и т.п. международное сотрудничество наталкивается на очень серьезные, порой непреодолимые препятствия, то есть основание полагать, что относительно более высокая численность населения все же несет в себе определенные экономические преимущества.

Можно привести еще и другие соображения в пользу более высокой численности населения. Так, при большем населении меньше величина “общих издержек” на одного жителя. Современное государство имеет многочисленные расходы, отнюдь не пропорциональные общей численности населения. Велика эта численность или мала, всегда имеется одно центральное правительство, один дипломатический аппарат, целый ряд учреждений всегда существует в единственном числе, непропорциональны численности населения расходы на вооруженные силы и т.д.³

С. Кузнец высказал гипотезу, согласно которой одним из преимуществ большего по численности населения является большее абсолютное число особо одаренных людей, гениев (если предположить, что вероятность появления одного гения, скажем, на 10 млн человек постоянна), роль которых в развитии человеческого общества всегда велика, а сейчас особенно возрастает в связи с тем местом, которое занимает наука в современном производстве. Эта гипотеза страдает, пожалуй, некоторой переоценкой влияния отдельной личности на научно-технический прогресс, но нет никакой возможности проверить ее статистически. Некоторые имеющиеся данные, казалось бы, опровергают эту гипотезу. Вот, например, как изменяется число Нобелевских премий в расчете на 1 млн жителей соответствующих стран (премии, присужденные за 1901–1960 гг.; страны, расположенные в порядке убывания численности населения в 1960 г) [37: 1112]:

США	0,42	Бельгия	0,59
ГДР	}1,06	Швеция	0,71
ФРГ		Австрия	1,14
Англия	0,96	Швейцария	2,50
Франция	0,71	Дания	2,02
Нидерланды	0,90	Норвегия	1,14

“Плотность” Нобелевских лауреатов явно возрастает по мере перехода от больших стран к малым, однако делать из этого какие-либо далеко идущие выводы было бы слишком неосторожным. Большое число Нобелевских премий в малых европейских странах может объясняться историческими, экономическими и культурными особенностями этих стран, которые могли свести на нет действие фактора, предположенного Кузнецом, даже если бы этот фактор и существовал в действительности.

³ Более подробное изучение этого вопроса относится к анализу влияния демографических процессов на потребление, чем в данной статье мы не занимаемся.

Такое положение распространяется и на другие моменты, которые приходится рассматривать, изучая влияние численности населения на эффективность производства. В целом это влияние пока изучено слабо. Существующая в настоящее время статистика мало чем может помочь в этом изучении; экономисты и демографы, касающиеся этого вопроса, оперируют случайными, разрозненными данными и приходят зачастую к противоречивым выводам. Во время международной конференции, посвященной экономическим последствиям “размеров наций” (Лиссабон, 1957 г.), выступавшие с докладами американские экономисты отмечали наличие положительного эффекта масштаба в экономике США, в то время как многие представители небольших европейских стран пытались показать, что малые масштабы экономики этих стран не являются помехой для их развития.

Проблема влияния численности населения на эффективность производства, видимо, ждет еще своих исследователей. К статистическому ее изучению по сути не приступали. Но в теоретическом плане она давно уже занимает внимание экономистов, что нашло отражение в постановке вопроса об оптимальной численности населения⁴.

Действительно, если с самого начала исходить из того, что с точки зрения эффективности производства численность населения не является абсолютно безразличным фактором, то, воздав должное положительному экономическому эффекту высокой численности населения, следует задаться вопросом: а не возникает ли наряду с положительным и отрицательный эффект? Каково в конечном счете соотношение плюсов и минусов?

Большие масштабы производства требуют преодоления и нежелательных последствий. Одно из них – нарастающая с увеличением масштабов сложность управления огромным экономическим механизмом, взаимоувязывания работы отдельных его частей, получения информации и ее переработки и т.п. Отсюда вытекает увеличение и удорожание управленческого аппарата на всех уровнях, непропорциональное увеличению масштаба производства, и в конечном счете возможное снижение производительности труда. Поскольку идеальная координация усилий всех подразделений народнохозяйственного комплекса вообще невозможна, при больших масштабах производства нарастают параллелизм, например, научных исследований и связанные с ним дополнительные издержки и т.п. Даже и отмеченные выше преиму-

⁴ Согласно Л. Бюке [36: 25], понятие оптимума населения было впервые сформулировано английским экономистом Эдвином Кеннаном в 1988 г. [38]. Термин “оптимум населения” впервые встречается у К. Викселля [62: 383–391].

щества высокой степени территориальной концентрации производства и населения могут сосуществовать с нежелательными последствиями. В литературе достаточно часто отмечаются отрицательные стороны сверхбольших городов, затрагивающие в числе прочих и экономическую область.

Понятие “оптимальной численности населения” автоматически вытекает из гипотезы, согласно которой производительность труда рассматривается как величина, при прочих равных условиях зависящая от масштабов производства. Эти масштабы при сделанных выше оговорках характеризуются величиной L – численностью работников, а в конечном счете общей численностью населения P , так что

$$q = q(P). \quad (19)$$

По предположению ряда авторов, функция имеет вид кривой на рис. 2. Имеется в виду, что по мере увеличения масштаба производства до определенного момента преобладает положительный эффект и производительность труда растет, а затем нарастание отрицательных явлений приводит к тому, что и суммарный эффект становится отрицательным, так что рост производительности сменяется ее падением. На кривой изменения производительности имеется, следовательно, точка, в которой производительность максимальна. Абсцисса этой точки есть численность населения, при которой достигается максимальный эффект. Эта численность населения (конечно, в рамках очень узкой рассматриваемой здесь задачи) по их мнению является оптимальной.

К понятию “оптимальной численности населения” можно прийти, отталкиваясь и от других исходных условий. Выше, говоря о неизменности экономических условий, мы полагали неизменной вооруженность труда, но тем самым признавали меняющимся общий объем используемых экономических ресурсов, которыми и был “вооружен” труд. Теперь поступим наоборот. Предположим фиксированным общий объем экономических ресурсов, например территорию страны, ее естественные богатства, ее основные фонды и т.п. Тогда, естественно, с изменением численности населения будет изменяться и величина ресурсов, приходящихся на одного жителя и на одного работника. Уровень техники, конечно, предполагается здесь постоянным.

Понятно, что если начать с очень маленькой численности населения, то многие имеющиеся ресурсы просто не смогут быть использованы: не будут осваиваться необжитые районы, разрабатываться месторождения полезных ископаемых и т.п. По мере перехода к более многочисленному населению возможности использования наличных ресурсов будут возрастать, в связи с чем

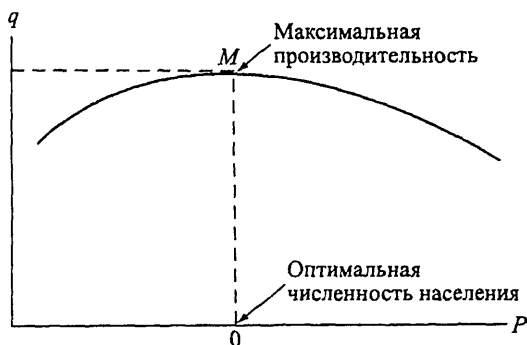

Рис. 2. Зависимость производительности труда от численности населения

возможен и рост производительности труда. Однако рост численности населения при неизменном объеме ресурсов и неизменной технике не может не привести к тому, что, после того как полное использование всех ресурсов будет достигнуто, объем ресурсов в расчете на одного работника, его ресурсооруженность начнут уменьшаться, немедленно вызывая снижение производительности труда в расчете на одного занятого или, при прочих равных условиях, на душу населения (причем производительность труда в расчете на единицу рабочего времени при этом не обязательно должна измениться).

Земля, например, может возделываться, если на каждого работника приходится в среднем 15, 20 и 25 га, но при одинаковых плодородии, уровне техники и величине трудовых затрат производительность труда одного работника будет изменяться в зависимости от величины эксплуатируемого им земельного участка. Если участок слишком велик, он не сможет затратить на каждый гектар столько труда, сколько необходимо для получения максимально возможного урожая; если участок слишком мал, окажется в избытке труд. Всегда можно указать такой размер земельного участка, который при данных затратах труда даст наибольший урожай; отступление же от этого размера в ту или иную сторону приведет к снижению производительности труда. Это рассуждение справедливо и в отношении других видов ресурсов.

Еще раз напоминаем: мы рассматриваем сейчас не реальное развитие, а “мысленный эксперимент”. Имеется несколько совершенно одинаковых по размерам, запасам и другим характеристикам территорий, на которых живут различные по численности населения. В реальной жизни количественной ограниченности экономических ресурсов всегда противостоит (в известных пределах, конечно) увеличение интенсивности их использования,

технический прогресс и другие процессы, от которых на данном этапе анализа мы абстрагируемся, но которые мы рассмотрим в дальнейшем, исследуя более соответствующую действительности динамическую модель.

Итак, речь здесь идет о том, что производительность труда является функцией обеспеченности трудом единицы производственных ресурсов:

$$q = \varphi\left(\frac{G}{L}\right), \quad (20)$$

где G – все производственные ресурсы. Так как их общий объем принимается неизменным и так как неизменно соотношение $L : P$, то в конечном счете

$$q = \varphi(P). \quad (21)$$

Общий характер зависимости $q = \varphi(P)$ предполагается таким же, как и $q = f(P)$ (см. рис. 2), хотя возрастание и убывание функции $\varphi(P)$ происходит по другой причине – из-за изменения соотношения между ресурсами и живым трудом.

Рассмотрение вопроса о соотношении численности населения и объема производственных ресурсов не будет продолжено в рамках статического анализа. Само его возникновение здесь было уже отступлением от условий, сформулированных в начале этого раздела. Но это отступление необходимо, чтобы подчеркнуть, что два указанных подхода являются различными и что каждый из них допускает независимую постановку вопроса об оптимуме, что важно, потому что традиционным является смешение этих двух вопросов.

Так, в одном из первых определений оптимума населения, принадлежащем Кнуту Викселлю, говорится: “Действуют две совершенно противоположные тенденции. С одной стороны, производительность труда уменьшается, когда люди повсеместно располагают лишь самой малой частью земли или естественных ресурсов; с другой стороны, для того чтобы подчинить себе силы природы, объединение человеческих сил, разделение труда, сотрудничество, организация промышленности всегда важны и в определенных условиях их значение весьма велико. Как раз в той точке, в которой эти тенденции уравниваются, и находится действительный оптимум населения” [62: 387–388. Цит. по: 36: 38].

В этом определении положительные факторы связываются с большей численностью населения, отрицательные – с его обеспеченностью ресурсами, как будто бы одно противоречит другому. В действительности, как мы видели, можно предположить как отрицательные, так и положительные последствия и изменений

численности, и изменений обеспеченности ресурсами: в каждом случае будет свой оптимум.

Возвращаясь к вопросу о влиянии численности населения на производственную функцию, как он был поставлен в начале этого раздела, можно сформулировать результаты рассмотрения этого вопроса следующим образом. Имеются определенные основания полагать, что численность населения влияет на производительность труда, а также предположить функциональную зависимость (19). Это значит, что на участке возрастания функции $q(P)$ (см. рис. 2) с переходом от меньшей численности населения к большей выпуск увеличивается в большей степени, чем численность населения (положительный эффект масштаба). Вполне может оказаться, что, даже если теоретическое представление о существовании участка убывания функции $q(P)$ верно, в реальной действительности ни в одной экономически развитой стране не достигнута столь высокая численность населения, не говоря уже о том, что в действительности никогда не осуществляются принятые абстракции; так что практически приходится иметь дело только с положительными последствиями большой численности населения. Но теоретически на участке убывания $q(P)$, если он есть, при переходе от меньшей численности населения к большей выпуск должен увеличиваться в меньшей степени, чем численность населения (отрицательный эффект масштаба). С учетом сказанного выражение (18) приобретает вид

$$Q = q(P)P \int_0^{\omega} C(x)\xi(x)s(x)dx. \quad (22)$$

Структура населения и производственная функция

Когда мы рассматривали выше, как влияют на производственную функцию различия в численности населения, его структура, естественно, предполагалась неизменной. Можно, однако, предположить меняющуюся структуру, и тогда мы немедленно столкнемся с тем, что структурные различия также влияют на общее число работников и на производительность их труда. Этому влиянию долгое время не придавалось должного значения, оно незаслуженно недооценивалось, не замечалось на фоне очевидного воздействия различий в численности населения, которым обычно придается очень большое значение. Как отмечает Альфред Сови, “по общему правилу, общественное мнение луч-

ше осознает фактор численности, чем фактор возрастной структуры, и вследствие этого поддерживает более мальтузианские взгляды сильнее, чем следовало бы” [59: 99]. Это замечание справедливо не только в отношении возрастной структуры, но и в отношении других видов демографических структур – половой, брачной, семейной.

Чтобы наблюдать влияние структурного фактора в чистом виде, предположим, что имеется несколько населений, одинаковых по численности, но имеющих различные структуры (экономические условия, как и прежде, предполагаются одинаковыми). Не касаясь пока возможных причин различий в структуре населения, а принимая их как нечто данное, мы рассмотрим влияние этих различий на производственную функцию, оказываемое через различия в экономической активности, в уровне мобильности и в производительности труда.

Структура населения и его экономическая активность

Степень участия населения в производстве – уровень его экономической активности – является важной характеристикой, влияющей на развитие народного хозяйства страны или ее отдельных районов. Экономическая активность населения зависит от множества экономических, социальных, культурных и других факторов, среди которых не последнее место принадлежит и факторам демографическим. Хотя полностью выделить влияние демографических факторов на экономическую активность, отделив его от всех прочих влияний, невозможно, многие связи между демографическими характеристиками и степенью участия населения в производстве прослеживаются довольно четко и их изучение может оказаться полезным для анализа и прогноза показателей народнохозяйственного развития.

Прежде всего, экономическая активность населения связана с его *возрастно-половой структурой*. Каждой возрастно-половой группе присущи свои коэффициенты экономической активности, и существуют определенные закономерности изменений этих коэффициентов при переходе от одних возрастно-половых групп к другим. Это, конечно, не означает, что существуют какие-то “естественные” нормы экономической активности, в различных исторических и социально-экономических условиях активность одних и тех же возрастно-половых групп может быть совершенно различной. Вот, например, коэффициенты производственной активности женщин – городских жительниц – в возрасте 20–24 года

в различных странах в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия [42: 595, 597]:

Япония	– 66,1
США	– 48,3
Индия	} – 25,0
Индонезия	
Иран	} – 9,7
Сирия	
Турция	

Существенные различия в производственной активности могут наблюдаться даже в пределах одной и той же страны, как это видно, в частности, из приводимых ниже данных по республикам Советского Союза (табл. 4).

Таким образом, уровень экономической активности определяется не принадлежностью к той или иной возрастно-половой группе, а какими-то другими факторами. Возрастно-половые характеристики объясняют лишь различия в активности отдельных групп одного и того же населения.

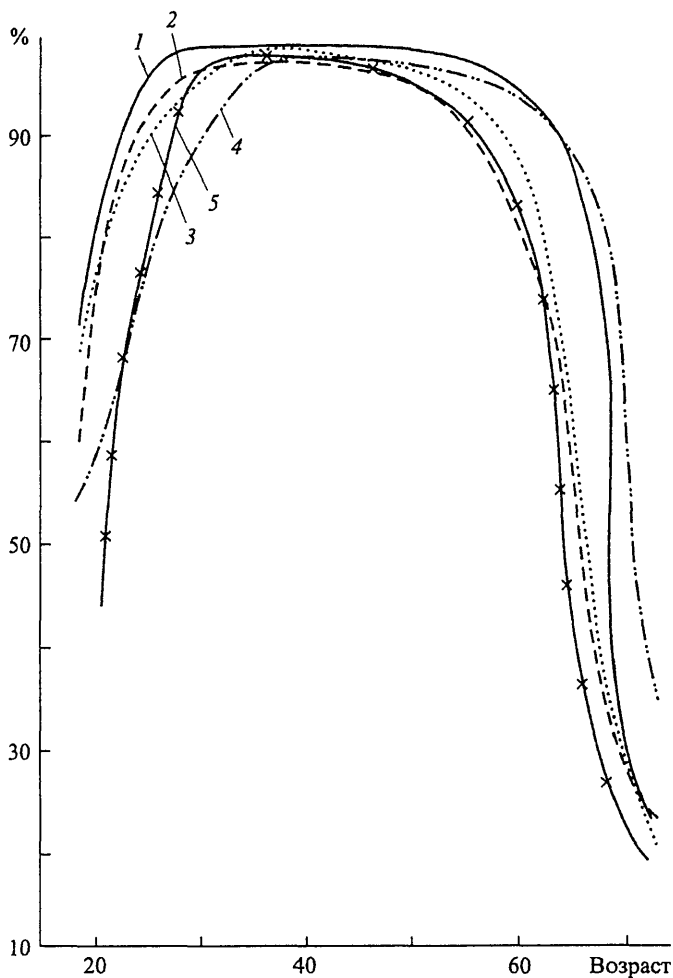
Действительно, рассматривая участие в производстве населения какой-нибудь страны, мы прежде всего обнаруживаем,

Таблица 4

Повозрастные коэффициенты производственной активности женщин в республиках СССР в 1959 г.

Республика	Возрастные группы					
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–54 года	55–59 лет	60–64 года
РСФСР	76,6	73,0	66,2	52,3	25,8	70,2
Украинская ССР	76,1	72,1	66,6	54,2	31,7	69,9
Белорусская ССР	80,5	76,0	76,6	69,9	57,9	77,1
Узбекская ССР	73,5	68,5	58,7	41,6	26,0	66,0
Казахская ССР	62,8	57,5	48,2	32,8	20,0	55,1
Грузинская ССР	59,2	62,8	64,3	57,3	49,7	61,2
Азербайджанская ССР	63,7	62,6	62,8	52,8	39,8	62,3
Литовская ССР	72,1	67,5	66,4	59,4	46,3	67,9
Молдавская ССР	86,6	81,3	77,9	70,8	60,7	81,6
Латвийская ССР	73,4	70,9	69,9	62,9	44,9	70,4
Киргизская ССР	71,1	69,8	59,9	43,8	29,4	66,0
Таджикская ССР	72,8	68,1	60,0	42,6	26,8	66,4
Армянская ССР	62,3	59,2	56,8	42,8	29,1	58,7
Туркменская ССР	64,7	63,3	59,1	44,8	27,6	61,3
Эстонская ССР	73,2	70,8	72,8	68,9	50,7	71,8

Источники: [13а: 60, 252; 13б: 30, 124; 13с: 20, 82; 13д: 22; 13е: 27, 117; 13ф: 20, 90; 13г: 22, 90; 13и: 24, 112; 13ж: 17, 67; 13к: 19, 69; 13л: 20, 82; 13м: 20, 80; 13н: 17, 66; 13о: 22, 84; 13п: 19, 70].

Условные обозначения:

1 —————	Англия, 1964 г.	4 — · — · — · —	США, 1964 г.
2 - - - - -	Франция, 1962 г.	5 — × — × — × —	Италия, 1964 г.
3 ·······	ФРГ, 1964 г.		

Рис. 3. Возрастные изменения производственной активности мужчин
 Источник: [34: 64-65]

существенные различия в производственной активности мужчин и женщин. Коэффициент производственной активности женщин обычно намного ниже, чем у мужчин. Даже в СССР, где он относительно высок, занятость женщин в возрасте 20-54 лет в 1969 г. была на 25% ниже, чем мужчин [13: 49, 105, 119, 121].

И у мужчин, и у женщин производственная активность изменяется с возрастом. У мужчин эти изменения носят плавный характер, коэффициент производственной активности достигает максимума после 20 лет, довольно долго держится на почти неизменном уровне, а затем, по достижении пенсионного возраста, быстро падает (рис. 3).

У женщин такая плавность изменений коэффициента активности достигается далеко не всегда. В развитых капиталистических странах, например, кривая изменений этого коэффициента сейчас имеет обычно два максимума, разделенные впадиной, которая приходится приблизительно на интервал 30–40 лет. После падения производственной активности в этом возрасте происходит ее постепенное восстановление, причем второй максимум нередко оказывается даже выше первого (рис. 4).

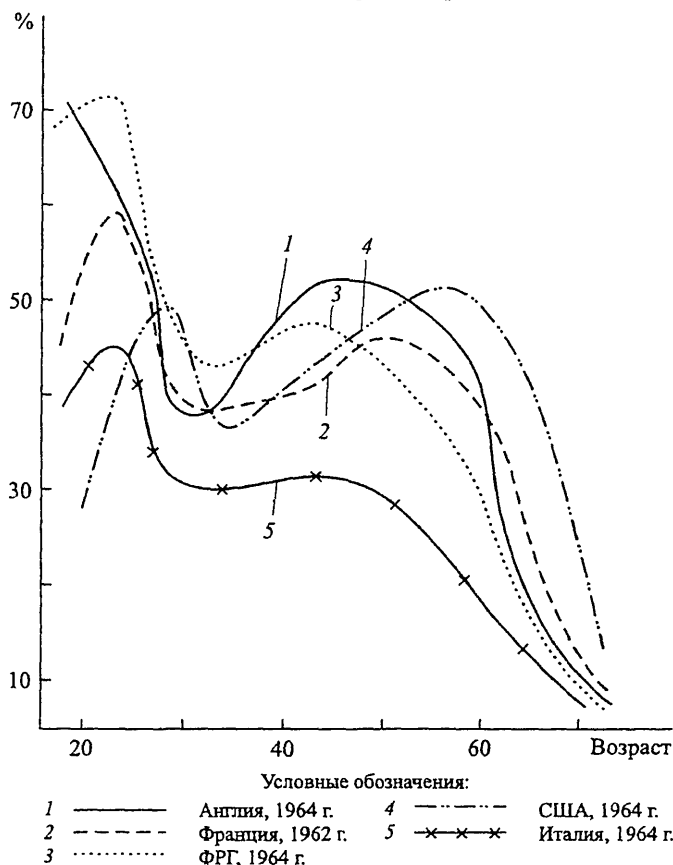

Рис. 4. Возрастные изменения производственной активности женщин в некоторых странах

Источник: [34: 64–65]

В Советском Союзе, по данным переписи населения 1959 г., ситуация была несколько иной (табл. 4).

Как следует из приведенных данных, падение производственной активности женщин с последующим ее подъемом в старших возрастах в едва заметной степени наблюдалось только в трех республиках: Эстонии, Белоруссии и Азербайджане. В остальных же республиках (за исключением Грузии) производственная активность женщин постепенно убывала с возрастом.

Правда, и в капиталистических странах второй подъем производственной активности женщин – явление относительно новое, обнаружившееся, в основном, после второй мировой войны, хотя в некоторых из них, например, в Японии, оно наблюдается уже давно (рис. 5).

То обстоятельство, что связь между уровнем производственной активности мужчин и женщин и их возрастом четко прослеживается, позволяет рассматривать коэффициенты активности как функцию возраста $\xi(x)$ (функция экономической активности, или занятости).

Поведение функции занятости определяется целым рядом физиологических, исторических, социально-экономических факторов; в частности, оно очень тесно связано с такими демографическими характеристиками, как матримониальное состояние и уровень рождаемости.

Влияние *матримониального состояния* на функцию занятости наиболее наглядно проявляется, конечно, у женщин. Пребывание в браке сочетается, как правило, с более низким уровнем экономической активности. Если брак по той или иной причине прерывается, этот уровень существенно повышается, однако наиболее высок он у тех женщин, которые никогда не состояли в браке (см. рис. 6). Сравнение графиков на рис. 4 и 6 показывает, что именно изменения в производственной активности замужних женщин в наибольшей степени влияют на поведение функции занятости всех женщин.

Матримониальное состояние мужчин влияет на функцию их занятости в меньшей степени, но все же и оно не является безразличным обстоятельством. На рис. 7 нанесены соответствующие данные для мужчин США, из которых видно, что занятость женатых мужчин существенно отличается от занятости мужчин, не состоящих в браке, причем, в противоположность тому, что наблюдалось у женщин, пребывание в браке является здесь фактором, повышающим, а не снижающим производственную активность.

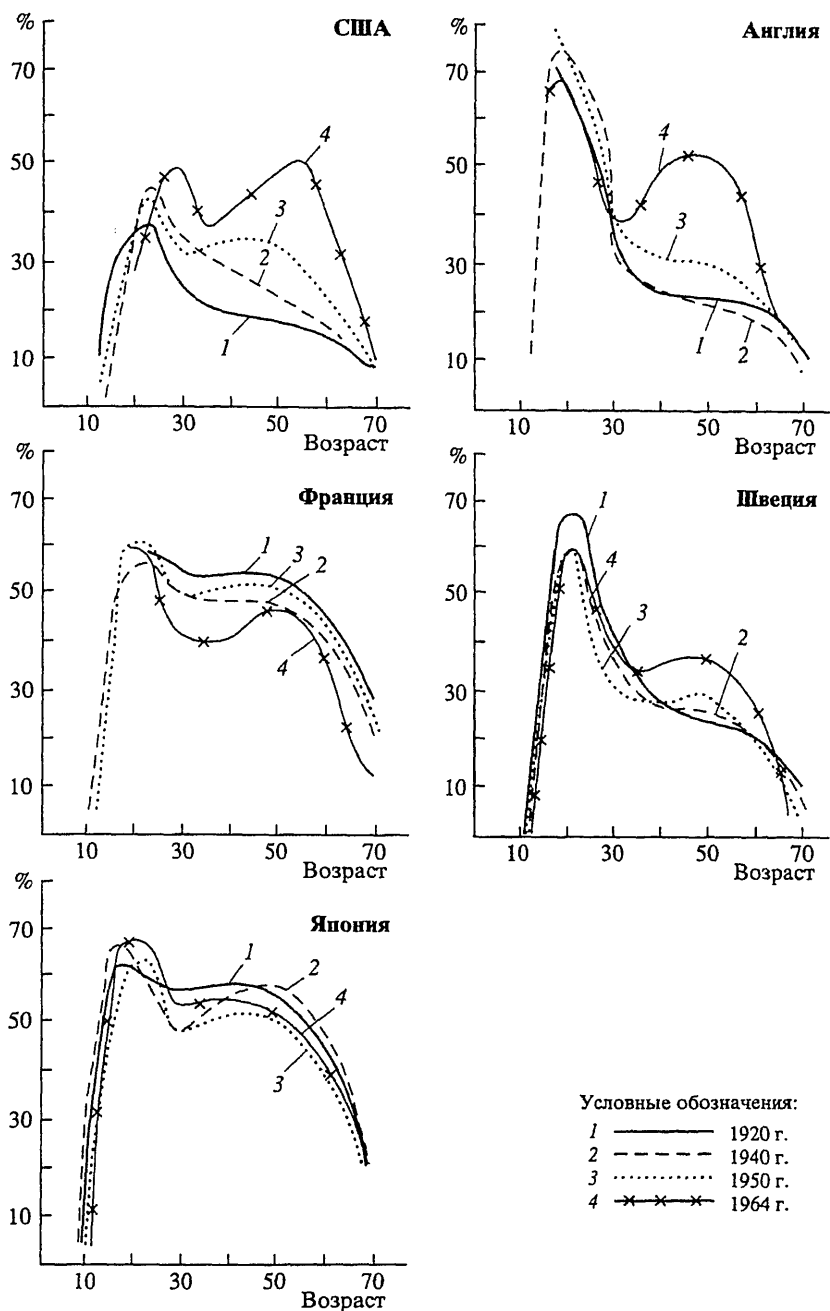

Рис. 5. Изменения возрастных коэффициентов производственной активности женщин в некоторых странах

Источник: [34: 65, 39: 64-68]

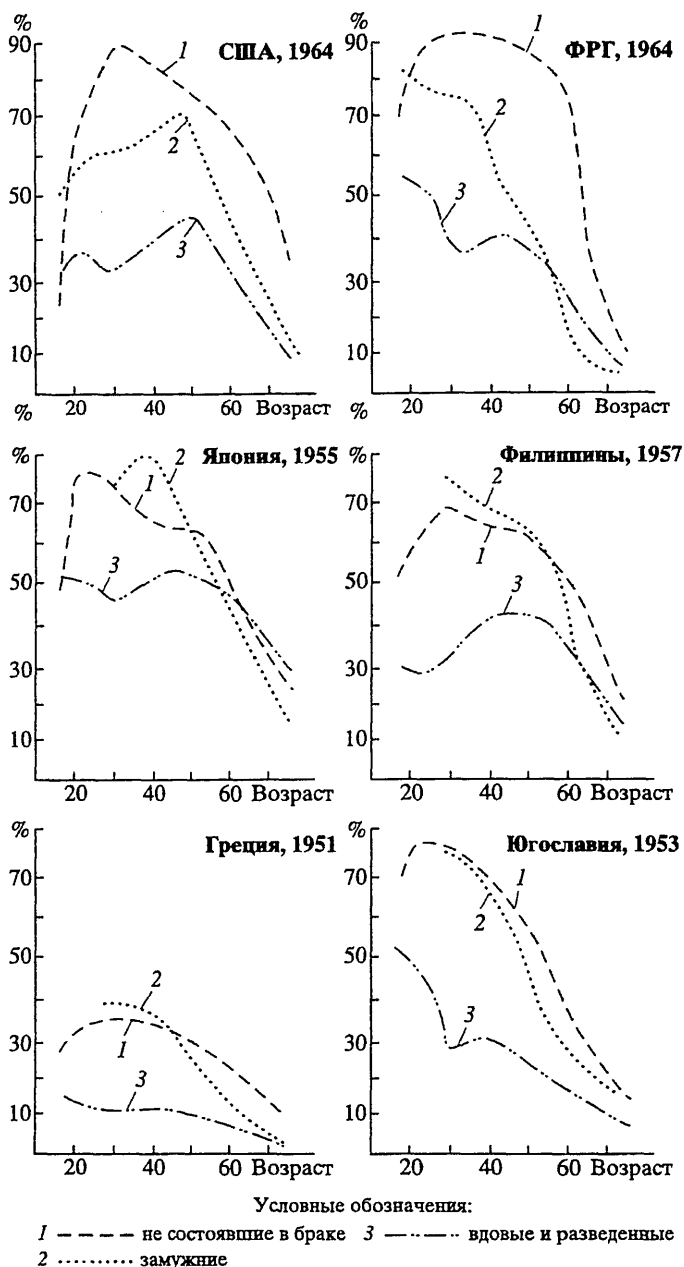

Рис. 6. Зависимость занятости женщин от матримониального состояния
 Источник: [34: 68–69, 39: 54–56]

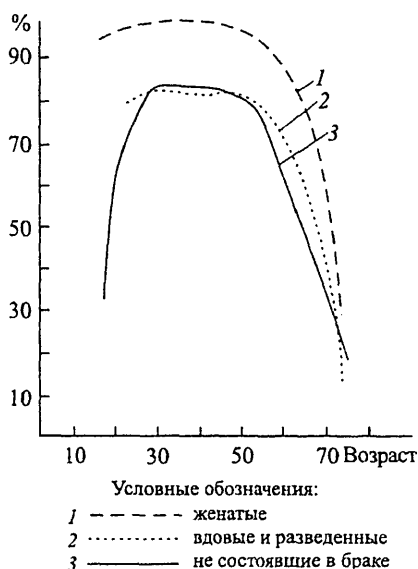

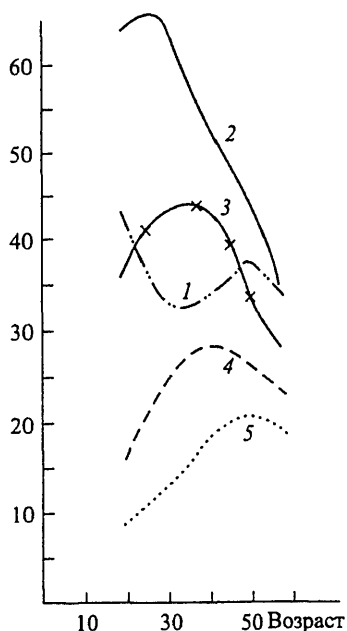
Рис. 7. Зависимость занятости мужчин США от матримониального состояния, 1964 г.

Источники: [34: 68–69, 39: 66]

Второй важный демографический показатель, влияющий на поведение функции занятости — в первую очередь, женщин — число детей, приходящихся на одну женщину. Этот показатель отражает одновременно уровни таких важнейших демографических процессов, как рождаемость и смертность в ранних возрастах. Вполне естественно ожидать, что производственная активность женщин находится в обратной связи с числом детей и в прямой связи с их возрастом. В качестве иллюстрации этого положения приведем данные, относящиеся к США (см. рис. 8) и Франции (см. рис. 9). На первом из этих графиков хорошо видно влияние на функцию занятости возраста детей, на втором — их количества. В обоих случаях очевидно чрезвычайно большое влияние, которое оказывает на производственную активность замужних женщин сам факт наличия или отсутствия детей.

С учетом всего сказанного занятость можно рассматривать не только как функцию возраста, но и как функцию ряда других демографических переменных (матримониального состояния, числа детей и т. п.):

$$\xi(x) = \xi(x, \Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n). \quad (23)$$

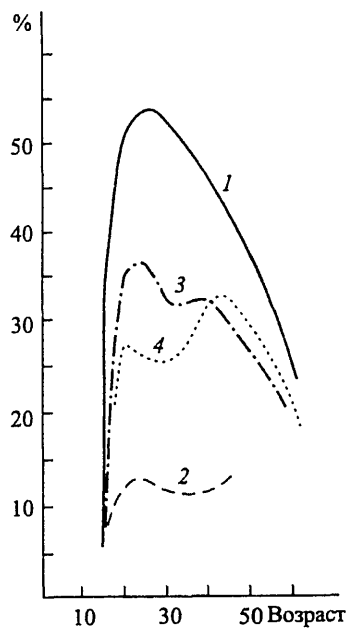

Условные обозначения:

- 1 — не состоявшие в браке
- 2 — не имевшие детей
- 3 — имевшие одного ребенка
- 4 — имевшие двух детей
- 5 — имевшие трех и более детей

Рис. 8. Зависимость занятости замужних женщин США от числа и возраста детей, 1950 г.

Источник: [60: 16]

Условные обозначения:

- 1 — никогда не имевшие детей
- 2 — имевшие детей до 5 лет
- 3 — имевшие детей 5 лет и старше
- 4 — когда-либо бывшие замужем

Рис. 9. Зависимость занятости замужних женщин Франции от числа детей, 1962 г.

Источник: [34: 68–69, 39: 70]

Тогда общее число занятых в возрасте x будет:

$$L(x) = PC(x) \xi(x, \Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n). \quad (24)$$

Структура населения и его мобильность

Рассмотренная выше экономическая активность населения является одним из проявлений более широкого класса явлений, объединяемых в понятие “мобильность населения”. Мобильность населения — это его способность и готовность изменять свое экономическое или социальное положение, уровень образования или профессию, место работы или место жительства и т.п. Но если важность высокой степени экономической активности населения широко осознана, то в отношении многих других видов

мобильности часто приходится сталкиваться с явной недооценкой, доходящей иногда до крайне негативной позиции, например в отношении текучести кадров, в которой видят только отрицательные стороны.

Между тем высокая мобильность населения является положительным результатом длительного исторического развития, прогрессивным последствием развития капитализма ("капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в сколько-нибудь широких размерах" [20: 600]).

Народное хозяйство всегда предъявляет определенные требования к мобильности населения. Жизнедеятельность развитой экономической системы не может осуществляться без постоянных процессов изменения, обновления и роста, которые, в свою очередь, невозможны без определенного, достаточно высокого уровня мобильности, без непрерывного перетока рабочей силы из одних точек системы в другие. Если мобильность падает ниже потребного уровня, процессы непрерывного совершенствования экономической структуры, ее приспособления к новым условиям затрудняются, а значит, замедляется рост общественной производительности труда.

Даже если оставаться только в рамках статического анализа, рассматривать только один воспроизводственный цикл и предполагать полное отсутствие каких-либо технических или организационных нововведений, нельзя не видеть необходимость постоянного возникновения вакантных рабочих мест:

- часть работников, достигнув предельного возраста, выходит из состава рабочей силы;
- часть работников умирает в трудоспособном возрасте;
- общее число рабочих мест увеличивается в связи с необходимостью обеспечить работой добавочную по сравнению с прошлым циклом численность работников.

Уже только эти три пункта требуют определенного числа перемещений среди действующей рабочей силы, причем перемещений не только с одного места работы на другое, но и географических (так как часть новых рабочих мест создается путем строительства новых предприятий, в том числе и в новых районах). Если учесть, что речь идет не о колесиках и винтиках какого-то механизма, а о человеческом обществе, о перемещениях людей, то становится ясно, что коэффициент полезного действия таких перемещений не может быть равен 100%, что часть работников, занявших вакантные места, не

удержится на них, часть переехавших в новые районы вернется назад; необходимое вначале число перемещений, возможно даже небольшое, повлечет за собой их многократное умножение, потому что каждый перешедший на новое место освобождает свое, которое тоже должно быть занято, и т.п. Все эти перемещения необходимы с точки зрения общественного производства, и, если уровень мобильности трудоспособного населения недостаточен для того, чтобы их обеспечить, производство терпит ущерб.

С другой стороны, аналогичный ущерб может возникнуть, если мобильность населения выше, чем требуется. Невозможность реализовать свою потенциальную мобильность порождает у человека чувство неудовлетворенности, отсутствия перспективы, ослабляет его стимулы к работе и в конечном счете отрицательно сказывается на эффективности его труда.

Уровень мобильности, как потенциальной, так и реальной, определяется в первую очередь социально-экономическими факторами. Однако при прочих равных условиях: в рамках одной и той же социально-экономической системы, при одинаковом уровне развития производительных сил и т.п. – весьма существенными становятся факторы второго порядка, среди которых не последнее место занимает и демографическая структура населения.

Совершенно очевидна зависимость мобильности населения в любых ее проявлениях от *возраста*. В этом можно убедиться, рассматривая, например, географическую мобильность (миграции населения). На рис. 10 показана зависимость относительной интенсивности миграции⁵ (h) от возраста в трех странах – Польше, США и Японии. Хотя экономическими социальными условиями этих стран существенно различаются, в начертании всех трех кривых имеется очень много общего: интенсивность миграции достигает максимума между 15 и 25 годами, а затем быстро идет на спад.

⁵ Этот показатель, характеризующий отношение повозрастного коэффициента интенсивности миграции $k(x)$ к общему коэффициенту k , а также отношение удельного веса данной возрастной группы среди мигрантов $\gamma(x)$ к удельному весу этой же группы среди всего населения (Γ : $h(x) = \frac{k(x)}{k} = \frac{\gamma(x)}{\Gamma}$), позволяет элиминировать влияние общей интенсивности миграции, что обеспечивает сопоставимость данных в интересующем нас разрезе. Подробнее о показателе относительной интенсивности миграции см.: [7: 65–73].

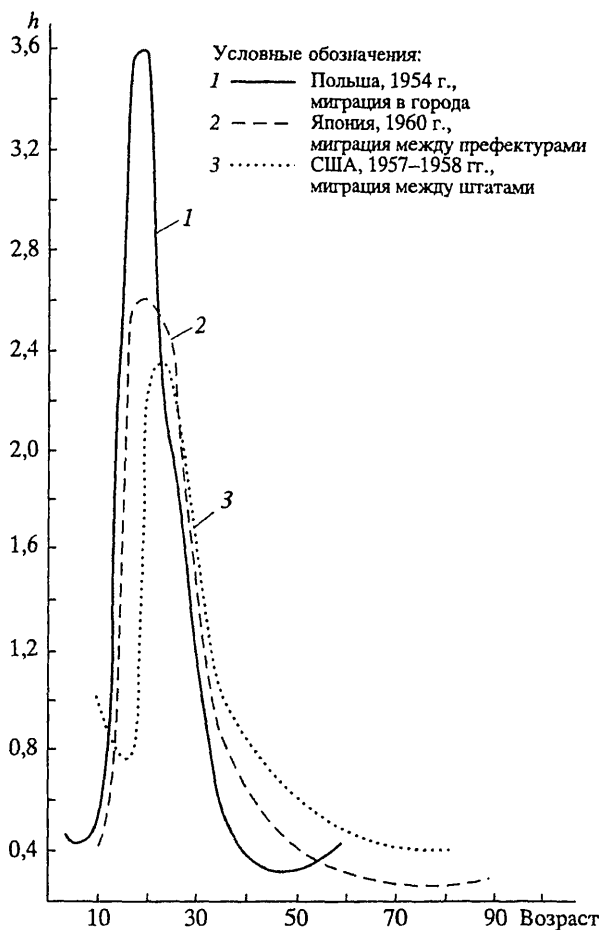

Рис. 10. Повозрастные показатели относительной интенсивности миграции, $h(x)$
 Источники: [28: 560; 35: 378-380; 47: 11; 53: 156-157]

Не менее явственно прослеживается зависимость от возраста и такой формы мобильности населения, как текучесть кадров. На рис. 11 нанесены кривые изменений относительных коэффициентов выбытия z (показатель, аналогичный относительной интенсивности миграции) в зависимости от возраста по данным, относящимся к СССР, США, Швеции и Японии. Нетрудно заметить, что во всех четырех случаях наблюдаются одни и те же закономерности: интенсивность текучести достигает максимума в младших трудоспособных возрастах, а затем быстро уменьшается.

Всем известна тесная связь с возрастом таких форм мобильности, как повышение уровня образования, смена профессии или

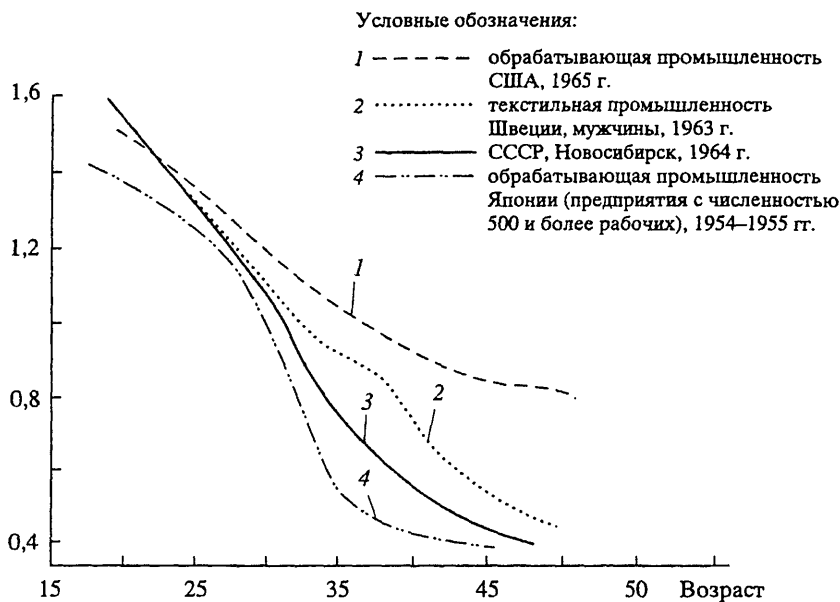

Рис. 11. Текучесть кадров. Повозрастные показатели относительной интенсивности выбытия

Источник: [32: 115; 46]

специальности (учатся и переучиваются в основном в молодости), а также и таких, имеющих меньшее экономическое значение, как матримониальная мобильность.

Влияние пола на мобильность менее однозначно. Один из ранних исследователей миграции, английский статистик прошлого века Рейвенстайн установил “законы” миграции, один из которых даже гласил: “Женщины более склонны к миграциям, чем мужчины” (цит. по [12: 61]). Реальная статистика скорее опровергает, чем подтверждает этот “закон”. Вот, например, данные об интенсивности чистой миграции между штатами США за длительный период (табл. 5).

Как видим, в данном случае интенсивность миграции мужчин оказывается все же большей, чем женщин, хотя со временем наблюдается существенное сближение показателей. Исследователи мобильности населения США установили, что миграционная подвижность женщин в целом уступает подвижности мужчин, хотя в некоторых возрастах (примерно с 18 до 22–24 лет) женщины более мобильны [55: 22]. Более высокая интенсивность миграции мужчин подтверждается и многими другими данными, в частности, относящимися и к нашей стране.

Таблица 5

**Интенсивность чистой миграции между штатами США
на 1000 населения, среднего за десятилетие
(белое коренное население в возрасте 10 лет и старше)**

Десятилетия	Мужчины	Женщины
1870—1880	50	38
1880—1890	43	35
1890—1900	29	26
1900—1910	44	35
1910—1920	28	26
1920—1930	36	35
1930—1940	24	23
1940—1950	39	38

Источник: [43: 133].

Таблица 6

**Текучесть мужских и женских кадров
в текстильной промышленности Швеции
(повозрастные коэффициенты выбытия в процентах)**

Возрастные группы	1958 г.		1963 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
19 лет	53,9	47,0	53,5	46,5
20—24	43,6	44,2	50,8	42,1
25—29	42,3	35,0	44,1	34,4
30—34	34,0	25,5	36,6	30,5
35—39	26,1	20,9	29,5	23,1
40—44	15,0	14,2	20,7	18,6
45—49	9,0	13,0	17,5	15,5
50—54	11,5	11,2	14,4	12,4
55—59	8,0	9,8	20,9	10,0
60—64	6,3	8,8	8,1	8,0

Источник: [46: 48].

Менее мобильны женщины и когда речь идет о текущести кадров. Вот, например, данные, относящиеся к текстильной промышленности Швеции (табл. 6)

Более низкая мобильность женщин является в значительной степени результатом различий в социальном положении мужчин и женщин, которые в принципе устранимы. Однако эти различия сложились в результате длительного исторического развития, за-

**Повозрастные потенциальные
относительные коэффициенты выбытия
на машиностроительных заводах Новосибирска**

Возраст	Мужчины	Женщины
до 20 лет	1,3	0,5
20–29	1,2	1,2
30–39	0,9	0,7
40–49	0,9	0,9

Источник: [15: 14]

креплены вековыми традициями и поддаются ликвидации с большим трудом и лишь постепенно. В нашей стране экономическая роль женщины выше, чем где бы то ни было, и тем не менее по всем показателям мобильности женщины отстают от мужчин. Они менее интенсивно мигрируют, менее склонны к перемене места работы, к повышению квалификации и т.п.

Например, обследование, проведенное на машиностроительных заводах Новосибирска, показало следующие различия по возрастных потенциальных относительных коэффициентов выбытия (отражающих не реальное выбытие, а желание уйти с предприятия) (табл. 7).

По данным обследования ленинградских машиностроителей, “среди мужчин повышали свою квалификацию в той или иной форме 63,4, среди женщин – всего 38,8%, среди мужчин занимались рационализацией 45,3, среди женщин – 11,8% [2: 52].

Однако возрастно-половые различия в мобильности населения, конечно, не сводимы только к различиям в социальном положении тех или иных возрастно-половых групп, они складываются под влиянием и ряда других факторов. В частности, большое значение имеют и демографические процессы, определяющие цикл семейной жизни человека, мобильность испытывает влияние матримониального состояния, числа детей в семье и других подобных факторов, о которых уже говорилось при рассмотрении вопроса о производственной активности населения. В литературе отмечается, например, что менее мобильны, как правило, большие семьи. Это подтверждается и статистическими данными (табл. 8).

Как видим, миграционная подвижность населения весьма тесно связана с размером семьи. Понижающее влияние большего размера семьи на мобильность населения велико именно в тех возрастах (до 30 лет), в которых мобильность вообще может быть наибольшей, тогда как в старших возрастах оно снижается.

**Показатели интенсивности миграции квалифицированных рабочих США
в зависимости от размера семьи за 1955–1960 гг., в %**

	14–29 лет	30–44 года	45 лет и старше
Всего	77	60	33
в том числе:			
Не имеющие семьи	89	71	39
Имеющие семью			
из 2 человек	88	65	30
из 3 человек	73	57	34
из 4 человек	74	57	32
из 5 человек и более	57	59	37

Источник: [50, 299]

В целом, подводя итоги рассмотрению вопроса о мобильности населения, следует еще раз подчеркнуть, что какими бы условиями ни определялся уровень мобильности, его изменения на протяжении человеческой жизни имеют тенденцию отражать цикл семейной жизни: уход из родительской семьи, приобретение экономической самостоятельности, вступление в брак, рождение детей и т.п. Поэтому общий “ресурс мобильности” населения в целом при прочих равных условиях существенно зависит и от демографических процессов и от вытекающей из них демографической структуры населения. Например, высокая рождаемость при низкой смертности ведет к высокой доле молодых, наиболее мобильных контингентов во всем населении; с другой стороны, высокая рождаемость снижает мобильность многодетных матерей, увеличивает число больших, маломобильных семей и т.п.

Поэтому вполне логично рассматривать общий уровень мобильности M (измеряемый, например, числом перемен состояния в единицу времени) как функцию от некоторых демографических параметров $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n$; выбор их может зависеть от конкретных условий (наличных статистических данных, важности того или иного параметра, рассматриваемой демографической модели и прочих соображений): $M = M(\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n)$.

В свою очередь, как отмечалось выше, определенный уровень мобильности является экономическим требованием; отклонение действительного уровня мобильности от потребного может оказать отрицательное воздействие на эффективность производства, на общественную производительность труда. В этом смысле общественную производительность труда можно считать функцией уровня мобильности $q = q(M)$, а в конечном счете функ-

цией экзогенных демографических переменных $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n$:

$$q = q[M(\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n)]. \quad (25)$$

Учитывая формулу (19), имеем

$$q = q[P, M(\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n)]. \quad (26)$$

Структура населения и производительность труда

Как было показано выше, демографическая структура всего населения накладывает четкий отпечаток на демографическую структуру населения, занятого в производстве; последняя же имеет немалое значение с точки зрения производительности труда среднего работника. Производительность труда представителей различных возрастно-половых групп неодинакова; на всем протяжении своей рабочей жизни человек испытывает влияние самых различных факторов, которые, суммируясь, определяют производственный потенциал каждого отдельного человека, так же как и типичного “среднего” представителя каждой возрастно-половой группы.

Укажем на некоторые основные факторы.

Физиологические факторы. То, что физиологические характеристики людей различных возрастно-половых групп очень важны с точки зрения производительности их труда, совершенно очевидно. Но вопрос этот не изучен в должной степени. Как отмечает западногерманский специалист по физиологии труда Г. Леман, “к сожалению, этой важной проблеме посвящено не много точных исследований, опирающихся на достаточно большой экспериментальный материал, чтобы оценивать полученные результаты как достоверные” [19: 96]. Но определенные общие представления о влиянии возраста и пола на работоспособность и производительность труда, конечно, имеются.

Обратимся к значению половых различий. В какой мере пол является фактором, существенным с точки зрения производительности труда? Можно ли считать, что существуют профессии, специальности или работы, в которых труд женщин, в силу их физиологических особенностей, оказывается менее производительным, чем труд мужчин, и наоборот?

Как утверждает Леман, то обстоятельство, что максимальная производительность труда женщин на 20–25% ниже максимальной производительности труда мужчин, является достоверным фактом, зафиксированным в ходе физиологических исследований. Однако этот вывод не имеет непосредственного значения,

когда речь идет о работах, не требующих максимальных физических усилий, а для современного этапа развития характерны именно такие работы. “Указанное процентное соотношение было бы примерно правильным при оценке различных сельскохозяйственных работ для мужчин и женщин... Однако у женщин, занятых в промышленном производстве, требования к расходу энергии стоят на значительно более низком уровне, чем допускаемый предел” [19: 101]. Снижение доли тяжелого физического труда в современном производстве расширяет сферу эффективной работы женщины наряду с мужчиной в пределах физиологических возможностей ее организма. “Едва ли в настоящее время существуют профессии, которые не выполнялись бы женщинами и где бы женщины себя не оправдали. Это и не удивительно ввиду большой вариабельности физических и психических склонностей, которые у женщин, быть может, сильнее выражены, чем у мужчин” [19: 101]. Больше того, в промышленности получают распространение такие производственные процессы, которые зачастую требуют от работника качеств, присущих скорее женщине, чем мужчине. В литературе отмечается лучшая способность женщин выполнять монотонную работу, требующую напряженного внимания [1: 184] и т.п. Эти качества важны для многих новейших производств (например, радиоэлектроники), которые охотно используют труд женщин.

Конечно, существует целый ряд производств по тем или иным причинам вредных для женщин. Но нас интересует сравнительная производительность труда женщин и мужчин в тех отраслях, где женщины могут работать. По мнению многих специалистов, диапазон профессий и специальностей, в которых женщины могут работать наравне с мужчинами, весьма широк. В тех случаях, когда равенство не достигается, препятствия имеют скорее социальную, нежели физиологическую природу. В частности, нельзя не согласиться с утверждением Лемана, сделанным хотя и физиологом, но имеющим скорее социальный смысл: “Наиболее тяжелую проблему в работе женщины представляет та двойная нагрузка, которую ей приходится нести, с одной стороны, на производстве и, с другой – в семье в виде домашней работы” [19: 101].

М. Гильбер, изучавшая работу женщин в промышленности капиталистических стран, пришла к выводу, что возможности женщин не используются в достаточной степени. “Мы ни в коем случае не утверждали, что при современном состоянии условий труда в промышленности женщины могут или должны получить доступ ко всем занятиям. Мы не считаем, однако, доказанным, что функции, выполняемые женщинами в промышленности в на-

стоящее время, полностью соответствуют, как это часто думают, их способностям. Женщины отстранены от ряда работ, которые они, вероятно, могли бы выполнять, работ более квалифицированных, лучше оплачиваемых и часто менее изнурительных, чем те, которые они выполняют. Мы констатировали, что такое положение дел связано с различными взаимозависимыми аспектами той социальной действительности, к которой относится наше исследование: влиянием традиционных моделей, отношениями, отражающими положение женщины в обществе, элементами зависимого положения женщины, которые находят опору в структуре этого общества" [44: 184].

Рассмотрим далее значение возрастных различий. На протяжении жизни человека в его организме происходят необратимые физиологические изменения, которые, естественно, влияют на работоспособность.

Достигнув максимума в относительно молодом возрасте, физиологические возможности человека, как правило, начинают убывать. Ослабевают сила мышц, теряют остроту зрение и слух, затрудняется образование условных рефлексов, ухудшается память, повышается утомляемость и т.п. Естественно, что все эти изменения не могут быть благоприятными с точки зрения работоспособности. Конечно, не следует думать, что связанные с увеличением возраста физиологические изменения всегда сказываются на способности выполнять ту или иную работу или переносить нагрузки абсолютно однозначно. Леман отмечает, что "только молодые люди до 25 лет и самое большее 30 лет в состоянии кратковременно выполнять быстрые силовые напряжения, в то время как там, где требуется длительная физическая выдержка, старые люди имеют больше шансов выйти победителями в соревновании" [19: 38].

Тем не менее, в целом, не вызывает сомнений, что задолго до достижения предельного трудоспособного возраста физиологические возможности человеческого организма начинают идти на спад, что не может не иметь отрицательных последствий с точки зрения эффективности трудовой деятельности.

Правда, современная биология констатирует бесспорные сдвиги в онтогенезе человека, включающие, с одной стороны, акселерацию развития детей и подростков, а с другой — замедление процессов старения [1: 165]. В связи с этим снижение производительности труда с возрастом несколько замедляется, но оно не может, конечно, приостановиться совсем.

Производственный опыт. Постепенному упадку физиологических функций организма человека до известной степени противостоит накопление с возрастом производственного опыта, вы-

работка трудовых навыков. Э. Россет в своей книге о старении населения приводит ряд высказываний, свидетельствующих о ценных, с точки зрения производства, качествах пожилых работников [28: 330–331]. Леман утверждает, что “хорошее выполнение работы на обычном рабочем месте лицами пожилого возраста объясняется тем, что снижение физиологической силы и производительности возмещается у них опытом и рациональными приемами работы” [19: 100].

Это явление имеет свое физиологическое объяснение. В ходе постоянного выполнения одних и тех же трудовых процессов, вырабатывается система условных рефлексов – рабочий динамический стереотип данного вида труда. В ходе выработки динамического стереотипа “концентрация нервных процессов, дает направленное изменение рабочих действий, а условное подкрепление закрепляет из различных вариантов действий наиболее эффективные и совершенные” [17: 201].

Однако наличие устойчивого динамического стереотипа оказывается мало полезным, когда возникает необходимость изменения вида деятельности. “Часто приходится наблюдать, – пишет Леман, – такую картину, основанную на физиологических и психологических данных, когда рабочий даже в весьма пожилом возрасте удовлетворительно выполняет привычную для него работу, но быстро сдает, как только перед ним ставится новая задача. Физиологически это объясняется снижением способности к приспособлению и тренировке в пожилом возрасте, которое, в конце концов, завершается полным их прекращением. Сюда присоединяется уменьшение подвижности нервных процессов, снижение способности к их перестройке” [19: 100]. Все же, в тех случаях, когда характер выполняемой работы принципиально не изменяется, накопленный опыт, видимо, серьезно противостоит физиологическим процессам старения, длительное время сдерживая снижение эффективности труда. Все сказанное о производственном опыте в равной степени справедливо как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Однако следует иметь в виду, что у женщин процесс накопления опыта часто протекает с перерывами, отражающими цикл семейной жизни. Нарушение непрерывности накопления опыта может способствовать утере приобретенных навыков и в значительной степени обесценивать труд женщин старших возрастов по сравнению с трудом их сверстников-мужчин.

Знания. Знания и опыт не тождественны между собой и не взаимозаменяемы. Эффективность выполнения одного и того же круга производственных обязанностей, безусловно, повышается по мере накопления навыков, что может быть и не связано с при-

обретением новых знаний и вообще с их уровнем. Поэтому накопление опыта может играть положительную роль на протяжении всей трудовой жизни человека.

Иначе обстоит дело со знаниями. Процесс приобретения систематических знаний в течение жизни человека происходит неравномерно. Как правило, он в основном заканчивается к 25–30 годам. В дальнейшем он идет либо менее регулярно, либо совсем прекращается. С другой стороны, знания подвержены моральному износу, они устаревают тем быстрее, чем выше темп научно-технического прогресса. Американские специалисты оценивают срок жизни некоторых специальностей в 10 лет. Знания инженера в течение 10 лет обесцениваются примерно наполовину [11: 164]. Полагают, что средний срок моральной амортизации квалификации составляет 8 лет и продолжает снижаться [4: 17]. Специальные меры по смене специальности или повышению уровня квалификации – этой своеобразной “модернизации” знаний человека – могут ослабить, смягчить процесс морального износа знаний, но едва ли способны приостановить его полностью. К тому же следует учитывать, что с возрастом уменьшается восприимчивость человека к новым знаниям, а устаревшие знания играют роль не просто ненужного багажа, но активной помехи освоению нового.

Отношение к труду также подвержено воздействию факторов демографической структуры. С возрастом постепенно ослабевает дух соревнования, стимулы к повышению зарплаты, продвижению по службе и т.п., которые особенно сильны у молодых людей и способствуют достижению высоких производственных результатов. У многодетных женщин семейные интересы сильно конкурируют с интересом к работе, загрузка домашней работой препятствует росту деловой квалификации и, в конечном счете, может отрицательно сказаться на производительности труда.

Многообразие и слабая изученность факторов, влияющих на производительность труда работников разного пола и возраста, отсутствие удовлетворительных эмпирических данных и сложность их получения делают надежную оценку качества рабочей силы в зависимости от демографических характеристик работника крайне трудной. Поэтому понятна та осторожность, с которой формулируются относящиеся к этому вопросу выводы. Казалось бы, влияние такого простого фактора, как возраст, должно прослеживаться очень легко, но, как пишет Д. Кендрик, “любое догматическое заявление об отношении среднего возраста к производительности в условиях технических усовершенствований, которые постоянно изменяют состав рабочих, было бы рискованным” [16: 97].

Между тем, именно возраст работников является проблемой, приобретающей актуальность в связи с современными тен-

**Удельный вес важнейших результатов,
полученных до достижения 40 и 50 лет, в процентах**

Сфера деятельности	Результаты, полученные до достижения	
	40 лет	50 лет
Химия	63	86
Химия (наиболее выдающиеся достижения)	77	92
Математика	54	74
Физика	56	83
Астрономия	33	70
Изобретения прикладного характера	68	88
Шахматные чемпионаты	76	95
Исследования в области электричества	74	90
Энтомология	48	70
Генетика	54	80
Агрономия	45	69
Психология	58	79
<i>Источник: [51: 242].</i>		

денциями демографического развития. Постарение трудоспособного населения, нарастание доли лиц старших возрастов в составе функционирующей рабочей силы – настораживающий симптом тех изменений, которые вытекают главным образом из снижения рождаемости в экономически развитых странах мира. Иногда полагают, что нарастание доли пожилых тождественно “многократному увеличению опыта и мудрости” [27: 31]. Но XX век – не эпоха Гомера. Знания стареют слишком быстро, чтобы развитие производства, научно-технический прогресс могли ориентироваться на мудрость пожилых людей. Американский исследователь Г. Леман⁶, обработавший биографические данные более чем 3,5 тысячи наиболее выдающихся деятелей науки и некоторых других отраслей человеческой деятельности, показал, что резко преобладающая доля важнейших результатов получена до достижения ими 40, в крайнем случае, 50 лет. Приведем некоторые его данные (табл. 9).

Более того, со временем происходит сдвиг возраста наибольшей продуктивности в сторону снижения (табл. 10).

Иногда предпринимаются попытки дать общую оценку производительности труда представителей различных возрастных

⁶ Гарвей Леман (Harvey C. Lehman). Не смешивать с цитированным выше западногерманским физиологом Гюнтером Леманом (Gunther Lehmann).

Снижение возраста наибольшей творческой продуктивности

Отрасль знаний	Исследователи, родившиеся до:	Возраст наибольшей продуктивности	Исследователи, родившиеся в:	Возраст наибольшей продуктивности
Физика	1785 г.	45–49	1785–1867 г.	30–34
Математика	1748 г.	45–49	1748–1848 г.	33–37
Геология	1800 г.	45–49	1801–1957 г.	35–39
Ботаника	1800 г.	40–44	1800–1854 г.	30–34
Патанатомия	1773 г.	35–39	1773–1871 г.	35–39
Классическое описание болезней	1759 г.	35–39	1760–1850 г.	30–34
Гигиена	1749 г.	40–44	1750–1850 г.	35–39
Изобретения	1750 г.	35–39	1730–1850 г.	30–34
Исследования в области электричества	1845 г.	40–49	1845–1875 г.	30–34
Философия	1763 г.	35–39	1763–1850 г.	30–34
Экономические и политические науки	1790 г.	40–44	1791–1880 г.	30–34

Источник: [51: 289–301].

Таблица 11

Годовой выпуск на одного среднего работника в зависимости от возраста. Венгрия, 1959–1960 гг.

Возрастные группы	Годовое производство на одного работника	
	В тыс. форингов	В долях производства в возрасте 35–39 лет
10–15	12,3	0,41
15–19	19,4	0,64
20–24	25,0	0,82
25–29	28,7	0,95
30–34	30,0	0,99
35–39	30,3	1,00
40–44	30,5	1,01
45–49	29,8	0,98
50–54	29,2	0,96
55–59	28,9	0,95
60–64	24,6	0,81
65–69	23,8	0,78

Источник: [61: 22].

групп. Так, венгерские статистики на основании своих данных исчислили величину годового выпуска на одного среднего работника каждой возрастной группы за 1959–1960 гг. (табл. 11).

В целом, однако, о влиянии возраста на производительность труда известно мало. Между тем, это важный вопрос, заслуживающий гораздо большего внимания со стороны экономистов и демографов, особенно если учесть современные тенденции демографического развития. Научно-техническая революция может поставить общество перед необходимостью принципиально изменить систему обеспечения общественного производства квалифицированными кадрами, выработать стратегию постоянной синхронизации фактической профессионально-квалификационной структуры работников с потребной, которая непрерывно и быстро изменяется. А это невозможно сделать, не зная с достаточной полнотой потенциальных производственных возможностей работников различных возрастов.

Но, конечно, возраст является не единственным демографическим фактором, оказывающим влияние на производительность труда. Соотношения повозрастных производительностей (s) уточняются при учете других демографических переменных; так что и здесь можно записать

$$s(x) = s(x, \Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n) \quad (27)$$

Структура населения и производственная функция в целом

Проведенный выше анализ убеждает в том, что демографическая структура ни в коем случае не является безразличным, с точки зрения производства фактором. Состав населения по полу и возрасту, распределение семей по числу детей, брачная структура и другие структурные демографические характеристики оказывают заметное влияние на экономическую активность, экономическую мобильность и производительность труда населения в целом. Далеко не всегда мы располагаем данными для того, чтобы дать конкретную характеристику этого влияния, в ряде случаев пришлось довольствоваться лишь самыми общими ображениями и весьма абстрактными гипотезами, но все же проведенный анализ дал возможность представить более или менее четкую схему механизма воздействия демографической структуры на производство.

С учетом формул (18), (23), (26) и (27) запишем производственную функцию следующим образом:

$$Q = q[P, M(\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n)] \times \int_0^{\omega} C(x) \xi(x, \Delta_1, \dots, \Delta_n) s(x, \Delta_1, \dots, \Delta_n) dx, \quad (28)$$

Влияние демографической структуры на величину выпуска. Условный расчет

Возрастные группы	$S(x)$	Население А				Население Б				Население В			
		$C(x)$	$\xi(x)$	$L(x)$	$s(x)L(x)$	$C(x)$	$\xi(x)$	$L(x)$	$s(x)L(x)$	$C(x)$	$\xi(x)$	$L(x)$	$s(x)L(x)$
0-15	—	37,8	—	—	—	30,2	—	—	—	23,4	—	—	—
16-19	0,64	6,8	60,8	4,13	2,64	7,4	64,0	4,74	3,03	6,6	67,2	4,44	2,84
20-24	0,82	10,7	77,0	8,24	6,76	9,9	81,0	8,02	6,58	8,2	85,1	6,98	5,72
25-29	0,95	9,5	78,9	7,50	7,12	9,1	83,0	7,55	7,17	8,5	87,2	7,41	7,04
30-34	0,99	9,0	77,9	7,01	6,94	9,0	82,0	7,38	7,31	8,2	86,1	7,06	6,99
35-39	1,00	4,1	77,0	3,16	3,16	5,5	81,0	4,46	4,46	6,3	85,1	5,36	5,36
40-44	1,01	3,2	74,1	2,37	2,39	4,7	78,0	3,67	3,71	5,1	81,9	4,18	4,22
45-49	0,98	4,0	70,3	2,81	2,75	4,9	74,0	3,63	3,56	6,6	77,7	5,13	5,03
50-54	0,96	3,7	62,7	2,32	2,23	4,2	66,0	2,77	2,66	6,5	69,3	4,50	4,32
55-59	0,95	3,2	44,7	1,43	1,36	4,2	47,0	1,97	1,87	5,6	49,4	2,77	2,63
60-69	0,79	4,3	20,0	0,86	0,68	5,8	21,0	1,22	0,96	8,2	22,0	1,80	1,42
70+	0,71	3,7	20,0	0,74	0,52	5,1	21,0	1,07	0,76	6,8	22,0	1,50	1,07
		100,0		40,57	36,55	100,0		46,48	42,07	100,0		51,13	46,64

где $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n$ – любые характеристики демографической структуры.

В зависимости от целей анализа, наличной информации и т.п. можно рассматривать большее или меньшее число этих характеристик. Формула (28) может использоваться для составления прогноза, более грубого или менее грубого в зависимости от того, какие структурные демографические показатели учитываются и с какой тщательностью разрабатываются гипотезы в отношении их будущих изменений.

Ниже на схематическом числовом примере показано использование формулы (28) для исследования влияния демографической структуры на величину выпуска. Табл. 12 содержит иллюстративный расчет, отражающий влияние демографической структуры при учете очень малого числа факторов. Учитывается только влияние возрастной структуры на занятость и производительность труда и влияние числа детей, приходящихся на одну женщину, на занятость. Рассматриваются три населения: *А*, *Б* и *В*; чтобы приблизить пример к реальности, взяты действительные возрастные структуры населения Армянской (*А*), Грузинской (*Б*) и Латвийской (*В*) союзных республик в 1959 г. Значения $s(x)$ соответствуют величине годового производства на одного работника каждой возрастной группы в Венгрии в 1959–1960 гг. [61: 22]. Функция $\xi(x)$ построена на основании средних для СССР данных 1959 г. [13: 49, 104, 116] и в таком виде использована для населения *Б*. Исходя из того что в населении *А* удельный вес детей существенно выше, а в населении *В* существенно ниже, чем в населении *Б*, мы предположили, что значения $\xi(x)$ в первом случае будут на 5% меньше, а во втором – на 5% больше, чем у населения *Б* (в результате влияния числа детей на функцию занятости женщин).

Если исходить из предположения, что производительность работника, в возрасте 35–39 лет, принятая за единицу, одинакова для всех трех населений, то объем выпуска в расчете на одного работника (в условных единицах) составит:

$$\begin{aligned}\text{население } A &- 36,55 : 40,57 = 0,900; \\ \text{население } B &- 42,07 : 46,48 = 0,905; \\ \text{население } B &- 46,64 : 51,13 = 0,912.\end{aligned}$$

Введение в расчет большого числа учитываемых факторов могло бы повлиять на изменение полученных результатов в ту или иную сторону. Было бы интересно, например, исследовать, как более молодая возрастная структура населения *А* влияет на его мобильность и не приводит ли это влияние к “утяжелению” условной единицы по сравнению с двумя другими населением, но, к сожалению, такое исследование пока не было проведено.

При рассмотрении вопроса о влиянии численности населения на производственную функцию мы пришли к выводу, что при определенных условиях можно говорить об оптимальной численности населения. Теперь мы выяснили значение демографической структуры и можем поставить вопрос о населении, имеющем наилучшую структуру. Если считать наилучшей такую демографическую структуру, при которой достигается наибольшее значение производственной функции, то в нашем примере следует отдать предпочтение структуре населения B (в дальнейшем мы покажем, как учет новых факторов приведет к изменению этого вывода). Вообще, среди бесчисленного множества возможных структур при наличии необходимых данных о зависимости параметров функций от демографических переменных $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n$ всегда можно выбрать структуру или несколько равноценных структур, наилучших с точки зрения избранного критерия.

Следует отметить, что фактор численности и фактор структуры могут по-разному взаимодействовать между собой, влияя в одном и том же или в различных направлениях. Действительно, предположим, что все три только что рассмотренных населения расположены на участке возрастания функции $q(P)$ (см. рис. 2 на с. 23). Если $P_A < P_B < P_V$, то положительный эффект масштаба, соединившись с эффектом структуры, еще более увеличит преимущество населения B перед населением A и B . Если же, наоборот $P_A > P_B > P_V$, то отрицательный эффект масштаба может свести на нет или, во всяком случае, ослабить положительное влияние структуры, лишив население B его преимуществ перед A и B . Иначе говоря, оптимальное по численности население может не быть оптимальным по структуре и наоборот. Но из известного набора населений с той или иной численностью и структурой опять-таки всегда можно выбрать одно или несколько равноценных населений, оптимальных с точки зрения определенного критерия.

В следующем разделе мы еще вернемся к понятию демографического оптимума, но здесь необходимо уточнить, какую роль играет это понятие в нашем изложении. Очевидно, что всякая целенаправленная деятельность предполагает поиски наилучшего пути достижения поставленной цели. Этот наилучший путь может определяться воздействием многих факторов, среди которых занимает свое место и демографический фактор. Очень может быть, что интересующий нас в конечном счете оптимум экономического и социального развития не совместим с демографическим оптимумом, как он рассматривается в настоящей работе, посвященной воздействию демографических факторов на производственную функцию. Поэтому указать на такой оптимум – еще

не значит призывать к его достижению. Больше того, указать на существование такого оптимума – еще не значит призывать к его количественной оценке, к его вычислению, которое по ряду причин может оказаться невозможным. Но введение в анализ понятия демографического оптимума облегчает рассмотрение взаимодействия демографических и экономических сил, тех основных направлений, в которых действуют различные изменения в демографической области, и тех границ, по достижении которых положительные последствия сменяются отрицательными и наоборот.

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РОСТ И РОСТ ПРОИЗВОДСТВА

Статический и динамический подходы в экономике

Экономиста постоянно интересует два типа задач. С одной стороны, речь всегда может идти об изучении *состояния* экономики, с другой – об исследовании ее *роста*.

Предположим, что мы хотим сравнить между собой экономики двух стран. Путем сопоставления большего или меньшего числа показателей, характеризующих, в конечном счете, соотношение затрат и результатов в производстве, уровни потребления и т.п., мы можем прийти к неоспоримому выводу, что экономика страны *А* более развита, чем экономика страны *Б*. Этот вывод объективно отражает действительность и представляет самостоятельный интерес.

Но никакая экономика никогда не пребывает в состоянии абсолютной неподвижности; тем более не является неподвижной современная экономика, даже если речь идет о самых отсталых в экономическом отношении странах мира. Показатели, характеризующие состояние экономики в данный момент, подвергаются постоянным изменениям, и то, что было верно вчера, может оказаться неверным сегодня. Страна *Б* может рано или поздно обогнать страну *А* по уровню экономического развития. Чтобы знать, произойдет ли это, и если произойдет, то когда, надо располагать какими-то другими показателями, характеризующими скорость происходящих изменений. Вывод о том, что экономика страны *Б* растет быстрее, чем экономика страны *А*, не менее важен, чем вывод, согласно которому в данный момент страна *А* более развита, чем страна *Б*.

Изучение состояния экономики относится к области экономической статистики. Статический анализ предполагает отсутствие

каких бы то ни было качественных изменений во времени, но это не значит, что предполагается отсутствие любых изменений, без которых немыслима никакая экономическая деятельность⁷. Просто каждый цикл производства по качественным характеристикам, таким, как уровень техники, вкусы потребителей и т.п., ничем не отличается от любого другого цикла.

Наоборот, динамический анализ, к области которого относится изучение экономического *роста*, предполагает постоянное изменение качественных характеристик экономического процесса, всего его режима, и сводится именно к исследованию показателей этих изменений.

Перейдя к такому анализу, мы используем, подобно тому как это было сделано раньше, одноресурсную производственную функцию, придав ей динамический характер. Однако в дальнейшем мы должны будем перейти к двухресурсной модели (ниже мы попытаемся обосновать необходимость такого перехода).

Одноресурсная динамическая производственная функция

Динамическая производственная функция

Переход к динамической производственной функции требует введения в нее координаты времени, исследования зависимости от времени. Вместо исходных формул (9) и (10) появляются новые:

$$Q = f(G, t) \quad (29)$$

или

$$Q = \varphi(L, t). \quad (30)$$

Поскольку мы все еще считаем, что выполняется условие (8) – условие неизменности соотношения между трудом и фондами (хотя это условие становится с переходом к динамике весьма нереалистичным, и в конце концов мы должны будем от него отказаться), можно продолжать рассматривать одноресурсную производственную функцию. Будем исходить при этом из выраже-

⁷ «...Мы вправе спросить, в каком смысле “статическая” экономика может рассматриваться по аналогии с состоянием покоя в физическом мире. Нельзя же понимать под этим состояние, когда никто ничего не делает!... Статическое равновесие означает вовсе не состояние праздности, а, наоборот, состояние, где производство совершается непрерывно, изо дня в день и из года в год, но не увеличиваясь и не уменьшаясь. “Покой” означает, что величина различных показателей остается постоянной и производство продолжает свое движение по кругу» [31: 41].

ния (30) и соответственно (12):

$$Q(t) = q(t) L(t). \quad (31)$$

Конкретизируем зависимость переменных от t . Рассмотрим вначале производительность труда $q(t)$. Величина $q(t)$ складывается под влиянием двух групп факторов. Факторы первой группы зависят от времени непосредственно, подобно, например, фактору технического прогресса. Воздействие технического прогресса реализуется во времени, оно тем более эффективно, чем выше темпы внедрения новой техники; а изменения в производительности труда при прочих равных условиях тем больше, чем более длительный промежуток времени рассматривается. Иначе обстоит дело с таким, например, фактором, как масштаб производства. Эффект масштаба является типично статическим, он не зависит от временных характеристик процесса, который привел к установлению данного масштаба, может быть достигнут, скажем, путем простого объединения нескольких мелкомасштабных производственных единиц (теоретически вообще без затрат времени). Но если величина L рассматривается как функция времени, то естественно, что и рост производительности труда, зависящий от величины $L(t)$, также является в конечном счете функцией t .

Если бы изменения производительности труда со временем происходили только в результате изменений масштаба производства, то в любой момент t мы имели бы

$$q(t) = \tau[L(t)] \quad (32)$$

Но если производительность труда меняется со временем еще и независимо от статических характеристик производства, то

$$q(t) = \tau[L(t)]\varepsilon(t), \quad (33)$$

где $\varepsilon(t)$ – показатель непосредственной зависимости производительности труда от времени. Производственная функция в целом при этом приобретает вид

$$Q(t) = \tau[L(t)]\varepsilon(t) L(t) \quad (34)$$

Показателями динамики переменных, входящих в выражение (34), могут служить темпы их изменений (т.е. логарифмические производные этих переменных, являющихся функциями времени), которые мы будем обозначать индексом T . Например,

$$Q_T = \frac{Q'(t)}{Q(t)}$$

Выразим темп роста выпуска в зависимости от темпов роста независимых переменных на основании формулы (34).

$$Q_T = \tau_T + \varepsilon_T + L_T \quad (35)$$

Связь между темпом роста (вообще говоря, изменений) выпуска и темпом роста количества используемого труда устанавливается через динамический коэффициент трудоотдачи (коэффициент эластичности выпуска по отношению к количеству труда) α . Учитывая, что прирост числа работников (экстенсивный рост производства) порождает только часть прироста продукции, другая же часть порождена ростом производительности труда (интенсивный рост), имеем

$$\alpha = \frac{Q_T - \varepsilon_T}{L_T}, \quad (36)$$

откуда несколькими тождественными преобразованиями⁸ получаем

$$Q(t) = \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t). \quad (37)$$

Из формул (35) и (36) следует также, что

$$\alpha = \frac{L_T + \tau_T}{L_T} = 1 + \frac{\tau_T}{L_T}. \quad (38)$$

Если эффект масштаба отсутствует ($T_T = 0$, изменения в численности работников не приводят к изменениям в производительности их труда), то, естественно, $\alpha = 1$. Если эффект масштаба положителен (рост численности работников увеличивает производительность труда, т.е. $\frac{\tau_T}{L_T} > 0$), $\alpha > 1$, если отрицателен $\left(\frac{\tau_T}{L_T} < 0\right)$, $\alpha < 1$.

Абсолютная величина изменения α колеблется обычно в пределах нескольких сотых. Здесь предполагается, что на протяжении рассматриваемого отрезка времени эта величина остается постоянной и что, следовательно,

$$\alpha = \text{const}. \quad (39)$$

Однако остальные параметры, входящие в производственную функцию (37), не являются константами, и, чтобы исследовать

⁸ $Q_T = \varepsilon_T + \alpha L_T$; $[\ln Q(t)]' = [\ln \varepsilon(t) + \alpha \ln L(t)]$; $\ln Q(t) = \ln \varepsilon(t) + \alpha \ln L(t) + \ln \alpha_0$; $Q(t) = \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t)$, где α_0 — постоянная величина.

характер изменения выпуска в зависимости от поведения $\varepsilon(t)$ и $L(t)$, надо принять определенные гипотезы в отношении их изменений в связи с динамикой демографических переменных.

Демографический рост и численность работников

Первая гипотеза, которую надо принять, относится к динамике показателя L в зависимости от времени. Из формул (15) и (24) следует, что при статическом подходе

$$L = P \int_0^{\omega} C(x) \xi(x, \Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n) dx. \quad (40)$$

Различные демографические характеристики $\Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n$ (интенсивность матримониальных процессов, брачной и внебрачной плодовитости, смертности и т.п.), взаимодействуя между собой, в конечном счете определяют режим воспроизводства населения в целом. Если мы будем рассматривать не отдельные реальные населения, как это было в предыдущем разделе, а теоретическое стабильное население, то взаимодействие различных демографических характеристик определяет истинный коэффициент естественного прироста этого населения r , который поэтому можно рассматривать как показатель, интегрирующий влияние ряда демографических характеристик. Вводя в формулу (40) фактор времени, заменяя показатели $1, 2, \dots, n$ одним показателем r и учитывая, что возрастная структура стабильного населения не зависит от времени, но зависит от r , получаем

$$L(t) = L(t, r) = P(t, r) \int_0^{\omega} C(r, x) \xi(r, x) dx. \quad (41)$$

Если в выражении (41) положить $t = 0$, то мы вернемся к рассмотренным ранее статическим условиям с той разницей, что здесь они применены к стабильному населению. Проанализируем вначале именно этот случай:

$$L(0, r) = P(0, r) \int_0^{\omega} C(r, x) \xi(r, x) dx. \quad (42)$$

Считая, что наши стабильные населения в момент $t = 0$ по численности равны между собой, и приравнявая их к единице, имеем

$$L(0, r) = \int_0^{\omega} C(r, x) \xi(r, x) dx. \quad (43)$$

Если бы функция занятости не зависела от r , то изменение общего числа работников при переходе от одного r к другому оп-

Связь между темпами роста стабильного населения и долей работников

Возраст x	$\xi(x)$	$r = 0,02$		$r = 0,01$	
		$C(r, x)$	$L(r, x)$	$C(r, x)$	$L(r, x)$
15-19	64,0	9,29	5,94	8,16	5,22
20-24	81,0	8,34	6,76	7,70	6,24
25-29	83,0	7,47	6,20	7,25	6,02
30-34	82,0	6,68	5,48	6,82	5,59
35-39	81,0	5,96	4,83	6,39	5,18
40-44	78,0	5,30	4,13	5,98	4,66
45-49	74,0	4,69	3,47	5,55	4,11
50-54	66,0	4,10	2,71	5,11	3,37
55-59	47,0	3,54	1,66	4,64	2,18
15-59			41,18		42,57

Возраст x	$\xi(x)$	$r = 0$		$r = -0,01$	
		$C(r, x)$	$L(r, x)$	$C(r, x)$	$L(r, x)$
15-19	64,0	6,80	4,35	5,36	3,43
20-24	81,0	6,75	5,47	5,59	4,53
25-29	83,0	6,68	5,54	5,82	4,83
30-34	82,0	6,60	5,41	6,06	4,97
35-39	81,0	6,51	5,27	6,27	5,08
40-44	78,0	6,40	4,99	6,48	5,05
45-49	74,0	6,25	4,63	6,66	4,93
50-54	66,0	6,05	3,99	6,77	4,47
55-59	47,0	5,77	2,71	6,79	3,19
15-59			42,36		40,48

ределялось бы только функцией возрастной структуры $C(r, x)$. В этом случае легко можно было бы назвать значение r (темпа роста стабильного населения), оптимальное с точки зрения достижения наибольшей численности работников.

Пусть, например, мы хотим найти темп роста стабильного населения (см. табл. 1), при котором будет наибольшей численность работников в возрасте от 15 до 60 лет (функция занятости неизменна и примерно соответствует функции занятости всего населения СССР в 1959 г.). Шаг изменений r составляет 0,01 (табл. 13). Из таблицы следует, что в нашем примере наибольшая численность работников в расчете на одну и ту же численность населения достигается при $r = 0,01$.

Но в действительности функция занятости вряд ли может оставаться неизменной при изменении r . Ведь, как уже отмечалось,

**Связь между числом и возрастом детей
и производственной активностью женщин. США, 1950 г.**

Возраст (лет)	Коэффициент производственной активности			
	Все замужние женщины	в том числе		
		не имеющие детей	имеющие детей старше 5 лет	имеющие детей до 5 лет
15	12,8	14,1	5,3	5,6
20	27,5	51,5	36,6	12,8
25	26,0	54,0	36,6	12,6
30	25,6	52,3	32,8	11,3
35	28,4	48,9	32,7	11,2
40	32,4	46,2	32,5	12,0
45	32,4	42,0	29,8	13,7
50	29,1	36,2	26,4	—
55	24,3	30,0	22,6	—
60	19,5	23,8	18,3	—

Источник: [60: 16]

изменения r неразрывно связаны с изменениями различных демографических характеристик, последние же неизбежно влияют на функцию занятости. Функция занятости женщин, а в какой-то мере и мужчин зависит от таких демографических характеристик, как матримониальное состояние, число детей на одну женщину, их возраст и т.п. Попытаемся учесть это влияние в нашем иллюстративном расчете. Чтобы не усложнять пример, рассмотрим воздействие только одного фактора — среднего числа детей.

Изменения истинного коэффициента естественного прироста r , которые мы предполагаем, неизбежно связаны с изменениями в уровне рождаемости и в числе детей, рождаемых в среднем одной женщиной (B). B связано с коэффициентом r следующим приближенным соотношением⁹.

$$B(r) \approx \frac{e^{rT}}{\delta S(T)},$$

⁹ Это соотношение вытекает из того, что если R_0 — нетто-коэффициент, а R — брутто-коэффициент воспроизводства населения, то

$$B = \frac{R}{\delta}; \quad R = \frac{R_0}{S(T)}; \quad R_0 = e^{rT}.$$

**Связь между темпами роста стабильного населения и долей
работников с учетом влияния числа детей**

Возраст x	$r = 0,02$		$r = 0,01$		$r = 0$		$r = -0,01$	
	$\xi(r, x)$	$L(r, x)$	$\xi(r, x)$	$L(r, x)$	$\xi(r, x)$	$L(r, x)$	$\xi(r, x)$	$L(r, x)$
15–19	60,8	5,65	64,0	5,22	67,2	4,57	69,1	3,70
20–24	77,0	6,42	81,0	6,24	85,1	5,74	87,5	4,89
25–29	78,9	5,89	83,0	6,02	87,2	5,82	89,6	5,21
30–34	77,9	5,20	82,0	5,59	86,1	5,68	88,6	5,37
35–39	77,0	4,59	81,0	5,18	85,1	5,54	87,5	5,49
40–44	74,1	3,93	78,0	4,66	81,9	5,24	84,2	5,46
45–49	70,3	3,30	74,0	4,11	77,7	4,86	79,9	5,32
50–54	62,7	2,57	66,0	3,37	69,3	4,19	71,3	4,83
55–59	44,7	1,58	47,0	2,18	49,4	2,85	50,8	3,45
15–59		39,13		42,57		44,49		43,72

где T – средний возраст матери при рождении ребенка (длина женского поколения). Обычно величина T близка к 28 годам (в СССР в 1958–1959 гг. – 28,4 года), поэтому в расчетах можно принимать $T = 28$; $S(T)$ – число женщин в возрасте T ; δ – доля девочек в общем числе родившихся.

Например, при неизменной повозрастной смертности населения СССР в 1958–1959 гг.:

при $r = 0$ $B(r) = 2,21$;

при $r = 0,01$ $B(r) = 2,92$;

при $r = 0,02$ $B(r) = 3,86$.

Функция занятости женщин чувствительна к числу и возрасту детей. Мы не располагаем данными для статистического изучения соответствующих зависимостей в условиях нашей страны, но само наличие их не вызывает сомнений. В некоторых странах

Таблица 16

**Связь между темпами роста стабильного населения
и долей работников с учетом фактора времени**

r	$t = 0$	$t = 2$ года		$t = 4$ года	
	$L(t, r)$	e^{rt}	$L(t, r)$	e^{rt}	$L(t, r)$
-0,01	43,72	0,961	42,01	0,923	40,35
0,00	44,49	1,000	44,49	1,000	44,49
0,01	42,57	1,020	43,42	1,041	44,32
0,02	39,13	1,041	40,73	1,083	42,38

эта зависимость изучалась. Вот, например, выдержка из таблиц трудовой жизни женщин США за 1950 г. (табл. 14).

Располагая такой или подобной таблицей, можно найти количественные зависимости между истинным коэффициентом естественного прироста стабильного населения r и функцией занятости $\xi(r, x)$. Впрочем, общее направление возможной эволюции очевидно и без всяких данных: отношение между динамикой r и изменениями $\xi(r, x)$ может быть, как правило, только обратным, рост r может сочетаться только с падением $\xi(r, x)$ (в одних и тех же социально-экономических условиях, разумеется). Учет влияния числа детей на экономическую активность женщин может внести существенные коррективы в сделанный ранее расчет.

Предположим, что функция занятости, приведенная в табл. 14, соответствует стабильному населению, растущему на 0,01 в год. Если его рост ускоряется до 0,02 (число детей на одну женщину соответственно увеличивается), то повозрастные коэффициенты экономической активности всего населения уменьшаются на 5%; если рост прекращается ($r = 0$), а число детей на одну женщину уменьшается, то повозрастные коэффициенты увеличиваются на 5%, при отрицательном же росте населения ($r = -0,01$) – на 8% по сравнению с исходными величинами при $r = 0,01$ (все цифры, разумеется, условные). Тогда получаем следующие численности работников на 100 человек населения, указанные в табл. 15 (в ней приводятся значения $\xi(r, x)$ и $L(r, x)$; $C(r, x)$ – те же, что и в табл. 13).

Теперь наибольшая численность работников в расчете на одну и ту же численность населения достигается при $r = 0$ (стационарное население).

Однако эти результаты относятся к состоянию покоя, а не движения. Чтобы их динамизировать, надо вернуться к выражению (41) при $t \neq 0$. Зависимость P от t и r для стабильного населения известна:

$$P(t, r) = e^{rt} P(0, r). \quad (44)$$

$t = 6 \text{ лет}$		$t = 8 \text{ лет}$		$t = 10 \text{ лет}$	
e^{rt}	$L(t, r)$	e^{rt}	$L(t, r)$	e^{rt}	$L(t, r)$
0,887	38,78	0,852	37,25	0,819	35,81
1,000	44,49	1,000	44,49	1,000	44,49
1,062	45,21	1,083	46,10	1,105	47,04
1,127	44,10	1,173	45,90	1,221	47,78

При $P(0, r) = 1$ на основании формул (41), (43) и (44) имеем

$$L(t, r) = e^r L(0, r) \quad (45)$$

Учет фактора времени существенно изменяет выводы, которые можно сделать, рассматривая табл. 15. С течением времени численность различных стабильных населений, построенных на базе одной и той же таблицы смертности, а значит, и численность работников возрастают в различном отношении. Как видно из табл. 16, если в исходный момент при равенстве численностей населения наибольшая численность работников достигается в стационарном населении, то с течением времени наибольшие значения L перемещаются в направлении возрастания r .

Здесь еще преждевременно ставить вопрос о том, “лучше” или “хуже” более быстрый рост числа работников, а в связи с этим и населения. Общество интересуется не численность работников сама по себе, а их совокупная отдача; последняя же зависит как от численности работников, так и от эффективности их труда, к рассмотрению которой мы и переходим.

Демографический рост и производительность труда

Мы рассмотрели в общих чертах основные линии влияния демографического фактора на численность занятого в производстве населения. Это влияние обычно достаточно хорошо осознается и, как правило, с большей или меньшей полнотой учитывается в экономических планах, проектах и прогнозах.

В значительно меньшей степени осознано и исследовано влияние демографического фактора на второй компонент производственной функции – на эффективность использования работников, производительность труда. Между тем изменения в производительности труда оказывают не меньшее влияние на рост выпуска, чем изменения в количестве используемого труда. Поэтому воздействие демографического фактора на рост производительности труда заслуживает самого серьезного внимания.

Достаточно заглянуть в любой статистический справочник, чтобы убедиться, что темп роста производительности труда от года к году меняется очень мало. Если предположить, что производительность труда увеличивается с постоянным темпом роста p , то

$$\varepsilon(t) = e^{pt} \quad (46)$$

и соответственно на основании формулы (37)

$$Q(t) = \alpha_0 e^{pt} L^\alpha(t). \quad (47)$$

Теперь следует рассмотреть, как влияет на темп p интересующий нас демографический фактор.

Может показаться странным, что мы говорим о показателе производительности труда как о компоненте производственной функции, в то время как этот показатель отсутствует в выражении (47). На самом же деле отсутствует лишь показатель уровня производительности труда в исходный момент, который нас и не особенно интересует, поскольку мы рассматриваем не состояние, приуроченное к какому-то моменту, а движение. Мы просто приравниваем этот исходный уровень к 1 и, предположив, что он изменяется по экспоненте, исследуем скорость этих изменений. Показатель скорости изменений производительности труда ρ и интересует нас.

Вообще говоря, ρ – темп роста производительности труда, зависящий от любых сдвигов интенсивного характера, не связанных с изменением количества используемых ресурсов (в данном случае труда), но мы не предполагаем здесь никаких технических или организационных нововведений, если они не вытекают из демографических процессов. Иначе говоря, предполагается, что некоторый показатель ρ (часто называемый в литературе показателем темпа технического прогресса) может изменяться только под влиянием демографических факторов, и исследуется, существует ли такое влияние, и если существует, то в чем оно проявляется. А так как, оперируя моделью стабильного населения, мы все демографические характеристики в конечном счете сводим к одному показателю – темпу роста населения, истинному коэффициенту естественного прироста r , то вопрос сводится к тому, можно ли темп технического прогресса рассматривать в качестве функции r

$$\rho = \rho(r) \quad (48)$$

и каков конкретный вид этой функции или, по крайней мере, общий характер зависимости.

Можно предположить два основных канала, через которые осуществляется влияние демографического фактора на изменения в производительности труда: непосредственно через темп роста населения и через изменения в его структуре.

Более высокий темп роста населения, несмотря на порождаемые им же некоторые противодействующие факторы, в целом означает и более высокий темп роста численности работников. Поскольку здесь все еще предполагается неизменная фондовооруженность труда, темпы изменения численности работников одновременно характеризуют и темпы изменения величины производственных фондов, а также (если исключить нереалистичное предположение о том, что производительность труда падает быстрее, чем растет численность работников) и темп роста выпус-

ка. Но уже давно подмечено, что имеется определенная положительная связь между темпами роста объема производства и темпами роста производительности труда (“закон Вердоорна” – по имени голландского эконометриста П.Дж. Вердоорна, впервые обратившего внимание на это явление). “Речь идет о взаимосвязи динамической, а не статической, между темпами изменения производительности и производства, но не между *уровнем* производительности и *масштабами* производства. И это прежде всего потому, что указанная зависимость отражает воздействие технического прогресса, а не только влияние крупномасштабного производства” [14: 79].

Связь динамики производительности труда с темпом роста выпуска находит простое объяснение в процессах обновления производственного аппарата. Предположим, например, две отрасли промышленности, производственные фонды которых амортизируются ежегодно на 5%, в связи с чем 5% наличных фондов ежегодно заменяются новыми. Кроме того, пусть первая отрасль увеличивает свои фонды ежегодно на 5%, а вторая – на 10%. Тогда в первом случае парк производственных фондов будет постоянно иметь в своем составе 9,5% новейших средств производства последнего года выпуска, а во втором – 13,6%. Через 10 лет сохранится только половина фондов, действовавших к началу исходного года, а общая величина их увеличится в первом случае до 163 единиц вместо каждых 100 в исходном году, а во втором случае – до 259. Доля старых фондов, функционировавших к началу десятилетия, в первом случае составит 33%, во втором – всего немногим более 19%. Учитывая высокие темпы технического прогресса, быстрое изменение качественных характеристик производственных фондов, вполне естественно ожидать, что при прочих равных условиях выпуск продукции будет расти быстрее в той отрасли, в которой более энергично происходят процессы обновления производственного аппарата. Этот вывод относится и ко всей экономике в целом: более быстрое обновление производственного аппарата увеличивает темпы роста выпуска на единицу затрат.

Аналогичные соображения могут быть развиты и в отношении обновления рабочей силы. Непрерывный прогресс материальных производительных сил не может происходить безболезненно, если нет необходимого соответствия между интенсивностью процессов обновления производственного аппарата и рабочей силы. Здесь с гораздо большим основанием, чем при статическом анализе, можно подчеркнуть важность всесторонней мобильности рабочей силы с точки зрения роста ее квалификации, лучшего распределения по отраслям и объектам, словом мобиль-

ности, направленной на пользу общества. К. Маркс писал о промышленности, что «посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего... Сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения... “Ne sutor ultra crepidam!” [“Сапожник, знай свои колодки!”]. Эта *plus ultra* [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт – прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон – пароход» [21: 498–499].

Современная научно-техническая революция ускоряет “перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих, и в общественных сочетаниях процессов труда”. Быстрое обновление производственного аппарата, о котором говорилось выше, высокие темпы научно-технического и организационного прогресса производства, постоянное возникновение новых технических направлений, новых отраслей и другие процессы, интенсивность которых находится в прямой связи со скоростью всего экономического развития, требуют соответствующих масштабов и темпов изменений в профессиональной и квалификационной структуре трудовых ресурсов.

За время жизни одного поколения происходят резкие сдвиги в структуре потребных трудовых ресурсов, и людям на протяжении своей трудовой жизни приходится как-то приспосабливаться к новым требованиям. Вот как, например, изменялось распределение по занятиям мужчин одного и того же поколения (1895–1904 годов рождения) в США на протяжении их жизни, в % (см. левую часть табл. 17).

Однако происходящая на протяжении жизни смена занятий – процесс в достаточной степени сложный, часто болезненный. Он не может полностью обеспечить адаптации структуры кадров к меняющимся народнохозяйственным требованиям. Другим путем улучшения структуры кадров является пополнение армии работающих молодежью, подготовленной уже в соответствии с но-

Распределение по занятиям мужского населения США в зависимости от возраста или года рождения, в %

Группы мужчин по занятиям	Возраст (поколение 1895—1904 гг.)					Годы рождения когорт (возраст 25—34 года)			
	25—34	35—44	45—54	55—64		1895—1904	1905—1914	1915—1924	1925—1934
Фермеры и управляющие фермами	11,6	12,6	11,4	8,6		11,6	9,7	7,8	3,3
Сельскохозяйственные рабочие	7,2	4,3	2,6	2,3		7,2	7,2	3,6	2,2
Специалисты	5,7	6,8	7,1	7,7		5,7	7,4	9,3	15,0
Управляющие, чиновники, собственники	8,5	11,0	14,3	13,8		8,5	6,8	8,2	8,5
Работники торговли	6,5	6,1	5,7	6,4		6,5	6,4	7,0	6,7
Канторские служащие	6,4	5,5	5,7	6,4		6,4	7,0	7,4	7,7
Мастера, десятники и т.п.	17,7	18,3	21,3	22,0		17,7	14,0	19,9	20,8
Рабочие-станочники и т.п.	18,5	18,2	17,5	17,2		18,5	23,1	24,2	23,7
Занятые в обслуживании (включая домашнюю прислугу)	4,7	6,2	6,7	8,5		4,7	5,4	4,6	4,9
Квалифицированные рабочие (кроме занятых в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности)	13,2	10,9	7,7	7,1		13,2	12,9	8,2	7,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0		100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [41: 3—14].

вейшими структурными требованиями. Изменение распределения по занятиям различных когорт мужчин, родившихся в 1895–1934 гг., в то время, когда они имели возраст 25–34 года, можно проследить по данным правой части табл. 17.

Простое сравнение последних столбцов в правой и левой частях табл. 17, которые показывают структуру занятости молодых (25–34-летних) и стариков (55–64-летних) в один и тот же период с 1950 по 1960 г., свидетельствует о том, что даже и изменившаяся под влиянием требований времени структура занятости старших поколений остается архаичной по сравнению со структурой занятости вновь формирующихся трудовых контингентов. Следует сказать, что за изменениями структуры работников по крупным группам занятости скрываются еще более серьезные сдвиги внутри этих групп. Изменения в распределении по специальностям (в США, например, по некоторым оценкам, половина всех существующих сейчас специальностей появилась за последние 25 лет [4: 17]), в квалификационной структуре и т.п.

Наглядной иллюстрацией этих процессов, происходящих в современном производстве и неосуществимых без высокого уровня мобильности рабочей силы, могут служить сдвиги в отраслевой и территориальной структуре военной промышленности США. Всего за 8 лет отраслевая структура изменилась следующим образом, в % [55: 27]:

	1953 г.	1961 г.
Авиастроение	31,5	28,2
Ракетостроение	0,5	33,6
Судостроение	6,8	7,8
Электронная промышленность	11,2	18,0
Танкостроение и проч.	50,0	12,4
	100,0	100,0

Не менее существенны сдвиги в размещении военной промышленности:

Районы	1951–1953 гг.	1961 г.
Северо-Восточный центр	27,4	11,8
Среднеатлантические штаты	25,1	19,9
Новая Англия	8,1	10,5
Тихоокеанские и горные штаты	18,6	32,6
Прочие районы	20,8	25,2
	100,0	100,0

Очевидно, процессы экономической адаптации, приспособления структуры кадров к потребностям народнохозяйственного развития протекают тем более эффективно, чем быстрее обновляется эта структура, чем выше в ней удельный вес групп, сформированных с учетом новейших экономических требований. Но при прочих равных условиях структура трудовых ресурсов обновляется тем быстрее, чем моложе работающее население.

С проблемой приспособления к структурным изменениям в экономике тесно связана проблема быстрого старения знаний. Чем выше темпы научно-технического прогресса, тем быстрее стареют знания и тем, следовательно, больше потребность в быстром обновлении кадров, в интенсивном притоке нового пополнения, владеющего современными знаниями.

В экономической литературе отмечается определенное противоречие между темпами обновления материально-вещественной структуры производства и профессионально-квалификационной структуры работников, перестройка которой несколько запаздывает. «Все более важной причиной лага запаздывания становится “человеческий фактор”: медленное приспособление работников к использованию, обслуживанию, ремонту новейших сложных технических средств (например, средств автоматизации)» [5: 339]. Очевидно, что сдерживающее влияние “человеческого фактора” на технический прогресс усугубляется в условиях более медленного роста населения.

Все сказанное означает, что более быстрый рост производства и более высокие темпы научно-технического прогресса предъявляют повышенные требования к структуре всего занятого населения в целом, и если эти требования не выполняются, то структура населения может играть тормозящую роль в процессе экономического роста. Речь идет, конечно, не только о демографической структуре, и даже не о ней в первую очередь, но при прочих равных условиях и демографическая структура может играть немалую роль.

Таким образом, более быстрый рост производства повышает экономическую ценность младших производительных возрастов в большей степени, чем старших. Это иногда подтверждается и статистическими данными. Так, в США средний доход мужчин в наиболее производительных возрастах между 1949 и 1959 г. изменялся следующим образом (в долларах, цены сопоставимые) [54: 838]:

	1949 г.	1959 г.
35—44 года	4396	6212
45—54 года	4540	6136
55—64 года	4008	5522

Как видно, возраст людей, получающих самый высокий доход (что в известной степени отражает их вклад в производство) снизился с 45–54 лет до 35–44 лет. Подобные сдвиги означают относительно более высокий вклад в экономический рост работников младших возрастов и также повышают экономическую ценность более молодого населения.

В целом, следовательно, имеется целый ряд соображений, которые дают основания рассматривать гипотезу о положительном влиянии более быстрого роста населения на темп технического прогресса и полагать, что $\rho(r)$ — возрастающая функция, по крайней мере на определенном участке изменений r . По всей вероятности, на этом участке находится большинство значений среднегодового темпа прироста населения, наблюдаемых сейчас в тех странах, где технический прогресс является наиболее важным фактором экономического развития. Именно там наблюдаются низкие темпы роста населения и наиболее “вязкая” возрастная структура, недостаточный приток молодежи, постарение кадров — явления, в какой-то мере противостоящие энергичному техническому и организационному прогрессу.

С другой стороны, можно представить себе и такую ситуацию, когда угрозой темпу технического прогресса является не слишком медленный рост населения и вытекающая из него слишком старая структура производительного населения, а, наоборот, слишком быстрый рост населения и, как следствие, слишком молодая структура. Преемственность поколений является обязательным условием всякого прогресса, и приток молодежи должен происходить с такой скоростью, чтобы молодежь успевала усвоить опыт и знания, накопленные предшественниками. В очень быстро растущем населении на каждого работника старшего возраста приходится несколько молодых, затрудняются условия непосредственного соприкосновения между “учителями” и “учениками”, каждое новое поколение не успевает воспринять все достигнутое ранее, и прогресс сменяется топтанием на месте.

Иначе говоря, можно предположить существование такого участка изменений r , на котором $\rho(r)$ превращается из возрастающей в убывающую функцию. Подобная ситуация возможна в странах с очень высоким темпом роста населения, например в развивающихся странах. Надо, однако, сказать, что уровень развития производительных сил в этих странах еще недостаточно высок и технический прогресс не играет здесь той роли, которую он имеет в развитых странах. С другой стороны, здесь имеются гораздо более ощутимые отрицательные последствия слишком быстрого роста населения, которые отодвигают вли-

Связь между темпами роста населения, объемом выпуска и периодом оптимизации

r	$\rho(r)$	$t = 0$	$t = 2$	
		$Q(t, r)$	$e^{\rho(r)t}$	$Q(t, r)$
-0,01	0,026	43,72	1,053	44,33
0,00	0,028	44,49	1,058	47,07
0,01	0,030	42,51	1,062	46,11
0,02	0,032	39,13	1,066	43,42

яние, испытываемое темпом технического прогресса, на второй план.

Но теоретически можно допустить, что в искусственных условиях той модели, которая здесь рассматривается, функция $\rho(r)$ не является монотонной, а вначале возрастает с возрастанием r , затем же, достигнув максимума, начинает убывать. Темп роста населения r , при котором $\rho(r) = \max$, с точки зрения динамики темпа технического прогресса является оптимальным.

В заключение этого раздела следует сказать несколько слов о влиянии экзогенных демографических переменных на одноресурсную динамическую производственную функцию в целом. В соответствии с формулами (41), (47) и (48) она приобретает вид

$$Q(t, r) = \alpha_0 e^{\rho(r)t} L^\alpha(t, r) \quad (49)$$

Естественно, что при рассмотрении производственной функции надо стремиться к таким значениям r , которые обеспечивают желаемое поведение не ее отдельных компонентов — L или ρ , а всей функции в целом. Если мы стремимся максимизировать $Q(t, r)$, то нас интересуют не частные оптимумы r , при которых достигаются максимумы L или ρ , а более общий оптимум, который может не совпадать ни с одним из частных. Поясним это на схематическом примере. Значения $L(t, r)$ возьмем из табл. 16, для простоты расчета принято, что эффект масштаба отсутствует ($\alpha = 1$).

Оценить результаты сделанного расчета невозможно, не уточнив критерий оптимальности. Недостаточно сказать, что мы стремимся максимизировать выпуск $Q(t, r)$, надо еще оговорить период времени, в течение которого должен быть получен этот максимальный выпуск, потому что, как и следовало ожидать и как явствует из табл. 18, с течением времени максимум перемещается в направлении возрастания r .

Предположим, что мы выбрали в качестве периода оптимизации 4-летний срок (такой маленький период можно рассматри-

$t = 4$		$t = 6$		$t = 8$	
$e^{p(r)t}$	$Q(t, r)$	$e^{p(r)t}$	$Q(t, r)$	$e^{p(r)t}$	$Q(t, r)$
1,110	44,79	1,169	45,33	1,231	45,85
1,119	49,78	1,183	52,63	1,251	55,66
1,127	49,95	1,197	54,13	1,271	58,59
1,137	48,19	1,212	53,45	1,292	59,30

вать только в иллюстративном примере, в действительности оптимизация демографических процессов может иметь смысл только в пределах длительных промежутков времени – не менее нескольких десятилетий). Через 4 года наибольшая численность работников достигается при стационарном населении (см. табл. 16). Наиболее высокий темп технического прогресса соответствует стабильному населению, растущему на 2% в год. Но с точки зрения общего выпуска наилучшим является население, растущее на 1% в год, иначе говоря, с точки зрения поставленной цели, истинный коэффициент естественного прироста $r = 0,01$ является оптимальным (табл. 18).

Ранее, при статическом анализе, было рассмотрено понятие оптимальной численности населения. При динамическом подходе оно в значительной степени утрачивает смысл, уступая место понятию оптимального темпа роста населения. Это понятие было введено в научный оборот значительно позднее понятия статического оптимума, о котором писалось выше¹⁰. Применительно к производственной функции оно означает, что если выбран срок оптимизации и сформулированы цели в отношении выпуска, то темп роста населения, при котором при прочих равных условиях эти цели достигаются наиболее полно, является оптимальным. Очевидно, что как оптимальная численность населения, так и оптимальный темп роста населения являются теоретическими понятиями и что было бы большим заблуждением пытаться исчислить их действительные величины. “Прочих равных условий” в действительности никогда не существует, а достаточно полный учет прочих неравных условий, влияющих на поведение производственной функции, веро-

¹⁰ Согласно Л. Бюке, понятие “оптимальный темп роста населения” было введено Альфредом Сови в его работе *Richesse et population* (Paris, 1943) [36: 60].

ятно, невозможен, во всяком случае, при современном уровне экономических знаний.

Но в теоретическом анализе понятия оптимальной численности и оптимального темпа оказываются очень полезными, потому что они позволяют сконцентрировать исследование проблемы вокруг единого логического стержня, дают точку опоры, отталкиваясь от которой легче вести изучение вопроса и доступно излагать результаты.

Двухресурсная динамическая производственная функция

Использование одноресурсной производственной функции оправдано только в том случае, если соотношение между производственными ресурсами все время остается неизменным. В ходе нашего анализа это условие до сих пор соблюдалось: предполагалось, что в производстве участвуют ресурсы только двух видов (труд и производственные фонды) и что соотношение между количествами этих ресурсов или между темпами их изменений остаются неизменными. Хотя такая предпосылка и является в высшей степени условной, она может быть оправдана ссылкой на принцип "*ceteris paribus*", часто используемый в экономическом анализе, когда хотят выяснить влияние какого-нибудь одного фактора при прочих равных условиях. Однако в данном случае предпосылка о неизменности соотношения между производственными ресурсами оказывается несовместимой с другим требованием, которое предполагается нашим анализом, — с требованием экзогенности демографических переменных. В свете этого требования в качестве независимых переменных могут рассматриваться только демографические переменные либо такие экономические переменные, в отношении которых есть достаточно веские основания утверждать, что они не зависят от демографических факторов. Но в отношении производственных ресурсов этого утверждать ни в коем случае нельзя.

Уже при статическом анализе упоминалось о том, что наряду с исходным положением о неизменной ресурсооруженности труда возможно и другое, противоречащее первому, но не противоречащее принципу "*ceteris paribus*", исходное условие — неизменность общего объема производственных ресурсов (кроме трудовых). При этом условии соотношение между трудовыми и прочими экономическими ресурсами становится функцией численности трудовых ресурсов и в конечном счете демографических переменных. Но при статическом анализе можно, по крайней мере, уклониться от рассмотрения этого второго допущения, потому что ни из чего не вытекает его обязательность, равно как

ни из чего не вытекает невозможность допущения одинаковой ресурсооруженности труда, например в двух странах, в какой-то произвольно выбранный момент.

Но как только изолированное нами от общего потока времени мгновение снова становится лишь преходящим моментом непрерывного движения, как только мгновенный фотоснимок становится кадром киноленты, все условия начинают непрерывно изменяться. В результате продолжающегося производства изменяется общий объем ресурсов, но в значительной степени независимо от этого изменяется численность населения, т.е. число производителей и потребителей, а значит, и величина приходящихся на одного человека ресурсов, следовательно, и ресурсооруженность труда.

Как видим, изменение соотношения между трудом и производственными фондами почти неизбежно вытекает из самого факта движения во времени, даже если это движение, вопреки тому что имеет место в действительности, рассматривать как совершенно нецеленаправленное (в действительности имеется определенная ориентация на повышение фондовооруженности труда).

Это обстоятельство, конечно, влияет на производственную функцию. Рост числа работников может теперь сочетаться как с увеличением, так и с уменьшением их фондовооруженности, в силу чего производственная функция в целом может одновременно, скажем, увеличиваться под влиянием роста числа работников и уменьшаться в результате снижения их фондовооруженности. Чтобы судить о результативной кривой выпуска, учитывающей оба эти противоположные движения, необходимо, следовательно, рассматривать выпуск как функцию обоих факторов: численности работников и величины фондов. Кроме того, как мы знаем, выпуск изменяется со временем под влиянием технического прогресса независимо от изменения количества используемых ресурсов. Поэтому следует рассматривать двухресурсную производственную функцию в виде

$$Q(t) = f[t, L(t), G(t)], \quad (50)$$

где G – величина производственных фондов.

С учетом формулы (50) темп роста выпуска можно записать следующим образом:

$$\begin{aligned} Q_r &= \left(\frac{\partial Q}{\partial t} + \frac{\partial Q}{\partial L} \cdot \frac{dL}{dt} + \frac{\partial Q}{\partial G} \cdot \frac{dG}{dt} \right) / Q = \\ &= \frac{\partial Q}{\partial t} / Q + \frac{\partial Q}{\partial L} \cdot \frac{L}{Q} \cdot \frac{L'}{L} + \frac{\partial Q}{\partial G} \cdot \frac{G}{Q} \cdot \frac{G'}{G}. \end{aligned} \quad (51)$$

Введем обозначения:

темп роста выпуска (при условии, что L и G – постоянные величины), показатель технического прогресса

$$\varepsilon(t) = \frac{\partial Q}{\partial t} / Q; \quad (52)$$

коэффициент, связывающий темп роста выпуска с темпом роста численности работников, коэффициент эластичности выпуска относительно количества труда

$$\alpha = \frac{\partial Q}{\partial L} \cdot \frac{L}{Q} \quad (53)$$

коэффициент эластичности выпуска относительно величины производственных фондов

$$\beta = \frac{\partial Q}{\partial G} \cdot \frac{G}{Q}. \quad (54)$$

Вводя эти обозначения в формулу (51), имеем

$$Q_T = \varepsilon(t) + \alpha L_T + \beta G_T, \quad (55)$$

а после преобразований (аналогичных преобразованиям на с. 56) получим

$$Q(t) = \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t) G^\beta(t) \quad (56)$$

(функция Кобба–Дугласа в обобщенной форме).

Предположим, что мы снова заинтересовались эффектом масштаба производства. Если в какой-то момент (напоминаем, что эффект масштаба – эффект статический) имеются две экономики, различающиеся *только* масштабом (одна “больше” другой в n раз), то в одном случае

$$Q_1 = \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t) G^\beta(t),$$

в другом

$$Q_2 = \alpha_0 \varepsilon(t) [nL(t)]^\alpha [nG(t)]^\beta = n^{\alpha+\beta} \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t) G^\beta(t).$$

Понятно, что если $\alpha + \beta = 1$, эффект масштаба отсутствует, если $\alpha + \beta > 1$, он положителен, если $\alpha + \beta < 1$ – отрицателен.

Изменения величины производственных фондов со временем зависят от многих факторов, главным образом экономических: нормы производственного накопления, роли амортизационных отчислений как фактора роста фондов, эффективности труда в отраслях, создающих производственные фонды, и т.п.

Все эти условия в действительности меняются, но мы, следуя нашему общему принципу, будем считать их неизменными. Предположим, что прирост производственных фондов происходит только за счет определенной, неизменной во времени доли выпуска (если "выпуск" – народный доход, то за счет производственного накопления, норма которого $\gamma_0 = \text{const}$). Тогда приращение фондов $dG(t)$ за время dt пропорционально полученному за это время выпуску $Q(t)dt$, а соотношение G и L (фондовооруженность) изменяется в зависимости от поведения демографических переменных. Пусть

$$dG(t) = \gamma_0 Q(t) dt, \quad (57)$$

а, учитывая выражение (56)

$$dG(t) = \alpha_0 \gamma \varepsilon(t) L_0^\alpha(t) G^\beta(t) dt \quad (58)$$

Решая это дифференциальное уравнение относительно G , получаем¹¹

$$G(t) = \left[G^{1-\beta}(0) + (1-\beta) \alpha_0 \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) L^\alpha(t) dt \right]^{\frac{1}{1-\beta}}, \quad (59)$$

а допустив, что

$$V(t) = \frac{L(t)}{L(0)}, \quad (60)$$

имеем

$$G(t) = \left[G^{1-\beta}(0) + (1-\beta) \alpha_0 \gamma_0 L^\alpha(0) \int_0^t \varepsilon(t) V^\alpha(t) dt \right]^{\frac{1}{1-\beta}}. \quad (61)$$

Вынося $G^{1-\beta}(0)$ за скобки, учитывая что $\alpha_0 L^\alpha(0) G^\beta(0) = Q(0)$, и, вводя

$$D(0) = \frac{Q(0)}{G(0)}, \quad (62)$$

¹¹ $\int_0^t \frac{dG(t)}{G^\beta(t)} = \alpha_0 \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) L^\alpha(t) dt;$

$\int_0^t \frac{dG(t)}{G^\beta(t)} = \frac{G^{1-\beta}(t) - G^{1-\beta}(0)}{1-\beta};$

$G^{1-\beta}(t) = G^{1-\beta}(0) + (1-\beta) \alpha_0 \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) L^\alpha(t) dt.$

получаем

$$G(t) =$$

$$= \left\{ G^{1-\beta}(0) \left[1 + \frac{a_0 L^\alpha(0) G^\beta(0)}{G(0)} (1-\beta) \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) V^\alpha(t) dt \right] \right\}^{\frac{1}{1-\beta}} =$$

$$= G(0) \left[1 + D(0) (1-\beta) \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) V^\alpha(t) dt \right]^{\frac{1}{1-\beta}}. \quad (63)$$

В соответствии с формулой (56)

$$Q(t) = \alpha_0 \varepsilon(t) L^\alpha(t) G^\beta(0) \left[1 + D(0) (1-\beta) \gamma_0 \int_0^t \varepsilon(t) V^\alpha(t) dt \right]^{\frac{\beta}{1-\beta}} =$$

$$= \varepsilon(t) Q(0) V^\alpha(t) \left[1 + D(0) \gamma_0 (1-\beta) \int_0^t \varepsilon(t) V^\alpha(t) dt \right]^{\frac{\beta}{1-\beta}}. \quad (64)$$

Согласно формулам (45) и (60)

$$V(t) = e^{rt}. \quad (65)$$

Подставляя выражения (46) и (65) в формулу (64) и интегрируя, получаем

$$Q(t) = Q(0) e^{(\rho+\alpha r)t} \left[1 + D(0) (1-\beta) \gamma_0 \frac{e^{(\rho+\alpha r)t} - 1}{\rho + \alpha r} \right]^{\frac{\beta}{1-\beta}}. \quad (66)^{12}$$

Таким образом, мы пришли к двухресурсной производственной функции, в которую в качестве экзогенной переменной введен истинный коэффициент естественного прироста, играющий в модели стабильного населения роль обобщающего показателя, отражающего различные характеристики демографических процессов.

Оставаясь, конечно, теоретической моделью со всеми вытекающими отсюда ограничениями, производственная функция в виде (66) в значительно большей степени, чем все рассмотренные

¹² Вывод формулы, подобной (66), принадлежит В.Ф. Шукайло и изложен в [33]. См. также [8].

ранее ее выражения, пригодна для анализа того влияния, которое оказывают на рост производства демографические факторы.

Поскольку величина совокупного выпуска не является достаточно убедительным показателем, так как не известно, ценой каких затрат получен этот выпуск, мы используем аналитические возможности модели для исследования влияния демографического фактора на рост производства в расчете на одного работника:

$$q(t) = \frac{Q(t)}{L(t)}. \quad (67)$$

Задачи оптимизации режима воспроизводства населения с точки зрения производственной функции могут быть связаны именно с этим показателем.

Естественно стремление к наиболее быстрому росту производительности труда (при стабильных условиях накопления), т.е. к тому, чтобы величина

$$i(t) = \frac{q(t)}{q(0)} \quad (68)$$

за какой-то избранный период времени $t = \Theta$ лет была наибольшей.

Подставляя выражение (66) в формулу (67) и учитывая формулы (60) и (65), получаем

$$q(t) = q(0) e^{[\rho + (\alpha - 1)r]t} \left[1 + D(0)(1 - \beta) \gamma_0 \frac{e^{(\rho + \alpha r)t} - 1}{\rho + \alpha r} \right]^{\frac{\beta}{1 - \beta}}, \quad (69)$$

а подставляя (69) в (68), приходим к выражению для интересующего нас индекса:

$$i(t) = e^{[\rho + (\alpha - 1)r]t} \left[1 + D(0)(1 - \beta) \gamma_0 \frac{e^{(\rho + \alpha r)t} - 1}{\rho + \alpha r} \right]^{\frac{\beta}{1 - \beta}}. \quad (70)$$

Эта формула позволяет исследовать, как меняется производительность труда одного среднего работника под влиянием демографических факторов с учетом связанных с изменением темпа роста населения сдвигов в ресурсооруженности труда, фактора технического прогресса и эффекта масштаба производства.

Учет влияния технического прогресса и эффекта масштаба предполагает определенную "тонкость" анализа по сравнению с первым приходящим в голову "грубым" соображением о том, что более быстрый рост населения замедляет рост ресурсооружен-

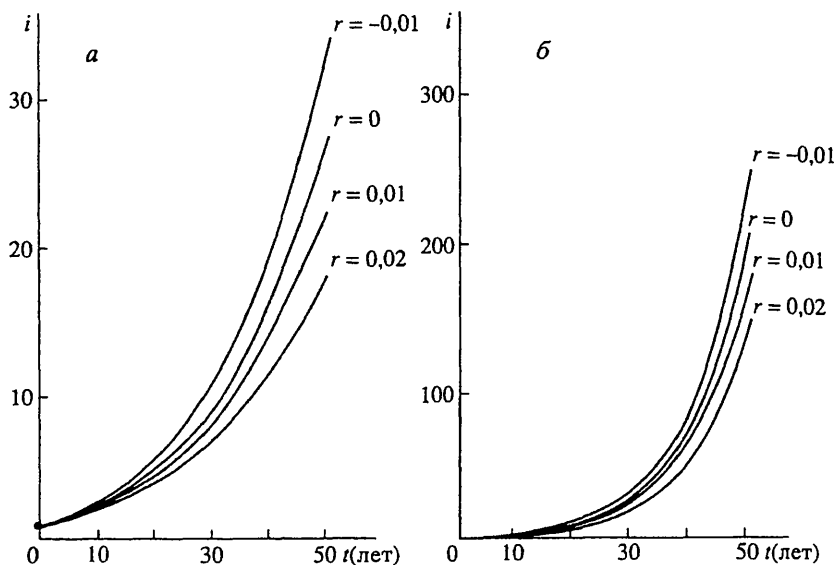

Рис. 12. Обратная зависимость роста $i(t)$ от r при $\alpha + \beta = 1$, $\rho = \text{const}$:
а) $\rho = 0,01$; б) $\rho = 0,03$

ности труда и поэтому может иметь только отрицательные последствия с точки зрения производства. Но мы начнем с рассмотрения именно этой “грубой” гипотезы.

Предположим, что эффект масштаба отсутствует ($\alpha + \beta = 1$), а ρ не зависит от r и является постоянной величиной. Тогда изменения значений r , подставляемых в (70), будут влиять на $i(t)$ только через изменения в фондовооруженности.

Пусть рассматриваются изменения $i(t)$ за 50-летний срок при разных значениях r . Значения постоянных: $D_0 = 0,5$, $\gamma_0 = 0,24$, $\alpha = 0,3$, $\beta = 0,7$, $\rho = 0,01$. Подстановка этих значений в (70) при изменении r от $r = -0,01$ до $r = 0,02$ приводит к картине, изображенной на рис. 12. Производительность труда растет тем быстрее, чем медленнее растет население. Этого и следовало ожидать при принятых нами условиях: рост фондовооруженности труда замедляется в результате “разбавления” фондов большим количеством работников, и это замедление ничем не компенсируется. Предположение гораздо более высоких темпов технического прогресса (например, $\rho = 0,03$) не вносит принципиальных изменений в полученную картину. Производительность труда при этом, естественно, растет гораздо быстрее, а разрыв между значениями $i(t)$ при разных r растет гораздо медленнее, но кривые на графике нигде не пересекаются и обратный характер связи между темпом

**Связь между темпами роста населения,
индексом роста производительности труда и периодом оптимизации**

r	ρ	$i(t)$				
		$t = 10$ лет	$t = 20$ лет	$t = 30$ лет	$t = 40$ лет	$t = 50$ лет
-0,01	0,026	3,08	8,71	24,02	63,37	163,03
0,00	0,028	2,97	8,46	23,33	63,05	167,47
0,01	0,030	2,88	8,17	22,80	63,40	174,95
0,02	0,032	2,79	7,90	22,53	64,56	186,07

роста населения и темпом роста производительности труда нигде не нарушается. Именно о такой схеме, учитывающей только отрицательное воздействие роста населения на производство, А. Сови пишет: “При такой схеме кажется очевидным, что любой рост населения обходится дорого и что, следовательно, стационарное население и даже убывающее имеет преимущества перед растущим населением. Привлекательность этой формулы такова, что лучшие умы не могут ей противостоять” [58: 260].

Что можно противопоставить этой пессимистической схеме? Выше была сделана попытка обосновать правомерность рассмотрения технического прогресса как функции темпа роста населения, причем, по крайней мере на определенном участке изменений r , функции возрастающей. Принятие такой гипотезы существенным образом изменяет картину. Действительно, пусть темп роста производительности труда изменяется по мере изменения r , возрастая с увеличением r и убывая с его уменьшением. Оставляя все остальные величины такими же, что и в предыдущем случае, и проводя расчет по формуле (70), получаем значения $i(t)$, приведенные в табл. 19.

Из таблицы 19 следует, что в условиях рассматриваемого примера по мере удаления от исходного момента влияние роста производительности труда, темп которого увеличивается с ускорением роста населения, становится все более ощутимым, его противодействие отрицательному эффекту более медленного роста фондовооруженности труда – все более заметным. В конце концов, этот отрицательный эффект, имеющий чисто количественную природу, нейтрализуется положительным эффектом качественных сдвигов в производстве (технического и организационного прогресса), после чего более быстрый рост производительности труда соответствует все более и более быстрому росту населения. Соответствующая картина изображена на рис. 13.

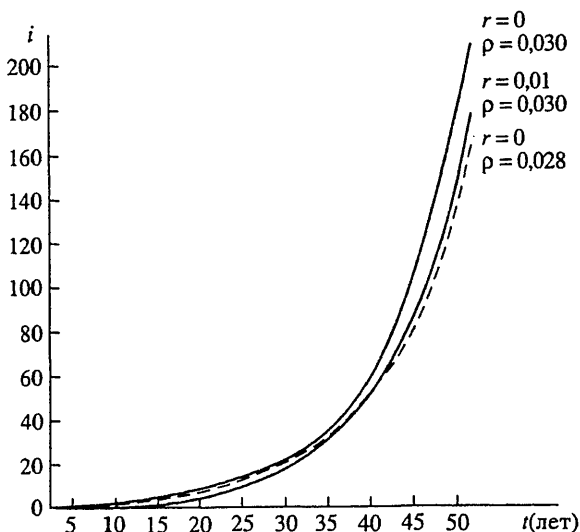

Рис. 13. Рост $i(t)$ при условии, что ρ – возрастающая функция r

При неизменном темпе роста производительности труда ($\rho = 0,030$) $i(t)$ для населения, растущего на 0,01 в год, никогда не превышает значений $i(t)$ для стационарного населения. Но если в случае стационарного населения ниже не только темп роста населения, но и темп технического прогресса ($\rho = 0,028$), то, начиная с какого-то времени (в данном случае примерно через 38 лет), кривая, соответствующая растущему населению, пересекает кривую, соответствующую стационарному населению (пунктирную линию), и в дальнейшем поднимается более круто. Иначе говоря, если более быстрый рост населения способствует ускорению темпа технического прогресса, то рано или поздно более высокий темп роста производительности труда начинает соответствовать и более быстро растущему населению. В этих условиях, следовательно, обнаруживаются отрицательные последствия *снижения* темпа роста населения, подобно тому как в другой ситуации обнаруживаются отрицательные последствия его *повышения*.

Установив наличие противоположных тенденций в изменении индексов роста производительности труда, вытекающих из одного и того же явления – замедления или ускорения роста населения, мы можем снова поставить вопрос об оптимальном темпе роста населения. Постановка такого вопроса предполагает фиксирование срока оптимизации и четкой формулировки критерия оптимальности. Вероятно, нет смысла стремиться к такому темпу роста населения, при котором индекс роста производи-

Таблица 20

Индекс роста производительности
труда за 40 и за 50 лет
в зависимости от темпа роста
населения

r	ρ	$T = 40$	$T = 50$
-0,01	0,026	15,85	33,69
0,00	0,028	15,51	33,79
0,01	0,030	15,27	34,31
0,02	0,032	15,22	35,12

тельности труда через заданное число лет окажется наибольшим, потому что нет никаких оснований пренебрегать поведением этого индекса за весь предшествующий период. Только из того, например, что через 40 лет (предположим, что выбран именно такой срок оптимизации) $i(t)$ для растущего населения окажется выше, чем для стационарного, еще не следует, что надо стремиться к растущему населению, если на протяжении 38 из 40 лет рассматриваемого срока более высокие значения соответствовали стационарному населению.

Более целесообразно стремиться к максимизации величины среднего индекса роста производительности труда за Θ лет

$$\overline{i(t)} = \frac{1}{\Theta} \int_0^{\Theta} i(t) dt. \quad (71)$$

Будучи умноженной на исходную величину выпуска в расчете на одного работника $q(0)$, эта величина дает среднегодовой выпуск на одного работника за Θ лет:

$$\overline{q(t)} = q(0) \overline{i(t)}. \quad (72)$$

В нашем примере средний индекс роста производительности труда $i(t)$ за 40 и за 50 лет будет следующим (табл. 20, интеграл вычислен на основании данных табл. 19 по формуле Симпсона):

Таким образом, при 40-летнем сроке оптимизации (и при принятых исходных данных) оптимальным является отрицательный темп роста населения, при котором население убывает на 1% в год. Если же в качестве периода оптимизации избран 50-летний срок, оптимальным оказывается темп роста, при котором население увеличивается на 2% в год.

Следовательно, даже если более быстрый рост населения влечет за собой не только отрицательные (замедление роста ресурсооруженности труда), но и положительные (ускорение технического прогресса) последствия, чтобы эти положительные последствия могли проявиться, требуется время; положительный эффект, не может быть получен немедленно; идя по пути быстрого роста населения, общество сознательно или бессознательно соглашается на отсрочку его реализации. Период этой отсрочки

зависит от целого ряда условий, в частности от величины r и от конкретного вида функций $\rho(r)$.

Мы ограничили наш анализ рассмотрением двухресурсной производственной функции, в которой в качестве основных видов ресурсов рассматривались труд и производственные фонды. При этом под производственными фондами понимались воспроизводимые фонды в вещественной форме. В действительности рост населения не может не приводить к изменению обеспеченности одного работника невоспроизводимыми ресурсами (вода, земля, полезные ископаемые), а также такими “нематериальными” видами ресурсов, как запас знаний (потому что получение знаний связано с вполне материальными условиями). Для учета более широкого круга экономических ресурсов понадобился бы переход к многоресурсной производственной функции. Такой переход не внес бы, вероятно, принципиальных изменений в полученные нами выводы, и в этой статье многоресурсная производственная функция не рассматривается. Но если бы речь шла о статистической работе, в которой изучались бы количественные взаимосвязи между ростом населения и ростом производства, то рассмотрение связей и соотношений между демографическими изменениями и изменениями количеств различных видов экономических ресурсов и, следовательно, рассмотрение многоресурсной производственной функции было бы необходимым или, во всяком случае, весьма желательным.

4. Заключение

Взаимосвязи между демографическими и экономическими явлениями издавна привлекают внимание научной мысли, но и сегодня еще мы не располагаем цельной и убедительной теорией демозэкономических процессов. Между тем проблемы демозэкономического характера не только существуют в современном мире, но их актуальность даже возрастает.

С одной стороны, среди большей части населения земного шара рост численности населения протекает такими темпами, которые намного превосходят известные ранее. Неизбежно возникает вопрос о том, как сказывается этот чрезвычайно быстрый рост на экономическом развитии многих стран, стремящихся преодолеть вековую отсталость, но располагающих ограниченными экономическими ресурсами. Как сочетаются положительные и отрицательные последствия роста населения в этом случае? Имеется ли *верхний* предел темпа роста населения, переход через который приводит к неизбежному “проеданию” налич-

ных ресурсов и делает экономический рост невозможным или, по крайней мере, сильно тормозит его? К такому темпу роста населения следовало бы стремиться развивающимся странам?

С другой стороны, во многих странах происходит (или произошло) резкое замедление роста населения. Каковы экономические последствия такого характера демографического развития? Каково здесь соотношение положительных и отрицательных последствий? Можно ли говорить о *нижнем* пределе значений темпа роста населения?

Еще в начале XX в. экономисты придерживались преимущественно мальтузианских воззрений на рост численности населения, что можно видеть на примере того же Викасселя¹³. Но уже в 30-е годы новые явления заставили их и по-новому взглянуть на проблемы. В 1938 г. в своем президентском послании Американской экономической ассоциации под названием "Экономический прогресс и замедляющийся рост населения" американский экономист Элвин Хансен писал: "Воспитанные в традиции мальтузианской теории экономисты, мыслящие в терминах статической экономики, оптимистически истолковывают прекращение роста населения... Но было бы ничем не оправданным оптимизмом отрицать, что существуют вытекающие из резкого перехода от быстрого роста населения к его прекращению серьезные структурные неполадки (*maladjustments*), которых можно избежать или которые легко можно смягчить, только если проводить соответствующую изменившейся ситуации экономическую политику" [45: 257]. Хансен отводил важное место влиянию населения на экономику, причем он, по словам Селигмена, "...в каком-то смысле перевернул классическую проблему: в то время как Рикардо и Мальтус выражали беспокойство в связи с возможностью опережающего роста населения по сравнению с наличными ресурсами, он считал, что для создания развитой экономики необходим более быстрый рост населения" [29: 454].

Мысль о том, что слишком медленный рост населения, может иметь отрицательные экономические последствия, высказывалась, конечно, и раньше, в частности демографами. Впоследствии же она получила широкое распространение среди экономис-

¹³ Цитируя утверждение Викасселя о том, что в Швеции в его время оптимум населения был сильно превышен и что только энергичное ограничение рождаемости на протяжении нескольких десятилетий позволит достичь повышения благосостояния, Л. Бюке замечает: "Мы спрашиваем себя, в какой мере личные убеждения Викасселя, который поддерживал неомальтузианское движение, повлияли на этот вывод. Не был ли он склонен, как и многие другие авторы того же направления после него, придавать видимость научности пропаганде ограничения рождаемости?" [36: 39-40].

тов, которые не раз пытались выявить конкретные достоинства и недостатки, вытекающие из того или иного режима воспроизводства населения.

Но это оказалось нелегкой задачей. В целом предположение о том, что более быстрый рост населения в развитых капиталистических странах может способствовать более быстрому экономическому росту, остается лишь гипотезой, которую пока никому не удалось доказать. В 1958 г. С. Кузнец в специальном докладе на конференции, посвященной экономическим и демографическим изменениям в развитых капиталистических странах, попытался рассмотреть вопрос об экономических преимуществах быстрого роста населения. “У меня сложилось впечатление, – заявил он в начале доклада, – что новейшая специальная (и популярная) литература особо подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения – истощение невоспроизводимых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества и т.п. ... Я предполагаю рассмотреть положительный вклад роста населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект” [49: 325]. Но этим намерениям не суждено было осуществиться. На последних страницах доклада можно прочесть, что, даже если говорить о развитой экономике, “главный вопрос нашей дискуссии, как и большинства исследований в области отношения между демографией и экономикой, остается открытым” [49: 339].

“Мы не знаем, – пишет Кузнец, – как много – слишком много и как мало – слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения” [49: 339].

Возвращаясь снова, уже в 1965 г. в Белграде, к этому же вопросу, Кузнец говорит, что “ответом на этот вопрос неизбежно будут лишь умозрительные суждения, основанные на всестороннем применении неполных знаний [18: 122–123]. Но в то же время он утверждал: “Это не означает, что нельзя получить гораздо больших знаний о количественных соотношениях между демографическими тенденциями и экономическим ростом путем систематического изучения данных, относящихся к широкому диапазону времени и пространства. В самом деле, экономисты, пренебрегая демографическими аспектами... в... количественных исследованиях экономики, и демографы, пренебрегая экономическими аспектами... в... количественных исследованиях населения, незаслуженно ограничили систематический количественный

анализ взаимоотношений между этими двумя группами тенденций; а объем данных можно увеличить, чтобы обеспечить гораздо более широкую основу для в общем надежных выводов" [18: 141–142]. Эти "в общем надежные выводы" представляют, конечно, первостепенный интерес и для демографов и экономистов, занимающихся изучением аналогичных проблем в нашей стране, тем более, что именно в условиях плановой экономики учет будущих экономических последствий демографического развития является наиболее важным. Поэтому, несмотря на обоснованный скептицизм в отношении наших сегодняшних знаний о механизме демоэкономического взаимодействия, необходимо всячески развивать работу по его изучению, нащупывать наиболее перспективные направления исследований.

Настоящая статья представляет собой попытку такого изучения. Она посвящена ограниченному вопросу: воздействию демографических процессов на производство и, конечно, не претендует на его исчерпывающее решение. Мы попытались лишь изложить и обосновать несколько относящихся к рассматриваемому вопросу гипотез, которые, может быть, окажутся полезными при дальнейшем развитии демоэкономических исследований.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Бляхман Л.С., Сочилин В.Г., Шкаратан О.И. Подбор и расстановка кадров на предприятии. М., 1968.
3. Боярский А.Я. К проблеме демографического оптимума // Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
4. Васильчук Ю.А. Научно-техническая революция и промышленный пролетариат // Вопросы философии. 1969. № 1.
5. Вишневский С.М. Пути технического прогресса в свете идей В.И. Ленина // Экономика и математические методы. 1969. № 3.
6. Вишневский А.Г. Экономические последствия старения трудоспособного населения // Демографические тетради. Вып. II–III. Киев, 1970.
7. Вишневский А.Г. О показателе истинной интенсивности миграции // Статистика миграции населения (Ученые записки по статистике АН СССР, т. XXI) / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1973.
8. Вишневский А.Г., Шукайло В.Ф. О взаимодействии демографического и экономического роста // Народонаселение: Население и экономика. М., 1973.
9. Вишневський А.Г., Соколинський З.В. До питання про співвідношення демографічного й економічного зростання // Демографічні дослідження. Вип. 2. Київ, 1970.
10. Вопросы оптимального размера предприятия в промышленности СССР. М., 1968.
11. Гаузнер Н.Д. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968.
12. Изард У. Методы регионального анализа. М., 1966.

13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962.
- 13a. РСФСР. М., 1963.
- 13b. Украинская ССР. М., 1963.
- 13c. Белорусская ССР. М., 1963.
- 13d. Узбекская ССР. М., 1962. М., 1963.
- 13e. Казахская ССР. М., 1962.
- 13f. Грузинская ССР. М., 1963.
- 13g. Азербайджанская ССР. М., 1963.
- 13h. Литовская ССР. Вильнюс, 1963.
- 13i. Молдавская ССР. М., 1962.
- 13j. Латвийская ССР. М., 1962.
- 13k. Киргизская ССР. М., 1963.
- 13l. Таджикская ССР. М., 1963.
- 13m. Армянская ССР. М., 1963.
- 13n. Туркменская ССР. М., 1963.
- 13o. Эстонская ССР. М., 1962.
14. Калдор Н. Причины низких темпов экономического роста Великобритании // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 3.
15. Калмык В.А. О факторах интенсивности текучести рабочей силы // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1968. № 11, вып. 3.
16. Кендрик Д. Тенденции производительности в США. М., 1967.
17. Косилов С.А. Очерки физиологии труда. М., 1965.
18. Кузнец С. Демографические аспекты современного экономического роста // Население и экономика. М., 1970.
19. Леман Г. Практическая физиология труда. М., 1967.
20. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
21. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23.
22. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 25, ч. 1.
23. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 26, ч. 1.
24. Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1971.
25. Население мира: Справочник. М., 1965.
26. Панкратьева Н.В. Демографический фактор роста национального дохода и его распределения на фонды потребления и накопления // Факторы экономического развития СССР. М., 1970.
27. Раков А.А. Население БССР. Минск, 1969.
28. Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968.
29. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
30. Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии // Проблемы демографии. М., 1971.
31. Харрод Р.Ф. К теории экономической динамики. М., 1959.
32. Шляпентох В.Э. Возраст и заработная плата как фактор текучести рабочей силы // Опыт исследования перемены труда в промышленности. Новосибирск, 1969.
33. Шукайло В.Ф. Про математичні закономірності взаємозв'язку демографічного й економічного зростання // Демографічні дослідження. Вип. 2. Київ, 1970.
34. Boch G., Praderie M. La population active dans les pays développés. P., 1966.
35. Bogue D.G. The population of the United States.
36. Buquet L. L'optimum de population. P., 1956.

37. *Cailar A., Girard A.* Les lauréats des prix Nobel de 1901 à 1910. Etude biodémographique // *Population*. 1967. № 6.
38. *Cannan E.* Elementary Political Economy. L., 1888.
39. Demographic aspects of manpower: Report. Sex and age. Patterns of participation in economic activity. UN. ST/SOA, Series 33. N.Y., 1962.
40. *Denison E.F.* Why growth rates differ. Washington, 1967.
41. *Duncan O.D.* Occupation trends and patterns of net mobility in the United States // *Demography*. 1966. Vol. 3. № 1.
42. *Denti E.* Participation des populations urbaines et rurales à l'activité économique selon le sexe et l'âge // *Revue internationale du travail*. 1968. Vol. 98, № 6.
43. *Eldridge H.T., Thomas O.S.* Population redistribution and economic growth, US, 1870–1950. V. III: Demographic analysis and interrelations. Philadelphia, 1964.
44. *Guilbert M.* Les fonctions des femmes dans l'industrie, 1966.
45. *Hansen A.H.* Economic progress and declining population growth // *Population theory and policy*. Selected readings. Glencoe, 1956.
46. *Hedberg M.* The process of labor turnover. Stockholm, 1967.
47. *Kono S., Shio M.* Interprefectural migration in Japan, 1956 and 1961 // *Migration stream analysis*. L., 1965.
48. *Kuznets S.* Economic growth of small nations // *Economic consequences of the size of nations*. L., 1960.
49. *Kuznets S.* Population change and aggregate output // *Demographic and economic change in developed countries*. Princeton, 1960.
50. *Ladinsky J.* Sources of geographic mobility among professional workers: a multivariate analysis // *Demography*. 1967. № 1.
51. *Lehman H.* Age and achievement. Princeton, 1953.
52. *Lopin M.* Note sur l'étude de la population adulte // *Buquet L.* L'optimum de population. Annexe.
53. *Ludnosc Polski w latach 1945–1965*. Warszawa, 1966.
54. *Miller H.P.* Lifetime income and economic growth // *The American Economic Review*: 1965. V. LV. N 4.
55. Mobility and worker adaptation to economic change in the United States. Manpower Research Bulletin. 1963. N 1, July.
56. *Robinson E.A.* Introduction // *Economic consequences of the size of nations*. L., 1960.
57. *Rotschild K.W.* Size and viability: The lesson of Austria // *Economic consequences of the size of nations*. L., 1960.
58. *Sauvy A.* Malthus et les deux Marx. P., 1963.
59. *Sauvy A.* Théorie générale de la population. Vol. 1: Economie et croissance. P., 1963.
60. Tables of working life for women. 1950. U.S. Department of Labor Bulletin № 1204.
61. *Valkovics E.* Magyarország népességének gazdasági korfai [Экономические возрастные пирамиды населения Венгрии]. Budapest, 1967.
62. *Wicksell K.* Das Optimum der Bevölkerung: Die neue Generation. Berlin, 1910.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФОРМ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ¹

ТЕНДЕНЦИЯ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время главной тенденцией в размещении населения во всем мире и особенно в экономически развитых странах является тенденция к его территориальной концентрации, к сосредоточению все большей доли населения во все более крупных центрах. Так, согласно оценкам Комиссии населения ООН, доля населения крупнейших городов (свыше 500 тыс. человек) во всем населении мира в 1920–1960 гг. удвоилась и сохраняет тенденцию к дальнейшему увеличению.

Тенденция к концентрации населения в крупных городских центрах четко прослеживается и в нашей стране, где она реализуется не стихийно, а под воздействием политики сдерживания роста крупных городов. Последовательное проведение этой политики на научной основе требует постоянного изучения объективных предпосылок, приводящих к концентрации населения в условиях социалистической экономики. Рассмотрению экономических аспектов этой проблемы и посвящена настоящая статья.

Сдвиги в распределении населения СССР по различным поселениям показаны по данным табл. 2.

За четыре с половиной десятилетия доля сельского населения СССР упала почти вдвое, доля городского резко возросла, особенно доля населения более крупных городов. Доля городских поселений до 100 тыс. человек в населении страны увеличилась в 2,2 раза, тогда как доля городов от 100 до 500 тыс. человек – в 4,3 раза, а крупнейших городов – в 5,5 раза. В период между двумя последними переписями обнаружилось новое явление – стабилизация доли городских поселений с населением до 100 тыс. человек, что в еще большей степени подчеркивает

¹ Впервые опубликовано: Проблемы современной урбанизации / Под ред. Ю.Л. Пивоварова. М.: Статистика, 1972. С. 51–73.

**Доля крупнейших городов во всем населении мира и в населении
экономически развитых стран (в %)**

	1920 г.	1940 г.	1960 г.	1980 г.
Весь мир				
500 тыс. человек и более	5,7	7,9	11,8	15,4
2500 тыс. человек и более	4,9	3,3	4,7	8,1
Экономически развитые страны				
500 тыс. человек и более	13,8	16,7	22,6	28,7
2500 тыс. человек и более	5,3	8,4	10,0	15,6

Источник: [12: 67].

Таблица 2

Доля жителей поселений во всем населении СССР (в %)

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.
Сельские поселения	82,1	68,3	52,1	43,7
Городские поселения с населением				
До 50 тыс. человек	8,6	13,1	19,3	19,5
50–100	2,8	3,7	5,3	5,4
100–500	3,7	8,2	11,7	15,9
500 тыс. и более	2,8	6,7	11,6	15,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источники: Рассчитано по: [3: 13, 35; 4: 10].

тенденцию к сосредоточению населения в крупных и крупнейших городах.

Продолжающееся увеличение доли населения крупных и крупнейших городов в населении страны опровергает недавние прогнозы некоторых специалистов в области изучения городов², что объясняется, по нашему мнению, неточностью теоретических представлений, лежащих в основе подобных прогнозов.

Рост численности населения крупных городов и их доли во всем населении является неизбежным результатом эволюции форм расселения, происходящей в неразрывной связи с процес-

² См., например [8: 3]: "Интенсивный рост наших крупных городов – явление временное, и можно полагать, что через 5–7 лет этот процесс прекратится".

сами социального и экономического развития общества, и отражает характерную для современного этапа урбанизации тенденцию к территориальной концентрации экономической деятельности.

На протяжении тысячелетий основные производительные силы общества были сосредоточены в сельском хозяйстве, что предполагало относительно однородное и равномерное размещение их на освоенной территории.

Промышленная революция конца XVIII – начала XIX столетия имела своим последствием кардинальную перегруппировку экономических сил, изменение соотношений между сельским хозяйством и другими отраслями народного хозяйства, быстрое сокращение доли сельскохозяйственного производства во всем общественном производстве, а следовательно, и непрерывное сужение главной базы децентрализованного, рассредоточенного размещения производительных сил. Промышленность превращалась в отрасль, концентрирующую основную массу производительных сил, так что размещение промышленности определяло теперь общую картину размещения производства.

При этом в самой промышленности все время происходили и происходят изменения соотношений между отраслями, которые приводят к постоянному росту доли занятых в обрабатывающей промышленности за счет занятых в добывающей промышленности. Предприятия же обрабатывающей промышленности более свободны в выборе места своего размещения. Иногда эту свободу рассматривают в качестве одной из главных предпосылок ее децентрализованного размещения, но исторический опыт показывает, что именно эта свобода, непривязанность к какому-либо определенному месту, способствовала достижению невиданных ранее масштабов территориальной концентрации обрабатывающей промышленности.

Если рассматривать только техническую сторону развития: производительные силы, чисто технические достижения, то промышленное предприятие действительно становится все более и более свободным в выборе места своего размещения. Еще Ф. Энгельс отмечал, что, “научив нас превращать, в технических целях, молекулярное движение, осуществимое более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок” [11: 307].

Развитие транспорта, передача энергии на большие расстояния, колоссальный прогресс средств связи, казалось бы, делают промышленность еще более независимой от каких бы то ни было местных условий, еще более свободной в выборе места разме-

шения. Однако весь опыт как стихийно развивающейся промышленности капиталистических стран, так и нашей промышленности, развивающейся на плановой основе, свидетельствует о том, что наряду с элементами свободы, обуславливающими тенденцию к более равномерному размещению промышленности, к ее территориальной децентрации, с развитием производительных сил развиваются и противодействующие этой тенденции элементы необходимости, вызывающие развитие противоположной тенденции к территориальной концентрации промышленности. Эта последняя обусловлена возможностью использования “агломерационной экономии”, получения “агломерационного эффекта”, возникающего в пунктах концентрации производства [6; 7].

Возникновение “агломерационного эффекта” связано как с результатами материального взаимодействия расположенных в одном пункте производств (производственная, строительная и другие формы кооперирования), так и с более общими преимуществами нематериального характера: “атмосферой” большого города, культурной средой, широкими возможностями непосредственного общения, обмена информацией и т.д.; последние менее очевидны и с большим трудом поддаются количественной оценке.

Есть основание полагать, что развитие научно-технической революции, приводящей к глубоким качественным изменениям в процессе материального производства и огромному возрастанию таких “нематериальных” форм деятельности, как научная, управленческая и т.д., неизмеримо повышает роль именно этих преимуществ, что еще более усиливает тенденцию к территориальной концентрации экономической деятельности.

Тенденция к территориальной концентрации является главной, но не единственной. Все более полное вовлечение в хозяйственный оборот разнообразных природных ресурсов приводит к освоению самых удаленных районов страны, а возрастающая экономическая мощь и технический прогресс делают эти районы все более доступными. В результате увеличивается объективная возможность для более равномерного размещения производительных сил на территории страны. Но это не противоречит тенденции к концентрации экономической деятельности, поскольку последняя означает более равномерное размещение все более крупных экономических центров.

Если исходить из того, что путь ко все более концентрированному размещению производительных сил, при прочих равных условиях, есть путь к большей экономической эффективности, то, казалось бы, в том же направлении должно действовать и раз-

витие более концентрированных форм расселения. Иначе говоря, общество, стремящееся к максимальной эффективности производства, должно было бы ориентироваться на максимальное развитие крупных и крупнейших городов. Между тем хорошо известно, что именно такое развитие часто вызывает критику со стороны специалистов и что широко распространены взгляды, согласно которым не стимулирование, а, наоборот, жесткое ограничение роста крупных и крупнейших городов является важной целью общества.

В какой мере правомерна такая критика и следующие из нее выводы?

КРИТИКА КРУПНЫХ ГОРОДОВ С ПОЗИЦИЙ ПРОШЛОГО И С ПОЗИЦИЙ БУДУЩЕГО

Критическое отношение к городам, особенно крупным, имеет давние традиции и, разумеется, не лишено серьезных оснований. Однако следует четко различать позиции, с которых может вестись критика. Возможна критика с позиций прошлого, с позиций уже пережитого этапа развития форм расселения, который необоснованно идеализируется. При такой критике постоянно подчеркиваются недостатки крупных городов на фоне достоинств городов малых и средних, а на более ранних ступенях развития процесса урбанизации – недостатки городов вообще на фоне достоинств деревни.

При этом упускается из виду, что, во-первых, и крупные города имеют немало достоинств, как раз тех, которых нет у малых и средних городов, но которые представляют несомненную ценность на современном этапе общественного развития. Особенно важно указать на их высокую экономическую эффективность и на те широкие возможности всестороннего духовного развития личности, которые предоставляют современные большие города. Во-вторых, весь опыт экономического и общественного развития показывает, что для высокоразвитых стран время небольших городов прошло и что вряд ли система расселения в таких странах может в своем развитии переориентироваться на средние и малые города.

Но возможна критика крупных городов и с других позиций – с позиций будущего. При такой критике недостатки этих городов рассматриваются не как следствие их размеров, не как результат их чрезмерного развития, а скорее как результат их недостаточного развития, как свидетельство того, что никакое развитие не бывает непротиворечивым и безболезненным. При этом иногда

идеализируются будущие формы расселения – “идеальные города”, “города будущего” и т.п., что тоже не имеет под собой достаточной почвы, потому что и в будущем развитие форм расселения останется неотъемлемым элементом общих процессов социально-экономического развития – всегда достаточно сложных и противоречивых. Однако преимуществом критики с позиций будущего всегда остается то, что она не выдает современное развитие за заблуждение общества, а признает закономерность и необратимость происходящих процессов.

Естественно, что советские специалисты в области развития городов и урбанизации, как бы критически они ни относились к отрицательным явлениям, связанным с ростом крупных городов, должны вести свою критику не с позиций прошлого, а с позиций будущего, их положительная программа должна быть устремлена не к рудиментам старого, а к росткам нового. Крупные города действительно имеют весьма существенные недостатки, но простая констатация этого неоспоримого факта оказывается малопродуктивной. Необходимо понять природу недостатков и механизм их возникновения – это принципиально важно для определения целей и путей воздействия на развитие крупных городов и на процесс урбанизации в целом.

КРУПНЫЕ ГОРОДА И РОСТ ЗАТРАТ ОБЩЕСТВА

Одним из главных обвинений в адрес крупных городов является их возрастающая стоимость. Действительно, рост городов вообще, а крупных в особенности связан с огромным увеличением расходов общества. Это объясняется тем, что урбанизация – это не просто количественный сдвиг в соотношении различных групп поселений, это колоссальный качественный скачок, резкий переход от экстенсивных к интенсивным формам организации расселения.

Уже развитие капитализма, особенно после промышленной революции, оказывает огромное влияние на экономическое положение и культурный уровень населения. В течение относительно короткого времени происходит кардинальная переоценка ценностей многими миллионами людей, изменяются их вкусы и потребности, этические нормы и психологические установки, жизненные стандарты и т.п. Скопление огромных людских масс в городах чрезвычайно ускоряет все эти изменения у городских жителей, благодаря тесным и систематическим контактам.

Эта перестройка не может не затронуть и требований людей к среде обитания, их представлений о “нормальном” жилище и “нормальном” городе. Такие представления имеют, конечно, исторический характер, эволюционируют в ходе экономического развития и претерпевают принципиальные изменения с ликвидацией отношений, основанных на классовом антагонизме, хотя общее направление их развития сохраняется. Изменение соотношений между рабочим и свободным временем, повышение культурного уровня, прогресс медицины и эволюция гигиенических норм приводят к тому, что развитие городов на старой технической базе становится все менее и менее возможным. С другой стороны, к этому же приводят и сами масштабы развития городов, которые уже не могут существовать и развиваться без разветвленного городского транспорта, мощных санитарно-технических систем, современных методов строительства и т.п.

В итоге возрастающая концентрация людских масс в городах происходит в неразрывной связи с возрастающей интенсивностью освоения городских территорий. Последние превращаются в искусственную среду обитания, специально приспособленную к чрезвычайно высокой плотности городского населения, что полностью соответствует тенденции к интенсификации всего хозяйства в целом и каждой его отдельной отрасли.

В процессе развития городов идет непрерывное наращивание интенсивности использования их территории: повышается плотность застройки, городская территория насыщается всеми видами коммуникаций, новые материалы, новые методы строительства, новые принципы планировки, последние достижения науки и техники все шире входят в арсенал городского строительства и хозяйства. Горизонтальный и вертикальный транспорт, новейшие средства связи, дающие возможность непосредственного общения на расстоянии, современная санитарная техника – все может быть использовано для того, чтобы создать человеку необходимый комфорт в новой среде, принципиально отличной от той, в которой он жил раньше.

Но реализация этих возможностей не может происходить беспрепятственно. Обеспечение развития городов, распространения городского образа жизни превращается в одну из самых дорогостоящих потребностей общества, которой оно почти не знало раньше, требует от него огромных средств. Дело усложняется тем, что во многих случаях возникновение этой потребности происходит не постепенно, а имеет характер взрыва, что еще более затрудняет ее удовлетворение.

СТОИМОСТЬ КРУПНЫХ ГОРОДОВ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Очень часто описанная только что ситуация осознается односторонне: развитие больших городов обходится очень дорого, поэтому они хуже, значит, надо развивать города поменьше и подешевле. Необходимо совершенно четко осознать ошибочность этого подхода, осознать неразрывную связь, существующую между ростом затрат на развитие городов и ростом эффективности последних.

Большие затраты на развитие крупных городов ни в коем случае не являются недостатком, как не является недостатком никакое повышение интенсивности ведения хозяйства. Технический прогресс приводит к увеличению затрат на гектар возделываемой земли или к росту стоимости производственных фондов на одного рабочего, обеспечивающим в целом более чем пропорциональное увеличение эффективности производства. То же происходит и с городами. Их рост требует быстрого роста затрат, но отдача от этих затрат может увеличиваться еще быстрее.

Однако в нашей литературе еще нередко не находит признания тот факт, что в целом народнохозяйственная эффективность городов тесно связана с их величиной, а иногда отрицается даже само значение этого факта. "Аргумент в пользу неограниченного развития сверхбольших городов, как обеспечивающих наивысший уровень производительности труда, является подменой предмета обсуждения, — пишет В.Г. Давидович. — Производительность труда зависит от величины предприятий, технического прогресса, научной организации труда, а не от величины городов" [2: 28]. Но в том-то и дело, — и это надо подчеркнуть отнюдь не в качестве аргумента в пользу развития сверхбольших городов, — что именно технический прогресс и научная организация труда очень чувствительны к атмосфере больших городов, к наличию в них квалифицированных кадров и искушенных потребителей, к накопленным основным фондам, производственному опыту, культурным традициям и т.д., так что производительность труда не может не зависеть от величины городов. Впрочем, дело не только в производительности труда на предприятиях; эффект, извлекаемый обществом из развития городов, особенно крупных, намного превышает тот выигрыш, который возникает в результате несколько более высокой производительности труда или фондоотдачи в промышленности этих городов. Их вклад в развитие экономики индустриально развитых стран в течение последних полутора-двух веков неизмеримо больше.

Нынешняя цивилизация, о каких бы ее проявлениях ни шла речь – о промышленности, о сельском хозяйстве, науке, культуре, общественной жизни – создана в городах, прежде всего в крупных, которые, в свою очередь, остаются одним из важнейших ее завоеваний. Но так как до сих пор мы не располагаем методами оценки многих, может быть, наиболее важных элементов эффекта, вытекающих из возрастающей концентрации производства и населения, то многие авторы попросту игнорируют их существование и сосредоточивают все внимание только на элементах эффекта, поддающихся количественной оценке, например на производительности труда. При этом, правда, никому не удалось привести достаточно убедительных данных, свидетельствующих о том, что показатели производительности труда или какие-либо другие показатели экономической эффективности производства в больших городах менее благоприятны, чем в меньших, в литературе легче найти данные, свидетельствующие об обратном (См., напр. [9: 81, 83]).

Несмотря на это, среди специалистов все еще распространена аргументация, которая предполагает прямую связь между высокой стоимостью крупных городов и необходимостью их ограничения³.

Универсального закона убывающего плодородия почвы или убывающей эффективности капиталовложений не существует, точно так же не существует и закона убывающей эффективности крупных городов. Росту затрат в этих городах противостоит еще более быстрый рост их отдачи: глубокая прогрессивность крупных городов, их высокая экономическая и социальная эффективность многократно засвидетельствованы историей, и если бы общество было абсолютно свободно в выборе форм расселения и путей его перестройки, то оно гораздо определеннее, чем сейчас, встало бы на путь преимущественного развития концентрированных форм расселения и двигалось бы по этому пути с гораздо большей скоростью.

Однако никакое общество никогда не располагает такой абсолютной свободой. Оно всегда должно соотноситься со своей

³ “Чем крупнее город, тем больше общей территории приходится в среднем на одного жителя. Площадь эту нужно упорядочить, благоустроить. Транспортные линии все более удлиняются, надо строить скоростные дороги, противостоят сокращению площади “зеленых островов”, находить разумную структуру размещения мест труда, жилых районов и зон отдыха. Сложность проблем с ростом численности населения возрастает в геометрической прогрессии” [10].

Но ведь возможности общества решать сложные проблемы также растут отнюдь не в арифметической прогрессии. Управляемость роста крупных городов – вот цель, которую общество ставит перед собой.

практическую деятельность со своими реальными возможностями – обязательное условие, которое нельзя упускать из виду, когда речь идет о процессе урбанизации. Несоблюдение этого условия приводит к тому, что разрыв между городскими потребностями и возможностями общества осознается тогда, когда кризис больших городов становится неопровержимым фактом и принимает угрожающие размеры.

СТОИМОСТЬ КРУПНЫХ ГОРОДОВ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕСУРСОВ

Как отмечалось выше, признание того, что крупнейшие города наиболее эффективны, казалось бы, должно вести к требованию их максимального развития. Однако известно, что, поскольку речь идет об отдельных отраслях народного хозяйства (а градостроительство – одна из таких отраслей), общество вообще никогда не ориентируется и не может ориентироваться на максимальную эффективность независимо от величины затрат, потому что, в силу ограниченности общих ресурсов народного хозяйства, отвлечение слишком большой доли этих ресурсов на нужды данной отрасли может неоправданно лимитировать развитие других отраслей и тем самым замедлить рост народнохозяйственной эффективности в целом.

Специфические потребности, связанные с развитием урбанизации, существуют наряду со множеством других специфических потребностей, вытекающих из развития промышленности и сельского хозяйства, культуры и здравоохранения, из нужд освоения космического пространства и повышения обороноспособности и т.д. и т.п. В результате распределения наличных ресурсов между всеми участками народного хозяйства получают свою долю и градостроительство и городское хозяйство.

Доля эта зависит от общего объема ресурсов, а также от того, какое место занимает данная потребность среди прочих потребностей общества. Городские проблемы, например, могут быть очень острыми, но еще острее могут оказаться проблемы укрепления обороны, и тогда доля градостроительства будет соответственно урезана.

В результате ресурсы, выделенные на нужды крупных городов, могут оказаться намного ниже их реальных потребностей, так что многие проблемы этих городов останутся нерешенными. Но это вовсе не значит, что крупные города прямо или косвенно, сознательно или бессознательно признаются менее эффективными. Наоборот, именно на эти города расходуется львиная доля

всех “городских” средств, и именно эти города используются в качестве мест расселения до предела, допустимого при тех ограниченных средствах, которые они получают.

Если бы ограниченности средств не существовало, то селитебные возможности крупных городов можно было бы повышать практически неограниченно. Селитебная емкость “вертикальных” городов, подобных тем, которые предлагал Корбюзье, а сейчас проектируют многие авторы “городов будущего”, колоссальна, и условия жизни в них, по мысли создателей проектов, приближаются к идеальным. Такие города – это предельный случай интенсивного пути создания городской среды.

Но в действительности ограниченность средств всегда существует. Хотя средства, отпускаемые на нужды развития городов, очень быстро растут, потребности, связанные с увеличивающимися масштабами концентрации населения, и новые технические возможности часто растут еще быстрее, в силу чего потребности остаются в значительной степени неудовлетворенными, а технические возможности нереализованными.

В результате этого городская среда преобразовывается лишь частично, селитебная емкость городов развивается лишь в меру тех средств, которые на это расходуются, а не в меру тех потребностей, которые реально существуют, возникает разрыв между потребностями и возможностями, который проявляется в форме известных отрицательных явлений: в перенаселенности городских центров, в транспортных трудностях больших городов, в “расползании” их территорий, загрязнении водных и воздушных бассейнов, в отрыве населения от природной среды и т.п. Эти отрицательные явления иногда воспринимаются поверхностной мыслью в качестве органических недостатков больших городов как формы расселения, тогда как в действительности они вытекают из ограниченности экономических ресурсов.

Только поддержание постоянного соответствия между потребностью в ресурсах для развития крупных городов и предназначенными для этой цели наличными ресурсами может обеспечить гармоничное развитие этих городов и устранение их недостатков. Трудность заключается в том, что как потребности, так и возможности непрерывно меняются, в силу чего меняются и условия поддержания равновесия между ними. Но задачу обеспечения необходимого соответствия нельзя считать неразрешимой; по мере увеличения богатства общества и по мере совершенствования методов управления процессом урбанизации города будут развиваться более гармонично.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕСУРСОВ И ФОРМЫ РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

Воздействие на процесс урбанизации для приведения растущих городских потребностей в соответствие с экономическими возможностями общества может осуществляться различными путями.

Наиболее желательным всегда является сокращение возникающего разрыва за счет расширения возможностей, т. е. за счет относительно более быстрого роста народного богатства и увеличения его доли, идущей на городские нужды. Но, хотя этот путь в принципе не исключается и на практике используется, в каждый данный момент существуют определенные пределы наращивания городских расходов, которые определяются как общей величиной экономического потенциала, так и “конкуренцией потребностей”. Достижение этого предела и означает, что общество натолкнулось на ограниченность экономических ресурсов и в данный момент должно искать другие пути сокращения разрыва между потребностями и возможностями развития городов.

Один из этих путей заключается в том, чтобы признать часть потребностей не подлежащими первостепенному удовлетворению, заведомо отказаться от их удовлетворения в данный момент. Не отказываясь от наращивания градообразующей базы крупных городов и от получения дополнительного эффекта от их экономических комплексов, можно расширить возможности роста крупных городов за счет снижения требований к условиям жизни в них, за счет отступления от “нормальных условий”.

“Нормальные условия” — понятие весьма эластичное. Даже если оговорен определенный набор стандартов, которым должен отвечать современный город, возможны очень сильные отклонения от этих стандартов за счет перенаселенности городов по сравнению с нормативным уровнем. Такая перенаселенность имеет место практически во всех крупных городах мира, и общество, отнюдь не считая ее желательной, мирится с ней, потому что перенаселенность крупных городов, пока она не достигла некоторого критического предела, — это огромный резерв повышения их селитебной емкости и, в конечном счете, извлечения дополнительного эффекта из их народнохозяйственных комплексов. Конечно, условия жизни при этом ухудшаются, но это — сознательно приносимая жертва, на которую вынуждено идти общество и которая, в глазах самих жителей крупных городов, окупается имеющимися здесь преимуществами экономического и социального характера. Во всяком слу-

чае, поток мигрантов в крупные города всего мира не ослабевает.

Перенаселенность крупных городов ни в коем случае не является абсолютной, не означает, что, начиная с какого-то уровня, сама высокая численность населения должна рассматриваться как отрицательный фактор. Она вытекает не из того, что численность населения крупных городов велика, а из того, что интенсивность освоения городских территорий низка.

Но если имеющиеся в распоряжении общества ресурсы ограничивают возможности интенсивного развития городов, а развивать их все равно надо, то единственный выход, к которому можно прибегнуть, это использование экстенсивного пути, менее дорогого, но зато и менее эффективного с точки зрения условий жизни городского населения. Конечно, полный отказ от интенсивного освоения городских территорий в пользу их экстенсивного освоения невозможен, речь может идти лишь о том или ином компромиссе этих двух путей, об их сочетании, которое определяется градостроительными задачами, подлежащими решению в пределах установленного лимита средств.

Такое сочетание исключает однородный характер освоения городских территорий. Оно может включать, например, коренную реконструкцию центра города с застройкой его небоскребами, созданием искусственных водоемов и лужаек и т.п.; сооружение пяти-, девятиэтажных домов в периферийном районе города; одноэтажную усадебную застройку пригородов, где малые затраты на строительство и благоустройство сочетаются с сохранением естественной природной среды.

Возможна масса других самых разнообразных сочетаний типов застройки и освоения территорий, каждый из которых не является идеальным и имеет свои достоинства и недостатки. Такая неоднородность освоения территорий городов порождает их зондирование, являющееся не функциональным, а экономическим, и предопределяющее их пространственную структуру, которая далеко не всегда может быть оправдана соображениями рациональности в техническом смысле этого слова.

В экономическом зонировании территории следует искать объяснения и процесса субурбанизации. Различные формы селитебных образований могут оказаться вытолкнутыми за пределы компактного городского ядра под влиянием чисто экономических соображений. Это относится, в частности, к многочисленным одноэтажным поселкам, окружающим наши большие города и очень тесно связанным с ними трудовыми связями. Смысл создания и развития этих поселков был в их

небольшой стоимости; государство почти не несло расходов в связи с их строительством и благоустройством, размещение же подобной застройки в пределах городов хотя и имело место, но противоречило интенсивному характеру освоения городских земель. Низкий уровень благоустройства этих поселков, их значительная удаленность от места работы и другие неудобства лишь частично компенсируются хорошими природными условиями, наличием приусадебных участков и т. п., в целом же жизнь в поселках связана со многими неудобствами, которых не знает житель города, но это опять-таки вызывается экономической необходимостью.

Субурбанизация осуществляется, конечно, и в формах более интенсивных, чем просто одноэтажное усадебное строительство, но в любом случае она остается путем более экстенсивным по сравнению с интенсивным развитием современных городов. Масштабы и темпы превращения городов в городские агломерации (речь идет о моноцентрических агломерациях, возникающих именно в результате процесса субурбанизации) в значительной степени зависят от соотношения интенсивного и экстенсивного путей городского развития, последнее же определяется соотношением динамики экономических возможностей и потребностей.

КРУПНЫЕ ГОРОДА И ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ

Темпы роста селитебной емкости крупных городов и агломераций, в свою очередь, оказывают влияние на темпы концентрации производительных сил, а следовательно, и на эволюцию всей системы расселения в целом. До тех пор, пока, то ли ценой нарастающей перенаселенности, то ли за счет использования возможностей экстенсивного пути развития, то ли привлекая жителей окрестных сел (это тоже форма субурбанизации), город может увеличивать число занятых в своем народнохозяйственном комплексе, нарастание его градообразующего потенциала будет продолжаться. Когда же эти возможности исчерпываются, что проявляется в обострении “недостатков” крупного города, появляются препятствия к размещению в городе новых градообразующих объектов.

Препятствия эти могут быть самыми различными — от необыкновенно высоких цен на городскую землю в капиталистических странах до прямого запрета строить, различной может быть и их действенность; но начинают нарастать те или иные

отталкивающие силы, причем они тем значительней, чем меньше возможности общества увеличивать емкость крупных городов. В этой ситуации, естественно, повышается ценность следующего класса городов (так называемых средних городов), которые могут принять на себя размещение градообразующих объектов, не попавших в крупные города. В этом и проявляется реально тенденция к деконцентрации производительных сил, вытекающая из самого развития центров концентрации – крупных городов.

К чему, однако, может привести эта тенденция? Можно представить себе два пути. Первый из них заключается в том, что общество, столкнувшись с невозможностью в данный момент продолжать наращивать мощность уже имеющихся территориально-производственных комплексов, создает на базе средних городов, а может быть, даже и на пустом месте, несколько новых крупных центров, которые через некоторое время входят в число крупных городов со всеми вытекающими отсюда последствиями, с теми же “недостатками”, которые были и у старых крупных городов, но и с той же высокой эффективностью. В этом случае деконцентрация является только кажущейся, на самом деле продолжается концентрация, увеличение числа центров концентрации свидетельствует просто об увеличении масштабов народного хозяйства.

Второй путь заключается в том, что общество, столкнувшись с пределом концентрации производства в крупных городах, решает осуществить действительную деконцентрацию и в дальнейшем размещает градообразующие объекты только в средних и малых городах, не допуская их перерастания в крупные города.

В жизни развитие идет скорее по первому пути. Многие специалисты все еще полагают, что это – временное явление, и призывают к скорейшему переходу на второй путь, который кажется им более рациональным. Однако если исходить из признания тенденции к концентрации производительных сил и централизации многих экономических и социальных функций, то именно второй путь кажется нам малоперспективным.

С точки зрения абстрактной схемы, будущее средних, а тем более малых городов связано только с теми функциями, которые не поддаются централизации, выполнение которых возможно только в данном месте и нигде больше. К ним относятся, например, функции центров добывающей промышленности, сельскохозяйственных районов, административные функции, функции курортных и туристских центров и т.п.

Выполнение же функций, для которых характерны тенден-

ции к концентрации, будет все в большей мере сосредоточиваться в крупных и крупнейших городах.

Но действительность гораздо богаче самой верной схемы. И в отдаленном будущем функции средних и малых городов будут гораздо более разнообразными, во-первых, потому, что существует взаимосвязь функций (например, некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, несмотря на влияние тенденции к концентрации, тяготеют к предприятиям добывающей промышленности, и с теми и с другими могут быть связаны научные учреждения и учреждения по подготовке кадров, определенные требования к структуре занятости города предъясняет структура его населения и т.п.); во-вторых, потому, что многие небольшие города исторически уже сложились как многофункциональные, и нет никакого смысла ломать их сложившуюся народнохозяйственную структуру; в-третьих, потому, что разные функции в различной степени подвержены тенденции к концентрации, а границы между различными типами городов (крупнейшими, крупными, средними и т.д.) далеки от того, чтобы быть абсолютно четкими; наконец, потому, что в процессе размещения производительных сил неизбежны отдельные ошибки и случайности.

Эти и подобные им факторы обеспечивают гораздо большую “живучесть” всех тех типов городских поселений, которые с точки зрения абстрактной схемы, учитывающей только универсальную тенденцию к концентрации, могут казаться мало-перспективными. Тем не менее, тенденция к концентрации очень сильно ограничивает перспективы этих городских поселений, потому что они не могут противопоставить крупным городам более высокую народнохозяйственную эффективность, о которой шла речь выше.

Значит ли это, что экономическая база средних и даже некоторых малых городов не развивается и не будет развиваться, а все призывы сторонников их подъема останутся втуне? Нет, не значит. И в средних, и отчасти в малых городах размещаются и будут размещаться промышленные и другие объекты, способствующие укреплению их градообразующей базы. Но это размещение является отнюдь не следствием высокой эффективности этих городов, оно диктуется многими факторами, в том числе и ограниченностью средств, которыми располагает общество для того, чтобы размещать все элементы производительных сил, ориентируясь на максимальную эффективность.

Когда возможности размещения необходимых для народнохозяйственного развития объектов в крупных городах, насыщенных до предела, исчерпываются и нет ресурсов, чтобы отодви-

нуть этот предел в короткие сроки (но не вообще), приходится переходить к строительству в других пунктах, в первую очередь в близлежащих к крупным городам. Здесь оседают связанные с последними промышленные предприятия, научные центры, учебные заведения и т.п., а также расселяется часть населения, работающего в центральном городе, в результате чего складывается городская агломерация. Средние и малые города в пределах агломерации быстро развиваются, но причины их развития следует искать не в них самих, а во влиянии крупного города, который обеспечивает благоприятные условия для развития производства, научной деятельности и т.д.

Однако городские агломерации очень быстро могут оказаться перенасыщенными, особенно если интенсивность освоения их территории невелика, как это обычно и бывает, и тогда в повестку дня ставится вопрос об использовании для размещения новых народнохозяйственных объектов средних и малых городов.

Таким образом, жизненность и даже известная перспективность средних и малых городов вытекает не столько из каких-то особых, по самой природе присущих им черт, сколько из того простого факта экономической действительности, что общество не располагает достаточными ресурсами для обеспечения необходимой ему в данный момент емкости крупных и крупнейших городов. Это обычная в экономике ситуация, аналогичная использованию для сельскохозяйственных нужд худших земель, когда исчерпаны лучшие. Худшие земли стоят дешевле, но зато и приносят меньший эффект. То же и с городами. Эта аналогия может быть продолжена и использована для разработки методов управления процессом развития форм расселения с помощью экономических рычагов.

РАЗВИТИЕ ФОРМ РАССЕЛЕНИЯ И ПОНЯТИЕ ОПТИМУМА

Нельзя, однако, говорить о методах воздействия на развитие форм расселения, не остановившись на вопросе о цели такого воздействия. К чему следует стремиться, воздействуя на формирование систем расселения, какое развитие наиболее целесообразно, какие формы расселения наиболее желательны?

Одно время в градостроительной литературе этот вопрос во многом был подменен вопросом об оптимальном размере города, который не может быть решен хотя бы потому, что он неверно поставлен. Во-первых, этот вопрос ставится исходя из предположения, что существуют типы городов по самой своей природе

“плохие” и “хорошие”, в силу чего градостроительная мысль направлена на поиски “хороших” городов, форм расселения, лишенных недостатков и обладающих необыкновенно привлекательными чертами вечного двигателя и философского камня. Во-вторых, четко не формулируется единый критерий оптимальности, наличие же множества критериев не дает возможности найти подлинный оптимум. В-третьих, вопрос сводится к поискам локального оптимума, вытекающего из внутренних особенностей тех или иных типов городов⁴, совместимость же такого оптимума с общим народнохозяйственным оптимумом предполагалась сама собой разумеющейся. Между тем существование здесь автоматического соответствия более чем сомнительно, несовместимость же локального и общего оптимумов делает локальный оптимум недостижимым.

Рассматривая вопрос об оптимуме в градостроительстве, необходимо исходить из того, что общество в своем развитии стремится не к определенным величинам городов или предприятий, не к равномерному размещению производительных сил и т.п., а к достижению каких-то стоящих перед ним целей, к удовлетворению определенных общественных потребностей. Единственный путь обеспечить растущее удовлетворение растущих же потребностей – это путь увеличения общественного богатства, возможно более быстрого развития экономики. Поэтому оптимальным является такое развитие, которое обеспечивает наиболее высокие темпы экономического роста. И размеры отдельных предприятий, и размеры городов, и характер размещения производительных сил – не самоцель, а средства для достижения этой главной цели – обеспечения наиболее быстрого экономического развития.

Можно предвидеть возражения, связанные с тем, что при такой постановке вопроса пренебрегают интересами человека, потому что высокая экономическая эффективность тех или иных форм расселения, преимущественное развитие которых соответствует достижению сформулированной выше цели, может сочетаться с ухудшением условий жизни в городах.

Не является ли такое понимание оптимума шагом назад по сравнению с концепцией “оптимального города”, в котором все должно быть хорошо (“наилучшие условия для организации производства и жизни людей при наименьшей удельной величине затрат на строительство и последующую эксплуатацию зданий, сооружений, инженерного оборудования и благоустройства” [5: 77])?

⁴ См., например [1: 31].

Не следует, однако, забывать, что интересы человека как горожанина не являются его единственными интересами. Свобода создавать для себя наилучшие условия, в том числе и наилучшие условия жизни, всегда ограничена, поскольку область свободы – область всестороннего физического и духовного развития человеческой личности – неотделима от своего базиса – области необходимости. Разумеется, в каждый данный момент имеется какой-то минимальный уровень условий жизни, которыми общество не может поступиться ни при каких (или почти ни при каких) обстоятельствах. Но эти условия никогда не могут быть предельно хорошими. Подобно тому, как общество в данный момент остановилось на семичасовом рабочем дне, хотя, например, шестичасовой рабочий день был бы лучше с точки зрения расширения “области свободы”, так и в отношении условий жизни в городах оно фиксирует (очень приблизительно, интуитивно, с большими отклонениями от среднего уровня) определенные “нормальные” условия жизни, которые, конечно, не являются идеальными и включают в себя и не очень чистый воздух, и не очень удобный транспорт и т.д.

Такая система расселения, которая обеспечивает наиболее высокую экономическую эффективность при данном объеме наличных ресурсов и не приводит к ухудшению нормальных для данного периода условий обитания в городах, и является, с нашей точки зрения, оптимальной. При такой постановке вопроса утрачивает смысл понятие оптимального города, может быть только оптимальный набор городов, который отличается от всех других возможных наборов тем, что при данной величине суммарных затрат и данном уровне условий обитания он оказывается наиболее экономически эффективным. В такой набор неизбежно войдут и высокоэффективные города, и города малоэффективные, но их сочетание будет наиболее благоприятным из всех возможных. Изменение общего объема ресурсов, направленных на развитие городов, может расширить или сузить возможности использования наиболее эффективных элементов системы и соответственно изменить содержание оптимального набора.

Понятию оптимума можно придать динамический характер. В этом случае под оптимальной следует понимать такую систему расселения, которая при данных темпах роста специфических городских потребностей в пунктах различных типов и данных темпах роста выделяемых на удовлетворение этих потребностей экономических ресурсов, обеспечивает наиболее высокие темпы экономического роста.

Для осмысления проблемы важно более простое понятие статического оптимума, но стремиться следует к оптимуму ди-

намическому, поскольку действительное развитие совершается во времени и действительные отношения — это отношения динамические.

Это важное обстоятельство часто игнорируется настолько, что даже простое наблюдение, свидетельствующее о том, что многие “недостатки” городского роста присущи не только крупным, а и небольшим, но быстрорастущим городам, почти не нашло отражения в литературе. А ведь крупные города — почти всегда одновременно и быстрорастущие.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ

Современные методы воздействия на процесс урбанизации недостаточно совершенны. Эффективное воздействие на развитие форм расселения предполагает выполнение двух условий: во-первых, необходимо получение информации о возможностях развития каждого типа городов или даже каждого города, о приближении его к некоторому объективному пределу или об удалении от него; во-вторых, необходимо, чтобы поступающая информация не игнорировалась.

Обычно полагают, что обеспечение этих двух условий является функцией координирующего центра, на который и возлагается реализация предложений по оптимизации процесса урбанизации.

Однако в действительности все оказывается гораздо сложнее. Конечно, если исходить из того, что имеются априорные представления о том, какие города являются в принципе оптимальными (например, средние), а какие неоптимальными (например, большие), то выполнение первого условия становится очень простым, но никакая информация не может внести в такие представления ничего нового.

Если же исходить из представлений о подвижном оптимуме, постоянно меняющемся под влиянием социально-экономического развития, то координирующий центр должен располагать инструментом непрерывного наблюдения за ходом процесса урбанизации. Можно представить себе огромное количество статистической информации, которая должна была бы стекаться в такой центр. Помимо чисто количественных трудностей, связанных с переработкой такой информации, существуют еще и принципиальные трудности, вытекающие из того, что в настоящее время мы не располагаем количественными показателями, которые могли бы дать исчерпывающую характеристику состояния и развития города.

Не лучше обстоит дело и с выполнением второго условия.

После того, как координирующий центр на основании полученной им информации принял решение о том, какое развитие в данный момент или на протяжении данного периода является оптимальным, он должен обеспечить его выполнение. В настоящее время это делается с помощью методов, носящих в основном административный характер (например, разрешается или запрещается размещение каждого отдельного предприятия). Но эти методы обладают слабой избирательностью. Поскольку все типы городов находятся в состоянии непрерывной эволюции, так что возможности роста городов, в том числе и крупнейших, все время расширяются, постоянное наращивание их градообразующей базы и численности населения является закономерным. Контролю подлежат только темпы этого наращивания и качественный состав прироста (в крупные города должны попадать в первую очередь те народнохозяйственные объекты и те люди, которым это необходимо с точки зрения общих интересов). Но административные методы не предусматривают механизма, который делал бы выгодным для каждой принимающей решение инстанции (предприятие, министерство) то, что выгодно для общества в целом, например чтобы предприятию, которому нет необходимости размещаться в крупном городе, было бы невыгодно в нем размещаться. Поэтому административные методы наталкиваются на противодействие, на ведомственные тенденции и т.п., что снижает эффективность этих методов.

Эти методы несовершенны и с точки зрения оценки результатов принимаемых решений, несовершенен механизм, оперативно информирующий об их правильности или ошибочности, о приближении к оптимуму или об удалении от него. Неверное понимание того, в чем заключается оптимум, может длительное время отрицательно влиять на развитие форм расселения. В конце концов, развитие происходит все же не в соответствии с неправильными представлениями, а в соответствии с объективной тенденцией, но отклонение от кратчайшего пути тем больше, чем ошибочнее эти представления и сильнее их влияние на проводимую в области расселения политику.

Методы регулирования процесса урбанизации, лишенные указанных недостатков и обеспечивающие более полный учет связи между наличными ресурсами, производимыми затратами и полученными результатами, еще предстоит выработать. В качестве примера, свидетельствующего о принципиальной возможности таких методов, приведем схему "экономического" регулирования роста городов. Она предполагает, что каждый шаг, связан-

ный с выбором места размещения народнохозяйственного объекта или расселения, обязательно ассоциируется с определенными экономическими последствиями.

Поскольку предпочтение, отдаваемое тому или иному пункту размещения или расселения, всегда объясняется ожиданием большего эффекта, следует взимать плату за доступ к источнику более высокого эффекта, увеличивая ее по мере увеличения эффекта. Это заставит соизмерять ожидаемый эффект с затратами, которые необходимо произвести, и со своими возможностями, отражающими общие возможности и потребности общества. В результате доступ к наиболее эффективным элементам системы расселения – крупным городам – получают лишь те, кому это в наибольшей степени необходимо с точки зрения интересов всего общества. Те же, кто с точки зрения общества (в лице его координирующего центра) не нуждается в первоочередном получении максимального эффекта, не получают средств, необходимых для того, чтобы обосноваться в крупном городе, и будут вынуждены довольствоваться меньшим эффектом, сопряженным с размещением в среднем городе.

Разумеется, подобная схема нуждается в гораздо более детальной разработке. Кроме того, ее внедрение предполагает более широкое использование экономических методов хозяйствования на всех участках народного хозяйства. Но можно ожидать, что внедрение такого подхода в практику превратило бы развитие форм расселения в значительной степени в автоматический саморегулирующийся процесс, а общество получило бы в этой области гораздо более широкие возможности контроля и управления.

Литература

1. Давидович В.Г. Планировка городов и районов. М., 1964.
2. Давидович В.Г. О закономерностях расселения в теории и практике // Проблемы градостроительства. Вып. 1. Киев, 1970.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962.
4. О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1970.
5. Основы советского градостроительства. М., 1966. Т. 1.
6. Пробст А.Е. Вопросы размещения социалистической промышленности. М., 1971. Гл. 2.
7. Пчелинцев О.С. Рациональное размещение производства и проблема больших городов // Вопросы философии. 1961. № 2.
8. Солофьенко Н.А. Методика регулирования роста крупных городов и агломераций // Вопросы районной планировки: В помощь проектировщику. Киев, 1963.

9. *Федотова Н.В.* Об использовании показателя фондоотдачи для анализа размещения промышленного производства по городским поселениям // Проблемы развития городов и использования трудовых ресурсов. М., 1968.
10. *Шквариов В., Смоляр И.* Какой же город выгоден? // Литературная газета. 1969. 30 июля.
11. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М., 1961.
12. Growth of the world's urban and rural population. 1920 – 2000. UN Department of Economic and Social Affairs // Population Studies. New York, 1969. N 44.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

В России, как и везде, демографическая модернизация стала ответом на кризис традиционных демографических и семейных отношений, вызванный общим модернизационным сдвигом, пришедшимся у нас на конец XIX – начало XX в. Один из ключевых элементов этого сдвига – снижение смертности. Оно необратимо нарушило традиционное демографическое равновесие и тем самым лишило смысла всю систему отвечавших ему тысячелетних культурных норм и ценностей, открыло путь для глубоких перемен в брачном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном поведении людей.

Эти перемены происходили на протяжении всего XX в. и отразились на динамике всех главных демографических показателей (табл. 1).

И специалисты-демографы, и общественное мнение, наблюдая необычные и стремительные изменения демографических показателей, усматривают в них положительные, отрицательные или нейтральные тенденции, нередко сильно расходясь в оценках происходящего. Но в стратегическом плане важны не столько более или менее кратковременные тенденции отдельных процессов, сколько общий ход демографической модернизации, т.е. поисков нового демографического равновесия и нащупывания соответствующих ему ценностей и норм демографического поведения. XX век во всех странах стал временем таких поисков, которые, по-видимому, нигде не завершены. Но в России эта незавершенность намного больше, чем в “западных” промышленно развитых странах, что объясняется отчасти более поздним началом

¹ Доклад на Конференции “Население России в XX веке”. Москва, 21–22 декабря 1998 г. Опубликовано: Мир России (Univers of Russia). 1999. № 4. С. 5–21. Графики и таблица в настоящем издании обновлены.

Некоторые характеристики демографической модернизации России

	1897	1927	1939	1959	1989	2000
Доля городского населения, %	15	18	33	52	74	73
Ожидаемая продолжительность жизни						
Мужчины	29,4 ^a	33,7 ^b	34,9 ^b	63,0	64,2	59,0
Женщины	31,7 ^a	37,9 ^b	42,6 ^b	71,5	74,5	72,2
Младенческая смертность	260 ^c	205 ^b	213 ^b	36,6	17,8	15,3
Коэффициент суммарной рождаемости	7,5 ^d	6,73 ^b	4,91 ^b	2,63	2,02	1,21
Чистый коэффициент воспроизводства	1,4 ^d	1,681 ^b	1,367 ^b	1,186	0,953	0,571
Число разводов на 1000 населения	—		0,9	1,4	3,9	4,3
Число аборт на 100 родившихся	—	16	10	...	206	169
Средний размер семьи – всего	5,5 ^e	...	4,1	3,6	3,2	2,7 ^f
Городской	4,9 ^e	3,9	3,6	3,5	3,2	2,7 ^f
Сельской	5,6 ^e	5,6 ^g	4,3	3,8	3,3	2,8 ^f
Доля семей с 5 и более членами (%)						
Городских	44,5 ^h	30,4	23,6	20,4	11,2	8,1 ^f
Сельских	64,5 ^h	...	42,0	29,9	16,4	13,2 ^f
Доля населения в возрасте (%):						
до 20 лет	48,7	49,0	45,4	36,8	29,9	25,2 ⁱ
20–59 лет	44,2	44,2	47,9	54,2	54,8	56,3 ⁱ
60 лет и старше	7,1	6,8	6,7	9,0	15,3	18,5 ⁱ

^a 1896–1897; Европейская Россия в границах РСФСР 1926 г. [12].

^b 1926–1927; Оценки [1: 164].

^c 1907–1901; Европейская часть Российской империи.

^d 1896–1897; Европейская Россия в границах РСФСР 1926 г. без Северного Кавказа [6: 399].

^e Домохозяйства, связанные родством, без учета лиц, не принадлежащих к составу семейства.

^f Данные относятся не к семьям, а к домохозяйствам.

^g 1920.

^h Домохозяйства, связанные родством.

ⁱ 2002

российской демографической модернизации, отчасти же – крайне противоречивым ее характером в советское время, т.е. на протяжении большей части XX века.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СМЕРТНОСТИ

Одно из наиболее ярких проявлений демографической модернизации России – огромное увеличение ожидаемой продолжительности жизни к началу 1960-х годов. Оно было следствием всей совокупности перемен в экономической жизни страны, сдвигов в характере культуры ее населения, создания современной системы здравоохранения. Быстрые изменения в образе жизни людей, рост их образованности и информированности, а также проведение относительно дешевых, но крупномасштабных санитарно-гигиенических мероприятий по оздоровлению городской среды, массовой вакцинации населения, внедрению эффективных медикаментозных средств способствовали быстрому преодолению СССР, а значит и Россией, этапа “первого эпидемиологического перехода”.

Конечно, и этот этап был пройден не сразу. Перед Второй мировой войной ожидаемая продолжительность жизни мужчин в передовых странах колебалась примерно в пределах от 55 до 65 лет, женщин – от 62 до 68 лет. В России, если верить последним оценкам, в 1940 г. она равнялась 36 годам для мужчин и 42 – для женщин [1: 164]. Отставание все еще составляло 20 и более лет. Оно стало сокращаться, видимо, лишь в 40-е–50-е годы, после войны, когда общее ослабление экономической и политической напряженности в стране и некоторые более конкретные перемены и нововведения, такие, как внедрение в практику антибиотиков, позволили поставить под контроль многие внешние факторы смертности, прежде предопределявшие ее очень высокий уровень. Хотя реальная средняя продолжительность жизни многих поколений, попавших под жернова истории и пострадавших в годы демографических кризисов, была очень низкой, смертность в некризисные годы постепенно снижалась. К середине 1960-х годов (правда, по официальным, возможно, завышенным оценкам) продолжительность жизни выросла до 65 лет у мужчин и 73 лет у женщин. Отставание России от западных стран по этому показателю сократилось до 2–3 лет у мужчин и стало еще меньшим у женщин. В целом это было достигнуто, благодаря государственно-патерналистской стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, основанной на массовых профилактических мероприятиях, не

очень дорогих и не требующих большой активности со стороны каждого.

Однако именно в этот период дал себя знать противоречивый характер модернизационной модели советского образца.

Государственно-патерналистская стратегия борьбы со смертностью может быть эффективной только на ранних этапах эпидемиологического перехода, когда преодолевается старая и формируется новая структура медицинской патологии, а значит, и причин смерти. Уже к 1960-м годам возможности этой стратегии в богатых и развитых странах оказались исчерпанными. Они вступили в стадию “второго эпидемиологического перехода”, выработали новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, и предполагавшей более активное и сознательное отношение к своему здоровью со стороны каждого человека. Значительно выросли и расходы на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

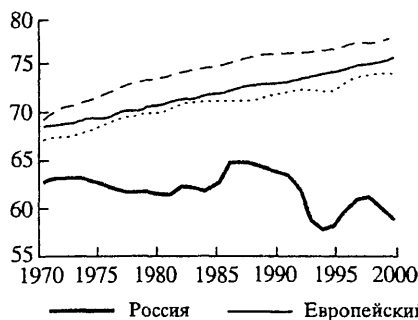
В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, страна стала пробуксовывать на наезженной колее, и ее снова обогнали по уровню ожидаемой продолжительности жизни “западные” страны, в том числе и такие, которые ранее отставали от России или, подобно Японии², были с ней примерно на одном уровне. В то время как Япония совершила стремительный прорыв и прочно заняла место страны с едва ли не самой низкой в мире смертностью, Россия вошла в полосу стагнации и полностью утратила свои позиции более или менее современной, с точки зрения смертности, страны.

Главная причина этого отставания заключалась в ограниченном, подчеркнуто инструментальном характере государственно-патерналистской советской модели модернизации смертности. Какое-то время она способствовала развитию материально-технических, научных, организационных предпосылок охраны здоровья и жизни, но не обеспечила кардинального ценностного сдвига, без которого дальнейшее продвижение в деле установления контроля над смертностью оказалось невозможным.

Экономические и политические реальности СССР не способствовали росту ценности жизни, который на Западе шел рука об руку с успехами медицины и здравоохранения и во многом опре-

² Япония географически, конечно, относится к Востоку, но по типу и уровню современного развития здесь рассматривается в ряду “западных” стран.

Мужчины

Женщины

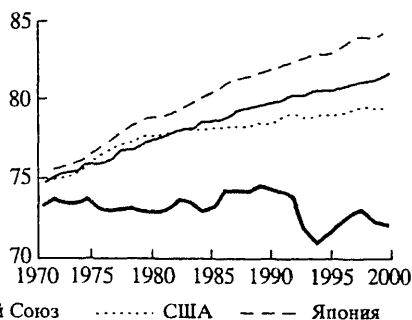

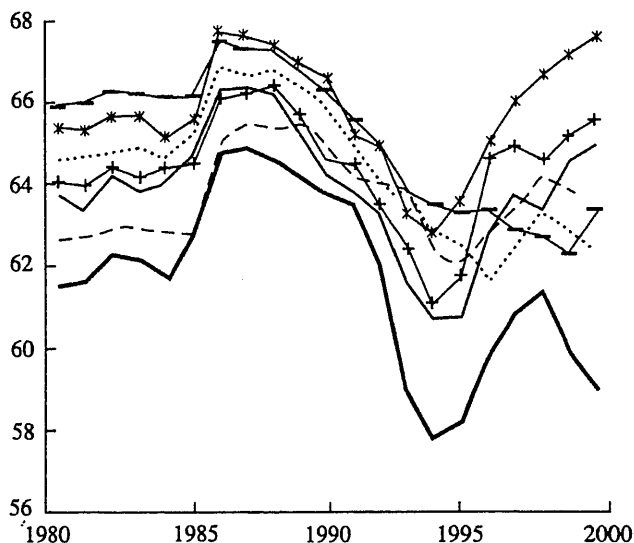
Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни в России, США, странах Европейского Союза и Японии, в годах

делял индивидуальные и коллективные приоритеты. Советское общество постоянно находилось в напряжении, в состоянии мобилизационной готовности, прошло через неоднократные резкие подъемы смертности, настоящие демографические катастрофы, которые сами по себе противоречили общему смыслу демографической модернизации. Только в результате войн, всплеск массового голода, политических репрессий с начала Первой мировой войны до конца Второй, в Российской империи – СССР погибло, не дождавшись естественной смерти, не менее 40–50 миллионов человек, миллионы людей были физически и психически искалечены.

Низкая цена жизни воздействовала на всю систему общественных приоритетов, в которой охрана здоровья и жизни находилась далеко не на первых местах. Развитие здравоохранения, выделяемые ему ресурсы зависели от жестко монополизированных решений государства. Никто не знал, сколько денег изымается у него на нужды здравоохранения и сколько действительно тратится на эти нужды, и не мог влиять на расходование средств. В результате централизованного распределения ресурсов здравоохранение, наряду с другими “непроизводственными” отраслями, получало лишь то небольшое, что оставалось от предельно милитаризованных “производственных” отраслей. Этот остаток явно не соответствовал масштабам новых задач по охране и восстановлению здоровья, выглядел просто жалким в сравнении с теми ресурсами, которые в это время шли на соответствующие нужды на Западе.

Характерное для советской модернизации сопряжение материально-технологического модернизма с архаичной системой ценностей, безденежными отношениями, ограниченной свободой

Мужчины

Женщины

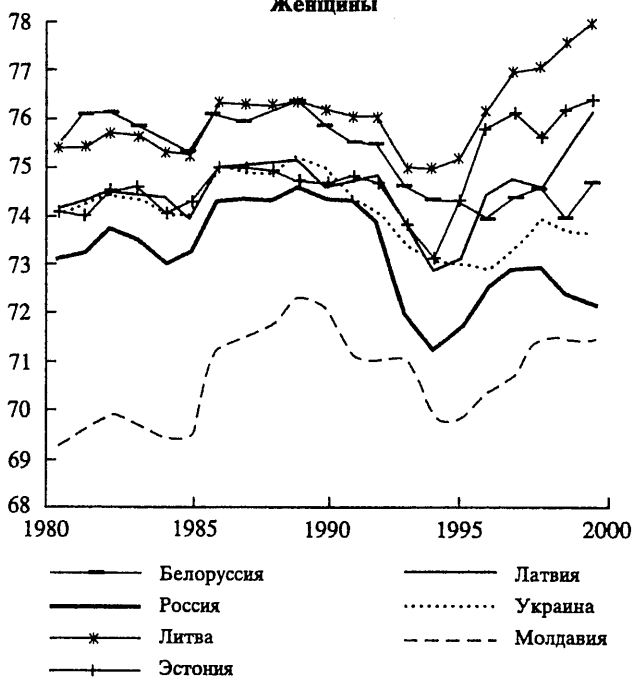

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни в европейских постсоветских государствах, 1980–2000 гг., в годах

индивидуального выбора, государственным патернализмом становилось все более противоречивым и заводило все движение в тупик. К концу 1980-х годов стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим новое отставание, все время растущее, – не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы, следствие укорененных в ней отсталых, консервативных принципов социального взаимодействия.

Эти принципы остаются не преодоленными и до сих пор. Пока российское общество так и не смогло перейти к давно назревшему этапу “второго эпидемиологического перехода” и продолжить перестройку структуры медицинской патологии и причин смерти, определяющей уровень общественного здоровья. Отставание от передовых стран еще более усилилось. Модернизация всего процесса вымирания поколений остается незавершенной. С одной стороны, не решены до конца основные задачи ранних этапов эпидемиологического перехода и сохраняется необычно высокая для промышленной страны экзогенная смертность от инфекционных заболеваний, болезней органов дыхания и пищеварения, особенно же от несчастных случаев и травм. С другой же стороны, общество не выработало эффективных средств борьбы с типичной для всех индустриальных стран эндогенной смертностью, в частности, от болезней системы кровообращения, она в России намного более ранняя, чем в Европе, Северной Америке или Японии.

Нынешняя российская модель смертности характерна не только для России, это, скорее, общесоветская модель. Тенденции смертности и продолжительности жизни сейчас в основном одни и те же во всех постсоветских странах, по крайней мере, европейских, при том, что их экономическое положение, ход реформ и т.п. – не вполне одинаковы. Но сравнение с этими странами показывает, что именно Россия всегда находилась в самом плохом положении и продолжает сохранять это печальное первенство (рис. 2).

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Вторым ключевым элементом демографической модернизации стала модернизация рождаемости.

В начале XX в. ее уровень в России был одним из самых высоких в мировой истории, но когда отпала высокая смертность, потеряла смысл и высокая рождаемость, а вместе с ней и все культурные нормы, которые были призваны обеспечивать соот-

ветствующее массовое демографическое поведение. Эти нормы стали разрушаться, число рождений в семьях быстро снижалось. Однако оценка этого снижения не может быть столь же однозначной, как оценка снижения смертности.

В той мере, в какой снижение рождаемости означало приведение ее уровня в соответствие с новыми условиями демографического равновесия, оно имело несомненный модернизационный смысл, ибо резко расширяло демографическую свободу человека. Советское общество сразу же воспользовалось плодами демографической, а значит, и социальной свободы, расширившейся в результате снижения смертности. Более того, если по темпам снижения смертности Россия все время отставала от Запада, то падение рождаемости шло семимильными шагами, и по ее уровню Россия довольно скоро оказалась в одном ряду с большинством “западных” стран (см. рис. на с. 224).

Правда, и в западных странах положение не везде одинаковое. Наиболее низок уровень рождаемости там, где его долгое время пытались поддерживать с помощью механизмов внешнего давления – законодательного или идеологического. У слишком авторитарных родителей дети часто вырастают инфантильными, неготовыми к самостоятельной ответственности. То же бывает и с народами. В таких странах, как Германия, Италия или Испания, где государство или церковь пытались навязывать всем свои ценности частной жизни, после того, как такое внешнее давление отпало, частные лица оказались неспособными самостоятельно ориентироваться в новой демографической ситуации, нужная система ценностей развита меньше, чем где бы то ни было, а уровень рождаемости – самый низкий. В ряду этих стран находится и Россия, а точнее – все постпереходные постсоветские государства. Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония – все они имеют такой же низкий уровень рождаемости, что и Россия и демонстрируют одинаковую его динамику (рис. 3). Стало быть, снова речь идет не столько о российской, сколько о советской модели.

Но такая советская модель, пусть и обладающая некоторыми особыми чертами, по своим количественным параметрам все же не настолько специфична, чтобы не вписываться в более общую “западную” или “северную” модель как одна из ее региональных разновидностей.

Этого нельзя сказать о некоторых качественных сторонах советско-российской модели, в частности, о методах, которые использовались российскими семьями для ограничения числа рождений. Как и во многом другом, в снижении рождаемости в России видны характерные черты догоняющего развития, при кото-

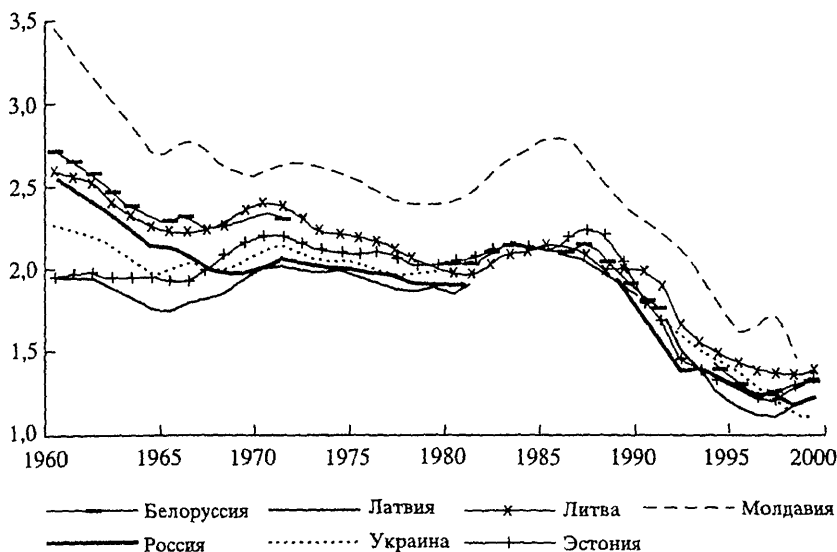

Рис. 3. Коэффициент суммарной рождаемости в европейских постсоветских государствах, 1960–2000 гг.

ром общество перепрыгивает через целые этапы, пройденные предшественниками, не имея накопленного ими опыта.

Постепенное снижение рождаемости в Западной Европе началось давно, не позднее XVI в. Для этого здесь – задолго до Мальтуса – использовался “мальтузианский” способ откладывания браков, а то и полного отказа от них. “Мальтузианская” стратегия брачности – рождаемости подготовила и облегчила переход к новой, “неомальтузианской” стратегии сокращения рождаемости путем ее намеренного ограничения в браке. Последнее поначалу лишь дополняло старый способ откладывания браков и только постепенно стало его вытеснять.

В России все было по-иному. Выбрать “мальтузианский” вариант она опоздала, ибо никогда не знала поздней европейской брачности. Оставался “неомальтузианский” путь, на который страна сразу же и вступила, хотя на словах все время от него отрецивалась. Очень скоро российское общество стало, по преимуществу, таким же неомальтузианским, как и все западные. Но при этом планирование семьи, сделавшееся повседневной практикой миллионов жителей России, не получило должной институциональной, материальной и правовой поддержки и развивалось стихийно, сбиваясь поневоле на самый неэффективный, примитивный и опасный путь, который вел к превращению страны в огромный абортарий.

Строгий запрет аборта, существовавший в дореволюционном российском законодательстве, уступил место его полной легализации в 1920 г. Но правительственное постановление, разрешавшее аборт, было двусмысленным. Аборт никак не связывался с объективной необходимостью планирования семьи, и не ставился вопрос о том, что же может быть альтернативой ему. С другой стороны, постановление объявляло аборт “злом для коллектива”, объясняло “моральными пережитками прошлого и тяжелыми экономическими условиями настоящего” и предсказывало его постепенное исчезновение [8: 63–64]. Вопреки этим ожиданиям, аборт не только не исчез, но получил стремительное распространение в течение нескольких последующих десятилетий, при том, что либеральное законодательство в отношении аборта начала 1920-х годов сменилось в 1930-е годы запретительным и репрессивным.

В этом нет ничего удивительного. Поспешная легализация аборта без понимания истинного смысла этой меры лишь создала иллюзию свободы прокреативного выбора, заблокировав при этом поиски альтернативных путей планирования семьи. Неподготовленность общества к столь радикальному решению, традиционное неприятие намеренного ограничения деторождения родителями вызвали реакцию отторжения – запрет аборта стал частью общей антимодернистской реакции тридцатых годов. Косвенно этот запрет распространился и на контрацепцию: в запретительном постановлении 1936 г., как и в разрешительном 1920 г., ни о какой альтернативе аборту не говорилось, а ссылки на “условия социализма”, “повышение материального благосостояния трудящихся”, “максимальное развитие сети родильных домов, детских яслей, детских садов” [7: 265] имели смысл только в том случае, если противопоставлялись *всякому* ограничению деторождения. В условиях сталинского СССР это практически исключало любую активность, направленную на развитие контрацепции.

Если аборт можно было запретить, то с демографическими и социальными сдвигами, которые делали планирование семьи объективной необходимостью, нельзя было ничего поделать. Эта необходимость оказалась сильнее не только закона, но и народной традиции, никогда не приветствовавшей аборт, – иначе не понадобилось бы законодательное запрещение искусственного прерывания беременности в 1936 г. Но и оно не смогло ничего изменить. У миллионов семей часто не было иного выхода, нежели прервать незапланированную беременность, – вопреки закону и вопреки традиции. Отмена в 1955 г. запрета на аборт была лишь признанием повсеместно распространившейся практики.

Но при этом снова та же логика, что и в 1920 и 1936 гг.: аборт – зло, “предотвращение абортотворения может быть обеспечено путем дальнейшего расширения государственных мер поощрения материнства и мер воспитательного и разъяснительного характера” [9: 333]. В 1955 г. вряд ли кто-нибудь ожидал, что российские женщины снова станут рожать по 8 или 10 детей, но никаких указаний на то, как регулировать число детей иным способом, нежели аборт, и в чем здесь могут помочь “меры поощрения материнства”, в Указе 1955 г. нет. По существу, это был указ, подталкивавший к абортам.

Последующие годы не принесли существенных изменений. Советское общество за семь десятилетий своего существования так и не смогло признать до конца права свободного прокреативного выбора женщины и семьи, обеспечить им условия, необходимые для реализации этого права, для свободного, сознательного и безопасного регулирования деторождения. После повторной легализации абортов в 1955 г. их число в России стало стремительно расти, в 60-е–80-е годы оно превышало 4,5 миллиона, т.е. было в 2–2,5 раза больше, чем число рождений. “Контрацептивная революция”, совершившаяся на Западе и давшая женщинам весьма совершенные противозачаточные средства, обошла СССР стороной, многие его бывшие республики стали рекордсменами по числу абортов, причем первое место неизменно принадлежало России. При примерно одинаковом уровне рождаемости, годовое число абортов на сто родов в 1990 г. составляло в России 206, на Украине 155, в Белоруссии 80, в Латвии 112, в Эстонии 132, в Молдавии 106, тогда как в Швеции оно равнялось 30, в Италии 28, в Великобритании 25, во Франции 22, в Финляндии 19, в Германии 16, в Нидерландах 10 [10, табл. 5.66; 17]. В Европе по числу абортов с Россией могла сравниться разве что только собственно Сербия (без автономий) – 218 абортов на 100 родов в 1986 г. [16].

Все это не означало, что рождаемость в России не модернизировалась, свобода прокреативного выбора родителей не получила общественного признания, а общество – выигрыша от расширившейся демографической свободы. При всех неизбежных оговорках, нельзя не признать, что Россия совершила переход от демографического равновесия старого типа (высокая смертность – высокая рождаемость) к равновесию нового типа (низкая смертность – низкая рождаемость) и что этот переход сделал весь воспроизводственный процесс намного более эффективным и экономичным. В этом и заключался главный социальный выигрыш, который в условиях СССР в очень большой мере был принесен на алтарь “построения социализма”, советской мобилиза-

ционной экономики. Без него, в частности, невозможен был бы чрезвычайно высокий уровень занятости женщин, которым прославился бывший СССР. Но несомненно и то, что плоды новой демографической и социальной свободы ощутил и каждый человек, что она коренным образом изменила положение женщин и детей, открыла новые, пусть вначале лишь потенциальные, возможности самореализации личности, семейной и личной жизни.

Вместе с тем модернизация рождаемости породила и новые проблемы, решение которых до сих пор не найдено и которые остаются источником беспокойства в России, как, впрочем, и во всех странах, переживших демографический переход. И первая из них – это проблема депопуляции. Хотя теоретически равновесие низкой смертности и низкой рождаемости вполне возможно, практически оно не достигнуто ни в одной из постпереходных стран, рождаемость повсеместно опускается ниже уровня простого замещения поколений, что рано или поздно приводит к отрицательному естественному приросту.

Разбалансирование рождаемости и смертности обнаружилось давно, хотя и оставалось долгое время скрытым от глаз неспециалистов, ибо маскировалось фактическим ростом населения за счет “резервного” потенциала роста, накопленного в возрастной структуре. Но снижение нетто-коэффициента воспроизводства во всех странах указывало на неотвратимое приближение естественной убыли населения. Уже в 1960-е годы в Европе образовалась “демографическая воронка” – группа стран, в которых установился режим суженного воспроизводства населения (нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже единицы). Тогда это были почти исключительно республики СССР или страны “социалистического лагеря”, Россия была в их числе. Начиная с середины 1960-х годов, в России было всего два года (1986 и 1987), когда соотношение рождаемости и смертности обеспечивало слегка расширенное воспроизводство населения. Во все остальные годы воспроизводство было суженным.

Постепенно зона суженного воспроизводства увеличивалась, и в 1990-е годы в Европе не осталось ни одной страны с расширенным воспроизводством населения. К этому времени стало давать себя знать и исчерпание потенциала роста населения. В 1992 г., когда естественный прирост в России впервые стал отрицательным, она была одной из 9 европейских стран с естественной убылью населения, в 1997 г. таких стран было уже 14. Большинство из них – бывшие республики СССР или “социалистические страны” Восточной Европы, но в том же ряду – Германия, Италия, Швеция. Число стран с отрицательным приростом населения несомненно будет нарастать.

Причины чрезмерно низкой рождаемости многообразны, но все же ключевым фактором служат, по-видимому, какие-то рас-
согласования в системе ценностей, которая также непрерывно
модернизируется. Перемены в массовом прокреативном поведе-
нии стали возможны, благодаря отказу от традиционных ценнос-
тей и культурных норм, побуждавших к высокой рождаемости.
Разрушать – не строить. Разрушить старую нормативно-ценност-
ную систему намного легче и сделать это можно намного быст-
рее, чем создать новую. Но если она еще не создана, если на ме-
сте разрушенных норм остается просто пустое место, если они не
заменяются новыми нормами, удерживающими демографичес-
кое поведение в границах новых объективных требований, зада-
ваемых новым уровнем смертности, то непонятно, что вообще
может побуждать людей рожать и воспитывать детей. По-види-
мому, общество должно выработать какие-то новые нормы пове-
дения, способные остановить падение рождаемости на социально
целесообразном уровне. Важно и то, что такие нормы должны
соответствовать не только новым демографическим, но и новым
социальным условиям, должны в меньшей степени быть экзоген-
ными, опирающимися на внешние санкции, и в большей мере –
эндогенными, предполагающими внутреннее убеждение. Нужно,
стало быть, развитие такой системы ценностей, в которой дети,
семья с детьми занимают среди других ценностей достаточно вы-
сокое место, чтобы служить надежным ориентиром при состав-
лении и реализации индивидуальных или семейных жизненных
проектов. Судя по всему, подобная ценностная система не выра-
ботана пока нигде в мире, что и не позволяет найти удовлетвори-
тельного решения проблемы низкой рождаемости практически
ни одной из развитых стран.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕМЬИ

Вопрос о ценностной основе рождаемости тесно связан с бо-
лее широким вопросом о судьбе семейных ценностей вообще,
ибо изменения в прокреативном поведении людей – одна из глав-
ных предпосылок и одновременно – одно из главных следствий
модернизационных перемен, охвативших всю область семейных
отношений.

Кризис патриархальной семьи, развернувшийся в России в
конце XIX – начале XX вв., сделал эти перемены неизбежными.
Но как далеко они должны были зайти? Должны ли они были
привести к полному краху института семьи или, напротив, к его
обновлению и укреплению?

Советский режим довольно быстро разорвал с антисемейной риторикой первых революционных лет, что дало основания Троцкому, одному из главных идеологов этой риторики, писать о “семейном термидоре” в СССР, о “торжественной реабилитации семьи” [13: 127], место которой “должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания” [13: 121]. “Брачно-семейное законодательство Октябрьской революции, некогда предмет ее законной гордости, переделывается и калечится путем широких заимствований из законодательной сокровищницы буржуазных стран” [13: 128].

На самом деле, до реабилитации семьи было далеко, произошли лишь некоторые подвижки, призванные устранить антисемейные крайности революционной поры. Заимствования у “буржуазных стран” были не слишком велики. Постепенно утвердившимся в сознании советских граждан *теоретическим* антиподом патриархальной сельской семьи стала не созданная европейской историей автономная, суверенная городская семья, уже пустившая первые ростки в предреволюционной России, — она, напротив, критиковалась за “буржуазность”, “индивидуализм” и пр. Перед мысленным взором советских идеологов, как и перед мысленным взором Троцкого, витала семья, окруженная патерналистской заботой государства, обстроенная разного рода коллективистскими формами (общественным воспитанием детей, коммунальным бытом и т.д.) — конструкция, напоминавшая идеализированное общинное устройство русской деревни с элементами средневековых утопий Кампанеллы или Кабэ либо антиутопии Замятина.

Все это не только не облегчило модернизацию института семьи, но проложило путь к консервированию его архаичных форм. Советское государство очень быстро отказалась от следования “революционной теории” и во многом стало возрождать ценности патриархальной семьи — со всеми оговорками, которые вытекают из противоречивого характера советской модели модернизации.

Официальная позиция в отношении семьи в СССР никогда не была последовательной. Все определяла социально-политическая конъюнктура. Иногда на первый план выходило морализирование в патриархально-семейном духе — и тогда появлялись запрет аборт, ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, повышенное внимание к “моральному облику” при назначении на ответственные должности, вмешательство “общественности” в семейные дела, преувеличенное целомудрие официального искусства и многое другое, что хорошо вписывалось в традиционную систему представлений об идеальной, “доб-

ропорядочной”, по деревенским меркам XIX в., семье и о методах социального контроля над нею. Иногда, напротив, традиционная семейная мораль грубо попиралась – и тогда символом эпохи становился доносчик на собственных родителей Павлик Морозов, а принципы частной семейной жизни становились объектом откровенного глумления: жен заставляли отречься от мужей, детей – от родителей, появлялись термины, вроде “члены семьи изменников родине”, “социально опасные дети” и т.д.³

Трудно сказать, чего в действительности хотели советские политики и идеологи и знали ли они это сами. Внутренне они несомненно больше симпатизировали патриархальному принципу *человек для семьи*, а не шедшему ему на смену новому принципу *семья для человека* и поэтому сознательно или бессознательно тормозили утверждение этого последнего. Но и по отношению к старому принципу их позиция была, скорее, разрушительной. Поэтому если возврат к принципу *человек для семьи* и имел место,

³ Вот пример государственного макиавелизма по отношению к семье – из тех времен, когда на каждом перекрестке можно было прочесть знаменитое заклинание: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!”

Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел № 00486 15 августа 1937 г. “С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года... Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста... Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря на сроки... не менее 5–8 лет. Осужденные жены изменников Родины, не подвергнутые аресту в силу болезни и наличия на руках больных детей, по выздоровлению арестовываются и направляются в лагерь. Жены изменников Родины, имеющие грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без завоза в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Так же поступать и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст...”

При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и... в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся:

- а) дети до 3-летнего возраста – в детские дома и ясли Наркомздравов;
- б) дети от 3-х до 15-летнего возраста – в приемно-распределительные пункты;
- в) социально опасные дети старше 15-летнего возраста – в специально предназначенные для них помещения...

Социально опасные дети..., в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик... Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на Наркомов внутренних дел республик, начальников Управлений НКВД краев и областей...” [11: 86–93].

то он мог быть только частичным и временным. Он был способен притормозить модернизацию семьи, но не остановить ее. Старая патриархальная семья с присущими ей ценностями разрушалась. Но, вопреки представлениям “революционных” теоретиков, семья как институт не отмирала, а лишь видоизменялась: характерная для старой России многодетная, многопоколенная крестьянская семья дробилась и вытеснялась нуклеарной малодетной семьей городского типа.

Данные, приведенные в табл. 1, дают некоторое представление о количественной стороне этих изменений, но, конечно, еще важнее — качественные перемены. Вследствие индустриализации и урбанизации производственная деятельность вчерашних крестьян, оставаясь источником средств существования семьи, переместилась за ее пределы и превратилась для многих десятков миллионов новых горожан да и для значительной части сельских жителей — как мужчин, так и женщин, — в труд за зарплату. Снижение рождаемости сделало возможным почти поголовное вовлечение женщин во внедомашнее производство. Семейные и производственные обязанности отделились друг от друга в пространстве и времени, их сочетание резко усложнилось. Основопологающие функции семьи, ее образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль — все вступило в полосу обновления. К середине 1980-х годов массовая российская семья уже очень мало напоминала любой из классических типов крестьянской семьи, на протяжении тысячелетий служившей моделью семьи вообще.

Но новая семья сразу же оказалась перед лицом новых проблем.

Один из главных смыслов демографической и семейной модернизации заключается в переносе центра тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень: “внешний” контроль со стороны государства, церкви или сельской общины уступает место контролю “изнутри”, то есть самоконтролю, и одновременно резко расширяется свобода индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека. Коль скоро это происходит, старая система отношений, норм, институтов, приспособленная к прежним методам контроля “извне”, оказывается в кризисе.

Низкая и продолжающая снижаться рождаемость, все меньшее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущее замещение семейной солидарности солидарностью соци-

альной, эмансипация детей и пожилых, либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали – признаки новейших перемен, которые затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности и очень плохо вписываются в казавшиеся незыблемыми тысячелетние нормы человеческого общежития. Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса современной семьи и даже всего современного общества.

Такому взгляду противостоит стремление к более уравновешенной оценке плодов модернизации. Разумеется, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных аборт, распространением СПИДа и т.п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX века: расширение свободы выбора для мужчины и женщины – как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации и т.д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином *“второй демографический переход”* [18]. Его смысл усматривают *“в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора”* и видят в нем естественный спутник модернизации и демократизации. Поэтому, полагает, в частности, бельгийский демограф Рон Лестег, один из авторов концепции *“второго демографического перехода”*, *“то же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу”* [15: 350].

В самом деле, в России и в других бывших республиках СССР как позднего советского, так и постсоветского времени, налицо все признаки модернистских изменений, свойственных западным странам второй половины XX в. О некоторых из них, таких, как резкое снижение рождаемости, уже говорилось выше. Перемены очень сильно затронули также процесс заключения и распада браков. Снижение смертности значительно уменьшило вероятность прекращения брака вследствие овдовения, сейчас оно остается главной причиной прекращения брака лишь в старших возрастных группах. Для более молодых супругов роль овдовения намного меньше, чем прежде. Если в конце прошлого века из

каждых 100 брачных пар, образованных сверстниками в возрасте 20 лет, имели шанс не распасться из-за смерти одного из супругов до достижения ими 50-летнего возраста лишь 54, и даже во второй половине 20-х годов нашего столетия – только 63, то к середине 1980-х годов этот показатель повысился до 79 [2: 85]. В то же время, резко возросла вероятность распада брака из-за развода. Число разводов, ничтожное до революции и не очень большое даже после Второй мировой войны (0,5 на 1000 жителей в начале 50-х годов), в 1970-е–1980-е годы превышало 4 на 1000.

На протяжении десятилетий динамика браков и разводов свидетельствовала о растущей матримониальной мобильности населения, которая с неизбежностью расшатывала традиционный пожизненный брак. Это вызывало обычную в подобных случаях морализаторскую критику, рассуждения о “падении нравов”, которая затрудняла понимание происходивших перемен во всей их совокупности. В действительности, если учесть долговременное совокупное действие всех изменений в брачной биографии людей на формирование и жизнь семей, то их общий итог был положительным. По сравнению с концом XIX века, ожидаемая продолжительность жизни в браке выросла у мужчин примерно на 6, а у женщин – на 5 лет [2: 92]. Тем не менее, расшатывание привычных способов формирования семьи продолжалось.

Одним из его проявлений стало умножение нерегистрируемых брачных союзов. В СССР не было никакой официальной статистики нерегистрируемых браков, об их числе можно было судить только косвенно, например, по числу внебрачных рождений. Но было ясно, что число таких браков растет, а общественное мнение становится более терпимым к ним. В 1989 г., по данным одного из опросов, 22,5% опрошенных считали неприемлемым брачное сожительство без официальной регистрации, однако, по мере перехода к более молодым возрастам, доля таких ответов быстро падала. Среди пожилых людей в возрасте 60 лет и старше их было 47,3%; среди молодежи в возрасте до 20 лет – только 13,8%. Этот же опрос показал, что более снисходительно относятся к незарегистрированным бракам люди с более высоким уровнем образования [5: 163]. Большая терпимость к альтернативным формам семьи сочеталась с признанием семьи одной из важнейших ценностей: 89,5% опрошенных предпочитали вступить в брак и жить в семье. Общественное мнение было гораздо более терпимо к незарегистрированным бракам, нежели к сознательной бездетности [5: 157, 165].

Российская микроперепись 1994 г. впервые позволила оценить долю лиц, живущих в незарегистрированном союзе: на долю состоящих в таких союзах приходилось 6,5% мужчин и 6,7% жен-

щин, считавших себя состоящими в браке. Эти показатели близки к наблюдавшимся в середине 1980-х годов в Великобритании, Франции, Нидерландах, заметно ниже, чем в Швеции (20%), Норвегии и Финляндии (по 11%), но выше, чем в Италии (1%), ФРГ (5%), Австрии (4%) и Венгрии (3%) [14: 51].

Смысл свободных сожителств может быть разным. В них может проявляться как действительное “падение нравов” и легкомысленное отношение к супружеским отношениям, так и, напротив, более ответственное отношение к ним, нежелание юридически оформлять не проверенную опытом совместной жизни связь. В обоих случаях они заменяют некоторое количество юридически оформленных союзов, одним из следствий чего может быть отмечаемое статистикой снижение брачности, ибо оно оценивается по данным о зарегистрированных браках.

С распространением незарегистрированных браков связан, по-видимому, и быстрый рост числа внебрачных рождений, хотя по нынешним европейским меркам российские показатели кажутся не очень высокими. По доле внебрачных рождений Россия близка к таким странам, как Венгрия или Ирландия, существенно превосходит Грецию, Италию или Швейцарию, но заметно уступает Великобритании или Франции, а особенно – Скандинавским странам. По-видимому, речь снова идет о каком-то универсальном и притом весьма тревожном явлении. Но до сих пор оно не привлекло должного внимания, его причины и следствия не изучены в достаточной мере, и пока трудно сказать, вписывается ли оно как-то в генеральную тенденцию обновления семьи или все же свидетельствует о ее полном крахе и тянет общество “назад к Троцкому”, к коллективному воспитанию детей и т.п.

Второй демографический переход – этап демографической модернизации, в который даже продвинутые западные общества вступили сравнительно недавно – в последней трети XX в. Российское общество также прошло по этому пути довольно далеко, что может показаться неожиданным, если учесть типичные для СССР реликтовые семейную идеологию и шкалу ценностей. Но может быть в этом сказались коренные особенности демографической модернизации, которая затрагивает буквально каждого и затрагивает очень глубоко.

“Закрутить гайки” семейной жизни в анонимном городском обществе намного сложнее, чем в условиях сельской общины. Живая семейная стихия в таком обществе гораздо меньше поддается тоталитарному контролю, чем, скажем, производство или распределение материальных благ либо поведение людей в служебной обстановке. Конечно, в СССР и семья не была обойдена вниманием тоталитарного государства, в 1930-е–1950-е го-

ды семейные свободы были сильно стеснены. Но все же частная жизнь не знала всепроникающего тоталитарного надзора, столь характерного для публичной жизни тех лет, а со временем первой ощутила признаки приближавшейся либерализации. В обществе, которое не признавало свободы торговли, свободы передвижения, свободы слова или печати, свободы совести, семья порой пользовалась довольно большой свободой. Возможно, это было следствием молчаливого компромисса, уступкой, которую тоталитарное государство делало своим гражданам для того, чтобы сохранить за собой контроль в экономике, политике, других областях, казавшихся более важными, и хоть как-то компенсировало отсутствие в СССР многих важнейших гражданских свобод.

Так или иначе, но частная, семейная жизнь в СССР во многих ее проявлениях, была более свободной, по сравнению как с жизнедеятельностью других социальных институтов советского общества, так и с семейной жизнью большинства людей в недалеком прошлом, в условиях довольно жесткой деревенской цензуры, а порой и с семейной жизнью граждан многих западных стран. Конечно, эта свобода была все же относительной, ограниченной подконтрольностью всех других областей советской жизни. Но постепенно она расширялась. Семья и ее члены, живущие в городских квартирах (все чаще – в отдельных), в анонимном городском пространстве, в возрастающей степени чувствовали свою автономность, придавали все большее значение суверенитету семейной жизни, ее приватному характеру, личному и индивидуальному в ней. Частная жизнь людей, в том числе и привилегированных, верхушечных слоев советского общества, все хуже укладывалась в узкие рамки официальной советской семейной морали.

На этом противоречивом фоне постепенно складывалась новая социокультурная почва, на ней худо-бедно приживались традиции дореволюционной городской, “буржуазной” семьи. Сильно подорванные, они все же не исчезли, сохранившиеся их ростки ожили и окрепли. Несмотря на все трудности и противоречия, советская городская семья развивалась конвергентно с европейской или североамериканской, приобретая, разумеется, и все их проблемы. Такая семья проявляла себя как все более активная структурная единица общества, более целеустремленно отстаивала свои экономические интересы, организовывала свое потребление, материальную среду, в которой она жила, свое жилище, свое времяпрепровождение, лучше осознавала свою ответственность за материальное или служебное благополучие своих членов, их здоровье.

В конце концов, со всеми возможными и неизбежными огорчениями, сфера семейного существования оказалась тем заповедным местом, где люди начали входить во вкус иной жизни, где с детства признавались уникальность и самоценность личности, свобода индивидуального выбора, правомерность неповторимых и разнообразных семейных мирков. Везде было “Мы”, а здесь было “Я”. Поэтому городская советская семья, пожалуй, раньше других институтов почувствовала вкус и групповой, и индивидуальной автономии, ощутила необходимость гражданского общества как единственно возможного способа организации частной жизни современного человека.

Вся эта эволюция, как и ее результаты, была достаточно противоречивой. Она шла вразрез с требованиями советской мобилизационной экономики, ограничительно-патерналистскими установками советского общества, тоталитарной идеологией, собственно семейными традициями. Функции, состав, структура семьи были уже новыми, а социокультурные рамки ее повседневного существования еще несли на себе множество следов былой патриархальности, сохранялись сильные пережитки традиционных внутрисемейных отношений, старого распределения половых и возрастных ролей и пр. Свобода выбора в демографической или семейной областях оказывалась нередко достоянием людей с незрелым, “подростковым” сознанием. Все это служило источником новых напряжений и рассогласований в жизнедеятельности семьи, порой порождало ностальгию по старым добрым временам, давало основания для возрождения консервативных воззрений на семью и возобновления старых русских споров.

ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД?

Российское общество стремительно вошло в полосу демографического обновления, не будучи вполне готовым к нему. Характерное для России догоняющее развитие вообще постоянно порождало подобные неувязки. Социальные нововведения заимствовались у обогнавших обществ в готовом виде, что позволяло отставшим двигаться быстрее, минуя многие промежуточные этапы и не неся ненужных потерь. В этом – сильная сторона догоняющего развития. Но оно имело и слабую сторону. Заимствованные нововведения переносились на неподготовленную почву, порождая причудливый и нередко не самый удачный сплав старого и нового. Такого сомнительного сплава много еще в личной и семейной жизни россиян, демографической и семейной революциям у нас еще предстоит пройти свои завершающие стадии.

В каком направлении следует двигаться сейчас? Надо ли возвращаться назад, к традиционным добродетелям и прочным моральным устоям патриархальной крестьянской или полукрестьянской-полугородской семьи, постоянно подвергающейся социальной цензуре со стороны соседской общины, церковного прихода либо парторганизации? Или следует двигаться в сторону более свободной и суверенной городской семьи, живущей в соответствии с современными либеральными принципами, хотя и становящейся все более хрупкой, все более проблемной?

И в бывшем СССР, и в нынешней России были и есть люди, связывающие будущее семьи с возвратом, по крайней мере, частичным, к прошлому, к его семейным нравам, к “материнскому призванию женщины” и т.п., причем такой возврат – лишь часть более общей “возвратной” стратегии. Силы традиционалистского реванша неизменно вплетают темы семьи, пола, эротики в общий контекст антимодернистского противостояния и, отказывая в будущем всему настоящему, настойчиво тянут в прошлое. Семейный традиционализм легко переплетается с общеполитическим, подталкивая к далеко идущим выводам. В 1920-е годы были люди, всерьез убежденные, что ребенок принадлежит не семье, а рабочему классу. Сегодня эти идеи освежаются в духе новых идеологических поветрий, старая погудка звучит на новый лад.

Не признавая самоценности человека и свободы индивидуального выбора ни в чем, “традиционалисты” не видят им места и в личной жизни, не признают “личного лиризма” и не доверяют ему. “Очеловечивание” эротизма – главное направление развития европейской культуры – кажется им весьма подозрительным. В современной открытой культуре отношения полов они видят лишь “животное”, “распушенность”, “бесстыдство”. Противопоставляется же всему этому не свободное, но одухотворенное чувство, а скрытое от глаз и узаконенное сексуальное насилие прошлого. “Патриотическая эротика патриархальна, – утверждают новые российские патриоты-традиционалисты. – Мужчина в ней является основным и главным сексуальным полюсом... через благодать своей самодостаточности и полноты одухотворяет, преображает и искупает таинством любви женщину... Внутренняя принадлежность к патриархальному, “фаллоцентрическому”, мужскому типу эротики и заставляет всех “правых”, независимо от специфики их позиций, сходиться в одном – в борьбе с порнографизацией, сексуальной либерализацией и сексуальной революцией в обществе” [3: 215–217].

Фаллократическая “патриотическая” мысль также очень легко перебрасывает мостки от своей семейно-эротической мифологии к оправдываемым ею тоталитаризму и «сталинскому “им-

периализму”, который был вынужден прибегать к насилию и абсурду для осуществления... глубинных эротических позывов имперской нации» [3: 218–219].

Существует и реальная политическая консервативная оппозиция, пытающаяся действовать чисто парламентскими методами. Еще в 1992 г., вскоре после распада СССР, в Верховном Совете России был подготовлен проект Основ законодательства об охране семьи, суть которого сводилась к тому, что “семья является субъектом права и ячейкой государства”. Авторы проекта настаивали на семейной собственности на квартиру, хозяйство, землю и пр. Предусматривалось, что личные доходы каждого члена семьи должны по закону складываться в общий семейный бюджет. Подчеркивалась предпочтительность воспитания детей в семье, а женщинам за домашний труд и воспитание детей предлагалось платить заработную плату. Женщина лишалась права самостоятельно принимать решение о рождении ребенка и т.д. [4].

Проект не получил необходимой поддержки, но сходные проекты выдвигаются снова и снова. Иногда поражая воображение неудержимой фантазией их авторов (например, проект введения многоженства в России), они всегда имеют одну общую черту: требуют что-либо запретить, насильно ограничить, навязать какой-либо тип неравенства. Не исключено, что однажды законодатели не устоят перед напором “семейных” лоббистов и в чем-то пойдут им на уступки. Это послужит источником не одной личной трагедии, но мало что изменит по большому счету. Постсоветская семья никак не способна оправдать ностальгические надежды поборников вчерашнего дня. Ее будущее связано, скорее всего, с движением в противоположном направлении – к большей независимости семьи от государства и к большей свободе внутрисемейных отношений. Это движение предопределено одновременно и внутренними императивами эволюции института семьи, и главными ориентациями развития всех современных городских обществ.

Незавершенность демографической модернизации, конечно, дает о себе знать в сегодняшней России. Но ведь она не отменяет того, что все-таки было достигнуто, и не дает оснований требовать возврата к прошлому. Напротив, она требует выхода из контрмодернизационного тупика, в который она зашла в последний период советской эры, и дальнейшего продвижения вперед. Надо стремиться не к восстановлению прежнего “внешнего” социального контроля над демографическим и семейным поведением людей (со стороны государства, церкви, соседской общины или партийной организации), а к переносу его с социетального на

индивидуальный уровень и развитию сил социального самоконтроля. Только достижение этой цели может привести к завершению демографической модернизации, то есть к расширению свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека, и одновременно к укреплению сил саморегулирования общества как целого.

Литература

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.
2. Вишневский А.Г., Толыч М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет. М., 1988.
3. Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
4. "Известия". 1992. 25 нояб.
5. Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлениях современного человека. М., 1990.
6. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994.
7. О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовной ответственности за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.
8. Об искусственном прерывании беременности. Постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16 ноября 1920 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.
9. Об отмене запрещения аборт. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.
10. Российский статистический ежегодник. 1997. М., 1997.
11. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
12. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927 гг. Таблицы смертности. М.; Л., 1930.
13. Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.
14. La situation démographique dans l'Union européenne. Rapport 1994. Luxembourg, 1995.
15. Lesthaeghe R. Der zweite demographische Übergang in den westlichen Ländern: eine Deutung // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 1992. Vol. 18. N 3.
16. Rasevic M. Thirty years of induced abortion in Yugoslavia: Background document // Conference 'From abortion to contraception', Tbilisi, 10–13 October 1990.
17. Recent demographic developments in Europe. Strasbourg, 1998. Individual part.
18. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. Washington. 1987. Vol. 41, N 1.

СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ: ВОЗРАСТНО-ПРИЧИННЫЕ ГРУППЫ РИСКА И ПРИОРИТЕТЫ ДЕЙСТВИЯ¹

КРИЗИС СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

Долговременный кризис смертности

Россия переживает затяжной кризис смертности, который длится уже более 30 лет. На протяжении всего этого времени преобладает тенденция увеличения смертности, а отставание России по уровню продолжительности жизни от всех промышленно развитых стран непрерывно возрастает.

Положение со смертностью в России никогда не было благополучным, но все же она знала период значительных успехов в борьбе со смертью в 1950-е годы.

На рубеже XIX и XX вв. ожидаемая продолжительность жизни в России (31 год для мужчин и 33 года для женщин в 1896–1897 гг.) была на 15 лет меньше, чем в таких странах, как США или Франция (рис. 1). Между началом века и Второй мировой войной, разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и Францией сохранился, а между Россией и США, которые преуспели в снижении смертности после первой мировой войны, – даже расширился. В 1938–1939 гг., по официальным оценкам, возможно завышенным, ожидаемая продолжительность жизни составила в России 43 года (40 лет у мужчин и 46 у женщин), что означало 11 лет выигрыша за четыре десятилетия. В то же время во Франции она достигла 59 лет, а в США превысила 63 года, в результате чего разрыв между США и Россией увеличился до 20 лет.

Сразу после Второй мировой войны картина изменилась коренным образом. В то время как во Франции и США продолжи-

¹ Фрагменты исследования А.Г. Вишневого и В.М. Школьниковой, опубликованного отдельной книгой под названием “Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия”. Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып. 19. М., 1997. В настоящем издании воспроизводятся две первые главы и Заключение книги.

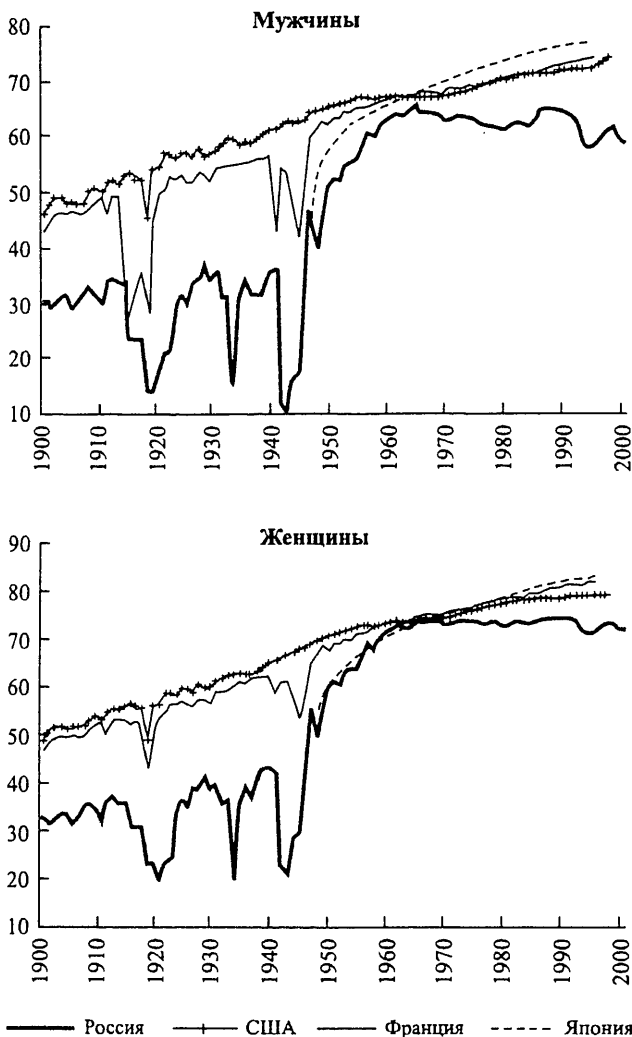

Рис. 1. Изменения ожидаемой продолжительности жизни в России, США, Франции и Японии с 1900 года

тельность жизни увеличивалась со скоростью, сравнимой с довоенными темпами, в России произошел столь быстрый ее подъем, что к середине шестидесятых годов отставание было почти полностью ликвидировано. В 1965 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин достигла 64,3 года в России против 67,5 года во Франции и 66,8 года в США, у женщин – 73,4 года против 74,7 и 73,7 во Франции и США, соответственно. Таким

**Ожидаемая продолжительность жизни и младенческая смертность в СССР,
России и некоторых европейских странах, 1960–1990**

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни, лет				Младенческая смертность (на 1000 родившихся)	
	Мужчины		Женщины			
	1960	1990	1960	1990	1960	1990
Россия	63,3	63,8	71,8	74,2	36,6	17,6
Великобритания	67,9	72,9	73,7	78,5	22,5	7,9
Германия (ФРГ)	66,9	72,9	72,1	79,3	35,0	7,0
Греция	67,3	74,6	72,4	78,5	40,1	9,7
Испания	67,4	73,3	72,2	80,4	43,7	7,6
Италия	72,3	80,1	72,3	80,1	43,9	8,2
Португалия	61,2	70,4	66,8	77,4	77,5	10,9
Франция	66,9	72,7	73,6	80,9	27,5	7,3
Швеция	71,2*	74,8	74,9*	80,4	16,6	6,0
СССР	65,3**	64,3	72,7**	73,9	35,3	21,8
Европейский Союз	67,5	72,8	72,7	79,4	34,5	7,6

* 1960–1964; ** 1960–1961.

Источники: [2: 166; 5; 8:170].

образом, разрыв с Францией сократился до 3 лет у мужчин и до 1 года у женщин. С США, где в конце пятидесятых годов прогресс затормозился, различия стали еще меньше: 2,5 года у мужчин и 0,3 года у женщин.

Однако, начиная с 1960-х годов, период успехов для России закончился, наступил период стагнации (и даже снижения продолжительности жизни у мужчин), и разрыв с развитыми странами, в которых возобновился рост ожидаемой продолжительности жизни, снова стал нарастать. Особенно красноречивым выглядит сравнение России с Японией. До 60-х годов положение в обеих странах было очень похожим: большое отставание от западных стран до Второй мировой войны по уровню ожидаемой продолжительности жизни и резкое его сокращение в пятидесятые годы. Однако, начиная с 1965 г., различия между Японией и Россией становятся еще более выраженными, чем между Россией и Францией или США. Успехи Японии особенно ярко подчеркивают стагнацию и кризис смертности в России.

Динамика показателей смертности после 1960 г. с необыкновенной ясностью демонстрируют особенности “периода застоя” в Советском Союзе. По мере того, как во всех западных странах, в том числе, и находившихся в начале 1960-х годов позади СССР,

положение стремительно улучшалось, СССР и его республики откатывались на последние места, и их отставание от Запада все больше увеличивалось (табл. 1).

Обострение кризиса в 1990-е годы

Во второй половине 1980-х годов в России появились признаки улучшения положения, смертность стала снижаться, а продолжительность жизни – расти. Большинство исследователей связы-

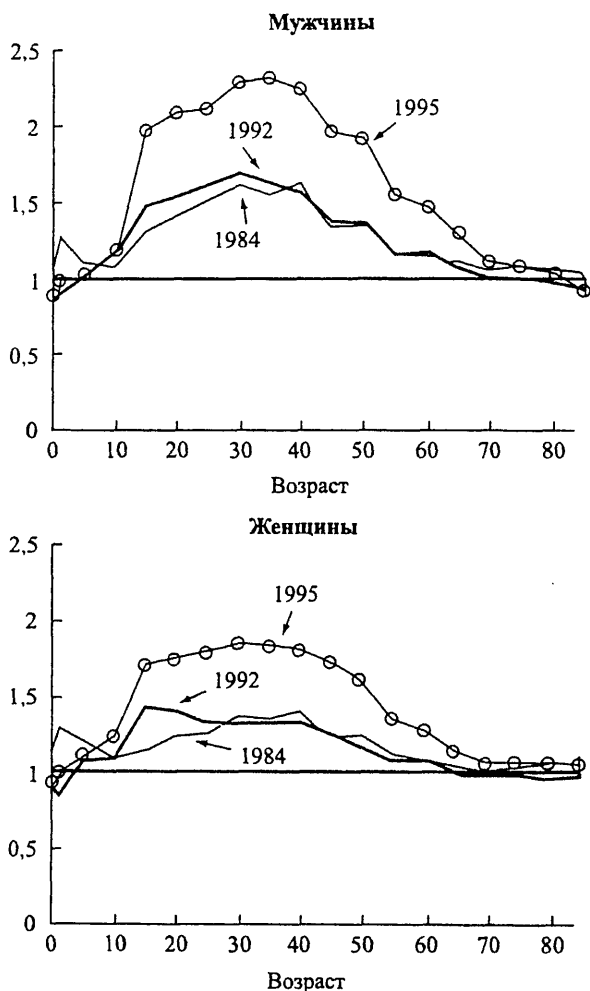

Рис. 2. Отношение возрастных коэффициентов смертности в 1984, 1992 и 1995 гг. к их минимальному уровню в 1987 г. (принят за 1)

Ожидаемая продолжительность жизни населения России в 1987–1996 гг.

Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1987	69,94	64,87	74,32
1988	69,76	64,64	74,29
1989	69,62	64,21	74,56
1990	69,25	63,77	74,38
1991	69,02	63,45	74,29
1992	67,89	62,01	73,76
1993	65,16	58,95	71,96
1994	63,88	57,49	71,04
1995	64,61	58,22	71,70
1996	65,88	59,73	72,51

Примечание. Показатели таблицы рассчитаны в Центре демографии и экологии человека ИНП РАН и в некоторых случаях незначительно отличаются от официальных данных Госкомстата России.

вают благоприятные изменения с антиалкогольной кампанией, начавшейся в мае 1985 г. Наиболее благоприятным был 1987 г. К сожалению, ее положительный эффект оказался недолгим, и уже в 1988 г. начался новый рост смертности, который резко ускорился в 1992–1993 гг. До 1993 г. еще можно было думать, что происходит простой возврат к неблагоприятным тенденциям, существовавшим до начала 80-х годов, ибо повышение смертности в 1988–1992 гг. во всех возрастах было в основном симметрично ее снижению в 1985–1987 гг. После 1993 г. такое истолкование стало невозможно. Рост смертности после 1992 г. почти во всех возрастах намного превзошел снижение 1985–1987 гг. (рис. 2).

Падение ожидаемой продолжительности жизни оказалось очень глубоким, за 7 лет, пока длилось это падение, она уменьшилась на 6,6 года (на 7,6 у мужчин и на 3,4 у женщин) и составила в 1994 г. 57,5 года для мужчин и 71 год для женщин. Это было намного ниже самых низких уровней, которые наблюдались в России с конца 50-х годов (61,5 года у мужчин в 1979–1981 гг. и 71,5 года у женщин в 1958–1959 гг.). Лишь в 1995 г. падение прекратилось, за 1995–1996 гг. ожидаемая продолжительность жизни у мужчин, по данным Госкомстата России, выросла на 2,4, у женщин – на 1,5 года.

Тенденции самого последнего времени позволяют надеяться, что обострение кризиса смертности, наблюдавшееся в первой половине 1990-х годов, скоро останется позади. Однако это не означает, что минует сам долговременный кризис, имеющий очень глубокие основания.

Успехи в борьбе со смертью в XX в. во всех промышленно развитых странах, в том числе и в России, были следствием развернувшегося в них *эпидемиологического перехода*. Этим термином обозначается исторически обусловленная смена одного типа патологии, определяющей характер заболеваемости и смертности населения, другим ее типом, одной структуры болезней и причин смерти – другой их структурой.

В структуре “старой” патологии очень важное место занимали инфекционные и паразитарные заболевания, туберкулез, болезни, связанные с недоеданием и т.п. В их этиологии решающая роль принадлежала экзогенным, внешним по отношению к организму человека факторам, заболеть ими мог абсолютно здоровый и вполне жизнеспособный человек в цветущем возрасте, особенно уязвимыми оказывались дети. Поэтому огромная часть людей каждого поколения умирала в детских и молодых возрастах, не доживая до старости, а болезни, обусловленные преимущественно эндогенными, внутренними факторами, снижением жизнеспособности организма вследствие его естественного старения, играли намного меньшую роль. В частности, намного более редкими, чем сейчас, были заболевания системы кровообращения, причем внутри этого класса заболеваний было высоким отношение ревматических (сильно зависящих от экзогенных, средовых факторов) к атеросклеротическим заболеваниям. Этой структуре заболеваемости соответствовала и структура причин смерти, в которой явно преобладали экзогенно-обусловленные причины.

В структуре “новой” патологии на первое место выходят заболевания и причины смерти, обусловленные преимущественно эндогенными факторами, связанными с естественным старением организма, возрастным снижением его жизнеспособности, сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям. Прежние болезни острого действия, имевшие чаще экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно же детей, замещаются хроническими болезнями преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезнями сердечно-сосудистой системы либо онкологическими заболеваниями, обусловленными в основном влиянием канцерогенных факторов накапливающегося действия (“квазиэндогенные” факторы). Эти болезни и выступают в новых условиях в качестве ведущих причин смерти.

Если говорить о конкретных причинах смерти, то разграничение экзогенного и эндогенного вкладов в каждом отдельном случае нередко оказывается достаточно сложным. Однако в це-

лом всегда прослеживается общая закономерность: последовательное вытеснение экзогенных детерминант смертности эндогенными приводит к тому, что процесс вымирания поколений становится все более тесно связанным с возрастом: смерти от каждой причины все меньше “размазываются” по всем возрастам и все больше концентрируются в старших возрастных группах, где естественное ослабление жизнеспособности делает организм более уязвимым по отношению к *любой* причине смерти. Отсутствие такой концентрации – признак недостаточной продвинутости по пути эпидемиологического перехода.

Именно эта черта свойственна современной российской смертности и с необыкновенной ясностью демонстрируется при ее сравнении со смертностью в большинстве промышленно развитых стран, где эпидемиологический переход начался раньше и продвинулся намного дальше, чем в России. Такое сравнение представлено на рис. 3, на котором показано распределение по возрасту числа смертей от семи крупных классов причин смерти в России в 1992 г. Выбор 1992 г. продиктован тем, что, как следует из рис. 2, возрастные уровни смертности 1992 г. в России примерно соответствовали ее уровням в конце 70-х – начале 80-х годов – до ее кратковременного снижения в середине 80-х годов и до резкого скачка 1993 г. Таким образом, 1992 г. можно считать более или менее типичным для российской смертности на протяжении длительного периода. В качестве базы для сравнения использована “западная” модель смертности, сконструированная путем объединения и усреднения показателей смертности для четырех крупных промышленно развитых стран с низким ее уровнем: США, Великобритании, Франции и Японии (географически Япония, конечно, не Запад, поэтому название модели условное). Эти показатели относятся к периоду около 1990 г. (1989–1992 гг.).

На рис. 3 представлены распределения чисел умерших от каждого класса причин смерти по возрасту (чисел $d_{x,i}$, взятых из соответствующих таблиц смертности по причинам смерти; x – возраст, i – причина смерти), в России и на “Западе”. На рисунке хорошо видно, что для западных стран, в отличие от России, характерен плавный подъем смертности от большинства причин по мере перехода от младших возрастов к старшим, заметно ускоряющийся после 60–70 лет. В частности, у мужчин только для болезней системы кровообращения кривая $d_{x,i}$ в России и на Западе имеет более или менее сходную форму, хотя различия есть и здесь. Для всех же остальных причин сама форма кривых резко различается. Кривые для России, как правило, более “плоские” (смертность “размазана” по всем возрастам).

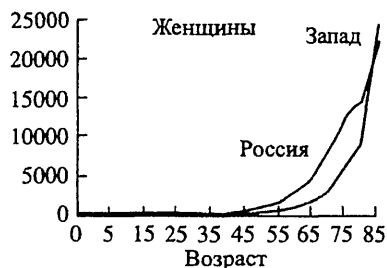
Инфекционные болезни

Новообразования

Болезни системы кровообращения

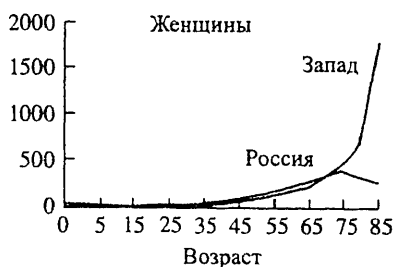

Болезни органов дыхания

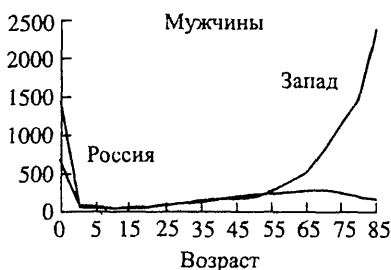

Рис. 3. Распределение табличных чисел умерших от разных причин смерти (d_{xi}) по возрасту. Россия (1992 г.) и “Запад” (1990 г.), на 100 тыс. смертей от всех причин

Болезни органов пищеварения

Прочие болезни

Несчастные случаи, отравления и травмы

Все причины

Рис. 3. (окончание)

там) либо круто поднимаются, но не в правой, а в средней части графика, что говорит о концентрации смертей не в старших (это указывало бы на преимущественно эндогенную обусловленность смертей), а в средних возрастах (где очень велик вклад экзогенных факторов).

Будучи общемировым процессом и в то же время составной частью демографической модернизации любого общества, эпидемиологический переход развернулся в XX в. и в России, как и во всем бывшем СССР. Были достигнуты большие успехи в деле охраны здоровья и предотвращения преждевременной смертности, как и везде связанные с коренными изменениями в структуре патологии и причин смерти, в роли старых и новых патогенных факторов. Однако эпидемиологический переход в Советском Союзе начался позднее, чем в большинстве западных стран, испытал сильное тормозящее действие известных исторических потрясений, натолкнулся на социокультурную неподготовленность значительной части населения к необходимым переменам и в результате остался незавершенным.

Мировой опыт показывает, что эпидемиологический переход осуществляется в два этапа. На *первом* из них успехи достигаются, благодаря определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, в известном смысле патерналистской, основанной на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности со стороны самого населения. Именно благодаря такой стратегии добился своих успехов и СССР, вошедший к началу 60-х годов в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 60-х годов возможности этой стратегии в богатых и развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко *второму* этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, и предполагавшей более активное и сознательное отношение к своему здоровью со стороны каждого человека. Значительно выросли и расходы на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, страна стала пробуксовывать на наезженной колее. К концу 70-х годов стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим отставание, все время растущее, — не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы.

Восьмидесятые годы лишь подтвердили, что модернизация смертности в СССР, пройдя период несомненных успехов, натолкнулась на труднопреодолимые препятствия и застряла на первом этапе эпидемиологического перехода. Советское общество не создало пригодных для проведения новой стратегии механизмов. Как ни гордилось оно своим бесплатным здравоохранением и как ни велики действительные заслуги этого здравоохранения на определенных этапах борьбы со смертью, в конце концов, именно бесплатность и отсутствие материалистский характер медицины, равно как и уравнительно-патерналистский характер социального обеспечения превратились в серьезное препятствие индивидуальной активности человека в борьбе за сохранение или восстановление своего здоровья, за продление своей жизни, за здоровье и жизнь своих детей. Развитие здравоохранения, выделяемые ему ресурсы зависели от жестко монополизированных решений “центра”. Никто не знал, сколько денег изымается у него на нужды здравоохранения и сколько действительно тратится на эти нужды, и не мог влиять на расходование средств. В результате централизованного распределения ресурсов здравоохранения, наряду с другими “непроизводственными” отраслями, получало лишь то немногое, что оставалось от предельно милитаризованных “производственных” отраслей. Этот остаток явно не соответствовал масштабам новых задач по охране и восстановлению здоровья, выглядел просто жалким в сравнении с теми ресурсами, которые в это время шли на соответствующие нужды на Западе (табл. 3).

Разумеется, цифры, приведенные в табл. 3, требуют оговорок, они не учитывают динамики цен и покупательной способности валют, поэтому их прямое сопоставление было бы неверным. Но важен порядок величин, и при любых оговорках ясно: 72 рубля 1980 г. были настолько меньше 1064 долларов или 3566 франков, что рассчитывать в борьбе за снижение смертности на одиннаковый с американцами или французами результат не было никаких оснований.

Экономия на здравоохранении, его бедность – часть печального наследия, доставшегося России от бывшего СССР, прочно занимавшего последнее место по продолжительности жизни в списке промышленно развитых стран мира. До сих пор положение в России не изменилось. Доля валового внутреннего продукта, расходуемого на нужды здравоохранения, здесь в два-три раза ниже, чем в странах с низкой смертностью, при том, что и сам ВВП в расчете на душу населения в России в два-четыре раза ниже, чем в этих странах. Так что пока ограниченность экономических ресурсов остается очень серьезным

**Рост душевых затрат на нужды здравоохранения в СССР,
США, Франции и Японии, 1960–1990 гг.**

Год	Расходы на душу населения			
	СССР, рубли	США, доллары	Франция, франки	Япония, тыс. иен
1960	27	143	242	4
1970	49	346	816	24
1980	72	1064	3566	102
1990	124	2601	9521	167

Год	Рост по отношению к 1960 г.			
	СССР, рубли	США, доллары	Франция, франки	Япония, тыс. иен
1960	1,0	1,0	1,0	1,0
1970	1,8	2,4	3,4	5,5
1980	2,7	7,4	14,7	23,3
1990	4,7	18,2	39,3	37,9

Источники: [1; 3: 109; 4: 241; 6: 120–12; 7: 190].

препятствием на пути развертывания второго этапа эпидемиологического перехода.

Другим же, не менее важным препятствием стала нарастающая социальная апатия, разочарование в неосуществившихся общественных идеалах. Новая стратегия борьбы со смертью требовала, чтобы на смену пассивному принятию проводимых органами здравоохранения мер пришла заинтересованная индивидуальная активность самого населения, направленная на оздоровление среды обитания, всего образа жизни, заботу о своем здоровье, искоренение вредных и внедрение полезных привычек и т.п. Между тем, застойные десятилетия, пришедшие на смену периоду “бури и натиска”, консервировали социальную маргинальность большинства населения, оказавшегося в культурной и идеологической пустоте, и делали его неспособным к активной борьбе за сохранение своего здоровья и даже жизни. Алкоголизм и тесно связанная с ним чрезвычайно высокая смертность от несчастных случаев, отравлений и травм – прямое следствие этой общей социальной ситуации.

Таковы были объективные условия, в которых складывалась модель вымирания поколений, предопределившая нынешнее бедственное положение со смертностью в России. Смертность в России так и осталась *промежуточной*. Российское общество ни

до распада СССР, ни после него так и не смогло вступить в давно назревший новый этап эпидемиологического перехода и продолжить прогрессивную перестройку структуры медицинской патологии и причин смерти. Это обернулось для него огромными потерями.

Потери от высокой смертности

Демографические потери от высокой смертности можно оценить, сравнивая фактическое число смертей с гипотетическим, каким оно могло бы быть, если бы возрастные коэффициенты смертности в России были такими же, как в типичных западных странах. Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как “избыточную” смертность. Если принять за основу для сравнения уровни смертности Великобритании или Франции, то в 1965 г. “избыточные” смерти мужского населения РСФСР составляли 18% всех смертей, к 1975 г. эта доля повысилась до 34–35%, к 1984 – до 46–48%. Но особенно наглядно сравнение абсолютных чисел смертей. Так, приняв за основу для сравнения возрастные уровни смертности мужского населения Великобритании в соответствующие годы, получаем, что только за 10 лет с 1975 по 1985 г. и только у мужчин в возрасте от 20 до 50 лет число “избыточных” смертей составило почти 1,6 млн. Это примерно соответствует совокупным потерям от повышенной смертности (потери вооруженных сил гражданского населения) США, Великобритании и Франции во Второй мировой войне.

В табл. 4 представлены результаты таких же расчетов потерь для мужского населения России в первой половине 1990-х годов, с той лишь разницей, что – для удобства сопоставления со всеми остальными расчетами, приводимыми в данном докладе, – в качестве базы для сравнения взята не смертность Великобритании, а обобщенная “западная модель”. Цифры несколько иные, но суть та же. Число “избыточных” смертей снова исчисляется сотнями тысяч ежегодно, систематически превышает половину, а в 1993–1995 гг. превысило 60% всех смертей. И снова основным “поставщиком” избыточных смертей была та часть населения, которая в обычных условиях наименее уязвима для смертности: взрослые мужчины в возрасте от 20 до 60 лет.

Данные, приведенные в табл. 5 относятся только к 1995 году, она дает представление о том, с какими причинами смерти связаны наибольшие потери человеческих жизней, а также потери че-

Таблица 4

**Избыточное (по сравнению с западной моделью)
число мужских смертей в России в некоторые годы**

Год	Фактически умерло (тыс.)	Число избыточных смертей (тыс.)	Их доля в общем числе смертей	Число избыточных смертей (в тысячах) в возрасте:		
				до 20 лет	20– 59 лет	60 лет и старше
1980	759,7	426,4	0,56	35,7	237,7	153,0
1984	809,6	450,8	0,56	33,5	254,0	163,3
1991	894,5	411,4	0,46	25,3	206,1	180,0
1992	977,5	490,5	0,50	24,1	262,9	203,5
1993	1112,7	686,1	0,62	26,0	376,4	283,7
1994	1226,4	794,9	0,65	24,8	451,0	319,1
1995	1167,6	731,2	0,63	26,0	419,8	285,4

Таблица 5

**Число избыточных смертей и потери лет трудовой активности
по крупным классам причин смерти.
Россия, 1995 г., мужчины**

Причины смерти	Число избы- точных смертей, тыс.	Потери лет трудовой активности, тыс. человеко-лет		
		фактические	при "западном" уровне смертности	избыточные потери
Все причины	731,2	12936	3178	9758
в том числе:				
Инфекционные болезни	17,6	493	113	380
Новообразования	38,6	1009	613	397
Болезни системы кровообращения	367,2	2704	535	2169
Болезни органов дыхания	39,1	651	109	542
Болезни органов пищеварения	22,0	474	137	338
Прочие болезни	12,6	1158	564	595
Внешние причины	234,1	6447	1109	5338

ловеко-лет жизни в основных возрастах трудовой активности – от 15 до 65 лет.

Показатели, содержащиеся в табл. 5 указывают на важные структурные особенности российской смертности. Из-за очень высокой ранней смертности от некоторых причин, наибольшие потери трудового потенциала не всегда соответствуют наибольшим числам умерших. Даже две главные причины потерь меняются местами. По количеству избыточных смертей на первом месте стоят болезни системы кровообращения, большинство смертей от которых приходится на пожилые возраста. Но по избыточным потерям человеко-лет *трудовой* жизни они намного уступают внешним причинам, в которых велика доля умерших в молодых возрастах. Такая же инверсия наблюдается и с другими причинами смерти.

Если бы возрастные уровни российской смертности соответствовали западным, смертность мужчин во всех возрастах до 65 лет привела бы в 1995 г. к потере 3,2 млн человеко-лет трудовой активности. Фактические же потери составили 12,9 млн человеко-лет, то есть в 4 раза, или на 9,7 млн больше. Конечно, готовность примириться с такими потерями позволяет экономить на охране здоровья и решать какие-то другие задачи, но одновременно заставляет задуматься о глубинной логике подобной экономики и ее соответствии интересам общества и государства. В СССР экономия такого рода позволяла поддерживать военный паритет с западными странами, вести с ними “холодную войну”, и это считалось очень важным положительным результатом. Однако огромные демографические потери СССР от высокой смертности говорят о том, что эта война была “холодной” только для Запада, для СССР же она была достаточно “горячей”. Нынешняя Россия стремится к переформулированию своих целей, но, судя по всему, пока охрана здоровья собственного населения еще не вошла в число главных приоритетов.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ СМЕРТНОСТИ

Структура смертности по возрасту и причинам смерти

Модернизация всего процесса вымирания поколений в России, как и во всем бывшем СССР, осталась незавершенной. С одной стороны, не были до конца решены основные задачи ранних этапов эпидемиологического перехода и сохранялись элементы традиционной структуры патологии и причин смерти, в частности, сравнительно высокая заболеваемость инфекционными болезнями.

ми, болезнями органов дыхания и пищеварения в молодых возрастах и смертность от них. С другой же стороны, не была развернута в достаточной степени борьба против патогенных факторов, наиболее опасных на новом этапе развития. Эту промежуточную ситуацию и отражает современная российская модель смертности.

Разница между старой и новой структурами патологии и причин смерти важна потому, что переход к новой структуре почти автоматически приводит к отодвиганию большинства смертей к более поздним возрастам, а в связи с этим и к огромному выигрышу в продолжительности жизни. До тех пор, пока переход к новой структуре не завершен и она остается переходной, промежуточной, этот выигрыш может быть получен лишь частично, ибо многие возможности, создаваемые эпидемиологическим переходом, остаются нереализованными. Именно такова сегодняшняя ситуация в России. Промежуточный характер российской смертности с очевидностью обнаруживается при сравнении структуры смертности по причинам смерти в России и других промышленно развитых странах.

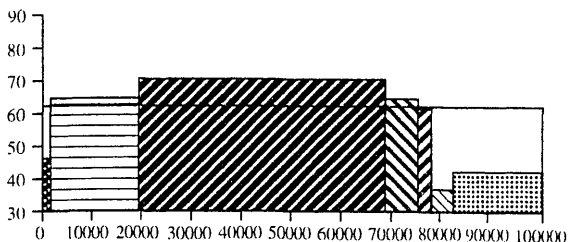
Эта структура может быть представлена графически в виде ряда прямоугольников с шириной P_i (вероятность для новорожденного умереть на протяжении жизни от i -й причины или группы причин) и высотой X_i (средний возраст смерти от i -й причины или группы причин). Площадь каждого прямоугольника $T_i = P_i X_i$ – время, прожитое людьми (из данной совокупности родившихся l_0), умершими от i -й причины. Сумма площадей всех прямоугольников равна общему числу человеко-лет, прожитых всеми родившимися: $\sum T_i = \sum P_i X_i = T_0$. Соответственно ожидаемая продолжительность жизни $e_0 = T_0 / l_0$. Если $l_0 = 1$, $e_0 = T_0$. Говоря совсем просто, это означает, что чем больше общая заштрихованная площадь на графике, тем лучше, ибо тем выше ожидаемая продолжительность жизни.

Ниже такое графическое представление структуры смертности использовано для сравнения нынешней российской смертности с “западной”, имеющей намного более прогрессивную структуру.

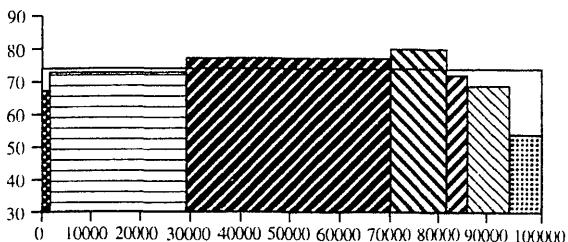
Современная структура российской смертности

Сопоставление двух структур представлено на рис. 4. На нем явственно видны различия в размерах заштрихованных площадей: в России они намного меньше, чем на Западе. Эти различия во многом зависят от разницы в *ширине* столбиков, т.е. в вероятностях для новорожденного умереть на протяжении жизни от раз-

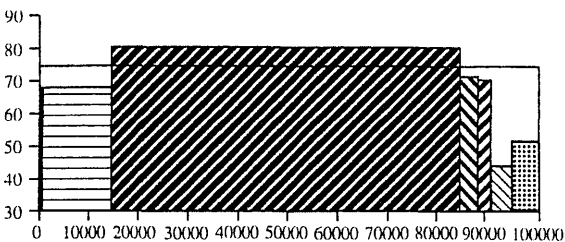
Россия, мужчины, 1992 г.

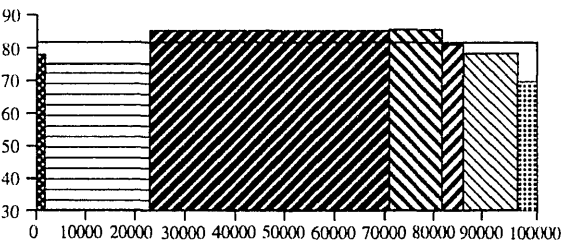
Запад, мужчины, начало 1990-х годов

Россия, женщины, 1992 г.

Запад, женщины, начало 1990-х годов

- Инфекционные болезни
- Новообразования
- Болезни системы кровообращения
- Болезни органов дыхания
- Болезни органов пищеварения
- Другие болезни
- Внешние причины

Рис. 4. Структура смертности по полу, возрасту и причинам смерти (ширина столбика – доля умирающих от данной причины смерти из 100 000 родившихся; высота – средний возраст смерти от данной причины в годах)

личных классов причин. Так для мужчин в России намного меньше шансов умереть от новообразований, болезней органов дыхания, прочих причин, но гораздо больше шансов умереть от болезней системы кровообращения, инфекционных заболеваний и особенно от внешних причин – несчастных случаев, отравлений, травм или применения насилия. Но еще более значительны и важны различия в *высоте* столбиков, т.е. в среднем возрасте смерти от важнейших классов причин смерти. Доля смертей от болезней системы кровообращения у нас даже выше, чем на Западе (впрочем, это, вероятно, связано, по крайней мере отчасти, с гипердиагностикой смертей от этих болезней в России среди престарелых). Зато средний возраст смерти от них, как, впрочем, и от многих других причин, прежде всего от болезней органов дыхания (высота столбиков), в России намного ниже, чем на Западе.

Кризис смертности в России будет преодолен только тогда, когда удастся изменить структуру российской смертности и приблизить ее к западной. Говоря более конкретно в терминах рис. 4, необходимо значительно сузить ширину тех столбиков, которые, по своей природе, не могут стать очень высокими – в первую очередь, это относится к крайнему правому столбику (надо уменьшить число людей, расстающихся с жизнью из-за несчастных случаев, отравлений и травм, смертность от которых всегда наиболее высока в средних, а не в старших возрастах). За счет этого должны быть расширены столбики, которые, как показывает опыт западных стран, могут стать очень высокими (в частности, столбик, соответствующий болезням системы кровообращения). Но одновременно необходимо значительно увеличить высоту этих столбиков (то есть средний возраст смерти от соответствующих причин), ибо сейчас в России они намного ниже, чем на Западе. Между тем, фактические изменения смертности на протяжении последних 30 лет не приближали, а отдаляли Россию от решения этой задачи.

Изменения структуры смертности по крупным классам причин смерти за 1965–1995 гг.

Как уже было сказано, изменения структуры смертности по причинам смерти включают в себя изменения распределения умерших по причинам смерти, характеризуемого вероятностью для новорожденного умереть на протяжении жизни от той или иной причины, и изменения возрастного распределения смертей от каждой из них, характеризуемого средним возрастом смерти. Рассмотрим последовательно изменения каждого из этих распределений.

Вероятности умереть от крупных классов причин

Несмотря на множество неблагоприятных явлений в области смертности в 1960-е – 1990-е годы, в изменениях распределения смертей по причинам смерти сохранялись некоторые положительные тенденции, свойственные первому этапу эпидемиологического перехода. Это выражалось в продолжающемся снижении вероятностей умереть от причин с более выраженной экзогенной этиологией – от инфекционных болезней и особенно от болезней органов дыхания. Одновременно росла вероятность умереть от болезней системы кровообращения – класса причин с преобладающей эндогенной детерминацией и высоким средним возрастом смерти. Только в самый последний период – в первой половине 90-х годов – положительные сдвиги здесь приостановились и даже сменились отрицательными: вероятности умереть от инфекционных болезней и болезней органов дыхания стали расти, а вероятности умереть от болезней системы кровообращения – сокращаться (рис. 5).

Необычной была динамика вероятности умереть от новообразований. Как следует из рис. 4, доля умирающих от рака в России существенно ниже, нежели на Западе. При этом в 1960-е – 1970-е годы она понижалась, так что в условиях смертности 1980 г. умереть от этой причины в России предстояло 16 из каждых ста родившихся мужчин и 12 из каждых ста женщин (против соответственно 28 и 21 на Западе). Затем показатель начал расти, а в 1990-е годы снова снизился до прежнего уровня у женщин и ниже прежнего уровня у мужчин.

Тенденции изменений вероятностей умереть от болезней органов пищеварения или прочих болезней были мало выразительными, особенно у мужчин; у женщин можно говорить об их некотором росте.

Зато прискорбно выразительным был рост вероятностей умереть от внешних причин (несчастных случаев, отравлений, травм и насильственных причин смерти). Правда, этот рост прервался во второй половине 80-х годов, но затем снова возобновился и даже ускорился. Именно рост вероятности смерти от внешних причин придавал всем изменениям распределения умерших по причинам смерти в России между 1965 и 1995 гг. ярко выраженный неблагоприятный характер, ибо его отрицательные последствия значительно перевесили все положительные или нейтральные сдвиги, которые также меняли это распределение в указанный период.

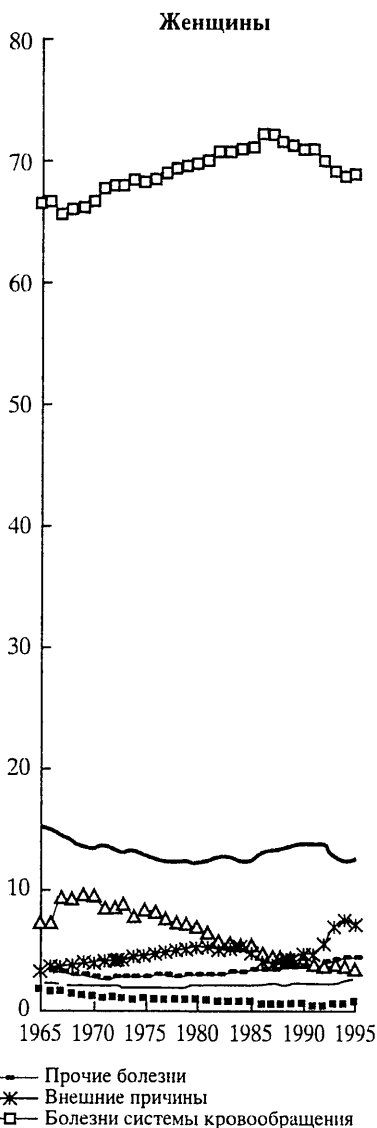
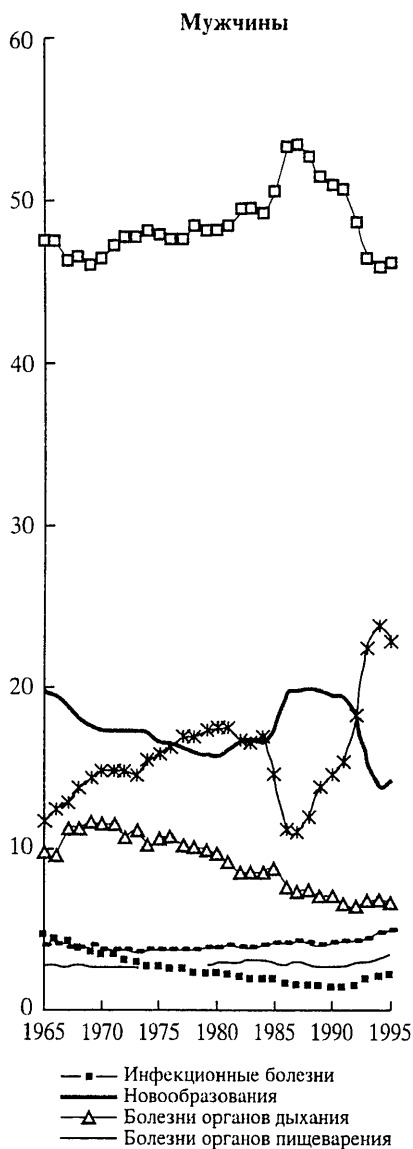

Рис. 5. Вероятность для новорожденного умереть на протяжении жизни от семи крупных классов причин. Россия, 1965–1995 гг., число смертей на 100 родившихся

Средний возраст смерти от крупных классов причин

Еще более разочаровывающими были изменения другого главного компонента структуры смертности – средних возрастов смерти от каждого из крупных классов причин, которым соответствует *высота* столбиков на рис. 4. Напомним, что прогрес-

Мужчины

Женщины

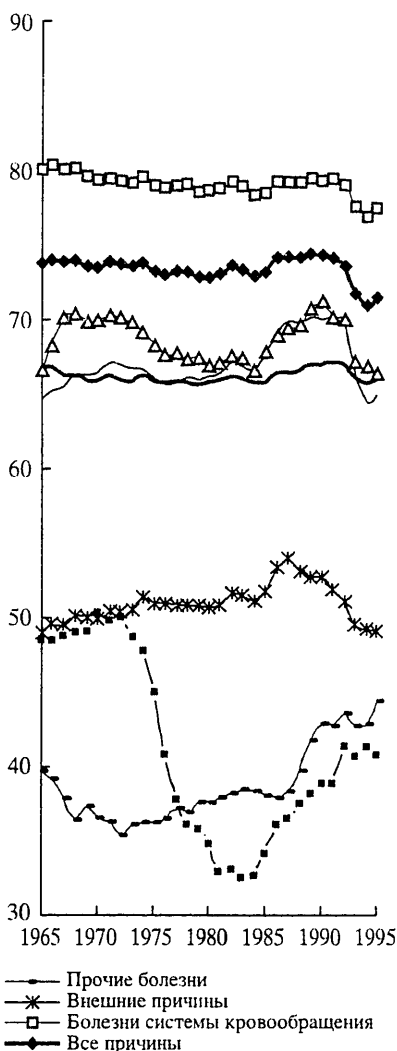
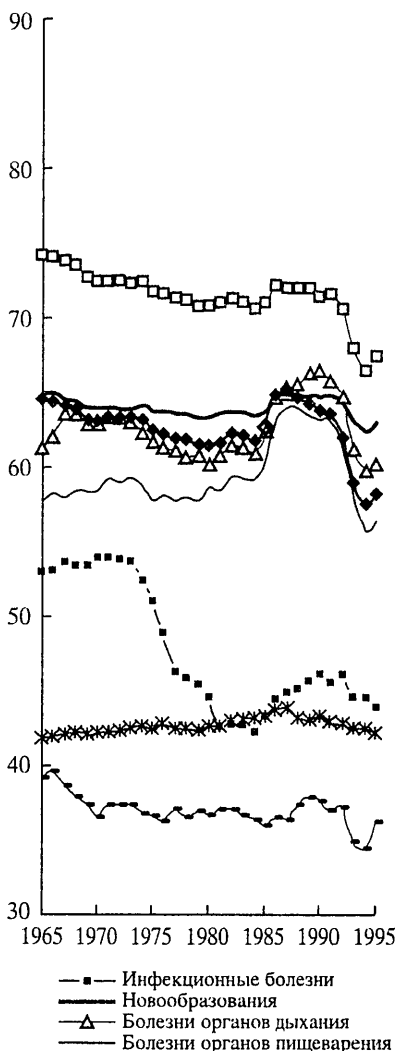

Рис. 6. Средний возраст смерти от семи крупных классов причин. Россия, 1965–1995 гг., лет.

сивные, положительные изменения заключаются в *повышении* средних возрастов смерти, т.е. в отодвигании смертей к старшим возрастам. В России же на протяжении 30 лет серьезного повышения этих показателей не наблюдалось ни для одного из классов причин (рис. 6). Если не считать кратковременного подъема во второй половине 80-х годов, можно говорить, скорее, о преобладающей тенденции к снижению среднего возраста смерти, то есть об *омоложении* смертности от большинства причин. Особенно прискорбно, что эта тенденция затронула болезни системы кровообращения – причину смерти примерно половины мужчин и более чем двух третей женщин. Нельзя не обратить внимания и на длительное и очень сильное снижение среднего возраста смерти от инфекционных болезней.

Таким образом, долговременные изменения структуры российской смертности по причинам смерти были, по большей части, неблагоприятными и не только не способствовали прогрессивной перестройке этой структуры в том направлении, которое подсказывает мировой опыт второй половины XX века, но в ряде случаев говорили, скорее, о движении в противоположном направлении.

Возрастно-причинные группы риска

На практике добиться перелома неблагоприятной ситуации, изменения нынешней российской модели смертности и ее сближения с западной можно, только воздействуя на смертность социально-демографических групп, в которых сейчас риск смерти, по сравнению с современными западными стандартами, особенно велик. Выявление таких групп представляет собой самостоятельную и довольно сложную задачу. Однако демографический анализ показывает, что речь идет прежде всего о *возрастно-причинных* группах, внутри которых затем следует искать более дробные социальные, профессиональные, образовательные и т.п. группы риска. Такой детальный поиск остается за рамками настоящего исследования, оно сосредоточивается на выявлении главных возрастно-причинных групп риска. Их существование связано с особенностями российской модели смертности, для которой характерно то, что риски умереть от той или иной причины смерти в том или ином возрасте, как для мужчин, так и для женщин, очень сильно отличаются от соответствующих рисков в странах с высокой продолжительностью жизни. Основное внимание в исследовании сосредоточено на группах риска в возрастах до 70 лет. Западная модель использу-

Вклад крупных классов причин смерти в преждевременную (по сравнению с "западной моделью") смертность в возрасте до 70 лет. Россия.

Мужчины

	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	Все причины
1990 г.								
Общее число смертей	1353	19 456	50 789	7065	2691	4074	14 572	100 000
В т.ч. до 70 лет	1200	12 685	20 350	3432	1737	3129	13 373	55 907
Из них преждевременных	599	2013	10 715	1711	152	272	9161	24 627
То же в % ко всем смертям до 70 лет	50	16	53	50	9	9	69	44
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,02	0,08	0,44	0,07	0,01	0,01	0,37	1,00
1992 г.								
Общее число смертей	1450	18 180	48 606	6417	2872	4209	18 266	100 000
В т.ч. до 70 лет	1310	11 977	20 896	3397	1954	3308	17 125	59 967
Из них преждевременных	709	1305	11 261	1676	369	451	12 913	28 687
То же в % ко всем смертям до 70 лет	54	11	54	49	19	14	75	48
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,02	0,05	0,39	0,06	0,01	0,02	0,45	1,00

Таблица 6 (окончание)

	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	Все причины
1995 г.								
Общее число смертей	2083	14 248	45 988	6648	3390	4834	22 810	100 000
В т.ч. до 70 лет	1977	10 000	24 580	4417	2722	4186	21 874	69 754
Из них преждевременных	1376	-672	14 945	2696	1137	1329	17 662	38 474
То же в % ко всем смертям до 70 лет	70	-7	61	61	42	32	81	55
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,04	-0,02	0,39	0,07	0,03	0,03	0,46	1,00

Вклад крупных классов причин смерти в преждевременную (по сравнению с "западной моделью") смертность в возрасте до 70 лет. Россия.

Женщины

	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	Все причины
1990 г.								
Общее число смертей	441	13 853	70 803	4244	2257	3732	4671	100 000
В т.ч. до 70 лет	344	7371	11 587	1251	964	2777	3362	27 654
Из них преждевременных	72	186	7122	265	171	786	1851	10 451
То же в % ко всем смертям до 70 лет	21	3	61	21	18	28	55	38
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,01	0,02	0,68	0,03	0,02	0,08	0,18	1,00
1992 г.								
Общее число смертей	425	13 884	70 001	3727	2367	3967	5628	100 000
В т.ч. до 70 лет	329	7331	12 175	1186	1027	2925	4302	29 277
Из них преждевременных	57	146	7710	200	234	936	2791	12 074
То же в % ко всем смертям до 70 лет	17	2	63	17	23	32	65	41
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,00	0,01	0,64	0,02	0,02	0,08	0,23	1,00

Таблица 7 (окончание)

	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	Все причины
1995 г.								
Общее число смертей	617	12 608	68 873	3569	2670	4463	7200	100 000
В т.ч. до 70 лет	513	7035	14 798	1435	1563	3339	5932	34 616
Из них преждевременных	241	-150	10 333	449	770	1348	4421	17 413
То же в % ко всем смертям до 70 лет	47	-2	70	31	49	40	75	50
Вклад данной причины в преждевременную смертность до 70 лет	0,01	-0,01	0,59	0,03	0,04	0,08	0,25	1,00

ется как база для сравнения и задает некий “контрольный уровень”, превышение которого и трактуется как “избыточная”, или “преждевременная” смертность. Как видно из табл. 6 и 7, понимаемые таким образом преждевременные смерти в 1992 г. составляли у мужчин 48% всех смертей в возрасте до 70 лет, у женщин – 41%. В 1995 г. соответствующие показатели равнялись 55% и 50%.

Подробный анализ различий в табличных числах умерших по возрасту и причинам смерти $d_{x,i}$ между Россией и “Западом” позволяет выделить важнейшие структурные элементы неблагополучия, характерного для российской смертности и показать, в каких возрастных группах и от каких причин смерти население России несет свои главные избыточные потери. Это и есть важнейшие возрастно-причинные группы риска.

ГЛАВНЫЕ ВОЗРАСТНО-ПРИЧИННЫЕ ГРУППЫ РИСКА (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Главные возрастно-причинные группы риска в России: обобщенная картина

Объединим результаты, полученные в предыдущих разделах, в обобщающих таблицах (табл. А–Г). В них разной штриховкой выделены наиболее важные возрастно-причинные группы риска в возрастах до 70 лет для мужчин и женщин России в 1992 и 1995 г. Эти группы сформированы либо только для крупных классов причин, либо – когда речь идет о двух классах, в наибольшей степени ответственных за избыточную смертность, а именно о болезнях системы кровообращения и внешних причинах – и для более дробных групп причин. В таблицах выделено пять категорий превышений в зависимости от количества избыточных смертей в расчете на 100 000 умирающих от всех причин: (1) более 1000 избыточных смертей; (2) от 500 до 1000; (3) от 300 до 500; (4) от 100 до 300; (5) от 50 до 100. Все остальные группы – с числом избыточных смертей менее 50, а также с отрицательным числом избыточных смертей (когда число умирающих в России меньше, чем на Западе) – образуют шестую группу и оставлены не заштрихованными. Табл. 8 и 9 содержат сводку результатов, представленных в четырех обобщающих таблицах. Взятые вместе таблицы этого раздела дают основания для определения приоритетов действия в борьбе с преждевременной смертностью.

Избыточное табличное число смертей в возрасте до 70 лет в России
(на 100 000 умирающих во всех возрастах и от всех причин). Смертность 1992 года

Мужчины

Возраст	Инфекционные болезни	Новообразованные	Болезни системы кровообращения	В том числе						Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	В том числе					Все причины
				ревматическая болезнь	гипертоническая болезнь	ишемическая болезнь	другие болезни сердца	нарушения мозгового кровообращения	другие болезни кровообращения					транспортно-дорожные происшествия	случайные отравления	самоубийства	убийства	другие внешние причины	
0	106	5	-9	0	0	0	-6	-1	-2	26	6	760	49	-1	4	0	0	46	1178
1-4	21	20	-3	1	0	-2	-1	-2	1	40	1	33	152	12	35	0	0	105	264
5-9	1	19	-2	-1	0	0	-1	0	0	2	2	38	185	39	9	2	3	159	245
10-14	-1	16	-1	0	0	0	-1	0	0	4	0	25	162	23	9	21	5	107	205
15-19	2	24	14	2	0	5	3	3	1	7	8	33	383	-16	35	81	80	206	471
20-24	16	17	36	4	2	12	9	8	1	9	13	19	841	82	66	112	110	371	951
25-29	6	25	91	7	2	47	19	14	2	16	24	2	1211	174	132	174	160	471	1375
30-34	22	28	231	11	1	147	39	29	4	23	38	-18	1482	191	210	256	33	559	1806
35-39	59	51	451	20	8	306	60	54	3	43	48	-20	1587	166	301	223	268	627	2219
40-44	97	151	832	35	15	589	68	117	8	97	64	-6	1686	207	391	212	245	673	2921
45-49	119	277	1241	36	18	887	70	210	20	161	64	16	1643	206	400	211	256	690	3521
50-54	127	586	1710	52	21	1190	9	403	35	256	77	12	1515	161	383	235	166	620	4283
55-59	92	449	1909	61	22	1224	-82	639	45	307	32	-43	1081	72	286	174	116	460	3827
60-64	52	200	2441	42	31	1378	-194	1104	80	349	4	-132	676	43	180	110	80	63	3590
65-69	-10	-563	2320	25	-4	1202	-383	1377	103	117	-12	-265	260	3	79	42	38	98	1831
Всего	709	1305	11261	295	116	6985	-391	3955	301	1676	369	454	12913	1179	2540	1806	1966	5422	28687

Число избыточных смертей

свыше 1000

500-1000

300-500

100-300

50-100

менее 50

Избыточное табличное число смертей в возрасте до 70 лет в России
(на 100 000 умирающих во всех возрастах и от всех причин). Смертность 1992 года

Женщины

Возраст	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	В том числе						Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	В том числе					Все причины																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																															
				ревматическая болезнь	гипертоническая болезнь	ишемическая болезнь	другие болезни сердца	нарушения мозгового кровообращения	другие болезни кровообращения					опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль		опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль	опухоль

Число избыточных смертей

свыше 1000

500-1000

300-500

100-300

50-100

менее 50

Избыточное табличное число смертей в возрасте до 70 лет в России
(на 100 000 умирающих во всех возрастах и от всех причин). Смертность 1995 года

Мужчины

Возраст	Инфекционные болезни	Новообозначения	Болезни системы кровообращения	В том числе						Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	В том числе					Все причины
				ревматическая болезнь	гипертоническая болезнь	ишемическая болезнь	другие болезни сердца	нарушения мозгового кровообращения	другие болезни кровообращения					спортивно-транспортные происшествия	случайные отравления	самоубийства	убийства	другие внешние причины	
0	126	4	-7	1	0	0	-6	0	-2	232	1	790	70	0	0	0	3	67	1216
1-4	31	18	-3	0	0	-1	-3	0	1	55	4	56	140	16	0	0	4	120	301
5-9	9	12	-1	-1	0	0	0	0	0	8	2	37	170	-15	-1	1	4	181	236
10-14	3	7	0	1	0	1	-3	0	1	3	1	23	177	-16	1	24	6	162	214
15-19	13	17	23	2	0	9	9	3	0	11	10	30	666	-94	11	156	97	496	771
20-24	48	14	74	5	1	28	28	10	2	22	26	32	1281	-86	45	299	284	739	1494
25-29	48	20	159	8	2	69	60	19	1	41	56	29	1585	59	111	298	361	756	1939
30-34	69	32	380	13	4	201	119	38	5	83	102	43	1907	226	222	325	337	797	2617
35-39	141	50	712	24	8	412	181	81	6	151	149	71	2133	341	311	323	325	833	3409
40-44	223	116	1222	32	21	740	245	171	13	257	198	138	2311	422	369	280	307	933	4465
45-49	220	220	1847	38	36	1154	267	323	29	347	231	180	2284	445	390	254	247	948	5328
50-54	222	391	2498	51	43	1560	211	578	55	507	217	169	2141	427	376	266	241	831	6144
55-59	162	129	2689	50	52	1646	55	816	70	451	140	55	1486	282	251	156	135	662	5114
60-64	72	445	2973	36	40	1653	-95	1251	88	427	42	-64	919	163	163	87	100	406	3914
65-69	-11	-1247	2379	15	13	1186	-337	1413	89	101	-42	-260	392	47	72	58	46	169	1312
Всего	1376	-672	14945	275	220	8658	731	4703	358	2696	1137	1329	17662	2217	2321	2527	2497	8100	38474

Число избыточных смертей

свыше 1000

500-1000

300-500

100-300

50-100

менее 50

**Избыточное табличное число смертей в возрасте до 70 лет в России
(на 100 000 умирающих во всех возрастах и от всех причин). Смертность 1995 года**

Женщины

Возраст	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	В том числе						Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Прочие болезни	Внешние причины	В том числе					Все причины
				ревматическая болезнь	гипертоническая болезнь	ишемическая болезнь	другие болезни сердца	нарушения мозгового кровообращения	другие болезни органов кровообращения					другие болезни органов дыхания	случайные отравления	самоубийства	убийства	другие внешние причины	
0	20	2	-6	-1	0	0	-3	-2	0	194	4	541	58	0	-1	0	4	55	883
1-4	25	16	-3	0	-1	0	-2	0	0	49	3	51	95	17	0	0	2	76	237
5-9	6	6	-1	1	0	0	0	-2	0	10	1	26	74	-8	0	0	1	81	121
10-14	3	9	0	3	0	-1	-1	0	-1	4	2	19	70	-7	0	5	5	67	108
15-19	7	16	5	1	0	1	1	2	0	5	6	33	185	-24	1	43	38	127	255
20-24	10	17	18	1	1	4	7	4	1	9	8	45	206	-19	6	31	63	125	315
25-29	10	27	37	4	1	10	13	8	1	10	13	46	242	3	19	23	72	125	387
30-34	11	40	86	6	1	34	31	13	1	18	26	47	309	38	40	21	81	129	534
35-39	19	63	166	12	4	71	46	31	2	25	40	64	388	70	69	28	81	140	768
40-44	28	99	327	23	11	144	73	71	5	52	72	95	496	103	99	36	83	175	1148
45-49	39	113	624	40	25	259	98	189	13	64	101	110	559	142	130	32	103	238	1609
50-54	23	99	1083	68	45	469	85	396	20	61	143	123	617	150	158	32	66	211	2149
55-59	10	-15	1596	88	68	685	51	664	40	31	155	114	483	113	125	15	71	159	2373
60-64	-10	-209	2645	79	81	1153	-20	1251	101	-1	119	83	381	79	81	20	51	150	3008
65-69	-30	-413	3756	50	82	1633	-135	1939	187	-82	77	-49	258	38	45	26	44	105	3518
Всего	241	-150	10333	375	318	4462	244	4564	370	449	770	1348	4421	695	772	312	765	1963	17413

Число избыточных смертей

свыше 1000

500-1000

300-500

100-300

50-100

менее 50

Главные приоритеты действий

Настоящая работа основана на анализе материалов, которые в советское время считались секретными и не были доступны даже исследователям. Без соответствующего анализа они представляли собой груду “сырых” цифр, хранившихся в архивах ЦСУ-Госкомстата СССР и лишь в незначительной своей части использовались для написания поверхностных “аналитических записок”, предназначенных для высшего руководства страны. Не будет большим преувеличением сказать, что ни руководство СССР, ни руководство России после его распада, имея, конечно, общее представление о неблагополучии в области смертности, не было в необходимой мере осведомлено об истинном положении вещей. Это же можно сказать и о руково-

Таблица 8

Избыточное, по сравнению с западным стандартом,
число смертей по шести категориям групп риска. Россия.
1992 и 1995 гг., на 100 000 смертей

Категории по числу избыточных смертей	Общее число избыточных смертей		В % к итогу	
	1992	1995	1992	1995
Мужчины				
Свыше 1000	7475	9863	26,1	25,6
500–1000	5870	9930	20,5	25,8
300–500	4591	8312	16,0	21,6
100–300	8313	9985	29,0	26,0
50–100	1736	1727	6,1	4,5
Менее 50	702	–1343	2,4	–3,5
Всего	28 687	38 474	100,0	100,0
Женщины				
Свыше 1000	4091	5976	33,9	34,3
500–1000	1402	1890	11,6	10,9
300–500	972	865	8,1	5,0
100–300	2196	4760	18,2	27,3
50–100	2047	3160	17,0	18,1
Менее 50	1366	762	11,3	4,4
Всего	12 074	17 413	100,0	100,0

**Распределение возрастно-причинных групп риска по категориям.
Россия. 1992 и 1995 гг.**

Категории по числу избыточных смертей	Число групп		В % к итогу	
	1992	1995	1992	1995
Мужчины				
Свыше 1000	6	7	2,5	2,9
500-1000	9	13	3,7	5,4
300-500	12	22	5,0	9,2
100-300	46	52	19,2	21,7
50-100	24	26	10,0	10,8
Менее 50	143	120	59,6	50,0
Всего	240	240	100,0	100,0
Женщины				
Свыше 1000	3	4	1,3	1,7
500-1000	2	3	0,8	1,3
300-500	2	2	0,8	0,8
100-300	15	33	6,3	13,8
50-100	30	43	12,5	17,9
Менее 50	188	155	78,3	64,6
Всего	240	240	100,0	100,0

дителях тех государственных ведомств, которые непосредственно отвечают за охрану здоровья. И уж, конечно, менее всего были информированы широкие слои населения, само общество, без активного и сознательного участия которого в борьбе с преждевременной смертностью эта борьба в современных условиях обречена на поражение.

Не имея полной информации о смертности, невозможно правильно определить приоритеты действий, направленных на ее снижение. Случайная и отрывочная информация, время от времени становящаяся достоянием гласности, лишь будоражит общество, никак не способствуя их выявлению. Например, общественное мнение встревожено сообщениями об эпидемии дифтерии. Действительно, число смертей от дифтерии в возрасте до 15 лет поднялось в России с 9 в 1985 г. до 216 в 1994, т.е. выросло в 24 раза. Кроме того, появилось несколько сотен смертей от дифтерии у взрослых, чего раньше вообще практи-

чески не было. Основания для беспокойства, конечно есть. Но разве меньшего беспокойства заслуживает, скажем, тот факт, что в том же 1994 г. только от пневмонии и других респираторных состояний умерло более 2,5 тысяч детей в возрасте до 1 года? И это — не новое, а постоянное для России явление, хотя и здесь есть тенденция к ухудшению: в 1985 г. число таких смертей в расчете на 100 000 родившихся мальчиков составляло 417, в 1994 — 470; на 100 000 девочек, соответственно, — 280 и 312.

Разумеется, бороться надо со всеми смертями — во всех возрастах и от всех причин, даже если их избыточное число находится намного ниже наших категориальных отметок. Но в ряде случаев речь идет о достаточно рутинной работе по совершенствованию здравоохранения, повышению санитарной культуры населения и пр., и такая работа, конечно, необходима. Когда же речь идет о “категоризованных” группах, необходимо думать о чрезвычайных, экстренных, узко направленных, прицельных мерах, призванных бороться с нетерпимым общественным бедствием. Таблицы А–Г, а также табл. 8 и 9 позволяют выделить такие приоритетные группы и указать тем самым на желательные направления главных усилий.

А. Приоритеты борьбы со смертностью у мужчин

Наибольшее беспокойство вызывает особенно высокая преждевременная смертность мужчин. Общее *избыточное* число смертей в возрасте до 70 лет составило у них в 1992 г. 287 на каждую тысячу смертей во всех возрастах, а в 1995 г. — 385 на тысячу. Иными словами, в 1992 г. больше четверти, а в 1995 г. — больше трети всех мужских смертей в России были преждевременными. При нынешнем западном уровне смертности они бы не наступили. С этими смертями и надо бороться в первую очередь, их оттеснение к более поздним возрастам — реально.

Как следует из таблиц А и В, огромная часть избыточных мужских смертей сконцентрирована в очень небольшом числе возрастно-причинных групп. Всего в каждой таблице выделено 240 таких групп. В 1992 г. только 15, а в 1995 г. — 20 из них (соответственно 6,3% и 8,3% от общего числа в 240 групп) принадлежали к двум первым категориям, отличавшимся особо высокой избыточной смертностью. Но на долю этих немногочисленных групп приходилось в 1992 г. 46,6%, а в 1995 г. — 51,4% всех избыточных смертей. Если добавить к ним еще группы третьей кате-

гории, то получится, что в 1992 г. 27 групп (11,3% их общего числа) покрывали почти две трети (62,5%) всей избыточной смертности, а в 1995 г. 42 группы (17,5% общего числа) были ответственны почти за три четверти (73%) избыточных, преждевременных смертей. На этих сравнительно немногочисленных группах риска и должны быть сосредоточены главные усилия.

Самая главная зона избыточных мужских потерь – это потери от *ишемической болезни сердца* в возрасте от 40 до 70 лет и от нарушений *мозгового кровообращения* от 55 (в 1992 г.) и даже от 50 (в 1995 г.) до 70 лет. Только на эти две “зоны риска” пришлось 33,4% всех избыточных потерь в 1992 и 31,2% – в 1995 г.

Следующая наиболее опасная зона – смерти от “*других внешних причин*”: 11% избыточных смертей в 1992 и 16,9% – в 1995 г. Правда, выделение более дробных групп причин в классе “Внешние причины” не приносит того результата, какой дает такое дробление для болезней системы кровообращения, ибо здесь концентрация по отдельным причинам не столь ярко выражена. Тем не менее и здесь на “красную” и “желтую” зоны в 1995 г. пришлось более 70% всех смертей от внешних причин и 32,4% всех избыточных смертей. В целом же *внешние причины, взятые вместе*, обусловили в 1992 – на 40%, а в 1995 – почти на 20% больше преждевременных смертей, чем все сердечно-сосудистые болезни.

За пределами этих двух главных “зон риска” бросается в глаза чрезвычайно высокая смертность мальчиков на первом году жизни от “*прочих болезней*”, среди которых ведущее место принадлежит врожденным аномалиям, родовым травмам, а также врожденной и аспирационной пневмонии и другим респираторным состояниям. От всех этих причин дети умирают и на Западе, но в два с лишним раза реже, чем у нас.

Кроме того, в 1992 г. особенно высокой была избыточная смертность мужчин 50–55 лет от новообразований, а в 1995 г. – этой же категории мужчин от болезней органов дыхания.

Б. Приоритеты борьбы со смертностью у женщин

У женщин до 70 лет избыточная смертность не так велика, как у мужчин, хотя тоже весьма значительна, зато ее концентрация в небольшом числе групп в определенном смысле еще выше, чем у мужчин (см. табл. Б и Г). В 1992 г. 121, а в 1995 г. – 174 из каждой тысячи женских смертей были преждевременными. В 1992 г. 45,5% из них концентрировались в группах двух первых

и 53,6% – трех первых категорий. В 1995 г. соответствующие показатели составляли 53,6% и 50,8%. Но сами эти группы, по отношению к общему числу групп, составляли менее 3% в 1992 г. и менее 4% в 1995 г. А треть всех избыточных смертей вообще концентрировалась в трех (в 1992) или четырех (в 1995) из 240 возрастно-причинных групп.

Главные зоны избыточных женских смертей – смерти в возрасте от 55 до 70 лет от *ишемической болезни сердца и нарушений мозгового кровообращения*. В 1992 г. на эти шесть групп пришлось 49,4% избыточных женских смертей, в 1995 г. – 42,1%.

Зависимость смертности женщин от внешних причин не столь велика, как у мужчин, и их вклад в избыточную смертность намного меньше, чем вклад сердечно-сосудистых заболеваний. А вот число младенческих смертей у девочек от *“прочих болезней”*, хотя и ниже, чем у мальчиков, но тоже очень велико, вдвое превышает соответствующий показатель западной модели. У девочек, как и у мальчиков, смертность от *“прочих болезней”* – основной компонент избыточной младенческой смертности, да и младенческой смертности вообще (в 1995 г. 72% всех смертей до 1 года у мальчиков и 70% – у девочек).

* * *

Если кратко подвести итоги всему сказанному, то они сводятся к следующему. Положение со смертностью в России требует постоянных и значительных усилий, направленных на отеснение огромного, по современным меркам, числа преждевременных смертей к более поздним возрастам. Это касается смертей практически от всех причин и указывает на задачи, которые стоят перед российским здравоохранением, российским государством и российским обществом. В силу целого ряда исторических обстоятельств, как долговременных, так и средне- и краткосрочных, нынешнее отставание России от Запада по многим показателям смертности представляется неизбежным, почти закономерным. Нужна долгая и упорная работа, чтобы сначала сократить это отставание, а затем и полностью преодолеть его. Нет оснований надеяться, что в скором времени в России окажется достаточно ресурсов, чтобы развернуть эффективное наступление на смерть сразу на всех направлениях.

Есть, однако, такие направления, отставание на которых приобрело катастрофические масштабы. На этих направлениях надо действовать безотлагательно, сконцентрировав на них значительную часть имеющихся ресурсов. Необходимы специальные,

обеспеченные ресурсами и организационными возможностями общегосударственные программы экстренных действий, по крайней мере, на трех направлениях:

- Борьба со смертностью от ишемической болезни сердца и от нарушений мозгового кровообращения в средних возрастах.
- Борьба со смертностью от внешних причин – несчастных случаев, отравлений, травм и причин насильственного характера, особенно среди мужчин трудоспособного возраста.
- Борьба с младенческой смертностью от “прочих болезней” (врожденных аномалий, родовых травм и пр.), а, возможно, также и от болезней органов дыхания.

Авторы исследования намеренно не касаются существа программ. В их задачу входила “постановка диагноза”, указание на наиболее важные локализации той боли, которую ощущают в России все. Претендовать же на большее было бы сегодня дилетантизмом, для этого нет достаточных оснований. Разработка конкретных программ – самостоятельная и далеко не простая задача для многопрофильных коллективов специалистов. Но сейчас неясно даже, кто может выступать заказчиком таких программ. Особенно велика эта неясность в отношении программы борьбы со смертностью от внешних причин. Борьба с болезнями институционально организована, ею издавна занимаются Министерство здравоохранения, Академия медицинских наук и т.д. Правда, и они, вместе со всем обществом, застряли где-то на этапе “первого эпидемиологического перехода”, так что их деятельность нуждается в серьезной переориентации, в реструктурировании. Но, по крайней мере, ясно, что профилактика болезней или борьба с ними проходит по их ведомству.

Институционализированного центра, который мог хотя бы формально возглавить борьбу со смертностью от несчастных случаев, отравлений, травм и причин насильственного характера, в России не существует. А ведь речь идет, подчеркнем еще раз, о *главном* источнике избыточной смертности. От какой-то второстепенной причины из этого класса с не очень ясным названием “Случайное механическое удушение, закупорка дыхательных путей” в России ежегодно погибает мужчин больше, чем от сахарного диабета, и женщин больше, чем от туберкулеза органов дыхания. И никакой сколько-нибудь организованной борьбы с такого рода причинами смерти не ведет никто.

По-видимому, в роли главного организатора борьбы с преждевременной смертностью в России должно выступить само государство в лице его высших правительственных органов. Государство у нас долго занималось несвойственными ему в XX веке функциями монопольного собственника или верховного жреца, и

это государственное увлечение обошлось народу во многие миллионы недожитых лет. Не пришло ли время сменить приоритеты государственной деятельности?

Литература

1. Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник (за разные годы).
2. Население России. 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1997.
3. Annuaire rétrospectif de la France. Séries longues. 1948–1988. P., 1990.
4. Annuaire statistique de la France 1994. P., 1995.
5. Evolution démographique récent en Europe 1996. Conseil de l'Europe. Strasbourg, 1996. T. 4.2.
6. Health and welfare statistics in Japan 1997. Tokyo, 1997.
7. Statistical Abstract of the United States 1994. Washington, 1994.
8. Statistique démographique 1996. Eurostat. Luxembourg, 1996.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ЧТО ПРОИСХОДИТ СО СМЕРТНОСТЬЮ?

Положение улучшается?

Вот уже три года в России идет снижение смертности и растет продолжительность жизни. Последним годом необычного подъема смертности, начавшегося в конце восьмидесятых годов, стал 1994-й. В 1995 году наметился поворот, а к началу 1998-го ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла (с учетом предварительных данных за 1997 г.) на 3,6, женщин – на 2,1 года. Таким образом, из того, что было потеряно за 1991–1994 годы, у мужчин удалось восстановить более половины, у женщин – две трети. Но и теперь ожидаемая продолжительность жизни в России еще очень низка: у женщин находится на уровне рубежа семидесятых-восьмидесятых годов, у мужчин – даже ниже этого крайне низкого уровня.

Идет постепенное возвращение к возрастным кривым смертности, наблюдавшимся в начале 90-х годов, до ее внезапного резкого подъема. Наибольшее относительное улучшение достигнуто в возрастах от 30 до 60 лет с максимумом в группе 40–45 лет, то есть именно там, где и недавний подъем смертности был самым значительным. Заметно улучшение в старших возрастах, особенно же у детей, где положение даже лучше, чем было семь-восемь лет назад. “Возвратный” характер происходящих изменений подтверждается и анализом вклада в них различных причин смерти. Снижается, в первую очередь, смертность от несчастных случаев, отравлений, травм и насильственных причин смерти в более молодых возрастах и от болезней системы кровообращения в старших – зеркальное отображение того, что наблюдалось в 1992–1994 годах, когда смертность росла.

Существуют разные объяснения этого недавнего роста смертности. Но те из них, которые, на первый взгляд, кажутся самыми

¹ Опубликовано в газете: “Новые Известия”. 1998. 24, 25 и 26 февр.

простыми и бесспорными, а потому упоминаются чаще всего: обнищание населения, деградация здравоохранения, ослабление контроля над загрязнениями окружающей среды и т.п., – плохо согласуются с реальными изменениями смертности. Если бы такие объяснения были верны, подъем смертности должен был, в первую очередь, затронуть самые уязвимые, физически слабые и социально не защищенные группы населения, чаще других нуждающиеся в услугах здравоохранения: маленьких детей и вообще детей, особенно в многодетных семьях, престарелых, инвалидов и т.п. В действительности же, вопреки ожиданиям, пострадали как раз не самые слабые и социально незащищенные группы. Решающий вклад в снижение продолжительности жизни внес рост смертности самой сильной, жизнеспособной, реже всего обращающейся к врачу части населения, – мужчин в возрастах от 30 до 60 лет, в меньшей степени – женщин в возрасте от 30 до 75 лет.

К тому же главными виновниками роста смертности оказались не болезни, связанные с ухудшением питания, жилищных условий, санитарного состояния среды обитания, ухода за больными и пр., а несчастные случаи и болезни системы кровообращения. И у мужчин, и у женщин оба названных класса причин обусловили четыре пятых всего падения ожидаемой продолжительности жизни за 1991–1994 годы, причем у мужчин на первом месте стоят несчастные случаи, а у женщин – болезни системы кровообращения.

Все это заставляет предположить, что в повышении смертности проявился синдром адаптации россиян к новым, непривычным экономическим и социальным условиям. Его главными жертвами стали мужчины и женщины в рабочих возрастах, ибо на них легла главная тяжесть активного приспособления к новой жизни, главная ответственность за благополучие их семей, главная связанная с этим психологическая нагрузка. Когда первый шок миновал, острота стрессов ослабела, да и общая обстановка стала приобретать устойчивость. Растревоженная резкими потрясениями начала десятилетия жизнь страны постепенно входит в нормальную колею, вместе с тем приобретает свои прежние очертания и возрастно-причинный “профиль” смертности.

Это одновременно и радует, и настораживает. Демографическая колея, по которой катила жизнь населения РСФСР, как и всего СССР, была “нормальной” только по советским меркам, но, во многих отношениях никуда не годилась по меркам мировым. Простой возврат на эту колею может считаться благом, если вести отсчет от 1992–1994 годов, но он отнюдь не сулит решения острейших проблем, которые накопились в России к середине восьмидесятых – началу девяностых. А корень зла – именно в этих проблемах.

Закончить “третью мировую войну”

Успехи в борьбе со смертью в XX веке во всех индустриальных странах, в том числе и в России, были следствием развернувшегося в них *эпидемиологического перехода*. Этот переход повсюду осуществляется в два этапа. На первом из них успехи достигаются благодаря массовым профилактическим мероприятиям, которые не требуют большой активности со стороны самого населения. Так было и в СССР, который вошел к началу 60-х годов в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 60-х годов возможности такой патерналистской в известной мере стратегии в богатых и развитых странах оказались исчерпанными и они перешли к новой стратегии действий, направленной на уменьшение риска заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, и предполагавшей более активное и сознательное отношение к своему здоровью со стороны каждого человека. Значительно выросли и расходы на охрану и восстановление здоровья. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден. К концу 70-х годов стало ясно, что неучастие СССР в мировых успехах в борьбе со смертью и связанное с этим новое отставание – не случайный и временный эпизод, а проявление глубокого кризиса системы.

Когда сегодня читаешь зомбированных авторов “патриотических” агиток о “начавшемся при президенте Ельцине вымирании народа России”, сама собой приходит на память поговорка о том, чья корова должна мычать, а чья – молчать. Где были эти золотые перья в брежневско-черненкоовские времена? Разве не знали они, что скрывалось тогда за запретом даже на простую публикацию данных о смертности? “Пора ставить вопрос о геноциде народов России”, – пишут они сейчас. А тогда было не пора?

На недавнем международном конгрессе по народонаселению в Пекине (октябрь 1997 года) американский исследователь М. Филд выступил с докладом под названием “Третья мировая война и ее влияние на здоровье в бывшем СССР”. Его главная идея заключалась в том, что “холодная война”, хотя она и не велась, подобно “горячей”, на полях сражений, с точки зрения последствий в области здоровья и смертности, была, по крайней мере для СССР, *настоящей* Третьей мировой войной. На первый взгляд, может показаться, что речь идет не более чем о метафоре, но дело в том, что ведение такой метафорической войны стоило огромных и совершенно реальных человеческих жертв.

В послевоенные годы западные страны достигли больших успехов в деле снижения смертности. Эти успехи не сами свали-

лись на голову, они потребовали от них огромных затрат на охрану здоровья, к которым СССР, с его остаточным принципом финансирования здравоохранения, и близко не подошел (см. табл. 1 на с. 147). Стремясь к военному паритету с не собиравшимися на него нападать противниками, он щедро оплачивал счета дорогостоящей гонки вооружений жизнями своих граждан, то есть тем, для защиты чего якобы и наращивал свою военную мощь.

Экономия на здравоохранении, его бедность – часть наследия, которое досталось России от бывшего СССР, прочно занимавшего последнее место по продолжительности жизни в списке индустриальных стран. Но были еще и нараставшая социальная апатия, разочарование в неосуществившихся общественных идеалах. Новая стратегия борьбы со смертью требовала, чтобы на смену пассивному принятию проводимых органами здравоохранения мер пришла заинтересованная индивидуальная активность самого населения, направленная на оздоровление среды обитания, всего образа жизни, заботу о своем здоровье, на искоренение вредных и внедрение полезных привычек и т.п. Застойные же десятилетия консервировали социальную маргинальность большинства населения, оказавшегося в культурной и идеологической пустоте, и делали его неспособным к активной борьбе за сохранение своего здоровья и даже жизни. Алкоголизм и тесно связанная с ним чрезвычайно высокая смертность от несчастных случаев или насилия – прямое следствие этой общей социальной ситуации.

В результате разрыв в уровнях смертности между Россией и большинством промышленно развитых стран непрерывно увеличивался. В середине 80-х годов, перед началом горбачевской перестройки, он был настолько большим, что заставлял вспоминать отставание царской России начала века. Скажем, около 1900 года разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин между Россией и Англией составляла около 13 лет, в 1980 – более 9. Разрыв, конечно, сократился, но не слишком сильно.

Подсчитано, что если взять для сравнения возрастные уровни смертности мужского населения Великобритании в соответствующие годы и сопоставить возможное при таком уровне смертности число умерших с их фактическим числом в России, то только за 10 лет – с 1975 по 1985 г. – и только у мужчин в возрасте от 20 до 50 лет число “избыточных” смертей составит почти 1,6 млн (см. с. 149 настоящего тома). Речь идет о вполне реальных одном миллионе шестистах тысячах российских сыновей, мужей, отцов, многие из которых и сейчас еще могли бы жить, а похоронены

давным-давно из-за того, что сохранение их жизней не входило в число приоритетов своего времени.

Разумеется, в первой половине 90-х годов потери России были еще большими. Но если теперешнее снижение смертности означает лишь возврат ее динамики на траекторию, существовавшую в советское время, то смертность в России и впредь будет оставаться высокой. Ибо, к сожалению, нынешний “режим”, во многом действительно отошедший от доперестроечного советского, многое от него и унаследовал. Во всяком случае, в том, что касается охраны здоровья и жизни граждан России, почерк тот же. Живы, в частности, советские традиции “остаточного” финансирования всего, что связано с охраной здоровья. Продление жизни большинства народа стоит дорого, а Россия остается страной, тратящей на здравоохранение едва ли не самую малую по сравнению с другими промышленными странами долю своего внутреннего валового продукта, тоже не бог весть какого большого.

От чего умираем?

Почти все данные о смертности в советское время считались секретными и не были доступны даже исследователям. В итоге об истинном положении вещей не было в необходимой мере осведомлено ни руководство страны, ни тем более само общество. Многое ли изменилось в постсоветской России?

Сегодня подробная информация о смертности доступна и исследователям, и журналистам, но, как правило, они используют ее весьма поверхностно, а осведомленность широкой публики, кажется, не слишком повысилась. Отрывочная информация, время от времени становящаяся достоянием гласности, лишь будоражит общество, порой сознательно используется в чисто политических целях. Но она может, конечно, использоваться и по прямому назначению – для того, чтобы добиться снижения смертности. Ведь для этого необходимо видеть всю картину и правильно выбрать приоритеты действия. Успеха можно достичь лишь в том случае, если усилия будут концентрированными и “прицельными”. Неверно думать, что смертность мужчин высока, потому что “все плохо” и надо это “все” сразу изменить: победить и туберкулез, и рак, и язву желудка и т.д. (см. с. 163–172 этого тома). Существует несколько зон особого неблагополучия, они определяются комбинацией относительно немногочисленных возрастных групп и небольшого числа причин смерти, и если бы удалось изменить положение только на этих ограниченных участках

“возрастно-причинного поля” смертности, ее общий уровень сразу резко снизился бы.

На этих главных направлениях и надо бы действовать безотлагательно: сконцентрировать на них значительную часть имеющихся ресурсов и организационных возможностей, разработать и провести в жизнь специальные программы. Нужны, конечно, средства, и немалые, а с этим сейчас туго. Но денег всегда не хватает. Гораздо опаснее дефицита средств дефицит воли.

Некий профессор-географ, бичующий “ельцинский геноцид”, тут же придумал и объяснение многолетнего советского отставания по продолжительности жизни. Оказывается, “дело в том, что у нас суровые природно-климатические условия, мы – единственная страна, которая расположена у полюса”. Однако большинство россиян живут к югу от шестидесятой параллели – не в пример шведам, норвежцам или финнам, у которых с продолжительностью жизни как раз все в порядке. А притулившаяся к Северному полярному кругу Исландия и вовсе занимает первое место в мире по этому показателю. Конечно, если бы нам подтянуть Гольфстрим к Москве или Нижнему Новгороду, то, может быть, тогда и с нашего Минздрава спрос бы повысился. Или с Академии медицинских наук.

Впрочем, с болезнями наши ведомства все-таки борются. Пусть они, вместе со всем обществом, застряли где-то на первом этапе эпидемиологического перехода, так что их деятельность нуждается в серьезной переориентации, в переструктурировании. Но, по крайней мере, ясно, что предупреждение болезней или борьба с ними проходит по их ведомству. А вот институционализированного центра, который мог бы возглавить борьбу против главных причин избыточной смертности – несчастных случаев, отравлений, травм и причин насильственного характера, – в России не существует вовсе.

Но, может быть, охрана здоровья и жизни людей и не есть дело каких-нибудь отдельных ведомств? В России, во всяком случае, положение давно уже стало настолько серьезным, что не нашему полусонному Минздраву с ним справиться. Все-таки избыточная смертность таких масштабов, что мирное время в стране десятилетиями напоминает военное, – это и премьер-министра могло бы заинтересовать, если не самого Президента. Хочется верить, что в роли главного организатора борьбы с преждевременной смертностью в России выступит, наконец, само государство в лице его высших правительственных органов.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ЧТО ПРОИСХОДИТ С РОЖДАЕМОСТЬЮ?

Падение продолжается

Подобно тому, как смертность в России очень высока, рождаемость в ней очень низка. Порой эти особенности изображаются как две стороны одной медали. Между тем в первом случае мы резко разошлись со всем миром, тогда как во втором, напротив, находимся там же, где и все другие промышленные страны. Возможность снижения смертности доказана опытом многих, повысить же рождаемость пока не удалось никому, а попыток было немало.

На первый взгляд, причины низкой рождаемости объяснить очень просто, что и делается, например, в Информационном экспресс-бюллетене фракции КПРФ, предназначенном для депутатов Государственной Думы. “Рынок всегда и всюду против детей. В хваленой Европе семьи экономят на детях, точнее, на количестве детей... Рынок губит детей – родившихся и тех, кто мог бы родиться” [10: 27]. С такой же прямолинейностью низкую рождаемость можно списать на инфляцию, безработицу, невыплату зарплат – и все будет казаться убедительным. Но не все, что кажется убедительным, истинно. “Каждый день пред нами солнце ходит, – писал Пушкин, – а все же прав упрямый Галилей”.

Низкая рождаемость в России – не новость последних дней. Возьмем, например, поколение женщин, родившихся в 1950 году. Дети у них появлялись, в основном, с конца шестидесятых до конца восьмидесятых. В России каждые сто женщин из этого поколения дали жизнь 185 детям – очень немного. А как было в “хваленой Европе”? По-разному. Во Франции – 210, в Великобритании – 206, в Испании – 218, побольше, чем в тогдашней безрыночной России. А вот в Германии – поменьше, всего 170. Но в целом в шестидесятые годы именно “плановая”, “социалистическая” Восточная Европа была зоной самой низкой рождаемости, а не рыночная Западная.

Шагнем теперь через десять лет – к поколению 1960 года. Оно заканчивает рожать детей сейчас, во второй половине 90-х годов. В России на его счету – 184 рождения на сто женщин, во Франции и Испании – 170, в Великобритании – 168, в Германии и того меньше – 157. Рождаемость по-прежнему низка, хотя теперь в России положение даже лучше, чем в Европе, – по-видимому за счет относительно благоприятных тенденций рождаемости в 1982–1988 годах. У нас она несколько поднялась в это время, достигнув пика в 1987 году.

Но в конце восьмидесятых годов начался новый спад рождаемости, необычный даже на фоне ее долговременного снижения в предыдущие десятилетия. В 1991–1993 годах рождаемость падала особенно круто, и Россия сближалась с европейскими странами, где рождаемость тоже продолжает снижаться, и даже простое замещение поколений становится неразрешимой проблемой.

Планирование семьи

Подавляющее большинство семей в России, как и во всех развитых странах, регулируют число детей и сроки их появления на свет – иначе откуда бы взяться низкой рождаемости? Однако, в отличие от большинства стран, одним из главных методов такого регулирования в России остается искусственный аборт. Судя по официальным данным, число абортов в последние годы немного снижается, однако нет уверенности в полноте этих данных. Впрочем, даже если официальное число абортов и преуменьшено, Россия все равно остается одним из мировых лидеров по этой части. В 1996 году в стране родилось 1,3 млн детей и было учтено более 2,6 млн абортов – примерно 200 абортов на сто родов (в европейских странах даже 30 абортов на сто родов – это уже много). Даже с учетом некоторых положительных сдвигов, при сегодняшней распространенности искусственного прерывания беременности в России, средняя россиянка за свою жизнь будет иметь в анамнезе около 2–2,5 абортов (против 3,5–4 пятнадцать–двадцать лет назад и еще более высоких показателей в первой половине шестидесятых годов) [8: 61]. В развитых странах Западной Европы или у белого населения США итоговое число абортов в расчете на одну женщину колеблется от 0,1 до 0,6 за всю жизнь.

Еще до революции передовые русские врачи утверждали, что со злом аборта надо бороться с помощью распространения противозачаточных средств. В советское время положение с этими средствами в большинстве случаев напоминало положение с колбасой: только одного сорта и если удастся достать. Голоса официальных здравоохранения и образования почти не было слышно, отечественные наука, промышленность и сфера услуг, призванные обеспечивать разработку и распространение эффективных средств контрацептивной защиты, тоже были не слишком заметны. В результате примитивное ограничение размеров потомства на внутрисемейном уровне преобладало над осознанным и эффективным планированием числа и сроков наступления беременности. Россия, как и некоторые другие республики бывшего СССР, лидировала не только по распространенности аборта,

но и по числу детей, родившихся нежеланными или в неподходящее для родителей время. Очень высокой была материнская смертность. Обо всем этом общество не было информировано, данные об абортах были закрыты.

Сейчас люди осведомлены о происходящем гораздо полнее, современные противозачаточные средства и информация о них стали более доступными. Чувствуется какое-то шевеление и в недрах систем просвещения и здравоохранения, расширяет свою деятельность Российская ассоциация планирования семьи, благоприятные подвижки несомненно происходят. Но появляются и новые препятствия. Общество, десятилетиями равнодушно взиравшее на то, как миллионы женщин калечили себя абортами, неожиданно пробудилось, чтобы дать жизнь движению энтузиастов борьбы не только против аборта, но и против планирования семьи. Неужели они и впрямь надеются, что россиянки, как в старину, будут рожать по 6, 8 или 10 детей? А если нет, каков смысл в их вызывающе обскурантистских усилиях?

К тому же, хотим мы того или не хотим, во всем мире быстро меняется половая мораль. Как все на свете, это имеет свои плюсы и минусы. В числе последних – увеличивающаяся опасность инфекционных болезней, передаваемых половым путем: венерических заболеваний, гепатита, СПИДа. Противозачаточные средства, в частности, презервативы, одновременно служат и барьером против заболеваний. У нас, по данным ВЦИОМ, при первом добрачном половом контакте в возрасте от 15 до 25 лет только приблизительно половина опрошенных применяет какую-либо контрацепцию, в том числе всего от 17 до 30 процентов – презерватив [9, табл. 27]. В США, где подобные показатели наблюдались 15 лет назад, как только была осознана опасность СПИДа и других заболеваний, была развернута просветительская и рекламная кампания, и сегодня в США 71 процент применяющих при первом добрачном половом контакте противозачаточные средства, в том числе 55 процентов использующих презервативы. Среди белых американцев нелатиноамериканского происхождения эти показатели еще выше [12: 9–10]. Казалось бы, перед лицом надвигающейся беды что-то подобное надо делать и нам.

Где там! Даже те скромные усилия по развитию полового просвещения и служб планирования семьи, которые предпринимаются в сегодняшней России, встречают сопротивление коммунистических, националистических и клерикальных фундаменталистов. “Необходимо прекратить преступную политику, направленную на ограничение рождаемости”, пишут они жирным шрифтом [11]. Но такой политики никто и не проводит. Сторонники планирования семьи вовсе не навязывают семьям тех или

иных норм поведения. Они лишь настаивают на создании условий, обеспечивающих *право* каждой семье и каждой женщине самим делать выбор, планировать число и время наступления беременностей таким образом, чтобы дети появлялись на свет в удобные для родителей сроки и были здоровыми и желанными. Вот эта-то *свобода выбора* и есть главный враг тех, кто считает себя уполномоченным самим делать выбор за всех.

Бессмысленными запретами и ограничениями можно, конечно, затормозить наметившиеся положительные сдвиги, создать новые источники правонарушений, увеличить и без того высокий риск заболеваемости и смертности. Но реальной альтернативы росту индивидуальной ответственности человека за свое здоровье и за свое потомство, нет. А такая ответственность может развиться только у человека, обладающего всеми необходимыми знаниями и материальными средствами, позволяющими сделать свободный и сознательный выбор.

Коль скоро половая свобода увеличивается и большинство молодых и не очень молодых, но не состоящих в браке людей при половых контактах не используют противозачаточных средств, то многие из таких контактов, естественно, заканчиваются зачатием.

Часть зачатий, которые не заканчиваются абортom, подталкивают к заключению брака. Когда в семидесятые годы специалисты попытались привлечь внимание к этому явлению, становившемуся все более распространенным, они были грубо оборваны, даже для научной литературы эта тема в СССР стала запретной. Но жизнь от этого не остановилась. Сейчас не менее 30–40% общего числа первых рождений в зарегистрированном браке происходят на протяжении первых восьми месяцев после заключения брака, то есть обусловлены добрачным зачатием. Время между вступлением в брак и рождением первого ребенка у молодых людей, вступавших в брак в начале пятидесятых годов, составляло, в среднем, более 1,6 года, для сегодняшних молодоженов — менее 5 месяцев. Но это значит, что очень многие браки стимулированы предстоящим рождением ребенка, в известной степени вынуждены. А это не может не сказаться на дальнейшей судьбе таких порой не вполне добровольных браков.

Наконец, третья часть внебрачных зачатий приводит к рождению ребенка вне брака. В 1996 году в России почти четверть (23 процента) всех появившихся на свет детей родились вне брака. Это самый высокий показатель после 1945 года, он в два раза превышает уровень внебрачной рождаемости конца восьмидесятых годов. Кстати, доля таких рождений растет повсеместно, во многих европейских странах она намного выше, чем в России. Например, в Швеции в середине девяностых годов она достигла 53 про-

центов, Норвегии – 48, Дании – 47, Эстонии – 44, Франции – 35, Великобритании – 34, Словении – 29 и т.д. В других странах она ниже, чем в России, но увеличивается очень быстро. Например, в Испании за последние четверть века она выросла в восемь раз.

Насколько мне известно, никто, нигде и никогда не радовался этим переменам в семейной жизни. Они оборачиваются бедрами и страданиями для миллионов конкретных людей, порождают множество проблем, с которыми прежде встречаться не приходилось, к которым не приспособлены привычные, устоявшиеся социальные институты. На поле семейной жизни современные развитые общества сталкиваются с новыми, неожиданными вызовами и вынуждены искать ответы на них.

Самым простым ответом, как всегда, кажется возврат к тому, что было прежде. Для сторонников такого ответа прошлое всегда выглядит золотым веком, в настоящем же они не видят ничего, кроме катастрофы, упадка, вырождения. Но самый простой ответ, увы, не всегда самый реальный. На что Россия XX века не может пожаловаться, так это на отсутствие утопий. Стоит ли добавлять к тем, что уже были, еще одну?

Можно ли повысить рождаемость?

В сегодняшней России есть немало политиков и ангажированных журналистов, которые считают: да, можно. Играя на оправданной обеспокоенности общества низким уровнем рождаемости, они упорно требуют его повышения, прямолинейно увязывая низкую рождаемость с неблагоприятной экономической или политической конъюнктурой. Это – неплохой способ опорочить реформы и осудить нынешние власти. Но если говорить о повышении рождаемости, то речь идет именно о навязывании обществу очередной утопии.

Спору нет, низкая рождаемость создает много очень серьезных проблем, но это не значит, что стоит захотеть, – и рождаемость повысится. Надо поощрять рождаемость, провозглашает депутат Государственной Думы, “чтобы русская нация стала самой плодovитой в мире” [11]. Возможно, такая озабоченность депутата будет оценена, и его изберут в Государственную Думу еще раз. Но на уровень рождаемости это едва ли повлияет. Малодетность – сознательный выбор, сделанный семьями во всех индустриальных странах с общим населением не менее миллиарда человек, и трудно представить себе, что этот выбор будет пересмотрен в ближайшие десятилетия хотя бы в одной из этих стран, к которым принадлежит и Россия. Не лучше ли, вместо

того, чтобы провозглашать несбыточные, шапкозакидательские лозунги, спокойно и серьезно задуматься над происходящим и подготовиться к реальному, а не фантастическому развитию событий?

Как можно согласиться с тем, что снижение рождаемости – следствие экономических трудностей, обнищания населения и т.д., твердо зная, что повсеместно уменьшение числа детей в семьях – спутник не снижения, а роста благосостояния, массовая же многодетность, напротив, – удел бедных стран или бедных, маргинальных слоев в богатых странах? Низкая рождаемость имеет гораздо более сложное, системное объяснение. Уменьшение числа детей в российских, европейских, американских или японских семьях – плата за расширение других жизненных возможностей семей, женщин, самих детей. На чашу весов, противостоящую повышению рождаемости, ложатся фундаментальные приобретения XX века: расширение свободы выбора человека как в семейной, так и в социальной области, эмансипация женщины, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации, упрощение семейных нравов, гибкость семейной морали. В некоторых западных странах существует развитая система семейных пособий, которые некогда замышлялись как средство поощрения рождаемости. Однако теперь их главный смысл чаще видят в другом: в смягчении материальных трудностей, неизбежно возникающих в семьях с детьми. На то же, что семейные пособия способны серьезно повысить рождаемость, например, во Франции, которая была пионером пронаталистской политики, сейчас мало кто надеется.

А может быть, нам следует вернуться к не вполне забытым методам идеологической обработки? Такие предложения тоже имеются. «Народу следует внушить мысль, что, рождая русского ребенка, каждая семья участвует в национальной мистерии, пополняя духовное и душевное богатство всего народа. Дети должны пониматься как общенациональное достояние, как физическое выражение внутренней энергии великого народа... Учитывая тяжелое демографическое состояние сегодняшнего дня, начать национальную пропаганду надо как можно быстрее и использовать при этом любые политические и идеологические методы. При этом необходимо до предела нагнестии националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробуждение великого и мощного этноса... В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: “нация – все, индивидуум – ничто”» [5: 256–257].

Но и этот путь уже был опробован – и тоже, надо сказать, не слишком успешно. Напрасно автор Майн Кампф разъяснял, что

“брак не является самоцелью”, и “должен служить более высокой цели – размножению и сохранению вида и расы”, а “право индивидуальной свободы должно отступить на задний план перед обязанностью сохранения расы” [2: 211, 213]. Напрасно Муссолини требовал – во имя политической, экономической и моральной мощи нации, – чтобы число итальянцев к середине века достигло 60 миллионов человек [13: 12]. Если сейчас в мире и есть страны с более низкой рождаемостью, чем в России, то это прежде всего те, которые ощутили на себе демографическую заботу фюрера, дуче или каудильо. Создается впечатление, что тоталитарные режимы оказывают особо угнетающее воздействие на рождаемость, а семейные ценности, пережившие столкновение с государственной идеологической машиной, которая не останавливалась и на пороге домашнего очага, становятся особенно хрупкими. Такое наследие, к сожалению, есть и у России.

Значит ли все это, что рождаемость в России уже никогда не повысится? До такого уровня, чтобы стать “самыми плодовитыми в мире”, – не повысится никогда. В этом можно быть уверенными. Что же касается сравнительно небольшого повышения – до скромного уровня семидесятых-восемидесятых годов, то оно представляется мне возможным и даже вероятным.

Сейчас рождаемость в России не просто низка, она крайне низка, и в этом, видимо, действительно сказываются трудности нынешнего переходного времени. Но сказываются тоже не очень просто, и в том, что сейчас происходит пока не все ясно.

В последние десятилетия российские женщины, рожая примерно столько же детей, сколько европейские или американские, отличались от них весьма ранним возрастом материнства. Средний возраст матери при рождении первого ребенка у нас 22–23 года, а где-нибудь в Германии, Италии или Японии – около 28 лет. Чем объясняется такая разница? Не тем ли, что рыночное общество повышает ответственность родителей за будущее своих детей, требуя от них большей экономической и духовной зрелости, тогда как наш недавний государственный патернализм ослаблял такую ответственность?

В самые последние годы в России наблюдается любопытное явление. При том, что падение рождаемости продолжается, это происходит за счет молодых матерей – до 25 лет, у старших же – от 25 до 40 – падение прекратилось и даже наметился небольшой рост. Не есть ли это ответ на общие перемены в нашей жизни? Еще недавно молодые, сами не ставшие на ноги люди смело давали жизнь потомству, уповая на помощь родителей или государства. Теперь для таких надежд стало меньше оснований, и, возможно, началось сближение российской модели рождаемости с

западной или, быть может, возврат от позднесоветской к прежней российской модели. Сейчас рождаемость 20–25-летних российских женщин на 50–60 процентов выше, чем 25–30-летних. На Западе же, напротив, младшая из этих двух групп уступает старшей – иногда более чем вдвое. Но и в России некогда именно рождаемость в возрасте от 25 до 30 лет была самой высокой, и еще в конце 1950-х годов она была не ниже, чем у 20–25-летних. Если маятник снова качнется в эту сторону, часть нынешнего снижения рождаемости будет компенсирована через несколько лет рожденьями детей в более поздних возрастах.

Пока это только предположение. Хорошо, если бы оно оправдалось, тогда нынешнее падение показателей рождаемости в течение ряда лет не слишком сказалось бы на итоговой рождаемости тех поколений женщин, чей возраст материнства пришелся на трудные девяностые годы. А в конечном счете важно ведь именно это – число детей, которых оставляет после себя каждое поколение женщин.

Но иллюзий возможного возвращения России к высокой рождаемости начала века ни питать, ни сеять не следует. Надо трезво оценить сложившиеся реальности, понять, что малодетность в России – это надолго, и думать о том, как России жить в этих непростых и не слишком уж новых демографических обстоятельствах.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. БУДЕТ ЛИ УМНОЖАТЬСЯ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ?

“Смертность превышает рождаемость”

Существенно снизить смертность в России в принципе возможно, существенно повысить рождаемость – едва ли. Таков вывод двух предыдущих статей. Но прирост российского населения сейчас в решающей степени зависит именно от уровня рождаемости, а он уже очень давно не обеспечивает даже простого замещения поколений. Чтобы население воспроизводило себя, а тем более с расширением, при нынешнем уровне смертности надо, чтобы каждые сто россиянок произвели на свет за свою жизнь 220–230 детей. Этого не было уже и у предвоенных поколений, тем более у поколений шестидесятых и последующих годов.

Собственно говоря, только это и скрывается за ходячей фразой о том, что смертность превышает рождаемость. Все остальные толкования нагружают эту фразу смыслом, которого она не может иметь. В частности, совершенно бессмысленно утвержде-

ние, что смертность впервые превысила рождаемость в 1992 году, когда в России число рождений оказалось меньше числа смертей. Числа рождений и смертей, конечно, зависят от рождаемости и смертности, которые демографы измеряют возрастными интенсивностями того и другого. Но также зависят – и очень сильно – от возрастной структуры населения, а она может долго маскировать истинное превышение смертности над рождаемостью. Именно так было в России.

Мерой замещения поколений, не зависящей от возрастного состава, служит так называемый чистый коэффициент воспроизводства населения: число девочек, которых рождает, в среднем, одна женщина и которые затем доживают до среднего возраста материнства. Если этот показатель превышает единицу (на смену матери приходит более чем одна дочь), с воспроизводством населения все в порядке. Если он ниже единицы, неминуема естественная убыль населения. В послевоенной России чистый коэффициент опустился ниже единицы в 1965 году и за минувшие тридцать лет и три года поднимался выше этой черты только дважды: в 1987 и 1988 годах. Специалисты, авторы демографических прогнозов, конечно, всегда знали о том, что страна движется к отрицательному естественному приросту, но этим знанием ни с кем не разрешалось делиться. Если не ошибаюсь, впервые мне удалось сказать об этом в широкой печати только в 1986 году, в “перестроечном” тогда журнале “Коммунист” и то лишь в довольно общей форме².

Собственно, к этому времени в России уже были отдельные административные области с естественной убылью населения, но в первой половине восьмидесятых их насчитывалось всего пять. В 1990 году их стало уже 25. А в 1992 их число достигло 42, и с этого года дала себя знать естественная убыль всего населения России.

На рис. 1 падающая много лет кривая, отражающая число рождений, и поднимающаяся кривая смертей перекрещиваются в 1992 году. “Демографический крест, на котором распята ельцинская Россия”, – пишут “патриотические публицисты”

Перекрестье и впрямь проявилось в 1992 году. Но в скрытом виде оно существовало давно. Почему же раньше его не было

² “На большей части территории страны (речь шла об СССР. – А.В.), где проживает более трех четвертей ее населения, практически все послевоенные поколения не воспроизводят себя... Если существующие сейчас демографические тенденции сохранятся, то рано или поздно наступит момент, когда рост численности населения отдельных регионов прекратится, а затем сменится убылью” [1: 73].

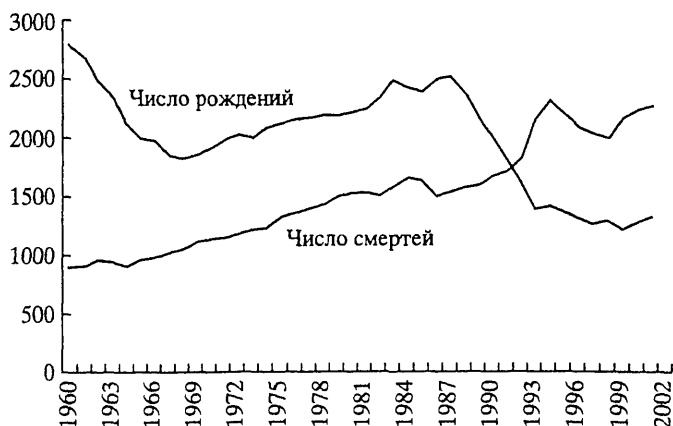

Рис. 1. Естественный прирост населения России. 1960–2001 гг.

видно и сохранялся положительный естественный прирост населения? Демографические взаимосвязи бывают довольно сложными, их порой не то что “на пальцах” не объяснишь – чтобы разобраться в некоторых тонкостях применяют довольно изощренный аппарат высшей математики. Но в данном случае я попытаюсь объяснить суть дела попроще.

Возьмем какой-нибудь вполне советский, “доперестроечный” год, например, 1980. В том году в России родилось 2203, умерло 1526 тысяч человек. Превышение числа родившихся над числом умерших – 677 тысяч, это и есть естественный прирост.

Присмотримся повнимательнее к числу умерших. Львиная их доля, более трех четвертей – люди в возрасте старше 50 лет: 495 тысяч мужчин и 672 тысячи женщин. Странно, что так относительно мало мужских смертей. Ларчик открывается просто: в России 1980 года было очень мало пожилых мужчин. На тысячу женщин в возрасте 50 лет и старше (то есть в поколениях, родившихся до 1930 года) приходилось 524 мужчины, а, например, в некогда побежденной Германии – 650, в менее пострадавшей в войне Великобритании – и вовсе 787. К этому надо добавить, что и женские потери в войну у нас были гораздо большими, чем где бы то ни было, так что в 1980 году у нас и пожилых женщин было сравнительно мало. Потому и суммарное число смертей, несмотря на чрезвычайно высокую смертность, было не очень большим, и “смертность не превышала рождаемость”. Просто умирать было некому, миллионы погибли раньше, в молодые и зрелые годы, не дожив до старости.

А вот если бы соединить нашу замечательную доперестроечную смертность не с искаленной российской, а с более или ме-

нее нормальной возрастной пирамидой, например, английской, то естественный прирост населения России в 1980 году составил бы не почти пять процентов, как это было на самом деле, а минус два с половиной, “смертность превысила бы рождаемость”, и “демографический крест” обозначился бы во всей своей красе лет за пятнадцать до того, когда это произошло на самом деле. Но “выручили” наши отцы и матери – ушли из жизни раньше. Кажущееся демографическое благополучие семидесятых–восемидесятых годов было оплачено страшными провалами конца десятичных–начала двадцатых, а затем тридцатых и сороковых. Так что на Ельцина неча пенять...

Демографическая слабость России

Неоспоримых доказательств того, что население всегда и везде должно обязательно увеличиваться в размере, нет. Но в условиях современной России особых доказательств и не требуется. Россия остается самой большой по территории страной мира, и эту территорию надо осваивать и обустраивать. Плотность населения даже в европейской части России – 27 человек на квадратный километр – ниже, чем в США. С Европейским Союзом и сравнивать не приходится – разница почти в четыре раза. А за Уралом есть еще азиатская часть, почти пустая, 2,5 человека на квадратный километр. Низкая плотность населения – ахиллесова пята России. Современная экономическая да и вся общественная жизнь требует концентрации людских масс, в России же они, по неизбежности, “размазаны” по огромным пространствам. Некем заселять Сибирь и Дальний Восток, не хватает населения для поддержания достаточно густой сети поселений, нельзя создать значительного числа по-настоящему крупных городов. К тому же Россия соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские территории.

Открываю газету “Завтра” и читаю: “Плотность населения в зонах КНР, совпадающих по природным характеристикам с условиями на прилегающих российских территориях, не намного выше, чем в самой России” [11: 5]. Интересно, где берут свои географические карты авторы подобных заявлений? На Дальнем Востоке, по всему изгибу Амура, в двух шагах от Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, раскинулся северо-восточный Китай – три провинции с общим населением свыше ста миллионов человек. В начале века здесь было почти пусто, сейчас – плотность населения вдвое выше, чем в самом нашем плотно заселенном

Центральном экономическом районе, численность населения – втрое больше, чем во всей Азиатской России. Кого и зачем обманывать?

Россия – малонаселенная страна, а естественная убыль населения еще усугубляет ее малонаселенность. И изменить это положение практически невозможно. Из-за превратностей отечественной истории XX века Россия упустила свой “демографический взрыв” – не будь огромных потерь от войн, репрессий и голода, ее сегодняшнее население могло бы быть на 100 с лишним миллионов больше. А сейчас Россия вступила в стадию демографического развития, свойственную всем индустриальным странам, – значительный естественный прирост на этом этапе невозможен. Более того, для большинства этих стран естественная убыль населения в ближайшие десятилетия более вероятна, чем положительный или даже нулевой естественный прирост. Россия в этом смысле вовсе не исключение.

Политизированные дилетанты настойчиво пытаются убедить общество, что вековые демографические тенденции можно изменить: повысить рождаемость, восстановить естественный прирост населения, прекратить старение и прочее. Анализ демографической ситуации часто понимается у нас как необходимая предпосылка ее целенаправленного изменения. Выявить неблагополучия – и устранить их с помощью демографической политики! Такой “мичуринский” подход вообще был свойствен советскому, свойствен и постсоветскому сознанию. Но изменить можно далеко не все. Хорошо бы сделать то, чего можно добиться наверняка, в частности, снизить смертность, как это сделали уже во множестве стран. В других же случаях гораздо важнее понять объективный и необратимый характер перемен и выработать адекватный социальный ответ, приспособить к новым условиям всю систему институтов и норм, все виды социального действия.

Новая роль миграции

От естественной убыли населения в ближайшее время не уйти. Поэтому надо ясно осознать, что единственным источником его роста и даже хотя бы поддержания его неубывающей численности может служить только иммиграция.

Предположим весьма оптимистический прогноз: к 2010 году рождаемость возвращается, примерно, к уровню 1991-го (1,7 рождения на женщину), продолжительность жизни повышается до 70 лет у мужчин и 75 лет у женщин. Даже и при таком благоприятном развитии событий численность населения России,

пройдя через почти двадцатилетний период сокращения, достигнет к 2010 году уровня начала девяностых годов только в том случае, если ежегодная чистая миграция будет, имея тенденцию к сокращению, колебаться примерно в пределах от 200 до 400 тысяч человек. Для того же, чтобы убыль населения России оказалась кратковременной, а его численность примерно в середине первого десятилетия XXI века превысила уровень 1990 года, чистая миграция должна сохраняться все время на уровне, близком к полумиллиону человек в год. Это весьма высокий для России уровень, в 1986–1890 годах ежегодная чистая миграция, в среднем, немного превышала 200 тысяч человек, до этого была еще меньшей.

Роль страны иммиграции, не вполне обычная для России, все же и не совсем нова. Уже начиная со второй половины семидесятых годов Россия из республики, отдающей население, превратилась в принимающую – тогда речь шла об обмене населением между республиками СССР. С тех пор привыкшая за несколько столетий к центробежным миграциям Россия все больше становилась ареной миграционных движений, направленных от периферии к центру империи, из других республик – в Россию. Масштабы их были не очень велики, до поры до времени иммиграция не рассматривалась как важный источник роста российского населения. Но нельзя сказать, чтобы эта ее потенциальная роль совсем уж не осознавалась. Появление естественной убыли населения Российской Федерации специалисты предсказывали давно, а планы пополнения скудеющего демографического резервуара России с помощью миграции и тогда не предполагали, что надо дожидаться, когда эта убыль начнется. Порой они были довольно упрощенными. В качестве курьеза можно вспомнить опубликованное в середине восьмидесятых годов в одном из научных журналов предложение перераспределять в пользу “трудонедостаточных”, как тогда говорили, районов СССР, в основном российских, 40 процентов ежегодного прироста населения Средней Азии (примерно 3,4 млн человек за 1985–2000 годы) [6: 19–22].

Курьез – курьезом, но он отражал подспудно нараставшую обеспокоенность демографической слабостью России, которая постепенно осознавалась хвастливым официальным истеблишментом. Беда была в том, что “трудонедостаточные” районы, скажем, российского центра или Сибири не были всерьез готовы принимать пришлое население, а “трудоемкие” районы, скажем, Средней Азии не были готовы его отдавать. Окаменевшая плановая система была уже не в состоянии взяться за решение этой задачи. А новая, рыночная?

Пока не видно даже, чтобы сама задача осознавалась. История повернулась так, что сейчас в двери России стучатся сотни тысяч, если не миллионы русских или людей русской культуры, а двери держат на цепочке, через узкую щель просачиваются далеко не все желающие, да и прием их ждет не самый братский.

Известно, что положительная чистая миграция между Россией и бывшими республиками СССР (разница между числом выехавших и прибывших в пользу России) сильно выросла в первой половине девяностых годов. За 1986–1990 годы она составляла немногим более миллиона человек, за 1991–1995 – почти вдвое больше. Но это не значит, что в Россию стали намного больше приезжать. Выезжать из нее стали меньше, вот в чем дело. Например, в 1995 году в Россию въехало примерно столько же мигрантов, что и в 1989. Выехало же ровно втрое меньше. Из этого и складывается выигрышный для России баланс.

Въезжают, по большей части, те, кому уж очень трудно, а то и опасно оставаться на старом месте. Не столько потому, что Россия притягивает, сколько потому, что условия в других странах выталкивают. Большинство сегодняшних миграций – в той или иной мере вынужденные. Примерно четверть всех прибывших из бывших республик СССР получили статус беженцев, но в некоторых случаях доля беженцев намного выше: почти все, выехавшие из Таджикистана, половина выехавших из Азербайджана, Грузии и Молдавии. Но все равно, по некоторым оценкам, официальный статус беженцев получило в полтора-три раза меньше мигрантов, чем могло бы претендовать на этот статус в силу вынужденного характера миграции. Предоставление статуса беженца влечет за собой затраты из государственной казны. Но то ли казна российская пустовата, то ли есть дела поважнее...

Кто же эти люди, которые стучатся в российские двери, порой безуспешно? Каждые два из трех прибывающих в Россию – мигранты из Казахстана и Средней Азии. Подавляющее большинство – до 70% – русские, есть и татары, украинцы, армяне, понемногу представителей и других этносов. В большинстве своем мигранты в Россию – городские жители, носители городских профессий и высокого уровня образования. По оценкам, около 18 процентов прибывших из “ближнего зарубежья” имеют высшее, около 29 процентов – среднее специальное и незаконченное высшее образование. Это чуть ли не в полтора раза выше, чем соответствующие показатели по всему населению, занятому в экономике страны.

Видимо, уезжая в Россию, люди, в первую очередь, думают о детях. Поэтому и доля детей среди мигрантов особенно высока. В 1995 году в населении России дети до 15 лет составляли

22,5 процента, в населении Центрального экономического района – 19,3, в Москве и во все 18,5 процентов [3: 46]. А среди беженцев из республик бывшего Союза детей более 29 процентов – тех самых детей, о которых так пекутся поборники высокой рождаемости. Но то дети воображаемые, а здесь – реальные, которые хотят есть. Совсем другое дело.

В Москву, в Петербург, во многие областные центры, где детей обычно меньше всего, вынужденных мигрантов с детьми и проблемами стараются вовсе не пускать. Впрочем, проблемы легализации мигрантов существуют повсюду и, кажется, не слишком беспокоят и российских, и местных законодателей. Мало кого привлекает экономический и интеллектуальный потенциал мигрантов, их понятная в сложившихся обстоятельствах жизненная активность, которой нет цены. Порой они проявляют чудеса предприимчивости, подталкиваемые нуждой расселяются по всей стране, добираются до Крайнего Севера и Дальнего Востока, откуда уезжает местное население. В каком-то смысле они демонстрируют России высокий потенциал иммиграции как социального явления. Но извлекает ли Россия из этого какой-то урок?

Пока не видно. В рассуждениях о будущем России чаще молчаливо подразумевается унаследованный от прошлого идеал ее миграционной “закрытости”. В последнем прогнозе Госкомстата предполагается резкое снижение чистой миграции в Россию к 2010 г. – по одному варианту примерно в 4 раза против уровня 1996 года, по другому – почти в 10 раз. Демографическое положение США сейчас намного лучше нашего: рождаемость – выше, смертность – ниже, естественный прирост – положительный. И тем не менее демографический прогноз США на следующее пятилетие (2000–2005 годы) предусматривает прирост населения за счет миграции на 800 тысяч человек в год. А соответствующий прогноз для России – 120–245 тысяч [4; 14: 9].

Конечно, США – классическая страна иммиграции. Но и России случалось прибегать к этому способу заселения страны. Откуда взялись два миллиона немцев, которые ныне, мыкаясь безысходно по российской или казахстанской земле, все чаще кончают тем, что уезжают на свою историческую родину? Это потому, что тех, кого еще Екатерина Вторая зазывала в Россию, когда не хватало своих людских ресурсов для заселения вновь колонизируемых земель. Так же в России появились и сербы, и болгары, и греки, и армяне. Сейчас положение посложнее, чем тогда. И если в России появится новый Калита, он станет собирателем людей, а не территорий.

Только не дай Бог, если он бухнет в колокола, не заглянув в святцы, как у нас, к сожалению, водится. Масштабная иммигра-

ция в Россию – и не только русских, не только “русскоязычных”, не только славян, но и представителей народов Средней Азии, китайцев, может быть, и жителей более далеких и экзотических стран, – как бы она ни была нужна России XXI века, принесет с собой массу проблем – социокультурных, правовых, наверно, и политических. Совсем избежать их нельзя, но смягчить можно, если начать готовиться к ним, если и ученые, и политики, и законодатели задумаются над этой стороной нашего будущего до того, как оно станет настоящим.

Литература

1. Вишневский А.Г. Человеческий фактор в демографическом измерении // Коммунист. 1986. № 17.
2. Гитлер А. Моя борьба. Т-Око, 1992.
3. Демографический ежегодник России. 1996. Стат. сб.. М.: Госкомстат России, 1996.
4. Демографический прогноз Госкомстата России 1997 г.
5. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
6. Зюзин Д.И. Варианты социально-экономического развития Среднеазиатского региона // Социол. исслед. 1986. № 4.
7. Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник (за разные годы).
8. Население России 1997: Пятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1998.
9. Репродуктивное здоровье российских женщин. Исследование 1996 / ВЦИОМ при сотрудничестве с CDC (США) и USAID. 1997. Январь.
10. Россия и мир. Информационный экспресс-бюллетень фракции КПрФ для Государственной Думы. Вып. 135 (269). 1997. Июнь.
11. Это – геноцид. “Круглый стол” Союза писателей и Антиколониальной лиги о демографических проблемах нынешней России // Завтра, 1998. № 5, февраль.
12. Peterson L.S. Contraceptive use in the United States: 1982–90 // NCHS advance data. 1995. N 260. February 14.
13. Nobile A. La politique démographique du gouvernement fasciste dans le contexte européen // Materiali di studi e ricerche. 1990. N 40.
14. Statistical Abstract of the United States 1996. Washington: US Bureau of the Census, 1996.

АВТОНОМНЫ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?¹

ПОДВЕРГАЙ ВСЕ СОМНЕНИЮ

Последнее десятилетие минувшего века в России ознаменовалось серьезным ухудшением ряда демографических показателей, свидетельствующих о резком падении рождаемости и небывалом росте смертности. Эти изменения совпали с проведением сложных и неоднозначных социально-экономических и политических реформ и большинством наблюдателей, в том числе и многими профессиональными демографами, рассматриваются как прямое следствие этих реформ или, как часто полагают, неудачных методов их проведения.

Вот типичный пример такой оценки, особенно интересный тем, что оценка дана не ангажированными политиками – противниками реформ, а международным коллективом авторов, претендующих на научную беспристрастность. К тому же оценка касается не только России, но всех “постсоциалистических” стран Европы, относимых сейчас к странам с переходной экономикой. “Переходный период в странах региона имел громадные негативные последствия для населения... Главное из них, несомненно, заключается в людских потерях, связанных со снижением продолжительности жизни в ряде крупнейших стран региона, прежде всего в Российской Федерации. Поразительно то, насколько этот процесс проявился среди мужчин молодого и среднего возраста” [4: 5] “Беспрецедентный по масштабам демографический кризис охватил все страны с переходной экономикой... Со снижением уровня рождаемости и ростом смертности во многих странах общие показатели прироста населения приобрели от-

¹ Доклад на 3-й Международной конференции “Модернизация экономики России, итоги и перспективы” (Москва, 3–4 апреля 2002 г.) // Модернизация экономики России, итоги и перспективы / В 2 кн.: М.: ВШЭ, 2003. Кн. 2. С. 25–42.

рицательное значение. Таким образом, сокращение численности населения стало одним из проявлений развала экономики” [4: 43].

Несмотря на кажущуюся бесспорность связи между тем, что происходило в 90-е годы в России в социально-экономической сфере и часто характеризовалось как социально-экономический кризис, и демографическими процессами этого десятилетия, которые тоже нередко определяли как “кризисные” и даже “катастрофические”, чрезмерная прямолинейность предполагаемой зависимости настораживает. Неужели, в самом деле, экономические и демографические процессы связаны между собой чем-то вроде шатунно-кривошипного механизма, так что изменения в экономике автоматически влекут за собой однозначные подвижки в демографическом поведении людей и его результатах? Иными словами, неужели демографические процессы не обладают абсолютно никакой автономией, а их изменения представляют собой простую реакцию на внешние по отношению к ним экономические (социальные, политические и т.д.) возмущения?

В это трудно поверить. Демографические процессы относятся к основополагающим, фундаментальным для существования любого общества, они обеспечивают его физическое выживание. Само это предназначение требует достаточно высокой степени защищенности механизмов демографического воспроизводства от влияния экономической или политической конъюнктуры, и такая защищенность несомненно существует. На протяжении истории людям приходилось множество раз сталкиваться с экономическими и социальными потрясениями, намного более тяжелыми, чем российские реформы 1990-х годов, такие потрясения резко нарушали нормальный ход воспроизводства населения, но они не разрушали главных демографических механизмов и не изменяли основных принципов демографического поведения. Эти принципы выработаны тысячелетним опытом, закодированы в культуре, в морали, в системе ценностей общества и обладают устойчивостью, которую не могут поколебать разного рода конъюнктурные колебания в условиях жизни, идет ли речь об их ухудшении или улучшении.

Именно эта устойчивость демографической подсистемы общества, ее защищенность от влияния пертурбационных событий в других его подсистемах, и позволяет говорить об “автономности” демографических процессов. Конечно, эта автономность – относительная, все подсистемы общества взаимосвязаны и влияют друг на друга. Однако каждая из них, будучи весьма сложной и обладая развитой и дифференцированной внутренней средой, взаимодействуя с внешней средой (каковой по отношению к ней выступают и другие подсистемы того же общества) обнаруживает способность к гомеостазу, т.е. к сохранению существенных пе-

ременных в некоторых заданных пределах, даже если во внешней среде происходят довольно существенные возмущения. Конечно, такие возмущения не могут совершенно не влиять на внутреннее состояние подсистемы (в частности, скажем, экономический или социальный кризис не может совсем не воздействовать на демографическое поведение), но получение сигналов об изменении внешних условий приводит к возникновению в подсистеме отрицательных обратных связей, которые значительно ослабляют эффект внешних воздействий.

Добавим, что это фундаментальное свойство (гомеостаз) следует учитывать не только тем, кто стремится найти прямую зависимость между демографической динамикой и *ухудшением* экономической или политической конъюнктуры. Его должны принимать во внимание и те, кто надеется повлиять на эту динамику изменением внешних условий в *лучшую* сторону, например, с помощью мер пронаталистской демографической политики. Такие меры – тоже внешнее воздействие, от которого массовое демографическое поведение, в принципе, защищено.

Все эти теоретические соображения заставляют с большой настороженностью подходить к широко распространенным “ходячим” представлениям о влиянии российских постсоветских реформ на демографическую обстановку в стране и, по возможности, подвергать их проверке.

ПРИВЕЛИ ЛИ РЕФОРМЫ К НЕДОСТАТКУ МУЖЧИН?

Разумеется, такая проверка не может быть очень простой. Убедительно опровергнуть несостоятельное утверждение часто намного сложнее, чем сформулировать его в расчете на неприятельскую и неквалифицированную аудиторию. Тем более неожиданным оказывается то, что нелепость некоторых утверждений такого рода становится бесспорной буквально при первом же обращении к фактическому материалу. Вот, пожалуй, самый яркий пример такого рода.

В уже цитировавшемся докладе международных экспертов говорится: “Одним из критериев оценки воздействия перехода от плановой экономики к рыночной являются результаты подсчета количества “недостающего мужского населения” по каждой отдельно взятой стране... Средоточие проблемы находится в странах СНГ, где это явление наблюдается в четырех странах, а именно в Белоруссии, Молдавии, Российской Федерации и на Украине. В России количество недостающего мужского населения составило около 5,9 млн человек, а на Украине – 2,6 млн. Общий

Женский перевес в населении России

Год	Превышение числа женщин над числом мужчин, млн человек	В том числе без поколе- ний, родив- шихся до 1929 г.	Приходится мужчин на 1000 женщин				
			Всего	в том числе в возрастах			
				0–19	20–39	40–59	60+
1959	12,7	–0,6	805	1028	880	565	443
1979	11,0	–0,2	852	1039	1011	794	403
1989	9,6	1,0	877	1038	1017	878	446
1999	9,2	3,9	882	1041	1021	893	526

показатель для стран СНГ близится к 9 миллионам... Это одно из свидетельств воздействия на мужское население шоковых ситуаций переходного периода” [4: 46–47].

Трудно сказать, на чем основаны эти выводы доклада. Превышение числа мужчин над числом женщин в России действительно велико, однако в основном оно сосредоточено в старших возрастах и не имеет никакого отношения к событиям 1990-х годов. По данным переписи населения 1989 г., это превышение составляло 9,6 млн человек, из которых 8,6 млн приходилось на поколения, родившиеся до 1929 г. и перешагнувшие к этому времени возрастной рубеж в 60 лет. Все эти поколения воевали, а основная часть мужских потерь относится ко времени войн и других социальных катаклизмов, которыми была так богата российская история первой половины XX в.

По мере того как эти поколения перемещаются все ближе к вершине возрастной пирамиды, женский перевес ослабевает, но он все еще очень велик – и именно за счет этих поколений. Кроме того, увеличивается вклад в этот перевес и других поколений по мере их старения. В 1999 г. разрыв между числом мужчин и женщин в России составлял, по оценке Госкомстата, 9,2 млн человек, из которых 5,3 млн приходилось на поколения, родившиеся до 1929 г. Еще 2,9 млн недостающих мужчин давали поколения, родившиеся в 1929–1938 гг. и перешагнувшие к этому времени 60-летний рубеж, и только 1 млн – все остальные, более молодые поколения.

Конечно, “женский перевес” в 1 млн человек в возрастах до 60 лет – плата за хорошо известную очень высокую смертность российских мужчин – тоже немало. Но в этом смысле 1990-е годы не внесли ничего принципиально нового и в целом не прервали долговременную тенденцию постепенного улучшения половых пропорций в населении России (табл. 1).

ПРИВЕЛИ ЛИ РЕФОРМЫ К ПОДЪЕМУ СМЕРТНОСТИ?

Сформулированный только что вывод вступает в явное противоречие с широко распространенным убеждением о необыкновенном росте в 1990-е годы смертности, особенно мужской, – и тоже вследствие “людоедских реформ”. Действительно, в начале 90-х годов в России, как у мужчин, так и у женщин, почти во всех возрастных группах резко выросло число смертей. Достаточно одного взгляда на рис. 1, чтобы убедиться, что подъема числа умерших такой крутизны в России не было уже много лет. Число смертей за 5 лет – с 1990 по 1994 г. было на 1742 тыс., или на 22% больше, чем за предыдущее пятилетие, а у мужчин превышение составило даже 32%. Только после 1994 г. число смертей стало сокращаться, а кривая – возвращаться к своей обычной траектории.

Нельзя, однако, не видеть, что эта траектория была нарушена несколько ранее и не ростом, а сокращением числа смертей. Так что необычный подъем числа смертей начался не от “нормального”, постепенно повышавшегося по мере роста населения, уровня, а после того, как кривая числа смертей сделала резкий скачок вниз. Как связаны между собой восходящая и нисходящая ветви этого колебания?

Известно, что снижение смертности в 1985–1987 гг. было в решающей степени обусловлено тогдашней антиалкогольной кампанией. Она позволила отсрочить смерти многих сотен тысяч людей, относящихся к группам повышенного риска смерти от несчастных случаев, некоторых сердечно-сосудистых заболеваний, алкогольных отравлений, самоубийств и других подобных причин, связанных с неумеренным потреблением алкоголя. Но сами группы риска не исчезли, и когда, в конце 80-х – начале 90-х годов положение в стране изменилось и все внешние ограничения на потребление алкоголя отпали, число лиц, подверженных повышенному риску смерти, на какое-то время стало больше обычного за счет тех, кто избежал смерти в период низкого потребления алкоголя. В этот период к ним относились как те, кто обычно умирал в существовавших до 1985 г. российских условиях и должен был бы умереть во второй половине 80-х (но не умер, так как эти условия временно изменились), так и те, кто должен был умереть в начале 90-х годов, ибо к этому времени возвратились и прежние российско-советские риски смерти.

Таким образом, в 1985–1995 гг. в смертности россиян имело место явление, хорошо известное демографам, изучающим рождаемость, а именно сдвиг “календаря” демографических событий. Под воздействием благоприятных или неблагоприятных измене-

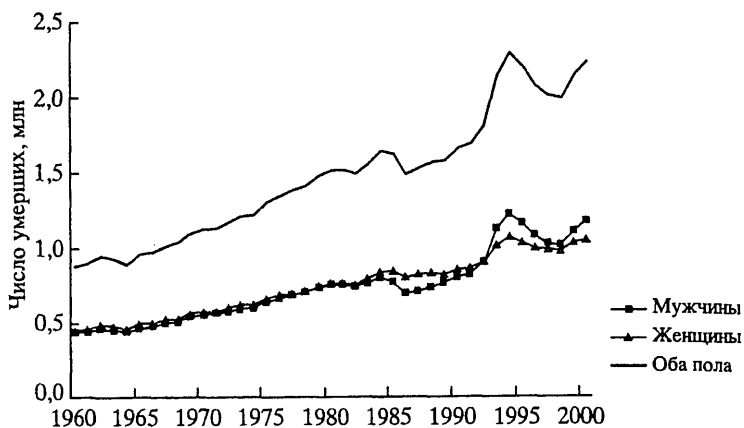

Рис. 1. Число умерших в России, 1960–2000, в миллионах

ний экономической или политической конъюнктуры появление детей во многих семьях может одновременно переноситься на более близкие по сравнению с ранее намечавшимися сроки или, напротив, откладываться. Такой сдвиг “календаря” влияет на показатели рождаемости в те или иные календарные годы, но не изменяет конечного числа детей, рождаемых в среднем одной женщиной, равно как и всеми поколениями женщин, испытавших необычное воздействие конъюнктуры. В результате сигнал, подаваемый “поперечными” показателями, относящимися к календарным годам, или к тому, что демографы называют “условными поколениями”, оказывается ложным. Реальных изменений уровня рождаемости не происходит.

Нечто подобное может происходить и со смертностью, с той разницей, что, в отличие от рождения, смерть – неповторное событие. Применительно к смертности важно не то, сколько раз произошло событие (ибо умереть можно только один раз), а в каком возрасте оно произошло. Как видно на рис. 2, в России на протяжении десятилетия между 1985 и 1995 гг. число смертей изменялось не постепенно, а вначале сократилось (хотя численность населения в это время продолжала расти и, что особенно важно, быстро увеличивалось число людей в возрасте старше 60 лет), а затем резко выросло. Иными словами, значительная часть смертей сдвинулась к концу рассматриваемого десятилетнего периода, т.е. к 1993–1994 гг., и в то же время – к более поздним возрастам. А это означает, что, хотя показатели смертности в 1993–1994 гг. оказались очень плохими, значительная часть умерших в эти годы фактически прожила дольше, чем если бы все продолжало идти так, как шло до 1985 г.

Рис. 2. Число фактически умерших в России в 1985–1998 гг. по годам смерти

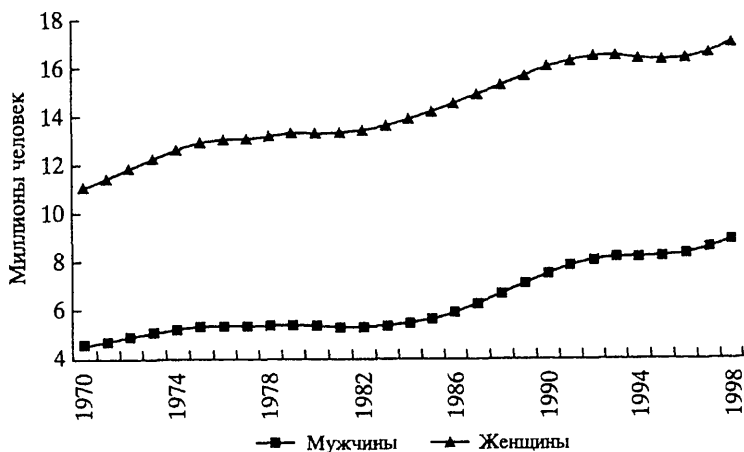

Рис. 3. Число мужчин и женщин в возрасте 60 лет и старше. Россия, 1970–1998

После 1994 г. десятилетний колебательный цикл в основном закончился, и число смертей стало сокращаться. Правда, может возникнуть законный вопрос: почему оно все же осталось более высоким, чем прежде, а не вернулось хотя бы к среднему значению предыдущего десятилетия 1985–1994 гг. Ответ на этот вопрос довольно прост: в 1990-е годы в России очень быстро увеличивалось число пожилых людей. В конце 1980-х годов 60-летнего возраста достигли первые невоевавшие поколения, а с середины 1990-х к ним присоединились первые поколения, не затронутые голодом 1932–1933 гг. В результате между 1985 и 1998 гг. число мужчин в возрасте 60 лет и старше увеличилось на 60%, женщин –

Таблица 2

Разница между фактическим и гипотетическим числом умерших в 1985–1994 гг. по группам поколений: выигрыш (–) или проигрыш (+)

Поколения	Мужчины		Женщины	
	Фактическое минус гипоте- тическое	Фактическое минус гипоте- тическое в % к гипотетичес- кому	Фактическое минус гипоте- тическое	Фактическое минус гипоте- тическое в % к гипотети- ческому
1985–1994	–5777	–2,0	–4831	–2,4
1975–1984	9538	10,8	–124	–0,2
1965–1974	34 659	16,5	7624	12,5
1955–1964	26 271	4,7	2661	1,9
1945–1954	27 760	3,6	3949	1,6
1935–1944	–50211	–3,6	–17 955	–3,4
1925–1934	–141 339	–6,2	–61 529	–4,7
1915–1924	–81 527	–5,6	–106 137	–5,5
1905–1914	–28691	–2,1	–92 886	–2,9
1895–1904	–19 462	–5,8	–100 365	–7,1
1895–1994	–228 780	–2,6	–369 592	–4,1

на 20% (рис. 3). Именно на эту возрастную группу приходится больше половины мужских и более 80% женских смертей.

Можно попытаться оценить происходивший сдвиг “календаря” в терминах числа лет, прожитых каждым поколением умерших в 1985–1994 гг. Для этого нужно фактическое число прожитых человеко-лет сравнить с гипотетическим, т.е. с тем их числом, какое было бы прожито, если бы число умерших в это время менялось так, как это имело место в первой половине 80-х годов, до начала антиалкогольной кампании и всех последующих событий.

В табл. 2 представлены результаты сравнения фактического и гипотетического числа смертей для десятилетних групп поколений россиян, родившихся между 1885 и 1994 годами².

Как следует из табл. 2, колебания смертности 1985–1994 годов на разных поколениях сказались по-разному. Часть из них, а именно мужские поколения, родившиеся между 1945 и 1984 гг., и женские, родившиеся между 1945 и 1974 гг., в сумме проиграли от этого колебания. У всех у них число смертей оказалось большим, чем оно было бы при отсутствии колебания (в табл. 2 соответ-

² О способе расчета см. Приложение к этой статье.

Число лет, прожитых в среднем одним умершим в 1985–1994 гг. после 1984 г., и выигрыш (+) или проигрыш (–) в днях на одного умершего по группам поколений

Поколение	Мужчины			Женщины		
	Фактически, лет	Гипотетически, лет	Выигрыш (+), проигрыш (–) в днях	Фактически, лет	Гипотетически, лет	Выигрыш (+), проигрыш (–) в днях
1985–1994	1,00	1,01	–4	0,95	0,97	–5
1975–1984	4,91	4,41	185	4,40	3,94	166
1965–1974	5,83	5,22	222	5,34	4,93	149
1955–1964	5,63	4,80	303	5,55	5,00	200
1945–1954	5,77	4,88	326	5,71	5,08	229
1935–1944	5,49	4,92	207	5,54	5,11	154
1925–1934	5,15	4,86	106	5,36	5,15	76
1915–1924	4,74	4,60	49	5,15	5,09	20
1905–1914	4,14	4,05	36	4,62	4,56	20
1895–1904	3,16	3,16	–2	3,53	3,59	–23
1904–1994	4,88	4,51	133	4,69	4,58	41

вующие показатели набраны полужирным курсивом). Особенно большие в процентном отношении потери понесли мужчины, родившиеся между 1965 и 1985, и женщины, родившиеся между 1965 и 1975 гг. Но для большей части как мужских, так и женских поколений, живших в это время, результат был иным. Они выиграли от колебания смертности, итоговое число смертей к исходу 1994 г. у них оказалось меньшим, чем было бы, если бы все продолжало идти, как шло.

Поэтому и общий итог для всего населения, как для мужской, так и для женской его части, оказался положительным. Выигрыш был, конечно, небольшим, по нашей оценке, 2,6% для мужчин и 4,1% для женщин, но все же это выигрыш, а не проигрыш.

Результаты оказываются еще более неожиданными, если сопоставить фактическое число лет, прожитых, в среднем, одним умершим в 1985–1994 гг. после 1984 г. (т.е. за вычетом времени, прожитого до 1985 г.), с числом лет, которое мог бы прожить один умерший в этот же период при сохранении ритма вымирания поколений, типичного для первой половины 80-х годов (табл. 3).

Если не считать самых молодых и самых старых, ни одна десятилетняя группа поколений, родившихся между 1905 и 1984 г., ни у мужчин, ни у женщин, не понесла потерь в длительности

жизни, прожитой россиянами, умершими в 1985–1994 гг. Более того, все они выиграли некоторое количество дней и даже месяцев жизни, причем больше всех выиграли как раз те группы населения, которые относятся к категориям большего риска.

В частности, мужчины выиграли больше, чем женщины. У мужчин фактически прожитое “средним” умершим время оказалось на 0,37 года или на 133 дня (почти 4,5 месяца) больше, чем гипотетическое, у женщин – всего на 41 день (менее полутора месяцев) больше. У мужчин же более других выиграли поколения, родившиеся между 1935 и 1974 гг., т.е. находившиеся в 1985 г. в возрасте от 10 до 50 лет, а особенно те, кому в это время было от 20 до 40 лет. Впрочем, эти же поколения оказались в самом большом выигрыше и у женщин.

Таким образом, процессы, происходившие со смертностью в России в 1990-е годы, намного сложнее, чем кажется некомпетентным, а часто и ангажированным наблюдателям. Подъем смертности в первой половине этого десятилетия, о котором так много говорилось и писалось, пресловутый “ельцинский геноцид” – артефакт, реального повышения смертности в это время либо вовсе не было, либо оно было очень небольшим. Имели место лишь подвижки компенсаторного характера: начавшиеся в середине 1980-х годов временные изменения “календаря” смертности породили впоследствии эффект стремительного ухудшения показателей для условных, “поперечных” поколений. Но для большинства реальных поколений этого ухудшения не было, они даже выиграли: многие – в числе умерших и почти все – в числе прожитых лет.

Чем может быть опасен миф о катастрофическом подъеме смертности в 90-е годы (если вывести за скобки его использование в политических спорах о пользе и вреде реформ)? Ведь смертность в России и в самом деле очень высока. Чем может повредить привлечение внимания общества к этой проблеме, пусть даже и в связи с надуманным поводом?

Даже если предположить, что мифология небывалого подъема смертности в 1990-е годы создавалась пусть и по незнанию, но с благими намерениями, нельзя не понимать, что искажение истины не приносит пользы. На деле, эта мифология мгновенной реакции уровня смертности на изменение экономической и политической конъюнктуры играет роль дымовой завесы, которая отводит внимание от ключевого вопроса о смысле и причинах долговременной тенденции ухудшения показателей смертности. Последние четверть века существования СССР были временем его нарастающего отставания от мировых стандартов борьбы со смертностью и от достигнутых в мире результатов. С этим отста-

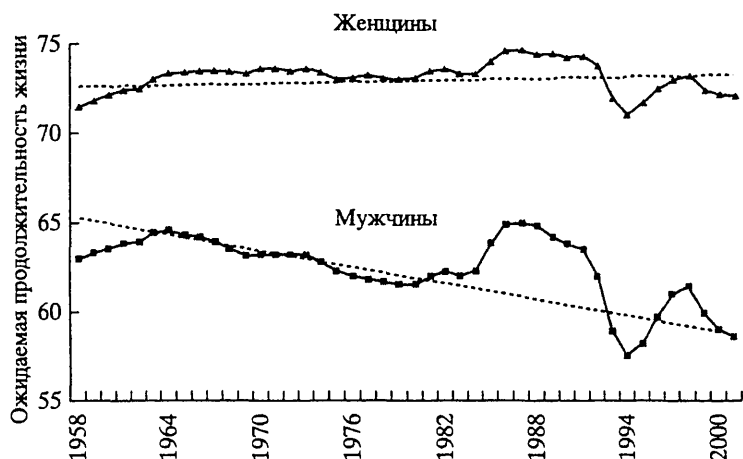

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении, в годах. Реальная динамика 1958–2001 и тренд 1964–1984 годов (пунктир)

ванием Россия и вошла в период реформ – оно было частью ее советского наследия.

Понятно, что те, на ком лежала ответственность за нараставшее с середины 60-х годов отставание и за его длительное сокрытие, теперь предпочли не вспоминать о нем и сосредоточились на критике периода реформ, за который они уже не несли ответственности. Но тут-то тенденции смертности и продемонстрировали свою “автономность”. Если их реакция на текущую конъюнктуру была в основном кажущейся, то их глубинная, системная обусловленность оказалась вполне реальной. Когда, в середине 1990-х годов, колебательные подвижки показателей смертности подошли к концу, обнажился прежний “советский” неблагоприятный фон, который по-прежнему не анализировался и замалчивался. В итоге показатели продолжительности жизни практически возвратились на ту крайне неблагоприятную траекторию, которая существовала в советское время (рис. 4).

ПРИВЕЛИ ЛИ РЕФОРМЫ К ПАДЕНИЮ РОЖДАЕМОСТИ?

Еще одним совершенно бесспорным свидетельством конъюнктурной обусловленности демографических процессов *кажется* резкое падение в 1990-е годы уровня рождаемости россиян: “силой, разбуженной либеральной реформой, удалось приглу-

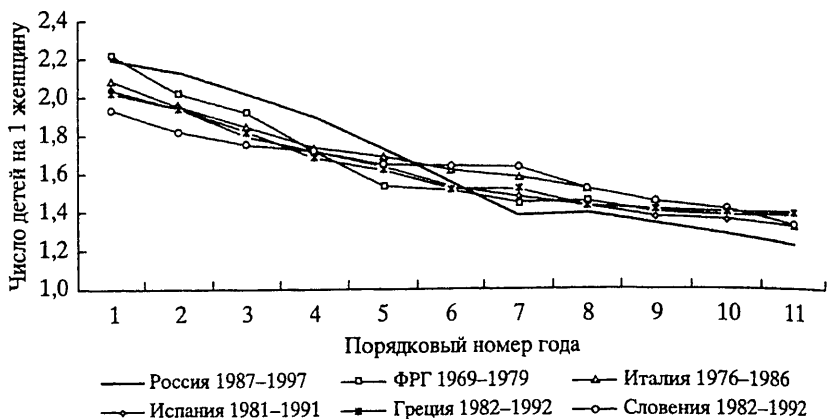

Рис. 5. Изменения коэффициентов суммарной рождаемости за десятилетие его наиболее резкого падения в некоторых странах

шить один из сильнейших биологических инстинктов – инстинкт продолжения рода” [2: 92].

Достаточно, однако, рассмотреть долговременные изменения рождаемости в России и сопоставить их с тем, что происходило в то же время в других странах, чтобы утверждение о недавнем падении рождаемости в России как прямом следствии реформ оказалось под большим сомнением (рис. 5).

При некоторых колебаниях, свойственных и другим странам, генеральной тенденцией изменений рождаемости в России, как и везде, было ее снижение на протяжении всего XX века. К концу столетия по числу рождений на одну женщину Россия практически не отличалась от многих европейских стран, таких, например, как Германия, Италии, Испания, хотя экономическая и социальная конъюнктура в них в это время была совершенно иной, чем в России.

Правда, как следует из рис. 1 на с. 224, падение рождаемости в России в 1990-е годы было самым крутым за последние полвека. Однако международные сравнения показывают, что и в этой крутизне нет ничего особенно необычного. Как свидетельствует недавний опыт многих европейских стран, стремительное – в течение одного десятилетия – снижение рождаемости такого же масштаба, как в России в 1987–1997 гг., может происходить и при отсутствии каких-либо кризисных явлений (рис. 5). В ФРГ за 1969–1979 коэффициент суммарной рождаемости снизился на 38%, в Италии за 1976–1986 – на 36%, в Испании за 1981–1991 – на 35%. В России падение было несколько большим – на 44%. Но следует учитывать, что за исходную точ-

ку отсчета взят 1987 г., когда был достигнут пик кратковременного повышения рождаемости середины 80-х годов. Если же сравнивать 1997 г. с 1981, предшествовавшим этому повышению, то падение составит 35%.

Причины резкого снижения рождаемости во многих странах в 1970-е–1990-е годы до конца не поняты, но ясно, что речь идет об общемировом процессе, имеющем свои глубинные движущие силы, и нет оснований ожидать, что Россия окажется вне общей эволюции стран, имеющих примерно такой же, как и она, уровень экономического и социального развития. Было бы очень хорошо, если бы в недалеком будущем рождаемость в России начала повышаться, но пока такое развитие событий кажется мало вероятным. Между тем, у нас все еще широко распространено мнение, что резкое снижение рождаемости в 1990-е годы – чисто российский феномен, следствие экономического и социального кризиса “переходного периода” и что как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться. К сожалению, дело, по-видимому, обстоит сложнее, и для такого оптимизма нет оснований.

Здесь уместно сделать одно уточнение, касающееся автономности демографических процессов. Обычно когда возникает вопрос о степени их зависимости от состояния других подсистем социального целого, почти само собой разумеется, что речь идет о “национальном” социальном целом, о конкретной стране. Это нашло отражение и в названии настоящего доклада: “Автономны ли демографические процессы в современной России?”. Между тем ни одна страна не представляет собой закрытую систему, тем более в условиях современной глобализации. Любая из стран сама есть “подсистема” мирового “социального целого” и не может не получать достаточно внятные сигналы, отражающие состояние всей планетарной социальной системы.

Нет сомнения, что, с точки зрения внутрироссийского контекста, чрезвычайно низкая рождаемость крайне неблагоприятна для страны. Но она столь же неблагоприятна и для Германии, Италии или Японии, живущих в весьма отличных от российских социально-экономических условиях. Это сходство неприятных демографических показателей можно было бы интерпретировать как общий кризис всей современной “постиндустриальной” цивилизации, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране.

Впрочем, и при таком подходе нельзя не видеть, что вызывающее столько опасений снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, эмансипация

и самореализация женщины, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Учитывая это, возможно, следует говорить не о кризисе, а о внутренней противоречивости модернизационного процесса, а может быть и о том, что модернизация объективно переносит акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни.

Однако снижение рождаемости следует рассматривать и в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на общемировой кризис, порожденный демографическим взрывом в развивающихся странах и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. При таком истолковании снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо, а снижение рождаемости в России, как и на “Западе”, – лишь эпизод такого глобального поворота. Как бы это ни было неприятно для всех развитых стран, а для России с ее огромной территорией – особенно, поделаться с этим ничего нельзя, потому что интересы сохранения всего человечества выше интересов отдельных стран.

Но если это так, то глобальная ситуация не может не отражаться каким-то образом (даже если нам не вполне понятны механизмы) в формировании того средового фона, который предопределяет особенности массового прокреативного поведения во всех странах мира, в том числе и в России. А это значит, что формирование уровня рождаемости еще более автономно по отношению как к конъюнктурным факторам российской социально-экономической ситуации, так и по отношению к мерам демографической политики, ибо ключ к пониманию механизмов, формирующих российские тенденции рождаемости, вообще находится не в России. Она вместе с другими странами принимает участие в переходе к рождаемости на уровень, необходимый для изменения траектории динамики мирового населения, для смены его роста сокращением. При этом складываются тенденции, изменение или корректировка которых находится за пределами возможностей воздействия на них на национальном уровне, о какой бы стране мира ни шла речь.

ДЕМОГРАФ-ТЕОРЕТИК И “ЧЕЛОВЕК С УЛИЦЫ”: КТО ПРАВ?

Все эти тонкие материи, замысловатые рассуждения и т.д. кажутся абсолютно излишними на фоне очевидного (или кажущегося таковым). “Авторы строят математические модели, в

которых человек выступает как одномерное существо, помещенное в стерильные условия полной изоляции от внешних социальных, экономических, социально-психологических условий... В расчет не берется ни шоковая терапия при вступлении в рынок, повлекшая за собой резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства жителей России, ни обнищание значительной массы населения, ни изломанные судьбы сотен тысяч людей, ни разгул преступности и криминализация общества. Не принимается во внимание развал базовой медицины, рост социально обусловленных заболеваний, ухудшение не только физического, но и морально-нравственного здоровья населения" [3: 57].

Автор цитированных слов, несмотря на громкое название своего сочинения, до сих пор среди российских демографов не был замечен. Не исключено, что речь идет лишь о мимолетном набеге на демографическое поле, после чего последует перемещение на новый фронт с целью разъяснения невежественным людям, что все-таки не Земля вращается вокруг Солнца, а наоборот, почему тела тяжелее воздуха не могут лететь, а человек не мог произойти от обезьяны. Нам же останется весьма типичный пример отрицания автономности демографических процессов. Они видятся привязанными коротким поводком к экономическим или каким-то другим событиям и просто следуют за ними, не имея собственной, внутренней логики развития. Видимо, по убеждению автора, их и изучать-то не надо, достаточно почитать газеты и умозаключить.

Но если говорить серьезно, то поражает убогость понимания социального. Как будто оттого, что страна пережила некоторую экономическую встряску, исчезла вся толща социальной брони, которая создавалась десятками тысячелетий человеческой истории.

Конечно, при таком примитивном понимании социальной детерминации жизненно важных видов массового поведения системные объяснения часто кажутся трудно постижимыми, прямо-таки мистическими. Большинство исследователей, по крайней мере в демографии, их и не использует.

Преобладающим все еще остается факторный подход. Кажется само собой разумеющимся, что демографическое поведение людей зависит от тех или иных воздействующих на него "факторов" — благосостояния семьи, жилищных условий, уровня образования, состояния здоровья и т.п., и вот уже много десятилетий исследователи во всех странах, с упорством, достойным лучшего применения, пытаются вычлениить эти факторы, измерить их влияние и пр. "Человек с улицы", отвечая на анкету ис-

следователя или журналиста, с уверенностью называет один или два фактора, мешающие ему иметь еще одного или двух детей, которых, он убежден, он имел бы, если бы не эти очевидные помехи. Таких ответов бывает достаточно для политиков, которые тут же предъявляют список мер, направленных на устранение этих помех. Вдумчивый исследователь не довольствуется простым ранжированием ответов, а составляет список из 10 или 20 факторов и с помощью разного рода математических процедур более точно измеряет степень влияния каждого фактора, его связь с числом детей. Но, в конце концов, он тоже дает свои советы политикам, и теперь речь идет уже о так называемых “научно обоснованных” рекомендациях.

Однако тот самый “человек с улицы”, к ответам которого “подстраивается” политик или теоретик-демограф, на самом деле не так прост. В своем реальном поведении он учитывает огромное количество факторов, о чем сам может даже и не подозревать, ибо, по большей части, речь идет, скорее, об интуиции, а не о рефлексии. В результате автор “научных рекомендаций”, не желающий видеть внутреннюю сложность мотивации поведения и довольствующийся поверхностными “мнениями” о ней «выглядит более ограниченным, чем не очень образованная “средняя” женщина, решающая для себя вопрос о желаемом числе детей и не могущая при этом не сознавать более или менее ясно все социальные роли, которые она выполняет. Массовое демографическое поведение... по самой своей природе не может быть столь односторонним, сколь односторонни бывают теоретические рекомендации, основанные на неполном знании и абсолютизирующие какую-нибудь одну сторону развития» [см. настоящее издание, т. 1, с. 309].

Скорее всего, число факторов, влияющих на решение человека иметь или не иметь детей, вообще на каждый акт демографического поведения, не 10 и не 100, а на порядок, если не на несколько порядков больше. Ведь нормы демографического поведения формируются и закрепляются в непрерывном процессе проб и ошибок, который складывается из десятков и сотен миллионов, даже миллиардов единичных актов. Каждая женщина, каждая семья испытывает на себе воздействие неповторимого набора огромного количества факторов.

Цены на мясо, количество метров жилой площади или наличие автомобиля могут быть очень важны для того или иного человека. Задумаясь, однако, неужели это важнее состояния здоровья своего или детей, взаимоотношений супругов, общего самочувствия в социальной группе, профессиональных интересов, потребностей в творческой самореализации, возможности дать

детям желаемое образование, удовлетворения своих интимных потребностей, политических амбиций, тяги к вертикальной мобильности, охоты к перемене мест, состояния войны или мира – этот список можно продолжать бесконечно. И даже если бы удалось составить исчерпывающий перечень всех таких факторов, надо еще учитывать, что в каждом отдельном случае они входят в общую комбинацию факторов с разным удельным весом – для одних важнее одно для других – другое и т.д. И в каждый следующий момент жизни эта комбинация уже не та, что была месяц или день назад.

В частности, надо быть совершенно безумным, чтобы полагать, будто повышение уровня или качества жизни должно автоматически приводить к повышению рождаемости. Так было бы только в том случае, если бы набор наших потребностей был бы чем-то раз навсегда заданным – по набору, интенсивности и т.д. Тогда каждая следующая потребность из этого набора удовлетворялась бы по мере появления соответствующих возможностей. Скажем, десять первых потребностей удовлетворено, а на одиннадцатую – рождение очередного ребенка – не хватило ресурсов. Появились ресурсы – немедленно удовлетворяется эта одиннадцатая потребность, рождается ребенок, наступает очередь двенадцатой потребности. Но на деле появление новых ресурсов – большего дохода, новой квартиры, новых товаров в магазинах – мгновенно меняет всю мозаику потребностей, их приоритеты, и казавшаяся насущной потребность обзавестись ребенком становится уже не столь насущной, пропускает вперед себя ряд новых потребностей – и так без конца.

Таким образом, оказывается, что роль одного фактора и даже десятка факторов на самом деле абсолютно ничтожна на фоне тысяч других, а поведение задается некоей равнодействующей этого необозримого множества факторов, которая устойчива именно потому, что факторов очень много. Этот устойчивый фон и создает среду, в которой идет отбор соответствующих ее требованиям норм, правил, стереотипов поведения. Люди участвуют в этом отборе бессознательно, выбирая наиболее разумную и эффективную стратегию поведения, эта стратегия закрепляется в нормативной системе и меняется лишь тогда, когда существенно и необратимо меняется вся среда. Кратковременные колебания не играют существенной роли, нормативная система меняется не немедленно, а с отставанием, достаточно большим, чтобы убедиться, что перемены произошли навсегда.

Конечно, можно сказать, что и на всю социальную среду можно как-то влиять, социальными процессами можно управлять и т.д. Во всяком случае, мы еще совсем недавно так думали.

Однако мы же и убедились, что возможности такого влияния чрезвычайно ограничены, что можно в какой-то мере подыгрывать исторически заданным тенденциям, но идти наперекор им – это все равно, что плевать против ветра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так автономны ли демографические процессы в современной России?

Да, автономны – в том смысле, что они сравнительно мало зависят от экономической и социальной конъюнктуры или специальных мер политики, имеющих целью повлиять на те или иные демографические процессы и добиться их изменения в желаемом направлении. Поэтому главные нынешние демографические проблемы России едва ли следует связывать с экономическим и социальным развитием страны в последние 10–15 лет.

Нет, не автономны – в том смысле, что они вписаны в реальную, очень сложную социальную среду, в социальную систему, в которой действуют законы самоорганизации, обеспечивающие приспособление всех подсистем, в том числе и демографической, к долговременным (а не конъюнктурным) требованиям системного целого. Возможно, события 1990-х годов высветили и обострили многие демографические проблемы, но в своей основе они имеют давние исторические и социокультурные корни.

Большинство сегодняшних демографических проблем России – не конъюнктурны, а имманентны тому типу развития, который Россия избрала не одно десятилетие и даже не одно столетие тому назад, когда она вступила на путь догоняющей модернизации. А поскольку Россия едва ли собирается сворачивать с этого пути, любая разумная стратегия общества должна учитывать глубокую обусловленность нынешних российских демографических тенденций, а не исходить из иллюзорных возможностей их легкого и быстрого изменения.

Коль скоро российское общество не без оснований озабочено нынешними демографическими тенденциями, его реакция должна быть нацелена на то, чтобы, с одной стороны, привести эти тенденции в большее соответствие с достигнутым уровнем модернизации (это относится прежде всего к тенденциям смертности), а с другой, – приспособиться к тем новым демографическим реалиям, которые уже не могут быть изменены – по крайней мере, в обозримом будущем (низкая рождаемость, отрицательный естественный прирост, постарение населения).

Литература

1. Вишневский А. Демографическая политика и демографический оптимум. См. настоящее издание. Т. 1. С. 3–214.
2. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М., 2001.
3. Орлова И.Б. Демографическое благополучие России. М., 2001.
4. Transition 1999: Доклад о развитии человеческого потенциала в странах Европы и СНГ. М.: ПРООН, 1999.

Приложение

ПОДЪЕМ СМЕРТНОСТИ В 90-е ГОДЫ: ФАКТ ИЛИ АРТЕФАКТ?¹

Мужское поколение 1950 года рождения: число умерших в 1985–1994 гг.

Рассмотрим изменение чисел умерших в 1985–1994 годах вначале на примере какого-нибудь одного поколения.

В качестве примера мы выбрали мужскую часть поколения россиян 1950 года рождения, т.е. тех мужчин, которым в 1985 г. исполнилось 35 лет. На протяжении десятилетия с 1985 по 1994 гг. это поколение в результате смертности потеряло 90 245 человек.

Распределение потерь по годам смерти указывает на значительную необычность в переходе от числа смертей одного года к числу смертей следующего года. Обычно соотношение этих двух величин (коэффициент перехода) обладает довольно большой устойчивостью. Как видно из рис. 1, и в интересующем нас поколении, особенно после достижения им в 1970 г. 20-летнего возраста, коэффициент перехода изменялся незначительно, все время оставаясь несколько выше единицы, что отражает обычное увеличение числа смертей с возрастом.

Однако затем эта устойчивость внезапно нарушилась, и число смертей, вместо того, чтобы с возрастом расти, стало сокращаться, а затем сокращение снова уступило место росту, причем очень значительному. Колебание началось в 1985 г., когда поколение достигло 35-летнего возраста, и закончилось примерно через 10 лет, когда людям из этого поколения исполнилось 45 лет.

¹ Фрагмент статьи: Вишневский А. Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт? // Население и общество. 2000. № 45; Мир России (Univers of Russia). 2000. № 3. С. 153–160.

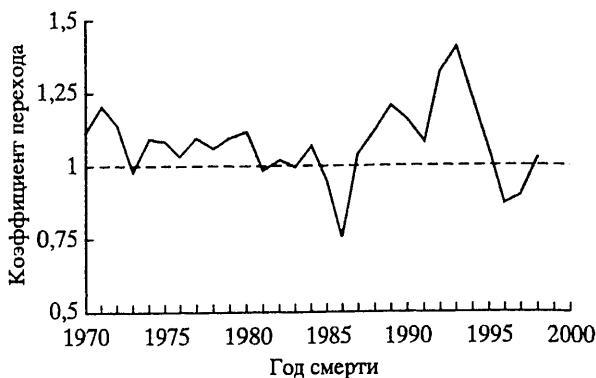

Рис. 1. Соотношение чисел смертей в двух соседних однолетних возрастных группах (D_x/D_{x-1}). Россия, мужское поколение 1950 года рождения

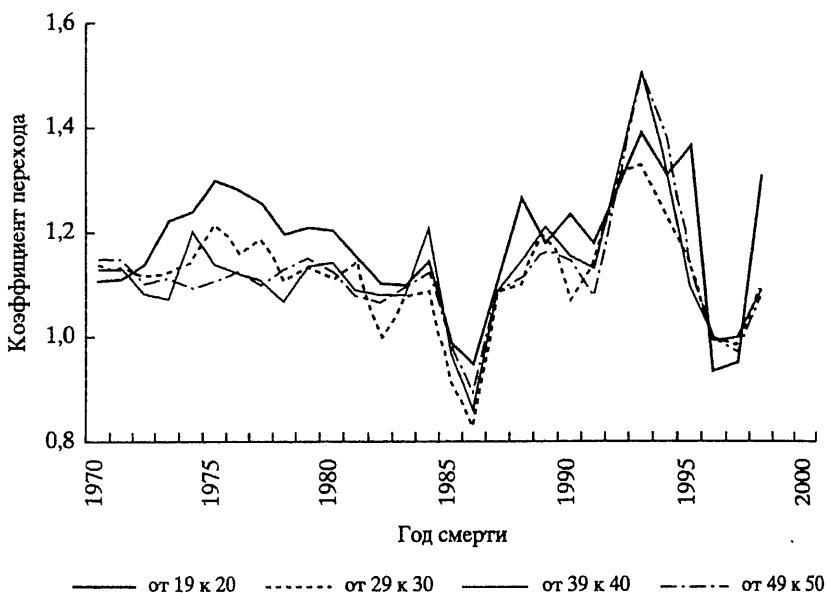

Рис. 2. Соотношение чисел смертей в двух соседних однолетних возрастных группах (D_x/D_{x-1}) при переходе от 19 к 20, от 29 к 30, от 39 к 40 и от 49 к 50 годам в 1970–1998 гг. Мужчины

Колебание коснулось не только поколения 1950 г., его испытывали все поколения, в каком бы возрасте они ни находились. На рис. 2 видно, как в 1985 г. одновременно резко “нырнули” вниз коэффициенты перехода от числа смертей в возрасте 19, 29, 39 и 49 лет к числу смертей в следующей возрастной группе – соответ-

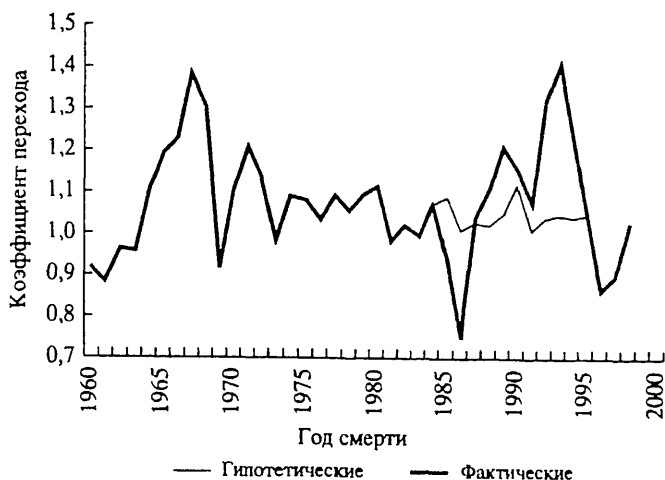

Рис. 3. Фактические (в 1960–1998) и гипотетические (в 1985–1994) коэффициенты перехода для мужского поколения 1950 года рождения

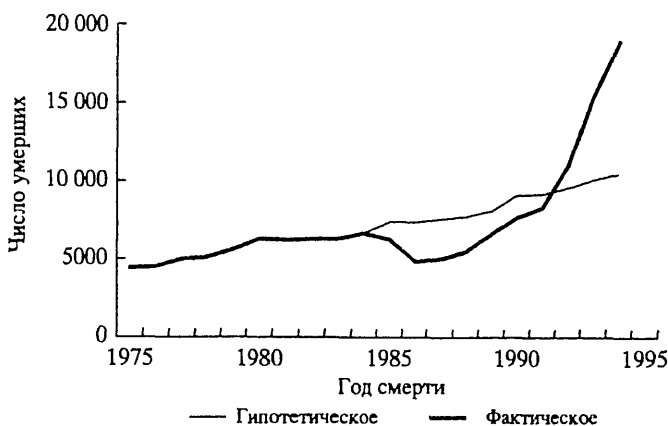

Рис. 4. Фактическое (в 1975–1994) и гипотетическое (в 1985–1994) число смертей в мужском поколении 1950 года рождения

ственно в 20, 30, 40 и 50 лет, и как впоследствии эти коэффициенты стали одновременно быстро повышаться.

Не вызывает сомнения, что причиной всех этих одновременных изменений были затронувшие всех события экономической, социальной и политической жизни. Однако в связи с тем, что изменения были разнонаправленными (вначале снижение смертности, потом – ее повышение), возникает вопрос об их суммарном итоге и о том, что бы было, если бы упомяну-

тых событий, вызвавших пертурбации в динамике смертности, не было.

Наиболее естественное предположение заключается в том, что тогда коэффициенты перехода в течение 1985–1994 гг. для каждой возрастной группы были бы примерно такими же, какими они были в предшествующий период. В частности, для поколения 1950 г., которое в 1985–1994 гг. год за годом переходило от возраста 35 к возрасту 45 лет, они были бы такими же, как у поколений, проживших этот возрастной интервал до 1985 г.

Как видно, в частности, из рис. 2, изменения коэффициентов перехода в 1980–1984 гг., предшествовавшие резкому колебанию 1985 г., не обнаруживают сколько-нибудь определенной направленности, в это время они то снижались, то повышались. Поэтому мы воспользуемся простейшей гипотезой, согласно которой при отсутствии возмущающих внешних событий коэффициенты перехода D_x/D_{x-1} в 1985–1984 г. оставались бы на прежнем уровне и равнялись усредненным коэффициентам перехода 1980–1984 годов.

Сравнение фактических и гипотетических коэффициентов перехода представлено на рис. 3, а соответствующих им фактических и гипотетических чисел умерших – на рис. 4.

Как следует из рис. 4, на протяжении 7 лет из десятилетия 1985–1984 гг. фактическое число смертей в поколении 1950 года было *меньшим*, чем оно могло бы быть, если бы не сказалось влияние экономических и политических перемен, и только в три последние года десятилетия (1992–1994) оно *превысило* гипотетическое число смертей. Расчеты показывают, что это трехлетнее превышение было столь значительным, что свело на нет выигрыш семи предыдущих лет: итоговое фактическое число смертей было на 3350 больше гипотетического. В конечном счете поколение пусть немного, но проиграло.

МУЖСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1950 ГОДА РОЖДЕНИЯ: ВРЕМЯ, ПРОЖИТОЕ УМЕРШИМИ В 1985–1994 гг.

Не забудем, однако, что распределение смертей по годам рассматриваемого десятилетия изменилось таким образом, что большая часть смертей сдвинулась к его концу. Иными словами, значительная часть умерших фактически прожила больше, чем если бы все продолжало идти так, как шло до 1985 г. Сколько же они выиграли?

Из числа родившихся в 1950 г. и умерших в 1985 кто-то прожил на несколько месяцев меньше 35 лет, кто-то – на несколько

месяцев больше. Чтобы упростить расчеты, примем, что в среднем эти отклонения взаимно погашаются, так что все умершие в 1985 г. люди из этого поколения прожили, в среднем, ровно 35 лет, умершие в 1986 г. – 36 лет и т.д.

При таком предположении 6305 фактически умерших в 1985 г. членов когорты 1950 г. прожили в сумме $6305 \times 35 = 220\,675$ человеко-лет, а гипотетически умершие 7356 прожили бы $7356 \times 35 = 257\,469$ человеко-лет. Для всех фактически умерших на протяжении десятилетия 90 245 членов когорты суммарное прожитое время составило 3 679 432 человеко-года, или 40,77 года в среднем на одного человека. При реализации гипотетических условий 86 895 умерших прожили бы 3 463 358 человеко-лет, или, в среднем, 39,86 года каждый.

Таким образом, хотя общее фактическое число умерших за десятилетие было несколько выше гипотетического (на 3,9%), каждый умерший в среднем прожил почти на год дольше, чем при предполагаемой неизменности ситуации. Иными словами, если в числе умерших в 1985–1994 гг. российские мужчины поколения 1950 года рождения пусть и немного, но проиграли, то в продолжительности жизни представители поколения, умершие в эти годы, в среднем, выиграли почти год жизни.

Расчеты, выполненные для мужского поколения 1950 года рождения, можно выполнить для всех поколений россиян, как мужских, так и женских, живших в изучаемый период – десятилетие с 1985 по 1994 г. Результаты этих расчетов см. выше (с. 204 и следующие).

XX век стал для России веком демографической модернизации, в результате которой в России с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, такой же, какой господствует сейчас во всех промышленно развитых городских обществах. Этот фундаментальный сдвиг сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, удлинение жизни, эмансипация и самореализация женщины, демократизация семейных отношений, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Однако он же поставил страну перед очень серьезными вызовами, на которые ей придется отвечать в наступившем столетии.

ВЫЗОВ ВЫСОКОЙ СМЕРТНОСТИ

Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних российских вызовов – вызов высокой и продолжающей расти смертности.

В ходе демографической модернизации XX века процесс вымирания поколений в России, как и везде, коренным образом изменился. К середине 1960-х годов смертность по сравнению с началом столетия резко снизилась, ожидаемая продолжительность жизни и у мужчин, и у женщин выросла более чем вдвое (табл. 1).

Однако развить достигнутые успехи ни в России, ни в Советском Союзе в целом не удалось, и наше отставание снова

¹ Доклад на конференции “Россия перед демографическими вызовами XXI века” (Москва, 18–19 декабря 2003 г.). Опубликовано в журнале: Мир России (Universe of Russia). Социология, этнология. 2004. № 2. С. 3–23.

**Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1896–1897,
1964–1965 и 2002 годах**

Год	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896–1897 годами, лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1896–1897*	29,4	31,7	–	–
1964–1965	64,6	73,4	35,2	41,7
2002	58,5	72,0	29,1	40,3

* Европейская Россия в границах РСФСР 1926 г.[2].

Таблица 2

**Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни в начале и
в конце XX века, в годах**

Год	От США	От Франции	От Швеции	От Японии
Мужчины				
1900	15,9	12,7	20,3	14,5
2000	15,2	16,5	18,5	18,7
Женщины				
1900	16,2	14,1	20,8	13,1
2000	7,5	10,8	9,9	12,4

стало нарастать. На рис. 1 хорошо видно как сокращение отставания, так и его новое нарастание. К 2000 году у мужчин оно во многих случаях стало большим, чем было в 1900 году (табл. 2).

В результате, в последней трети XX века страна несла огромные людские потери. Приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 миллионов преждевременных смертей за 1966–2000 годы. Из них свыше 5 миллионов – преждевременные смерти людей в возрасте до 65 лет, более чем на 80% – мужчин. Далеко не всякая война способна нанести такое разорение даже очень большой стране.

Неблагополучие со смертностью, которое в советское время утаивалось, сейчас достаточно хорошо осознано общественным мнением. И в России, и за рубежом ведутся интенсивные исследования причин высокой российской смертности, социальных и

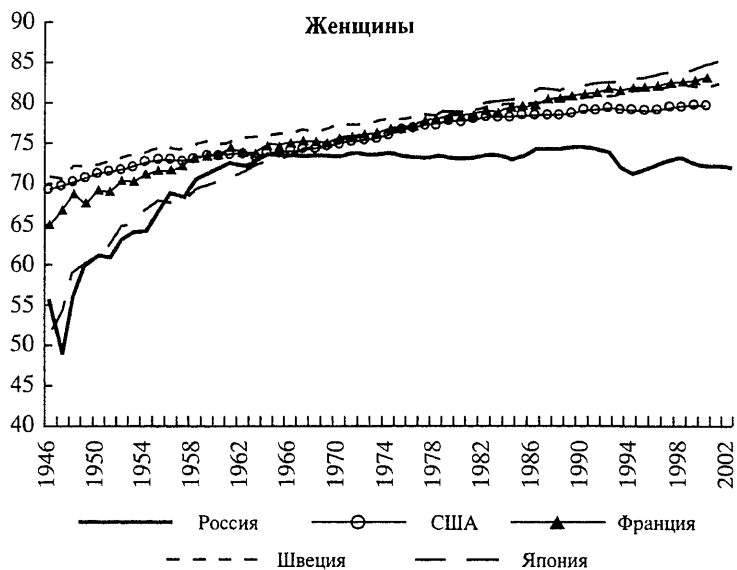
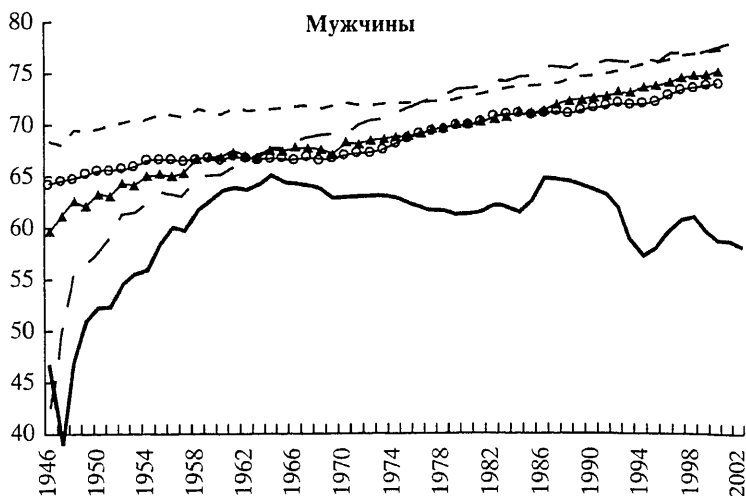

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в России и некоторых западных странах, 1946–2001, в годах

экономических факторов, от которых она зависит, и т.п. Однако когда речь идет о провале таких масштабов, дело не может сводиться к действию отдельных, даже очень важных факторов. Нужны какие-то системные объяснения, которые требуют критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счете, – их серьезного пересмотра.

Пока это не сделано, и положение продолжает ухудшаться. Как уже упоминалось, сейчас многие склонны искать корни сегоднешнего неблагополучия со смертностью в событиях, происшедших в России в 1990-х годах, однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин – 58,5 года в 2002 г. – находится на линии тренда, который сложился в 1963–1983 гг. и который пока не удалось изменить³. Длющийся уже четыре десятилетия российский кризис смертности продолжается, и перчатку этого смертельного – в буквальном смысле слова – вызова пока никто не осмелился поднять.

ВЫЗОВ НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ

Занимая очень важное место в ряду демографических вызовов, перед лицом которых находится Россия, вызов высокой смертности все же сильно отличается от всех других тем, что не является, собственно, вызовом модернизации. Он, скорее, – следствие действия факторов, препятствующих ее завершению. Другие же вызовы, как правило, порождены именно глубокими модернизационными изменениями, они укоренены не в прошлом, а в настоящем и будущем и поэтому, в известном смысле, более опасны. Один из них – вызов низкой рождаемости.

В России в 2000 г. рождаемость была минимальной за всю ее историю – 1,21 рождения на одну женщину. В условиях российской смертности это обеспечивало замещение поколений всего на 57%. В последнее время рождаемость обнаружила тенденцию к небольшому повышению, в 2002 г. коэффициент суммарной рождаемости повысился до 1,32. Но обольщаться в отношении ее будущего не следует. Колебания уровня рождаемости под влиянием конъюнктурных факторов – демографических и недемографических – возможны. Но рассчитывать на ее повышение до уровня хотя бы простого замещения поколений (примерно 2,2 рождения на женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х годов, оснований нет.

Следует ли рассматривать нашу низкую рождаемость как проявление специфического российского кризиса – недавних лет или более давнего (см. рис. 2)?

В послевоенный период рождаемость в России быстро падала и опустилась до очень низкого уровня – ниже уровня простого замещения поколений – еще в 1964 г., раньше, чем в большинстве

³ См. с. 207 настоящего тома.

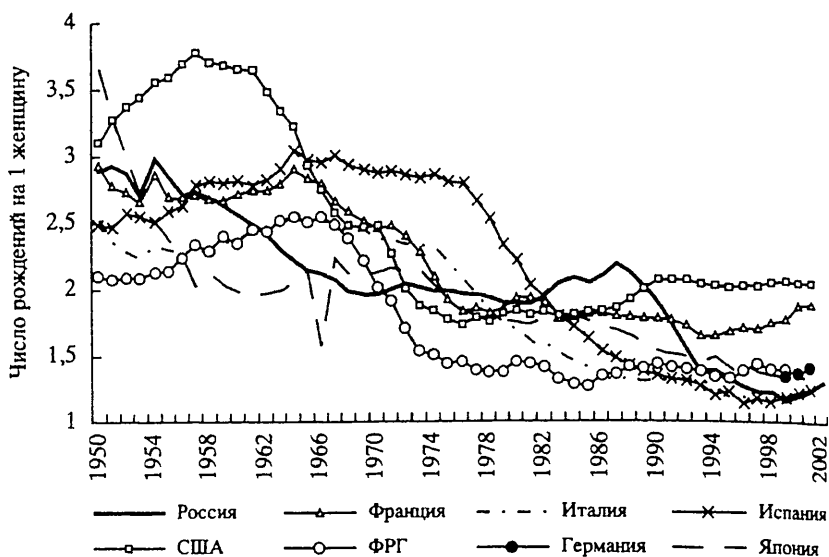

Рис. 2. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах

развитых стран. Однако они не заставили себя долго ждать, сейчас для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых стран мира характерна низкая, а в последнее время – очень низкая рождаемость. На рубеже веков во всех развитых странах, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, многие из них находились в одном ряду с Россией. Рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений и в ряде менее развитых стран, в частности, в Китае. Сейчас высокая и очень высокая рождаемость остается уделом слабо урбанизированных развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки (рис. 3), хотя постепенно она снижается и там.

Уже сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Как мне уже приходилось писать, скорее, речь может идти об общем кризисе всей современной “постиндустриальной” западной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной стране⁴.

Но кризис ли это? Не правильнее ли, приняв во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, говорить не о катастрофичности низкой рождаемо-

⁴ См. с. 209–210 настоящего тома.

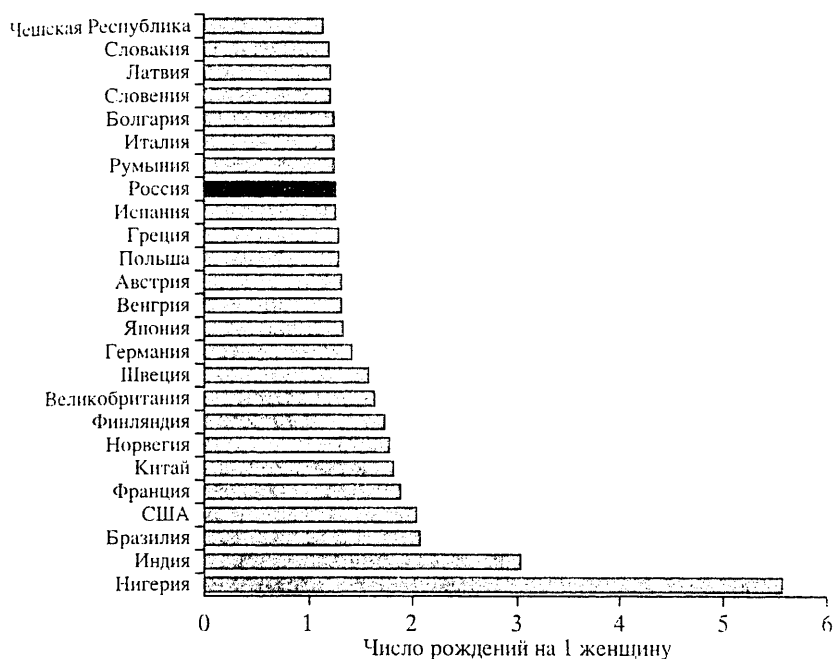

Рис. 3. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах мира в 2001 году

сти, а о создаваемых ею возможностях внутренней перестройки всего “общественного тела”, позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Привлекательность низкой рождаемости для большинства населения оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

Не исключено, впрочем, что и такой взгляд на современную динамику рождаемости не учитывает всех ее реальных детерминант. Ведь если глобализация, о которой столь много говорится сегодня, – не пустой звук, то и такую, теперь уже фактически всемирную, тенденцию, как снижение рождаемости, следует рассматривать не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном контексте.

Сегодня главная демографическая проблема человечества в целом – не недостаток людей, а их избыток. И только повсеместное снижение рождаемости способно привести к прекращению мирового демографического взрыва и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. А если это

так, то в низкой “западной” рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее адаптивных способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает теперь путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в огромную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира, могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет немалую угрозу. Всестороннее осмысление этой угрозы, выработка превентивных стратегий и политик находятся за пределами нашей темы. Тем не менее оценивая демографическую составляющую глобального развития, можно с уверенностью сказать, что в условиях, когда главной заботой этого развития стало замедление роста мирового населения, думать, что реальным адекватным ответом на новую ситуацию в мире может стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России, было бы просто наивно. Гораздо более вероятно, что рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения – суженным на долгое время, а это означает, по меньшей мере, еще два серьезных вызова, который придется принять России, – вызовы демографического старения и депопуляции.

ВЫЗОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ

Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 г. до 11,9% в 1970, до 18,7% в 2001 г. и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском союзе в целом она составляет 21,5%, в Японии – 23,7% [7: 43]. Такое же будущее ожидает и Россию.

Экономические и социальные последствия демографического старения уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической литературе. При этом на первый план обычно выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного на-

селения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.). Отрицательный вклад старения населения, “одряхления” наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Не исключено, однако, что такая оценка излишне односторонняя, вызвана “шоком новизны”, который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Попробуем разобраться в том, что на самом деле стоит за демографическим старением.

Возрастная пирамида необратимо изменяется потому, что в результате снижения смертности коренным образом меняется структура времени жизни поколений: увеличивается время, проживаемое каждой когортой в средних и старших возрастах, а соответственно и его доля во всем совокупном времени жизни каждого поколения.

Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства? Разумно ли, что, достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то есть, вообще потреблять в более широком смысле?

Сейчас широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Кажется очевидным, что раз доля пенсионеров в населении увеличивается, то увеличивается и нагрузка на трудоспособное население.

Не следует, однако, забывать, что на иждивении людей в трудоспособном возрасте находятся не только старики, но и дети. А так как доля пожилых растет одновременно с сокращением доли детей, то *совокупная* нагрузка на трудоспособное население изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами. При этом следует заметить, что дети-иждивенцы потребляют до того, как они начали производить, так сказать, авансом. Пожилые же люди переходят на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом.

На рис. 4 представлена модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет). Срав-

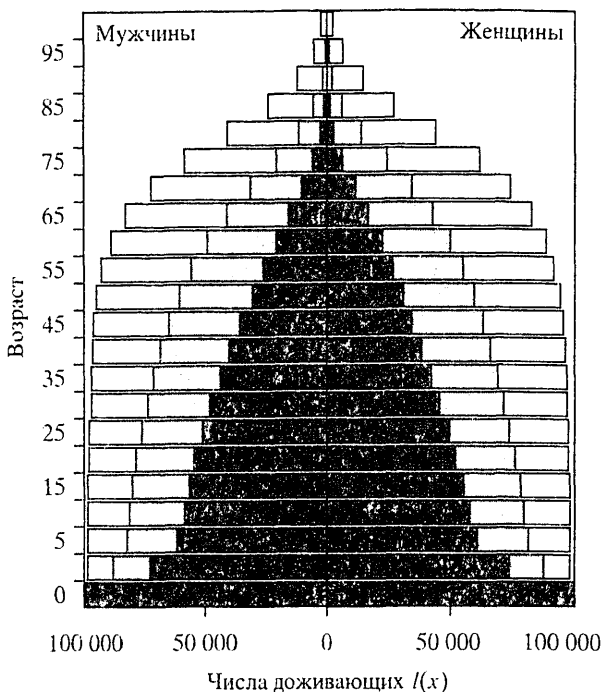

Рис. 4. Модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет) [3]

нение внутренней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 30 лет – близкой к той, которая была в России на исходе XIX века) и внешней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 75 лет, не достигнутой в России еще и сейчас) пирамид на графике ясно показывает, как с увеличением продолжительности жизни увеличивается и число доживающих до более поздних возрастов, а значит и доля времени, проживаемого людьми из этого поколения в средних, а затем и в старших возрастах. Но что происходит при этом с соотношением времени, прожитого каждым средним представителем поколения в рабочем и не рабочем (до и после пребывания в возрасте трудоспособности) возрастах?

Оказывается, что это соотношение меняется крайне мало, да и эти небольшие изменения, скорее, во благо, а не во вред: доля времени, прожитого в возрасте иждивения даже несколько сокращается (табл. 3).

Разумеется, реальная жизнь отличается от идеальной модели. В послевоенные десятилетия в России совокупная нагрузка деть-

Распределение времени, прожитого поколениями
с одинаковой исходной численностью
и разной средней продолжительностью жизни
(30, 50 и 75 лет), в процентах

Возраст	При средней продолжительности жизни		
	$e(0) = 30$	$e(0) = 50$	$e(0) = 75$
Моложе трудоспособного (0–20)	40,1	32,6	26,2
Трудоспособный (20–65)	55,0	57,7	56,8
Старше трудоспособного (65+)	4,9	9,7	17,0
Всего	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте иждивения	45,0	42,3	43,2

Источник: [3].

ми и пожилыми менялась волнообразно, что было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, формировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и пертурбационных потрясений первой половины XX века. Их влияние не изжито еще и сейчас.

Волнообразные колебания накладывались на генеральную тенденцию постарения и временами вносили очень серьезные коррективы в процессы эволюции возрастной пирамиды, достаточно сильно удаляя ее от идеального образа, представленного на рис. 4.

Но именно в результате такого наложения, вопреки тому, что часто думают, Россия, с точки зрения возрастного состава ее населения, к концу XX века оказалась в условиях, относительно благоприятных, едва ли не лучших за весь послевоенный период.

Конечно, нагрузка пожилыми иждивенцами, несмотря на некоторые колебания, продолжает расти и, согласно всем прогнозам, будет увеличиваться и впредь (рис. 5).

Однако *совокупная* нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой. Да и ближайшие перспективы в этом смысле достаточно благоприятны – снижение доли детей в населении, запрограммированное ростом рождаемости в 1980-х и ее падением в 1990-х годах, будет тормозить рост общей нагрузки.

Даже в 2035 г. эта нагрузка в расчете на 1000 трудоспособных будет не выше, а по большинству сценариев даже ниже, чем в 1975 году, когда она отнюдь не была чрезвычайной высокой.

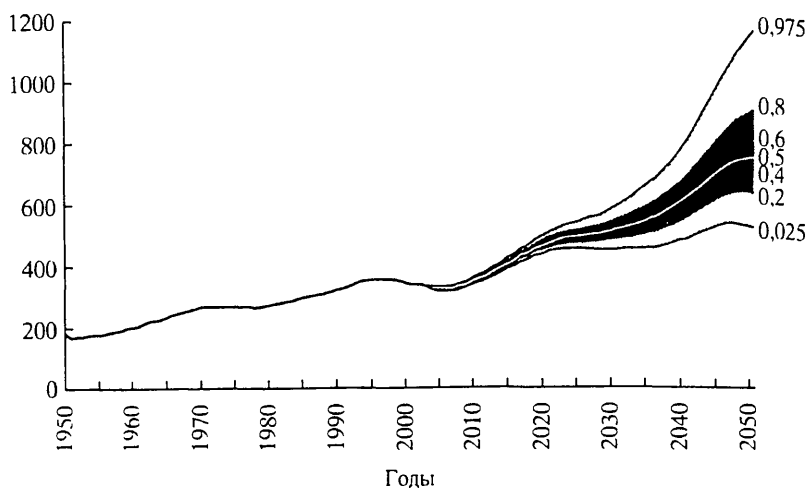

Рис. 5. Нагрузка пожилыми (женщины 55 лет и старше, мужчины – 60 лет и старше) на 1000 трудоспособных – фактическая в 1950–2000 гг. и прогнозируемая до 2050 г. при разных доверительных вероятностях
Источник: [1: 190]

В первой половине 1960-х годов коэффициент совокупной нагрузки в России превышал 800 человек на 1000 трудоспособных. Таким высоким этот показатель будет не ранее 2035 г. и то лишь по некоторым из рассматриваемых сценариев. К подобному развитию событий надо, конечно, готовиться, но едва ли следует его излишне драматизировать. Если Россия смогла справиться с такой нагрузкой в 1965 г., то почему она может оказаться столь опасной 70 лет спустя?

Только после 2035 г. общая демографическая нагрузка начнет превышать 800 на 1000 трудоспособных, постепенно нарастая по мере приближения к 2050 г. (рис. 6).

Таким образом, хотя нынешний рост “пенсионерской нагрузки” бесспорен, это еще не основание для того, чтобы драматизировать “проблему старения” как *демографическую* проблему, это вызов, который требует адекватного экономического и социального ответа. Развитие пенсионных систем в XX веке и стало таким ответом на новые демографические реальности, однако не исключено, что принципиально новое место пенсионного обеспечения в структуре механизмов внутримопоколенного и межпоколенного перераспределения ресурсов еще не до конца осознано обществом.

Скорее всего, истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как это пред-

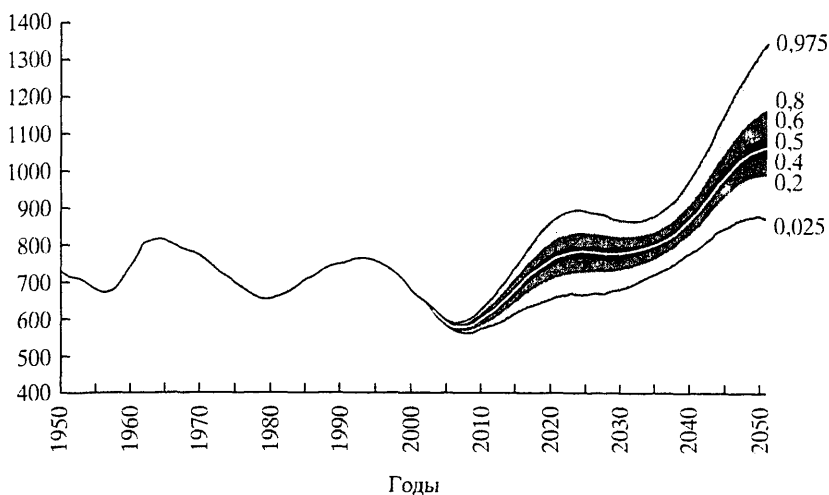

Рис. 6. Общая демографическая нагрузка пожилыми (дети до 16 лет, женщины 55 лет и старше, мужчины – 60 лет и старше) на 1000 трудоспособных – фактическая в 1950–2000 гг. и прогнозируемая до 2050 г. при разных доверительных вероятностях

Источник: [1: 192]

ставляет иногда современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий постарения. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, “реальная задача... относится, в основном к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов” [4: 22].

Для того чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стало политически приемлемым, нужны социальная философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нигде нет, и, скорее всего, они сформируются и получают признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении

нии которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой вершиной. А до тех пор будет казаться – без достаточных к тому оснований, – что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

Вызов демографического старения затрагивает, разумеется, не только экономическую сферу, на него придется отвечать всем жизненно важным подсистемам российского общества, он потребует существенной реорганизации и образования, и здравоохранения, и обороны, и многого другого. К этому тоже надо быть готовыми. Уже сейчас достаточно явно проявляется конкуренция за сокращающиеся контингенты молодежи между рекрутирующими ее ведомствами, она несомненно будет нарастать. В частности, серьезное беспокойство вызывает приближающееся резкое снижение численности призывных контингентов. Оно может привести, например, к снятию всех видов освобождений и отсрочек, связанных с получением образования и заполнением даже наиболее важных вакансий в сфере гражданской деятельности, что способно подорвать научный и экономический потенциал страны, но все равно не решит проблемы защиты ее границ. В качестве ответа на этот вызов рассматривается переход к профессиональной армии на контрактной основе, однако пока трудно сказать, насколько такой ответ окажется реальным и эффективным. И это – лишь один из примеров тех очень серьезных следствий, которые вытекают из вызова демографического старения.

ВЫЗОВ ДЕПОПУЛЯЦИИ

Россия была одной из первых стран в мире, в которых установилось соотношение рождаемости и смертности, делающее невозможным простое возобновление поколений. Нетто-коэффициент воспроизводства населения страны опустился ниже единицы в 1964 г. и с тех пор остается ниже этого критического уровня (за исключением короткого периода 1986–1988 гг.) – см. рис. 7.

При таких показателях появление отрицательного естественного прироста населения становится вопросом времени, положительный естественный прирост может сохраняться по инерции – лишь до тех пор, пока не исчерпается потенциал демографического роста, накопленный в возрастной структуре населения за счет более высокой рождаемости в прошлом. Момент истины – переход от естественного прироста к естественной убыли насе-

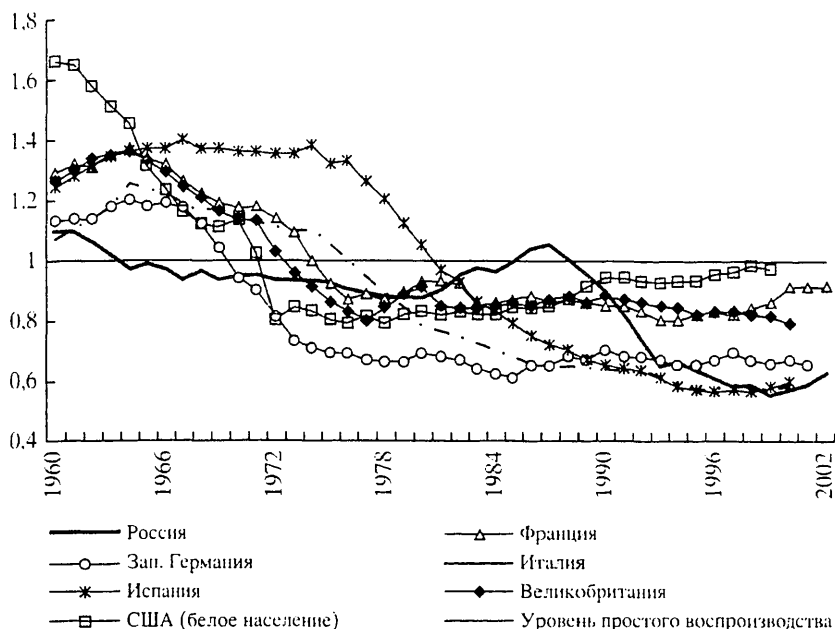

Рис. 7. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах

ния – наступил в 1992 г. А так как естественный прирост населения был основным источником его общего роста, то сразу же началось и сокращение населения России (рис. 8).

Нынешнее сокращение населения России сильно отличается от трех предыдущих, наблюдавшихся в XX веке. Они были вызваны острейшими социальными потрясениями – Первой мировой и гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х годов, Второй мировой войной – и прекращались с окончанием каждого из этих кризисов. Сейчас убыль населения обусловлена устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что она окажется преходящей и в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль населения России скорее всего примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России.

В частности, по “среднему” варианту самого последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские прогнозисты (рис. 9).

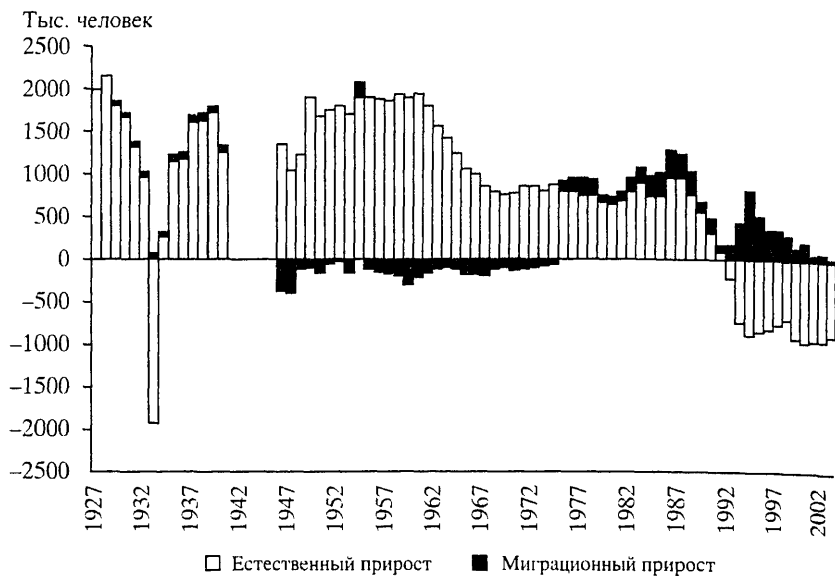

Рис. 8. Компоненты прироста населения России, 1927–2003 годы, тысяч человек
 Источник: [1: 15]

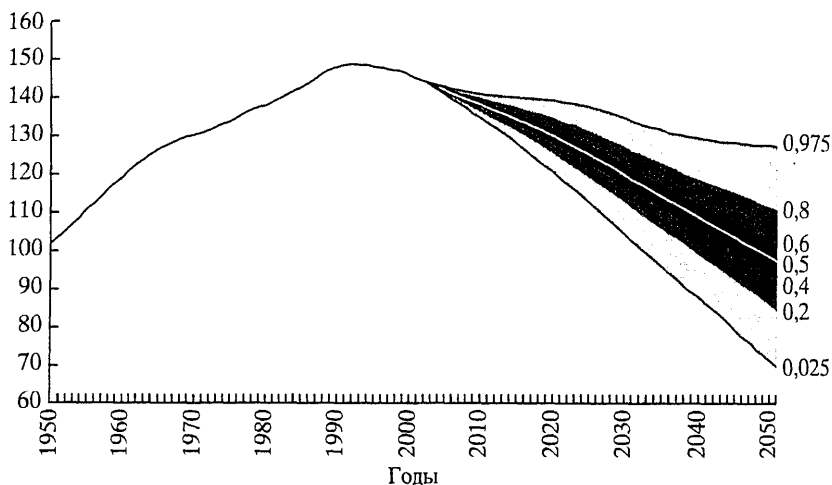

Рис. 9. Численность населения России в 1950–2000 гг. и по прогнозу до 2050 г. при разных доверительных вероятностях, в млн человек
 Источник: [1: 183]

Ранговое место России по численности населения: фактическое в 1950, 2000 гг.
и по среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2002 года в 2050 г.

1950			2000			2050		
Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,2	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,9	2	Китай	1395,2
3	СССР	178,5	3	США	285,0	3	США	408,7
4	США	157,8	4	Индонезия	211,6	4	Пакистан	348,7
	Россия	102,7	5	Бразилия	171,8	5	Индонезия	293,8
			6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангладеш	254,6
						8	Бразилия	233,1
						9	Эфиопия	171,0
						10	Дем.респ. Конго	151,6
						11	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
						13	Филиппины	127,0
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
						17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5

Доля России в мировом населении, в %

2,40%

1,10%

4,10%

Страна стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, на долю собственно России – 4,4%. Даже в 1950 году доля России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР – 7,1% населения планеты.

Сейчас доля России в населении мира не превышает 2,4% мирового населения и быстро падает. По уже упоминавшемуся прогнозу ООН, к 2050 г. она сократится до 1,1%. Еще в 1950 г. Россия в ее нынешних границах занимала по численности населения четвертое место в мире после Китая, Индии и США. В 2003 г. наша страна оказалась на восьмом месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия, Пакистан, а в самое последнее время – Бангладеш), к 2050 г., по оценкам экспертов ООН, она сместится на 18-е место в мире, пропустив вперед себя несколько африканских стран, а также Мексику, Египет, Филиппины, Вьетнам, Японию и Иран (табл. 4).

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши – самая большая в мире, богатая природными ресурсами, но крайне слабо заселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские земли.

Но дело, конечно, не только в сравнении России с другими странами – сокращение численности россиян неблагоприятно и по многим внутренним соображениям.

Даже и сейчас существует очевидное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т.п. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимыми после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России – 27, в США – 29 человек на 1 кв. км), то по сравнению с промышленными странами Западной Европы, не слишком населено даже ее историческое ядро. Одна пятая населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62 человека на 1 кв. км.) почти вдвое ниже, чем в Европейском Союзе (119 человек на 1 кв. км). В азиатской же части России на 75% территории страны проживает всего 22% ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Восто-

ка явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры.

Общая ограниченность российского демографического потенциала сказывается на развитии российских городов. По доле городского населения (73%) Россия находится на средневропейском уровне, не слишком отличается и от таких стран, как США (75%) или Япония (77%). Но ее городское население “размазано” по большому числу поселений, тогда как сеть крупных городов развита слабо. После распада СССР в России осталось 13 из 24 советских городов-миллионеров, столько же их было и по переписи 2002 г., из них только два – к востоку от Урала. Всего два российских города насчитывают свыше 2 миллионов жителей. “Недоразвитость” крупных городов – свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных региональных и межрегиональных столиц. Но здесь есть и обратная связь: “отсос” городского населения к нескольким крупным центрам в условиях ограниченности демографических ресурсов не позволяет сложиться крупным региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов, не благоприятствует и процветанию малых и средних городов.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим, соображениям убыль населения не отвечает интересам России. Чем можно ответить на этот вызов?

Теоретически существует только два возможных ответа: восстановление устойчивого положительного естественного прироста населения или приток населения извне, крупномасштабная иммиграция. Первый ответ предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что, как отмечалось выше, мало реально. Остается иммиграция. Сейчас только она способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения России, да и всех остальных “постпереходных”, промышленных и урбанизированных стран. Но этот ответ на вызов времени несет с собой новые риски и опасности.

ВЫЗОВ ИММИГРАЦИИ

По имеющимся оценкам, для того чтобы хотя бы поддерживать численность населения России на уровне начала XXI века – 146 млн человек, – нужно было бы, начиная с первого года нового столетия, принимать ежегодно в среднем более 700 тыс. чело-

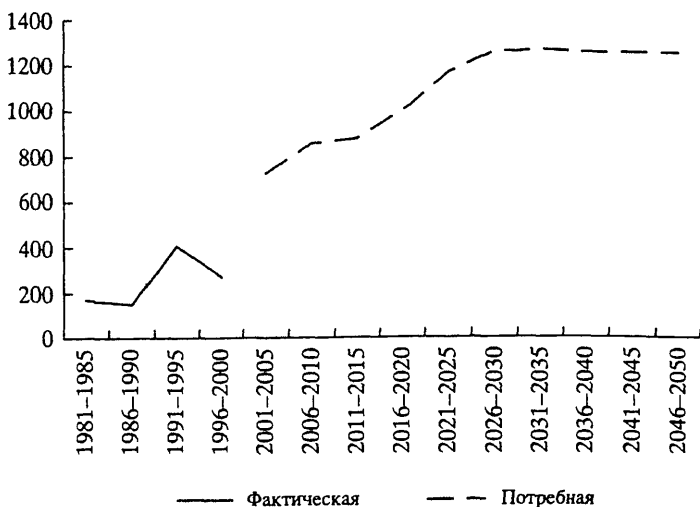

Рис. 10. Чистая миграция – фактическая в 1981–2000 гг. и необходимая в 2001–2050 гг. для поддержания неизменной численности населения, медианные значения серии прогнозов, тыс. человек

век в год (нетто-миграция, т.е. разница между прибывшими и выбывшими) и постепенно наращивать этот объем до 1,2–1,3 млн человек в 2030–2035 гг. (речь, разумеется, идет не о точных цифрах, а о порядке величин) [1: 181].

Пока эти расчетные величины имеют очень мало общего с действительностью.

На протяжении последней четверти XX века миграционный прирост населения России составлял, в среднем, всего 232 тыс. человек в год. Сейчас главные поставщики иммигрантов в Россию – страны СНГ и Балтии, миграционный прирост населения России за счет этих стран за 1990–1999 гг. (4,3 млн человек) был намного большим, чем за 1980–1989 (1,6 млн). Но прирост увеличился не потому, что в Россию въезжало больше мигрантов, а потому что из нее меньше выезжало. Собственно же иммиграция сокращается. Если за 1981–1990 гг. в Россию из бывших союзных республик прибыло 8,9 млн человек, то за 1991–2000 гг. – всего 6,9 млн. Кроме того, Россия теряла население за счет эмиграции в “дальнее зарубежье”, так что общий миграционный прирост ее населения за 1990–1999 гг. составил всего 3,3 млн человек – меньше, чем Германии за то же время (3,8 млн [7: 119]). Даже если сделать поправку на неполноту учета миграции между новыми независимыми государствами в 1990-е годы, едва ли можно оспорить факт сокращения (а не роста, как часто думают) притока мигрантов в Россию.

Так что, приняв стратегию выправления демографического положения России за счет миграции, пришлось бы предпринять немалые усилия по наращиванию притока мигрантов в страну. Однако пока весьма проблематично само принятие такой стратегии, она не находит поддержки в обществе. В стране сложилась своеобразная мифология, преувеличивающая как количество иммигрантов, так и негативные последствия их присутствия. Сейчас настаивать на привлечении в Россию большого числа иммигрантов политически рискованно.

Но и уклониться от использования “иммиграционного ресурса” невозможно, можно лишь, как это не раз бывало с Россией, сильно опоздать с принятием нужных решений.

Закрыть двери перед иммигрантами – значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, потерей места в мировой демографической иерархии, непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения население/территория и т.д.

Опыт многих развитых стран говорит о возможности другого пути.

Так, в Германии отрицательный естественный прирост населения появился намного раньше, чем в России, и остается таковым уже больше 30 лет. Однако население Германии после 1985 г. растет, благодаря притоку иммигрантов, перекрывающему его естественную убыль. В целом по Европейскому Союзу миграционный прирост населения за 1990–1999 гг. достиг 8,7 млн человек, при том что общий прирост населения за этот период составил 12,7 млн [7: 47]. Прогнозируемый на ближайшие 20 лет миграционный прирост превышает 700 тыс. человек в год [7: 129].

Особенно показателен опыт США. Длящееся уже больше 10 лет сокращение населения России приходится рассматривать на фоне небывалого прироста населения США – на 32,7 млн человек за 10 лет между переписями 1990 и 2000 гг. – самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории этой страны. Число ее жителей будет увеличиваться и впредь. Согласно прогнозу ООН, США, которые в 1950 году находились на третьем месте в мире (если не считать СССР), сохраняют свое третье место и в 2050 г., тогда как Россия за те же сто лет передвинется, как уже упоминалось, с 4 на 18 место. Демографическое положение США сейчас намного лучше нашего: рождаемость – выше, смертность – ниже, естественный прирост – положительный. И тем не менее США принимают очень большое количество мигрантов (8,7 млн человек за 1990–1999 гг. – столько же, сколько Европейский Союз, хотя население США составляет менее 60% населения ЕС), а долгосрочный демографический

прогноз США предусматривает, что миграционный прирост их населения за первую половину столетия составит примерно 45 млн человек [6: 9].

Принимать иммигрантов американцы и европейцы вынуждены своими внутренними обстоятельствами – примерно такими же, какие существуют и в России. Однако это – не единственный вид вынужденности, с которым приходится считаться странам-реципиентам, хотя они и привыкли думать, что они контролируют миграционные потоки в своих интересах. Так, по-видимому, думают и российские власти, полагающие, что все ключи находятся в их руках: как они решат, так и будет, спорить можно лишь о том, какое решение оптимально с точки зрения внутренних интересов России.

Эта логика соответствует тому этапу миграционного взаимодействия развитого и развивающегося мира, который уже закончился. На том этапе главный “мотор”, приводивший в движение миграционные потоки, действительно находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели свои собственные движущие силы и, нарастая, все больше отражают ситуацию в странах-поставщиках мигрантов да и в мире в целом. “Золотой миллиард” все больше превращается в мировое меньшинство и все меньше способен противостоять натиску окружающих его миллиардов жителей Третьего мира – еще недавно их было всего 2 млрд, потом стало 3, 4, сейчас уже 5, а будет еще больше.

Когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают нелегальные каналы, что и происходит на наших глазах. По некоторым оценкам, в середине 1990-х годов число нелегальных мигрантов в США приближалось к 5 миллионам, в Европе – к 3 миллионам [5: 12]. О миллионах нелегальных мигрантов говорят и в России. Проблема незаконной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах.

За всем этим стоит демографическое давление перенаселенного Третьего мира на страны “золотого миллиарда”, оно несомненно будет быстро нарастать и контролировать его будет с каждым годом сложнее, ибо перераспределение населения между перенаселенными и депопулирующими странами само по себе есть некий ответ на многие вызовы, порожденные глобальными демографическими изменениями XX века. Но этот ответ, в свою очередь, превращается в новый вызов, и он может стать самым главным вызовом нового столетия.

Сегодняшний миграционный напор может оказаться лишь отдаленным раскатом приближающейся грозы. Демографичес-

кое давление “Юга” на “Север” способно приобрести самые разные формы, при определенных критических обстоятельствах может соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабной перекройке политической карты мира и т.п. На фоне такого рода угроз рутинная экономическая миграция, позволяющая “выпускать пар” из перегретого котла “Юга”, укреплять мосты между развитым и развивающимся миром и не доводить дело до взрыва, выглядит все же менее опасным решением. Но считать его абсолютно безопасным тоже нет оснований.

Демографические массы обоих “миров” несоизмеримы. Потенциальное предложение дешевой рабочей силы из развивающихся стран практически безгранично, тогда как потребности развитых стран все же довольно жестко ограничены. Существуют и другие пределы их миграционной емкости, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются, и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством “местного” и “пришлого” населения.

Все это осознается не сразу, но постепенно промышленные страны, использующие иностранную рабочую силу, начинают ощущать ограниченность своей иммиграционной емкости, в них возникает конкуренция “своих” и “чужих” за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, она становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения, и формируется соответствующая мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту.

Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и, в особенности, с “пропускной способностью” адаптации

онных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации и культурной ассимиляции иммигрантов.

Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положения. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного “Юга”. Не слишком радужны миграционные перспективы России, если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Разумеется, границы миграционной емкости России, как и любой другой страны, нельзя рассматривать как очень жесткие. Миграционная емкость может быть увеличена путем проведения специальной политики, направленной на расширение “узких мест”. Но и такая политика, даже очень активная, может лишь несколько раздвинуть границы миграционной емкости, но не может их устранить.

* * *

К сожалению, наш анализ не располагает к оптимизму. Демографические вызовы, на которые придется отвечать России, чрезвычайно остры. Поиски ответов на них, пока очень вялые, конечно, необходимы, но нельзя не видеть, что жесткие условия внутрироссийских и мировых реальностей не оставляют российскому обществу большого выбора. Нет ничего более опасного, чем плодящиеся, как грибы, в недрах наших министерств чиновничьи “концепции”, обещающие скорое решение неразрешимых проблем. Нужно не сеять иллюзии, а попытаться увидеть суровую правду. Только тогда могут начаться и поиски действительных ответов, может быть, очень не тривиальных, на действительные вызовы. А предлагать простые ответы на головоломные вопросы истории – значит разоружаться перед лицом очень серьезной опасности.

Литература

1. Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека. М., 2002.
2. Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926–1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1930.
3. *Coale A.J., Demeny P.* Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966. Model West.
4. *Easterlin R.* The birth dearth, aging, and the economy // *Sisay Asefa and Wei-Chiao Huang (eds.). Human Capital and Economic Development.* Kalamazoo, Michigan, W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994.
5. *Skeldon R.* Myths and Realities of Chinese Irregular Migration // *IOM Migration Research Series.* 2000. N 1.
6. Statistical Abstract of the United States 2001. Washington 2001.
7. Statistiques sociales européennes. Démographie. Eurostat, 2002.
8. World Population Prospects: The 2002 Revision. Highlights. ESA/P/WP 180. UN, NY, 2003. Annex tables. Table 2.

АЛЬТЕРНАТИВЫ МИГРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ¹

ПРИЗРАК ИММИГРАЦИИ

По Европе, Америке, а также и по России бродит очередной призрак: на сей раз призрак нелегальной иммиграции. Усилить борьбу с этим “злом” требуют многие – от Вашингтона до Москвы. В их голосах звучит ностальгия по старым добрым временам, когда границы были на замке и можно было не церемониться с назойливыми чужеземцами. Но слышна и растерянность, порожденная неясным осознанием того, что возврат к тем временам едва ли возможен.

“В 1953 году начисто лишенный какой бы то ни было сентиментальности старый солдат по имени Айк (Дуайт Эйзенхауэр. – *Ред.*) приказал провести операцию “Мокрая спина” по выдворению из Штатов всех нелегальных эмигрантов. Может ли хоть кто-нибудь представить себе мистера Буша, приказывающего выдворить из Соединенных Штатов пять или десять миллионов нелегалов?” – с горечью вопрошает Патрик Бьюкенен [2: 172]. Известный американский политик перечисляет серьезные угрозы, проистекающие от неумеренно либерального отношения к нелегальным мигрантам, и под этим перечнем подписались бы и лидер французского Национального фронта, и многие российские губернаторы и милицейские начальники, а с некоторыми оговорками – и автор этих строк.

Понимать, чем чревата незаконная миграция, безусловно, необходимо. Но проблема нелегальной миграции имеет и другие аспекты. Не окажется ли этот социальный феномен и связанные с ним риски лишь видимой частью айсберга, столкновение с которым грозит разрушить непотопляемый на вид европейско-американско-российский корабль современной городской цивилиза-

¹ Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 28–46.

ции? Что находится там, в подводной части надвигающейся на нас ледяной горы? И не мешает ли нагнетание страстей вокруг незаконной миграции увидеть реальные опасности завтрашнего дня и заблаговременно к ним подготовиться?

В самом деле, что такое массовая нелегальная иммиграция, как не тень, отбрасываемая массовой иммиграцией вообще, ее неизбежный спутник в условиях, когда принимающие страны пытаются регулировать число мигрантов, а предложение превышает спрос? Поток желающих въехать в страну рассекается на две части: на тех, кому это дозволено, и тех, кому запрещено. Напор со стороны оставшихся за бортом и становится источником нелегальной миграции. Так что в основе данного явления лежит настороженное отношение к иммиграции вообще, причем нелегальная иммиграция – это лишь свидетельство того, что миграционные потоки не удается поставить под жесткий контроль.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ДЛЯ “СЕВЕРНОГО КОЛЬЦА”

Россия была одной из первых стран в мире, где во второй половине минувшего века установилось такое соотношение рождаемости и смертности, которое делало невозможным простое воспроизводство поколений. Это произошло в 1964 г.; в 1992 естественный прирост населения России сменился его естественной убылью. А так как естественный прирост населения страны являлся основным источником его общего роста, то сразу же началось и его сокращение.

Речь идет не о временном кризисе, по завершении которого все встанет на свои места и Россия вернется к расширенному воспроизводству населения, а об устойчивых переменах в массовом демографическом поведении. Они охватили население практически всех государств Европы, США, Канады, Японии. Вместе с Россией эти государства образуют так называемое “северное кольцо”, а из стран, расположенных к югу от экватора, к ним относятся только Австралия и Новая Зеландия.

При сохранении нынешних демографических тенденций никакой серьезной перспективы роста численности населения в странах “северного кольца” нет. Даже при самом оптимистическом варианте оно может лишь незначительно увеличиться за счет Северной Америки. Население же России, так же как и всей Европы, обречено на сокращение (табл. 1).

Долгосрочный – до 2100 г. – прогноз состояния численности населения России, впервые составленный недавно российскими

Население развитых стран

	1950	2000	Варианты прогноза ООН на 2050 г.		
			Низкий	Средний	Высокий
Все развитые страны	813	1194	1084	1220	1370
В том числе:					
Европа	547	728	565	632	705
Европа без России	444	582	473	531	593
Россия	103	146	92	101	112
Северная Америка	172	316	391	448	512
Япония	84	127	101	110	119

Источник: [13].

демографами, подтвердил, что без крупномасштабных миграционных вливаний ее население будет быстро сокращаться [7: 173–195]. Экстраполяционный, т.е. в основном предполагающий сохранение современных тенденций миграции, вариант прогноза предсказывает, что число жителей России в 2050 г. с высокой вероятностью будет ниже 100 млн, в 2100 – ниже 70 млн человек. В прогнозе рассматриваются, конечно, и различные сценарии изменений рождаемости и смертности, но даже самые благоприятные из них не позволяют надеяться на перелом обстановки.

Особая ситуация с Северной Америкой вынуждает внимательнее присмотреться к опыту Соединенных Штатов. Эволюция и перспективы демографического развития в России и США заметно различаются. В 1950 г. оба государства были крупнейшими по численности населения после Китая и Индии. СССР занимал третью позицию, Соединенные Штаты – четвертую, но даже если брать только Россию в ее нынешних границах, то, уступая США третье место, она занимала четвертое. Согласно прогнозам, к 2050 г. Россия будет замыкать второй десяток стран, а США сохранят свое третье место. Секрет состоит в готовности этой страны принимать огромное количество иммигрантов. С демографической точки зрения Соединенные Штаты представляют собой тот альтернативный путь, в котором нуждается и Россия.

В самом деле, замедлить или прекратить сокращение населения России может только реализация стратегии активного привлечения иммигрантов. Предполагающий такую стратегию стабилизационный вариант прогноза говорит о том, что для стабилизации численности населения России на уровне начала XXI века необходимо уже сейчас обеспечить, наращивая примерно до середины века, очень высокие объемы нетто-миграции в Россию.

При такой стратегии среднегодовое число оседающих в стране иммигрантов должно после 2025 г. заметно превышать 1 млн человек, вследствие чего будет быстро меняться состав населения России, в том числе, разумеется, и этнический. К середине XXI века мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности составят свыше трети населения нашей страны, во второй половине столетия могут превысить его половину, а к концу века потомки сегодняшних россиян окажутся уже в явном меньшинстве. И снова речь идет отнюдь не о специфически российской ситуации: в сходном положении находятся и многие другие страны “северного кольца”. Согласно расчетам экспертов ООН, произведенным несколько лет назад, поддержание с помощью миграции неизменной численности населения таких стран, как Германия или Италия, также означало бы, что к середине столетия доля мигрантов и их потомков в населении этих стран приблизилась бы к 30% [12]. Как и в России, впоследствии она, конечно, продолжала бы возрастать.

Подобные прогнозы, казалось бы, укрепляют позицию противников иммиграции, не без оснований твердящих об угрозе потери российской, европейской, американской, японской идентичности. Их аргументация поначалу производит впечатление, но вскоре становится ясно, что она строится на акцентировании, а часто и преувеличении отрицательных последствий приема большого количества мигрантов. Между тем, не менее важно учитывать и его положительные последствия – демографические, экономические и иные. Бесспорно, быстрое нарастание доли пришлого компонента несет с собой немалые опасности, но связанные с ним выгоды ложатся на другую чашу весов, которая может оказаться тяжелее.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОЗЫРИ ИММИГРАЦИИ

Каким образом альтернативные миграционные стратегии могут сказаться на экономике России?

Убыль населения страны по экстраполяционному варианту будет к тому же сопровождаться сокращением числа потенциальных работников – прежде всего людей в трудоспособном возрасте (по современным российским критериям – мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет). Число таких людей (далее – трудоспособного населения) на протяжении последних пяти десятилетий, несмотря на некоторые колебания, в целом все время росло. Этот рост продолжается еще и сейчас, но он сохранится недолго. Экстраполяционный прогноз предсказывает, что уже с 2006–2007 гг. начнется быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. К 2050-му их может оказать-

ся на 45% меньше, чем было в 2000 г., а к 2100 останется около 35% от исходного числа в начале века.

Если бы удалось реализовать стабилизационный вариант, положение было бы иным. Сокращение числа трудоспособных неизбежно и при таком варианте (это связано с меняющимся возрастным составом населения), но оно оказалось бы намного менее значительным и продолжалось бы, скорее всего, только до середины века. К этому времени число трудоспособных сократилось бы менее чем на 15% от уровня 2000 года, после чего наступила бы стабилизация.

Дело, однако, не только, а, возможно, даже и не столько в количестве трудовых ресурсов, сколько в их структуре. Сокращению числа работников могут быть до известного предела противопоставлены повышение их качества, лучшая профессиональная подготовка, рост производительности труда и т.д. Но есть структурные ограничения, которые сохраняются даже при самом благоприятном изменении качественных характеристик.

Чтобы смягчить проблему старения экономически активной части населения, требуется дополнительный приток молодежи, а создать его в условиях низкой рождаемости может только иммиграция. Но, что еще более важно, миграция может являться фактором формирования социальной пирамиды.

Богатеющие общества с более высоким уровнем образования и квалификации и быстро растущим средним классом неизбежно нуждаются в пополнении “низа” социальной пирамиды за счет притока менее квалифицированных и менее притязательных работников извне. Такой подход всегда применялся во всем мире при комплектовании трудовых ресурсов современных городов, особенно крупных. Их население первым перешло к низкой рождаемости и перестало воспроизводить себя. Но оно постоянно пополнялось сельскими жителями, согласными на жизнь в условиях, уже неприемлемых для горожан во втором и третьем поколениях. И именно такого рода крупные городские центры, быстро растущие за счет пришлого населения, становились главными локомотивами экономического развития и роста национального богатства. Что касается СССР, то долгие годы деревня была его внутренней колонией, жестокая эксплуатация которой позволила провести ускоренную модернизацию советского общества. А одним из главных механизмов такой эксплуатации была постоянная перекачка из деревни в город дешевой и нетребовательной рабочей силы.

Настало, однако, время, когда внутренние источники притока подобных трудовых ресурсов в современные секторы экономики во многих странах, в том числе и в России, оказались исчерпан-

ными и им понадобились новые, внешние источники. Так образовались экономические и социальные ниши, которые больше не хотят заполнять западные европейцы, а у нас – россияне, но которые с удовольствием заполняют не столь притязательные выходцы из бедных стран. Более того, поначалу они готовы закрепиться в городе даже на самых невыгодных для себя условиях, что открывает огромные возможности повышения “нормы эксплуатации” и быстрого обогащения эксплуататоров, новой формы “первоначального накопления капитала”, очень важного для такой сравнительно бедной страны, как Россия (а таковыми сразу после Второй мировой войны были и европейские страны). По сути, иммиграция из менее развитых в более развитые страны представляет собой еще одно проявление “неоколониализма” со стороны последних. Как всякий колониализм, он много дает обеим сторонам, между которыми, однако, нет равенства. Как и любой колониализм, он лицемерен: наживаясь на дешевом труде приезжих, он одновременно обвиняет их в том, что они-де грабят Россию (Францию, Германию и пр.), пользуясь социальными льготами или отсылая на родину часть заработанных денег.

Иммиграция выгодна для стран-реципиентов, так как является одним из необходимых условий эффективного использования их относительно высокого человеческого потенциала. Нелегальная же иммиграция выгодна вдвойне – по той простой причине, что именно бесправный нелегал особенно удобен для неограниченной эксплуатации. Выгоды от иммиграции ощущает каждый, кто сталкивается с иммигрантом как работодателем, арендодателем, потребителем услуг, даже “правоохранителем” и т.п. Подогреваемая же некоторыми политиками и ведущаяся чиновниками борьба с иммиграцией, в том числе и нелегальной, не просто оказывается неэффективной, ибо направлена против очевидных экономических интересов собственного населения или, по крайней мере, какой-то его влиятельной части².

² Вот одна из иллюстраций такой неэффективности. В США “санкции против работодателей” оказались не очень эффективными, а американские политики по-прежнему занимают неоднозначную позицию в этом вопросе. Так, правительству США было известно, что до 80% работников, убравших урожай лука в штате Джорджия, являлись нелегальными мигрантами. Служба иммиграции и натурализации (СИН) выталась выполнить свой долг, однако этому воспрепятствовали законодательные органы штата, заставившие СИН отступить... Работодатели в сельском хозяйстве, строительстве и низкооплачиваемом секторе услуг по-прежнему утверждают, что у них должна быть возможность нанимать на работу иностранцев, даже если они находятся на нелегальном положении” [6: 203]. Есть ли основания думать, что борьба с нелегальной иммиграцией в России будет более успешной, чем в Америке?

Нередко такая борьба приобретает характер замаскированного инструмента усиленной эксплуатации пришлого населения, иной раз даже под лозунгами защиты его прав.

Если российский бизнес выигрывает от притока иммигрантов, то российский наемный работник может от этого и проиграть, так как предложение дешевого труда иммигрантов создает давление на рынок труда и способно ухудшить условия найма для работников и даже породить безработицу. Однако если оставить в стороне проблему абсолютного “избытка людей”, явно надуманную в стране, которая находится в состоянии депопуляции, то все опять-таки сводится не к связке “мигранты – коренные жители”, а к отношению труда и капитала. Политика маргинализации мигрантов, формально направленная на защиту национального рынка труда, по сути, усиливает позиции капитала. Она расширяет его возможности как эксплуатировать мигрантов, так и диктовать свои условия на рынке труда вообще. Отсюда, видимо, и “странное сближение позиций выступающих против иммиграции и отличающихся ксенофобией правых партий с позициями склоняющихся влево профсоюзов, обеспокоенных наличием дешевой нелегальной иностранной рабочей силы” [4: 22].

ЭТНИЧЕСКАЯ БОМБА?

Одна из основных тревог, которые российское общество испытывает в связи с иммиграцией, касается потенциального изменения этнического состава населения страны. В самом деле, сейчас примерно 80% жителей России – русские, но, как отмечалось, если к концу века реализуется “стабилизационный” вариант демографического развития, то большую часть ее населения будут составлять мигранты и их потомки. К каким бы этническим группам ни относились мигранты, этнические русские в России станут меньшинством.

Нежелательность изменения этнического состава населения очень часто выступает в качестве одного из главных аргументов в пользу рестриктивной иммиграционной политики России. Этот довод, как ни парадоксально, кажется многим убедительным даже сейчас, когда его логика входит в явное противоречие с реальными процессами. До сих пор подавляющее большинство иммигрантов прибывали в Россию из постсоветских стран и были этнически русскими. Русские обеспечили весь прирост населения России в 1992 г., затем их доля в нетто-

миграции снижалась, не опускаясь, однако, ниже 60%. Еще около 10% приходится на иные российские этнические группы – татар и др. [8: 57]. Таким образом, нынешние антииммигрантские настроения, нередко националистически окрашенные, сформировались в условиях, когда реальная иммиграция способствовала не размыванию, а как раз укреплению моноэтничности России.

Но верно и то, что если Россия пойдет по пути реализации “стабилизационной” миграционной стратегии, то обществу придется принимать и интегрировать значительные потоки мигрантов, весьма далеких от русских в языковом, культурном и религиозном отношении. По некоторым оценкам [8: 58–59], Россия в обозримом будущем может рассчитывать на привлечение примерно 3–3,5 млн этнических русских, еще примерно 0,5 млн представителей других коренных российских этносов, а также 3–4 млн представителей “титulyных” народов бывших союзных республик, хотя и относящихся к другой культурной традиции, но, как правило, владеющих русским языком и тесно связанных с Россией историей последних двух столетий. “Переварить” такие потоки России было бы относительно несложно. Это тот самый ресурс, на эффективное использование которого должна быть направлена любая разумная стратегия (правда, из-за невнятной российской миграционной политики уже сейчас происходит частичная переориентация на другие страны миграционных потоков из государств СНГ; в стратегической перспективе это чистая потеря для России). Но если приведенные оценки верны, то речь идет всего о 7–8 млн человек, тогда как на ближайшие 25 лет требуется вдвое больше.

Таким образом, России не избежать серьезных изменений этнического состава населения. Почему эта перспектива так тревожит общественное мнение? Ответить на этот вопрос отнюдь не просто, учитывая, что на протяжении столетий Россия по своей воле все время расширяла этническое разнообразие своего населения и это никогда не считалось бедой для государства. Прежде такого рода расширение оправдывалось территориальной экспансией России. Но сейчас подобная экспансия потеряла всякий смысл, акценты сместились: России, как и многим другим странам, недостает не территорий, а людей. Современный Иван Калита должен решать сегодняшние проблемы; собирание людей на самой большой в мире государственной территории было бы не менее мудрым государственным шагом, чем собирание земель более шести столетий назад.

Однако не станем упрощать проблему: различия в языке, в культурных, религиозных, бытовых традициях нередко служат

источником взаимного непонимания, усложняют взаимодействие между людьми. Но, помимо этого, активная миграция из развивающихся стран означает то, что основная масса “чужих” сосредоточивается в нижней части социальной пирамиды. Пожалуй, это и составляет главную трудность, причем возрастающую по мере увеличения масштабов и темпов миграции.

Хотя, прибывая в страну, иммигранты и готовы согласиться на любые условия, но по прошествии некоторого времени они начинают ощущать себя представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности. Эта ситуация блокирует или сильно замедляет ход их интеграции в принимающее общество, создает стимулы к внутреннему сплочению на основе консервируемых “этнических”, традиционалистских ценностей, питает протестные, в том числе и экстремистские, идеологии, “этническую” преступность и т.п. Таким образом, массовая иммиграция и в самом деле способна превратиться в серьезный дестабилизирующий фактор, поскольку речь идет не о вымышленной, а о реальной опасности.

Даже в США, стране иммигрантов, гордо назвавшей себя “плавильным котлом”, все громче звучат голоса в пользу ограничения иммиграции. “Иммиграция – острейшая проблема, требующая немедленного решения, ибо ставится вопрос о том, а кто мы, американцы, собственно, такие?” [2: 187]. “Постоянный приток испаноговорящих иммигрантов угрожает разделить Соединенные Штаты на два народа, две культуры, два языка. В отличие от прошлых иммигрантских групп, мексиканцы и другие латиноамериканцы не ассимилировались в господствующую американскую культуру, формируя вместо этого свои собственные политические и лингвистические анклавы... и отвергая англо-протестантские ценности, которые создали американскую мечту” [10]. “Подобно Миссисипи, неторопливой, долгой и дарующей жизнь, иммиграция во многом обогатила Америку, о чем не позволит забыть наша история. Но когда Миссисипи выходит из берегов, опустошение остается чудовищное...” [2: 187].

Та же озабоченность слышна и в Европе. Выступая в прямом эфире радиостанции “Эхо Москвы”, Жан-Мари Ле Пен заметил: “Целые города Франции находятся в ситуации, когда они охвачены массовой волной иммиграции... Если мы не сделаем все возможное, чтобы решать свои внутренние проблемы внутри своих границ и если мы уничтожим эти границы, мы будем потоплены этим потоком”. И о том же говорит собеседник Ле Пена, вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин, упоминая о “незаконных иммигрантах”, которые “не тысячами, а миллионами готовы переселиться на нашу территорию из Китая или других стран”: “У нас

144 миллиона жителей в России: если к нам приедут 300 миллионов иммигрантов из Китая, то возникнет вопрос: какой язык будет государственным?” [9]

В самом деле, если в России окажется 300 миллионов китайцев, то возникнут вопросы и посерьезнее, но откуда взялась эта цифра? Согласно упоминавшемуся стабилизационному прогнозу, даже при очень высоком уровне иммиграции в Россию, необходимом для сохранения неизменной численности ее населения, нужно, чтобы в течение столетия в стране осело примерно 100 млн иммигрантов. Это, конечно, тоже немало, но все же не 300 миллионов, и к тому же совсем не обязательно, чтобы все иммигранты были китайцами. Стоит ли нагнетать страсти вместо того, чтобы трезво оценить реальные масштабы проблемы? Паника – не лучший способ поведения в трудные минуты.

СПОСОБ ВЫПУСТИТЬ ПАР

Совокупное население стран “северного кольца” – порядка 1,2 млрд человек – составляет пресловутый “золотой миллиард”. Сегодня это примерно 20% населения планеты. Они занимают около 40% мировой суши, а приходящаяся на них доля мирового богатства еще больше. Им – или, если угодно, нам – есть что терять, так что озабоченность в связи с нарастающим притоком пришельцев с Юга понять нетрудно. Но важно попытаться осмыслить проблему во всей ее сложности.

Все сторонники жесткого ограничения притока мигрантов, идет ли речь об американце Бьюкенене, французе Ле Пене, австрийце Хайдере или их российских единомышленниках, которым несть числа, убеждены, что ключ к решению вопроса находится в руках стран, принимающих мигрантов. Стоит только убедить их граждан в реальности миграционной опасности, принять жесткое миграционное законодательство, позволяющее регламентировать количество и качество допускаемых иммигрантов, отрасли экономики и регионы страны, в которые тех следует или не следует допускать, – и опасность миграционного потока, а заодно и передела мирового богатства будет ликвидирована.

Подобные рассуждения учитывают интересы только одной стороны мирового миграционного взаимодействия – стран-реципиентов. Но ведь у этого взаимодействия есть и другая сторона: население стран – миграционных доноров. В начале XX века в них проживало не более 1 млрд человек, но уже сейчас число их жителей приближается к 5 млрд. Через 50 лет, даже при реализации наиболее благоприятных, хотя и не самых вероятных вариан-

тов мирового демографического прогноза, оно может составить 7–8 млрд, скорее, оно будет даже большим. Наивно думать, что все эти люди будут равнодушно и пассивно взирать на антимиграционную стену, возводимую странами “золотого миллиарда”. На Юге стремительно увеличивается число тех, кого Север привлекает как огромное поле потенциальных возможностей, подобно тому как некогда их собственные края манили европейских мореплавателей и конкистадоров. Как сказал в одном из интервью генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, уже сейчас “многие люди во всем мире воспринимают Европу как континент неограниченных возможностей. Они хотят сюда попасть, чтобы начать новую жизнь. При этом они следуют примеру миллионов бедных, но активных европейцев, которые когда-то отправлялись в Новый Свет, потому что видели в этом свой шанс” [1].

Миграция в богатые страны, даже если она влечет за собой выполнение менее престижного и хуже оплачиваемого по меркам этих стран труда, позволяет мигрантам из бедных государств почти сразу же достичь более высокого, чем у себя на родине, уровня жизни, дать образование детям, приобщиться ко многим благам современной цивилизации и т.п. Она служит пусть и относительно скромным, но все же не совсем ничтожным механизмом перераспределения финансовых ресурсов между богатым Севером и бедным Югом. По оценке Всемирного банка, еще в конце 1980-х мигранты ежегодно передавали на родину часть своих доходов, составившую 65 млрд долларов – сумму, уступавшую только совокупным доходам от продажи сырой нефти [11: 143].

А в 2002 г., как заявил в упомянутом интервью Аннан, “мигранты перевели в развивающиеся страны более 88 млрд долларов – на 54% больше, чем те 57 млрд долларов, которые развитые государства выделяют в качестве помощи развивающимся странам”. Все это делает миграцию весьма привлекательной для новых и новых миллионов выходцев из стран Юга, и миграционное давление на “северное кольцо” растет.

Таким образом, современные международные миграции – это отнюдь не только механизм демографической и экономической “подпитки” депопулирующих стран “северного кольца”, дозированной в соответствии с их потребностями. Может быть, что еще более важно, это один из факторов, который хоть как-то противостоит стремительному нарастанию демографического и экономического дисбаланса между Севером и Югом, позволяя понемногу выпускать пар из перегретого мирового котла. Так надо ли противодействовать растущему миграционному напору на развитые страны и возводить на его пути плотину, которая может и не устоять? Не будет ли более дальновидным задуматься над усовер-

шенствованием миграционного клапана, увеличением его “пропускной способности” и рассматривать расширение миграционной емкости стран “северного кольца”, а значит, и России, как самостоятельную задачу, выдвинутую историей и вытекающую не из одних лишь внутренних потребностей этих стран, а из всей глобальной ситуации?

НАДО ЛИ ИДТИ НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТИ?

Если опасности, связанные с массовой иммиграцией, дают о себе знать уже сейчас, при нынешних ее объемах, то не возрастут ли они многократно, если привлечение крупномасштабных миграционных потоков станет одной из самостоятельных стратегических целей? Такое развитие событий весьма вероятно, и это не может не требовать принятия уже сегодня стратегических решений. Как всегда, столкнувшись с серьезной угрозой, общество оказывается перед трудным выбором.

Можно понять крепнущее коллективное желание решить миграционные проблемы, опираясь на стратегию глухой обороны, максимально ограничить приток мигрантов в Россию: мол, не будет мигрантов, не будет и проблем.

Ну а если жизнь все-таки возьмет свое и плотина будет прорвана? Ведь нарастающее миграционное давление Юга на Север не случайно. Речь идет о процессах, которые по своей глубинной обусловленности сродни движению геологических пластов. На фоне сложнейшей глобальной социальной реальности возведение очередного “железного занавеса” вокруг одной страны или даже вдоль границы всего “северного кольца” выглядит средством слишком простым и маломощным, чтобы быть эффективным.

Не надежнее ли отказаться от попыток переиграть объективные процессы, перестать тешить себя иллюзиями собственной силы, которая позволит отсидеться за надежной стеной, и вместо этого выйти навстречу реальной опасности, с тем чтобы упредить нежелательное развитие событий? Все-таки главная глобальная драма современности разыгрывается не столько в физическом, сколько в экономическом, социальном, культурном пространстве нашего многомерного мира. Там вызревают и главные угрозы, против которых бессильны пограничные заставы и контрольно-пропускные пункты. Туда и надо выдвигать главные силы.

А если это так, то не следует ли сменить всю “миграционную философию” и озаботиться не столько ограничением миграции,

сколько ослаблением ее отрицательных последствий? Задуматься над тем, как обезвредить “этническую бомбу”, а неиспользованную взрывную энергию направить на созидательные цели?

Патрик Бьюкенен, обеспокоенный мексиканской экспансией в США, объясняет свою тревогу тем, что “у мексиканцев не только иная культура – в массе своей они принадлежат к другой расе, а история и житейский опыт подсказывают, что людям разных рас сложнее ассимилироваться, нежели “родичам по расе””. Утверждения такого рода слышны и в Европе, и в России.

Спору нет, этнические перегородки затрудняют взаимопонимание между людьми. Но разве не возникают подобные же трудности при взаимодействии коренных столичных жителей и выходцев из сельской глубинки, образованных и неграмотных, богатых и бедных, даже если они выросли из одного этнического корня?

Можно ли устранить все эти перегородки и барьеры? Пусть и не сразу, и не без труда, и не за одно поколение, но сельское население может стать городским, неграмотное – высокообразованным, бедное – зажиточным. Это вроде бы не вызывает сомнения. А вот в отношении этнических перегородок такого единого мнения нет. Более того, с легкой руки кремлевских идеологов советского времени этим перегородкам у нас всегда придавалось особенно большое значение. Замысловатые игры с “национальным строительством”, реализация принципов этнотерриториального районирования, фиксация в советском паспорте национальности наряду с такими идентификационными параметрами, как дата и место рождения, обязательное указание этой характеристики во всех анкетах и личных делах, проведение опирающейся на нее кадровой политики и т.п. – все это придавало этнической принадлежности статус чего-то неизменного и чрезвычайно важного.

Кто станет отрицать значимость для человека исторической памяти своего народа, усвоенного с детства языка, родной культуры, религиозной традиции предков – всего того, из чего складывается его “этническая принадлежность”? Это очень важные ценности, но они не более чем часть общей системы ценностей, в которой не обязательно занимают самое главное место. И уж во всяком случае это место не остается неизменным на протяжении веков. Одно дело – жизнь в замкнутой горной долине или в глухой таежной деревне, другое – в Москве или Нью-Йорке. Хотим мы этого или нет, современная действительность выставляет свои требования и отодвигает многие локальные ценности, еще недавно казавшиеся основными, на второй план. И приходится смириться с тем, что, к примеру, люди, приехавшие в США из

трехтысячелетнего Китая, могут оставаться китайцами, сохранять китайский язык и китайские обычаи: ведь все равно самое существенное для них – принадлежность к американской нации, знание английского языка и умение ориентироваться в местной экономической и социальной среде. Именно так довольно долго работал американский “плавильный котел”, хотя в последнее время он, кажется, стал давать сбои. Во всяком случае, все громче звучат жалобы на то, что “идентичности, основанные на “крови и вере”” бросают вызов “национальной идентичности Соединенных Штатов, так же как и других государств-наций” и что этот вызов не встречает должного ответа, в частности, из-за “распространения среди политиков и интеллектуалов доктрин мультикультурализма и разнообразия” [10].

Нечто подобное происходило и в СССР – в той мере, в какой страна развивалась конвергентно с другими промышленными и городскими обществами. Но Советское государство, которое, неизменно обращаясь к лозунгам интернационализма, столь же неизменно дискредитировало их в своей практической “национальной политике”, так и не позволило по-настоящему разгореться огню под своим “плавильным котлом”.

Иоганн Готфрид Гердер, предтеча современного этнонационализма, утверждал, что “самое естественное государство – такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером. Этот характер сохраняется тысячелетиями” [3: 250]. Правоверный советский гражданин был вполне готов к тому, чтобы подписаться под этим утверждением: советское “национальное по форме и социалистическое по содержанию” воспитание способствовало развитию этнического самосознания в ущерб самосознанию общегражданскому, оттесненному на второй план. Само понятие гражданской (а не этнической) нации никогда не воспринималось у нас массовым сознанием. За все это СССР расплатился исчезновением с географической карты, но его бывшие граждане, в том числе и россияне, унаследовали советскую иерархию ценностей и вошли с ней в постсоветскую эру.

Если она сохранится, приток в Россию большого количества мигрантов будет попросту невозможен: каждый пришелец с непривычным разрезом глаз или цветом кожи будет восприниматься, как чужой, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде конфликтных ситуаций. Российский “плавильный котел” не может быть запущен “без магистрального доктринального поворота от этнического к гражданскому пониманию нации и национального, от сплочения на основе общего прошлого к сплочению на основе общего будущего. Без такого поворота страна увязнет в бесконечных этнических конфликтах и при нынешнем высо-

ком уровне моноэтничности и уж конечно окажется неспособной к приему миллионов иноэтничных иммигрантов” [8: 95].

Но даже если такой поворот произойдет, это не означает автоматического бесконфликтного решения всех проблем, связанных с интеграцией иммигрантов в российский социум. Главные проблемы лежат все же в социальной сфере, а она, как мы видели, весьма противоречива. Если опасность потери контроля над миграционными и интеграционными процессами существует даже в США, то тем более она актуальна для России, не имеющей американского опыта конструирования нации из иммигрантов. Так что для нас выработка и реализация дальновидной миграционной стратегии особенно важны.

Общество должно будет выстроить сложную и, скорее всего, дорогостоящую систему “сопровождения” вновь прибывающих, их обучения, вовлечения в российский культурный универсум и т.п. Было бы большой ошибкой, если бы мы взяли на вооружение популистские рекомендации Ле Пена, например такую: “Главное, чтобы люди, приезжая во Францию, знали, что ничего не будет для них бесплатно – ни школа, ни медицинское обслуживание, никакие социальные льготы, поскольку в первую очередь люди, которые создавали национальное наследие, должны пользоваться этими льготами”. Возможно, Ле Пен забыл, что еще недавно Франция являлась второй по значению колониальной империей в мире и в создании французского национального наследия участвовали также жители весьма отдаленных от Франции стран. Так что мигранты из Алжира, Вьетнама или “Французской Экваториальной Африки” – термин, существовавший до 1958 г., – могут посчитать, что тоже имеют права на некоторые социальные льготы на родине Ле Пена.

Но даже если бы Ле Пен и был прав, его подход весьма близорук. “Переработка” как можно большего числа прибывающих мигрантов, их “натурализация”, превращение их самих и, уж во всяком случае, их детей в полноценных, лояльных граждан, разделяющих социокультурные традиции принимающих государств, отвечает глубинным интересам экономически развитых стран да и всего мирового сообщества. И за это надо платить.

Ничего нового в такой стратегии нет. Ее давно уже реализуют все принимающие иммигрантов страны. Да и у России еще с екатерининских, а может быть, даже и с петровских времен есть немалый опыт приема в стране и немцев, и сербов, и болгар, и армян, и греков, которые вливались в российский “многонациональный народ”, по выражению одних авторов, или в “многонациональную нацию”, как писали другие. Даже такой откровенный сторонник “России для русских”, каким был царский генерал, од-

но время военный министр Алексей Куропаткин, утверждал, что “иностранцы, которые сознательно выберут своим языком русский язык, свою родину – Россию, свою службу и деятельностью только усилят русское племя” [5: 243].

* * *

Существует много факторов, подталкивающих Россию к скорейшей разработке и реализации активной иммиграционной стратегии. Главный из них – сокращение населения страны. Ведь численность населения у нас непрерывно падает, а при этом уменьшается и число инокультурных иммигрантов, которых страна способна “переварить” и интегрировать. Немаловажно и то, что в силу сокращения численности детей и молодежи российская система образования располагает сейчас резервами, которые как раз и могли бы быть использованы для “перековки” мигрантов в полноценных россиян, предоставления им среднего специального и высшего образования, профессиональной подготовки в сферах промышленности, строительства и обслуживания, обучения и воспитания их детей в русских школах, дошкольных и внешкольных учреждениях, создания широкой сети курсов русского языка для иностранцев и пр. Но эти резервы при отсутствии спроса на них могут очень быстро испариться.

Нельзя давать укрепляться антииммиграционным настроениям, и без того уже достаточно сильным в России. И политическая элита, и “простые люди” должны осознать, что мир переживает небывалые перемены и так, как было раньше, уже не будет. Иммиграция при всех ее угрозах и опасностях дает России шанс на выживание и даже на своеобразную мирную экспансию. Стратегия антииммиграционного изоляционизма и глухой обороны – это путь в никуда.

Литература

1. Аннин К. Интервью газете “Tageszeitung”. 2004. 29 янв.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
4. Коданьоне К. Миграционная политика как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М., 2002.
5. Куропаткин А. Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 3. СПб., 1910.
6. Лэнснес К., Ньюланд К. Цели и методы иммиграционной политики США // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М., 2002.

7. Население России. 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2004.
8. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. М., 2004.
9. Радиостанция "Эхо Москвы". 2003. 24 февр.
10. *Huntington S.* The Hispanic Challenge // *Foreign Policy*. 2004. March–April.
11. *Kane H.* Leaving home. *State of the World 1995*. N.Y., 1995.
12. Replacement Migration: Is a Solution to Declining and Ageing Populations? UN, N.Y., 2000. ESA/P/WP.160.
13. World Population Prospects: The 2002 Revision. Highlights. ESA/P/WP 180. UN, N.Y., 2003. Annex tables. Table 2.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ¹

Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ.

С. Киров

XX век в истории России – как в узком смысле, в границах нынешней Российской Федерации, так и в широком – в границах Российской империи или СССР, – стал веком небывалых политических репрессий, достигших таких масштабов, что они превратились в самостоятельный фактор демографической динамики. Это особенно относится к первым десятилетиям советского периода отечественной истории.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Уже первые годы советской истории были отмечены кровавыми вспышками красного и белого террора, число жертв которого очень трудно оценить. Репрессивные акты очередной власти часто переплетались с военными действиями, были как бы их продолжением. Смертная казнь как форма репрессии против гражданского населения, скажем, сразу после захвата города красными или белыми войсками, нередко рассматривалась как нечто вроде продолжения боя, когда убийство противника не требует никакого юридического оформления, вынесения приговора и т.п. Поэтому значительная часть расстрелов, повешений, убийств в ходе погромов, уничтожения заложников, совершавшихся войсками обеих сторон, скорее всего, не попала ни в какую статистику и осталась неучтенной.

Смертная казнь, отмененная после Февральской революции, частично восстановленная Керенским для фронтовой полосы и снова отмененная II съездом Советов 26 октября (8 ноября)

¹ Раздел коллективной монографии: Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2005.

1917 г., уже через несколько месяцев – в июне 1918 г. – опять была восстановлена специальным постановлением Нарокмюста РСФСР, хотя в ограниченных масштабах она применялась и до этого, несмотря на отмену. А в постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. “О красном терроре” уже прямо говорилось, что “подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам” [8: 15].

Новые правила заработали очень быстро, расстрел как “высшая мера социальной защиты”, во время гражданской войны был банализирован. Смертная казнь за малейшее несогласие с властью считалась достаточно заурядным делом. Практика применения смертной казни в годы революции и гражданской войны, несомненно, была намного шире, чем об этом говорят любые официальные архивы. Часто расстреливали вообще без всякого суда и следствия. Расстрел очень быстро превратился в способ решения властью заурядных текущих вопросов. “В тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно [речь идет о расчистке железнодорожных путей. – *Авт.*]..., взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны”, – гласило, например, постановление Совета обороны от 15 февраля 1919 г. [4: 111].

Правда, предпринимались и попытки отмены смертной казни, соответствующее постановление было принято, в частности, ВЦИК и СНК 17 января 1920 г. Однако долго существовать без этого инструмента правосудия власть, видимо, не могла. Революционные военные трибуналы продолжали приговаривать к расстрелу, в том же 1920 г. было вынесено 6541 таких приговоров [39]. Несмотря на постоянное подчеркивание временного характера смертной казни как меры наказания, она сохранялась и в последующих законодательных актах на протяжении почти всего советского периода.

Судить об общем количестве казненных чрезвычайно сложно. Имеющиеся более или менее официальные сведения весьма ненадежны. С. Мельгунов приводит данные, опубликованные одним из руководителей ВЧК М. Лацисом, о том, что в 1918 г. по приговорам ЧК было расстреляно 6185 человек, в 1919 – 3465. Только за второе полугодие 1918 г. ВЧК, по сообщению Лациса, расстреляла 4500 человек. Но сам С. Мельгунов вел картотеку расстрелов, о которых можно было узнать из доступных ему газет, и у него за то же время накопилось 50 тысяч карточек расстрелянных [23: 44–45]. Едва ли более надежны и ставшие достоянием гласности в последние десятилетия архивные данные о расстрельных приговорах по делам органов ЧК (9701 в 1921 г.,

1962 – в 1922, 414 – в 1923, 2550 – в 1924, 2433 – в 1925) [28: 28; 8: 432–433].

По утверждению Н. Верта, сведения прессы позволяют считать, что только жертв “красного террора” осенью 1918 г. “было никак не меньше 10–15 тысяч” – “за два месяца ВЧК казнила в два или три раза больше людей, чем приговорила к смертной казни царская Россия за 92 года” [4: 100]. Но если принять во внимание неполноту информации о числе погибших вследствие прямых репрессивных действий или попустительства “народному гневу” со стороны всех властей, то, скорее всего, число казненных по политическим мотивам или, во всяком случае, под прикрытием политических, “классовых” и т.п. лозунгов за все время гражданской войны, было намного большим. В своей книге С. Мельгунов приводит огромное количество свидетельствующих об этом разрозненных фактов, но, кроме того, он сообщает о том, что созданная Деникиным специальная комиссия по расследованию деяний большевиков насчитала 1,7 млн жертв “красного террора” [23: 87–88]. Постсоветские историки утверждают, что эта “широко используемая в средствах массовой информации с конца 1980-х годов цифра... не имеет никаких научных оснований” [24: 98]. Может быть, это и так, но есть ли научные основания возражать против нее? Кто из возражавших работал с протоколами деникинской комиссии? И можно ли удовлетвориться указанием на несколько тысяч или даже десятков тысяч казненных в стране с населением в 150 млн человек, которая на несколько лет погрузилась в пучину полного беззакония и производила сменявших друг друга властей?

Разумеется, все это относится не только к красному, но и к белому террору, информация о котором в советской литературе часто приводилась с гораздо меньшей требовательностью к ее научной обоснованности. Его жертвы тоже исчисляются не единицами и даже не тысячами.

А кроме того существовал и вооруженный терроризм, не имевший определенной “красной” или “белой” окраски, но, тем не менее, тесно связанный с общей ситуацией в стране и противостоянием политических сил и принимавший нередко формы этноконфессионального насилия. Оно также внесло немалый вклад в демографическое разорение страны. Так, “продолжав-

² “С 1825 по 1917 год число смертных приговоров, вынесенных судами дореволюционной России (включая военные суды) по так называемым политическим преступлениям, достигло цифры 6360, при максимуме в 1310 приговоренных к смерти в 1906 году, в первый год реакции после революции 1905 г.” [4: 100].

шиеся три дня после захвата Баку в сентябре 1918 г. турецко-мусаватистскими войсками погромы привели к гибели около 30 тыс. мирных жителей”. Еврейские погромы, по разным оценкам, привели к гибели от 70 до 180–200 и даже до 300 тыс. человек [24: 98; 26: 569]. Впрочем, эти и подобные им данные, приводящиеся в научной литературе, тоже далеко не всегда надежно документированы.

РЕПРЕССИИ 1930-х – 1950-х ГОДОВ

Как бы ни относиться к политическим и связанным с ними репрессиям времен революции и гражданской войны, ясно, что это было время трагического раскола страны, открытой борьбы, вооруженного противостояния сторон, а такое противостояние никогда не обходится без жертв.

С репрессиями 1930-х – 1950-х годов дело обстояло иначе. Конечно, генетически они выросли из репрессий первых послереволюционных лет, но в мирное время, особенно начиная с 1929 г., они достигли особого размаха и проводились в массовых масштабах и с необъяснимой жестокостью до самой смерти Сталина в 1953 г. При этом они распространялись в основном на совершенно невинных людей. В появившемся однажды официальном сообщении КГБ СССР говорилось, что “в 1988–1989 годах Комитетом государственной безопасности СССР совместно с Прокуратурой СССР... пересмотрены дела на 856582 человека, по ним реабилитировано 844740 человек” [3], т.е. по *пересмотренным* делам почти 99% осужденных оказались невинными³. Остальные, видимо, еще только предстояло пересмотреть – скорее всего, с таким же результатом.

³ Надо было обладать совершенно извращенным сознанием, чтобы дать этой цифре следующее истолкование: “около 845 тысяч – таковы масштабы так называемых (? – А.В.) необоснованных репрессий” [38]. Вообще, как только хоть какая-то информация о массовых незаконных репрессиях стала появляться на страницах общедоступной прессы, обнаружилось множество пытавшихся заглушить ее борцов за правду и обличителей лжи. “Солженицын писал со слов других, т.е., как говорят, с лагерных анекдотов. Анекдотом же обычно называют вранье” [10: 66], – такие и подобные комментарии содержала одна из первых статей, анализировавших якобы подлинные документы “органов” о репрессиях. Авторы статьи продемонстрировали знание не только этих документов, но и различных оценок числа репрессированных, публиковавшихся на Западе с 20-х годов, но никогда не доступных советскому читателю, – создается впечатление, что они пользовались коллекцией публикаций, хранившейся в том же “спецхране”, из которого и до сих пор не удается извлечь полных достоверных сведений о том, что же происходило на самом деле.

Попытаемся оценить масштабы репрессий и их демографических последствия за период с конца 1920-х до 1953 г.

Можно выделить три главные вида репрессий, имевших прямые демографические последствия, хотя, вероятно, и они не покрывают всех возможных проявлений и следствий репрессивной политики советского государства, по крайней мере, до середины 1950-х годов. К ним относятся массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы и лагеря и массовые депортации.

“Высшая мера наказания”

Как и в годы революции и гражданской войны, наиболее очевидной формой смертоубийственных репрессий в “мирные” 1930-е годы стала смертная казнь, причем в таких масштабах, что даже расстрельный террор послереволюционных лет на их фоне кажется вполне умеренным. Власть просто опьянела от крови и стала использовать опыт эпохи “военного коммунизма” в немыслимых масштабах. Мало того, что она вдруг обнаружила сотни тысяч заслуживающих смертной казни “врагов народа” даже в своих собственных рядах, она чрезвычайно расширила использование расстрела как элемента массовых обезличенных репрессий (“по разнарядке”) и просто рядовой меры наказания.

Так, в преддверии наступающего голода, 7 августа 1932 г., был принят печально знаменитый закон “о трех колосках”, который затем “получает все более и более расширительное толкование. Он становится стандартной мерой наказания для сельских жителей. Нарушения, которые еще два-три года назад могли повлечь за собой штраф, теперь караются расстрелом или 10 годами тюремного заключения”⁴ [21: 293]. Действовал ли этот указ на

⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. с невинным названием “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности” в категорической форме требовало “применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте”... “за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества” ...высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества, с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества” и запрещало применять амнистию к преступникам, осужденным по таким делам. А дабы местные власти не считали какие-либо нарушения слишком незначительными, чтобы за них расстреливать, верховная власть все время давала дополнительные разъяснения. “В целях борьбы с хищением свеклы во время копки и сбора... в отношении лиц, расхищающих свеклу, применять постановление Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных

самом деле? Еще как! Только в РСФСР по нему было осуждено в 1932–1939 гг. 183 тыс. человек, в том числе, только в 1933 – 103,4 тыс. [28: 26].

В периоды обострения репрессий центральная власть выдавала просто “квоты” на расстрел. Так, в конце июля 1937 г. был издан приказ НКВД (№ 00447) “Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов”⁵, который представлял собой разнарядку по всем административным районам страны на арест, в том числе и с последующим расстрелом, заранее определенного (в круглых цифрах: 2000, 4000 и т.п.) числа людей. Всего следовало арестовать 259 450 человек и чуть не каждый четвертого из них (72950 человек) надлежало расстрелять. На составление списков тех, кто подлежал расстрелу или заключению, отводилось пять дней [8: 96–104]. Приказ давал право местным руководителям запрашивать разрешение Центра на составление дополнительных списков, но не возбранялось и уменьшать их. “С конца августа Политбюро было буквально завалено просьбами о повышении квот. С 28 августа по 15 декабря 1937 г. оно утвердило различные предложения по дополнительному увеличению квот в общем на 22 500 человек на расстрел и на 16 800 на заключение в лагеря” [4: 191]. Однако местные власти все никак не могли успокоиться, просили новых квот и получали их. Так, в последний день 1938 г. Политбюро сооблаговолило разрешить казнь еще 48 000 человек. “Операция, которая должна была длиться четыре месяца, растянулась более чем на год и коснулась 200 000 человек сверх тех квот, которые были оговорены вначале” [4: 191; 43: 208–210].

Сколько же всего людей было казнено с конца 1920-х до 1954 года? Официально признано, что “в 1930–1953 годы по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из

Комиссаров Союза ССР от 7 августа 1932 г.” (Постановление СНК СССР от 17 сентября 1932 г.). “Применять к лицам, уличенным в саботаже сельскохозяйственных работ, краже семян во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин в уничтожении лошадей, – как к расхитителям колхозной собственности постановление от 7 августа 1932 г.” (Постановления ЦИК СССР от 30 января 1933 г.). Цит. по: [21: 292–293].

⁵ Он был подготовлен во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., в котором органам НКВД предлагалось “взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки”.

них 786 098 человек расстреляно” [3]. Эти цифры достаточно близки к данным о вынесенных приговорах: всего за 1930–1953 гг. осуждено по делам ОГПУ–НКВД–МВД 3 851 443 человек, в том числе 776 082 приговорено к высшей мере наказания (а за 1923–1953 гг. – 799 473) [28: 28]⁶ и заметно больше другой, тоже найденной в архивах оценки – 642 980 расстрелянных за период с 1921 по февраль 1954 г. [13: 12]⁷.

Можно ли верить этим цифрам? Не занижены ли они? Конечно, и 643 тысячи расстрелянных это немало, тем более 786 или 800 тысяч – примерно вдвое больше боевых потерь США во Второй мировой войне. Не исключено, однако, что эти цифры сильно преуменьшают число казненных. При всем уважении к архивам, нельзя не видеть, что архивные данные странно противоречивы, да к тому же пока далеко не все архивы доступны исследователям.

Но ведь есть и иные источники информации, в частности, находимые время от времени тайные захоронения расстрелянных. Известно, например, захоронение в Куропатах возле Минска, где, как полагают, с 1937 по 1941 г. было расстреляно огромное количество людей⁸. В справке, приведенной в “Ленинградском

⁶ Источник этих данных – справка МВД СССР, направленная Г. Маленкову и Н. Хрущеву 5 января 1954 г.

⁷ Справка, представленная Н. Хрущеву за подписью генерального прокурора, министров внутренних дел и юстиции в феврале 1954 г. Отношение исследователей к этой записке разное. В. Земсков почтительно называет ее “официальным государственным документом” [13: 13]. Антонов-Овсенко же без всякой почтительности утверждает, что “в начале 1954-го, когда лубянские летописцы сочиняли эту докладную, партийные верхи еще не отошли от сталинского гипноза” [1: 4]. Общее число осужденных – в этой справке (3 777 380) и в сообщении КГБ (3 778 234) практически совпадает, но только в первом случае относится к 1921–1953, а во втором – к 1930–1953 гг. Такие “мелкие” расхождения в официальных данных встречаются на каждом шагу.

⁸ В 1988 г. в Белоруссии появилась публикация, в которой говорилось об обнаружении в урочище Куропаты на окраине Минска тайного захоронения, где якобы находились останки более 200 тыс. расстрелянных. Была создана правительственная комиссия, которая пришла к выводу, что в 1937–1941 годах в лесном массиве Куропаты органами НКВД производились массовые расстрелы советских граждан. Подводя итоги проведенного расследования, представители генеральной прокуратуры БССР сообщили, что в Куропатах “покоится не менее 30 тысяч граждан”, и в 1989 г. правительство БССР приняло постановление “Об увековечивании памяти жертв массовых репрессий 1937–1941 годов в лесном массиве Куропаты”. Позднее проводилось еще несколько расследований с неясными результатами, было поставлено под сомнение число захороненных (называлась цифра 7 тысяч), и одновременно в разных изданиях стала усиленно разрабатываться версия, согласно которой, на самом деле, в Куропатах были обнаружены жертвы немецких расстрелов времен войны (типичный пример – публикация газеты “Завтра” [31]). Напомним, однако, что в 1942–1945 гг.

мартирологе”, сообщается, что “с 1922 по июль 1937 г. в Петрограде-Ленинграде были расстреляны 2248 человек... С августа 1937 г. масштабы расстрелов резко увеличились. Тогда было создано Левашовское кладбище. “Судя по актам о приведении приговоров в исполнение здесь погребены 46 771 человек, из них 40 485 человек расстреляны по политическим мотивам” [20: 49–50].

Даже несколько таких справок способны заставить усомниться в достоверности цифры в 786 тысяч расстрелянных по всему СССР за 1930–1953 годы, скорее всего, она сильно преуменьшена. Расстреливали ведь не только в Ленинграде и Минске. Кроме того, из воспоминаний узников ГУЛАГА известно, что лагерное начальство порой практиковало расстрелы или другие способы уничтожения заключенных – иногда просто для острастки – без всякого суда и следствия, и все такие случаи, конечно, не попадали ни в какую статистику казней.

А. Солженицын, ссылаясь на лагерные слухи, утверждал, что в 1939–1940 гг. было расстреляно около миллиона человек (а по другим источникам, добавляет он, к 1 января 1939 г. 1 миллион 700 тысяч), и в свете имеющейся сейчас информации такие основанные на слухах оценки не кажутся неправдоподобными. А в годы войны, добавляет Солженицын, “по разным поводам применение смертной казни то расширялось..., то обогащалось по формам (с апреля 1943 г. – указ о повешении)”. “Об этих расстрелах – какой правовед, какой уголовный историк приведет нам проверенную статистику? Где тот спецхран, куда бы нам проникнуть и вычитать цифры?” [35, ч. 1, гл. 11]. Пока этот вопрос остается без ответа.

Лагеря, колонии и тюрьмы

Как правило, статистика судебных и псевдосудебных репрессий, все еще крайне скудная, имеется в целом по СССР, хотя иногда приводятся данные и по России.

в СССР действовала Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, имевшая свои отделения в каждой республике и в каждой области. Она расследовала все факты таких злодеяний по горячим следам, сразу после освобождения оккупированных территорий, скрупулезно собирала сведения, основанные на опросах свидетелей, допросах пленных, эксгумации в местах захоронений и т.д. Могла ли она не заметить место массовых НЕМЕЦКИХ расстрелов на окраине Минска, даже если расстрелянных было “всего” 7 тысяч? Если бы это действительно было так, можно было бы полностью перечеркнуть все результаты работы этой комиссии.

В частности, имеются данные о числе осужденных в Российской Федерации за 40 лет – с 1923 по 1953 г., т.е. после того, как закончились кровавые события революции и гражданской войны. Оно оценивается в 40 млн человек. Эта оценка “весьма приближительна и сильно занижена, но вполне отражает масштабы репрессивной государственной политики... Если из общей численности населения вычесть лиц до 14 лет и старше 60, как малоспособных к преступной деятельности, то выяснится, что в пределах жизни одного поколения – с 1923 по 1953 г. – был осужден практически каждый третий дееспособный член общества” [28: 22].

Число осужденных по СССР в целом было, разумеется, намного большим, чем только по России. Лишь за 8 послевоенных лет – с 1946 по 1953 – по приговорам гражданских судов, вступившим в законную силу, в СССР было осуждено свыше 12 млн человек, из них почти 4,3 млн – приговорены к лишению свободы [28: 23]. При этом “характерной чертой послевоенных репрессий было... увеличение тяжести наказания. В 1940 г. народные суды приговорили на срок свыше 5 лет лишения свободы 2,1% всех осужденных, в 1946 г. – 4,0%, в 1947 г. – 18,1 %, в 1948 г. – 29,2%” [28: 27].

Напомним, что в данном случае речь идет о гражданских судах, которые почти не рассматривали так называемые “контрреволюционные преступления”, относившиеся к ведению органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД. Там была своя статистика: почти 4,1 млн осужденных за 1921–1953 гг., в том числе около 4 млн – за 1927–1953 гг. Из 4,1 млн осужденных по делам “органов” около 800 тысяч было приговорено к расстрелу, свыше 2,6 млн – к заключению в тюрьмах и лагерях, еще примерно 400 тыс. – к ссылке и высылке [8: 432–433].

Для того чтобы переварить огромное число людей, приговоренных к разным видам лишения или резкого ограничения свободы, и была создана система ГУЛАГа, через которую прошли многие миллионы, если не десятки миллионов человек. Их точное число пока не известно, имеющиеся оценки оставляют место для разночтений, ко всем называемым цифрам приходится относиться с осторожностью.

Некоторые из них, несомненно, сильно преувеличены. Когда утверждают, например, что в 1937–1938 гг. число заключенных ГУЛАГа составляло 16 млн человек⁹, это кажется мало вероятным. Хотя в лагеря попадали женщины и даже дети, основную массу заключенных составляли все-таки мужчины. Но по офици-

⁹ Эта цифра часто повторяется. См., напр.: [1: 5].

альным данным, возможно, завышенным, в начале 1939 г. в СССР было всего 97,8 млн человек в возрасте от 15 до 60 лет, в том числе 46,6 млн мужчин [7: 28]. Трудно допустить, что в это время в лагерях находился каждый третий мужчина, или каждый шестой взрослый житель страны.

С другой стороны, нельзя не остерегаться и сильно преуменьшенных оценок, которые появляются, в частности, тогда, когда такие оценки ограничивают только число заключенных за “контрреволюционные преступления”, при том что и эти преступления трактовались очень широко. Например, в соответствии с людоедским правосознанием того времени, репрессиям подвергались члены семей осужденных, женщины и даже дети – уже без всякого суда. Эта норма действовала в тридцатые годы и была подтверждена во время войны. Так, согласно директиве начальника Главного управления военных трибуналов № 003486 от 26 октября 1942 г. “после утверждения военными советами приговоров на осужденных к ВМН по ст. ст. 58-1 “а” и 58-1 “б” (далее перечисляется 12 оснований для таких приговоров, которым подлежали, например, и те, кому вменялись “попытка к измене Родине и изменнические намерения”, “добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории”, и даже “командиры и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше” или “во время боя срывающие с себя знаки различия и дезертирующие в тыл или сдающиеся в плен врагу”), надлежало “по направлении копий приговоров по названным делам для исполнения – дела немедленно направлять в Главное управления военных трибуналов НКЮ СССР... на предмет репрессирования совершеннолетних членов семей осужденных...” [33: 96–97]. В соответствии со специальным Постановлением Государственного Комитета Обороны № ГОКО-1926сс от 24 июня 1942 г. “О членах семей изменников Родине”, “членами семьи изменника Родине считаются: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны” [33: 93–94]. Таким образом, число фактически репрессированных в связи с преследованием так называемых “врагов народа” или “изменников родине”, обвиняемых в контрреволюционных, государственных преступлениях, автоматически увеличивалось. Например, на начало 1939 г. в лагерях НКВД находилось 1326 осужденных за измену родине (и не расстрелянных за это) и 13192 члена семьи изменников родине [8: 418]. В число заключенных входили и так называемые СОЭ

(социально опасный элемент), которые не относились к числу осужденных за контрреволюционные преступления, хотя с некоторой натяжкой и их можно считать политическими заключенными.

Но при самом расширительном толковании “государственных и контрреволюционных преступлений”, массовые репрессии затрагивали и большое число тех, кто не имел к ним никакого отношения и отбывал наказание за нарушение драконовских законов, само появление которых немыслимо в правовом обществе. «Лагеря ГУЛАГа принимали не только политических заключенных, приговоренных за контрреволюционную деятельность по одному из пунктов знаменитой 58 статьи. Контингент “политических” колебался и составлял то четверть, то треть всего состава заключенных ГУЛАГа. Другие заключенные тоже не были уголовниками в обычном смысле этого слова. Они попадали в лагерь по одному из многочисленных репрессивных законов, которыми были окружены практически все сферы деятельности. Законы касались “расхищения социалистической собственности”, “нарушения паспортного режима”, “хулиганства”, “спекуляции”, “самовольных отлучек с рабочего места”, “саботажа” и “недобора минимального числа трудодней” в колхозах. Большинство заключенных ГУЛАГа не были ни политическими, ни уголовниками в собственном смысле слова, а лишь обычными гражданами, жертвами полицейского подхода к трудовым отношениям и нормам социального поведения» [4: 206–207].

Выше уже говорилось о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. “о колосках”, согласно которому приговаривали либо к расстрелу, либо, в лучшем случае, к заключению не менее чем на 10 лет. Перед войной применение этого постановления «сходит на нет... Государство не стало реанимировать “закон о колосках”... Вместо этого 4 июня 1947 г. был принят указ “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества”. Только за один год в стране было осуждено около 200 тыс., а за восемь лет 1,3 млн человек... Меры наказания по новому указу лишь немногим уступали предшествующему¹⁰: в 1947 г. к пяти годам лишения свободы было приговорено около 20% всех осужденных, свыше пяти до 10 лет –

¹⁰ В 1947 г. смертная казнь в СССР была ненадолго отменена, нарушение нового указа каралось лишением свободы на срок от 5 до 25 лет. “В суды было направлено секретное распоряжение, гласящее, что действующая мера наказания за мелкие хищения с места работы (лишение свободы сроком на 1 год) отменяется, и такого рода нарушители теперь тоже подпадают под Указ от 4 июня 1947 г.” [4: 229].

49,6%, 10 лет и выше получили 25,5%» [28: 27]. А ведь помимо постановления от 7 августа 1932 г. или указа от 4 июня 1947 г. было еще множество репрессивных установлений, например, законы о “трудовой дисциплине” 1940 г.

Казалось бы, какая связь между осуждением за уголовные преступления и пребыванием в концентрационных лагерях, создававшихся для борьбы с “контрреволюцией” и подведомственных политической полиции – ВЧК, ГПУ и т.д.? Но для советской власти вообще было характерно использование средств и методов политических репрессий для решения самых разных задач, и едва ли не в первую очередь – экономических. Уже в 1929 г. по предложению специальной комиссии Политбюро, Совнарком принял секретное постановление “Об использовании труда уголовно-заключенных”, которым предписывалось осужденных обычными судебными органами к лишению свободы на три года и выше передавать для отбывтия лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ. А последнее, в свою очередь, должно было для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые лагеря в отдаленных районах “в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы” [8: 64].

Стоит ли удивляться, что охота на людей, необходимых для пополнения дармовой рабочей армии, которая непрерывно таяла из-за ужасных условий заключения, превратилась в одну из главных забот власти, а лишение свободы – в один из главных инструментов экономической политики? В архивах сохранилось выступление Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР в августе 1938 г. Лагерное население в это время стремительно увеличивалось, тем не менее, Сталин возражал против существовавшей до этого практики досрочного освобождения передовиков лагерного производства. “Старое решение нам не подходит”, – говорил он. “Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы люди эти оставались на работе – награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться... Поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте... Семью можно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, – добро-

вольно-принудительный заем, так и здесь – добровольно-принудительное оставление” [8: 113].

Число осужденных и число заключенных менялось год от года – в тесной связи с политической конъюнктурой в стране, но также и вследствие “рутинного” функционирования всей репрессивной системы. “Архивы ГУЛАГа свидетельствуют, что ротация рабочей силы была весьма значительной: от 20% до 35% ежегодно освобождалось” [4: 206]. Кроме того, от пребывания в тюрьме или лагере освобождала смерть – к этому “демографическому” вопросу мы вернемся несколько ниже. Сколько же всего народу побывало на бесчисленных островах Архипелага?

Как ни странно, но после многих лет архивных изысканий, начавшихся в конце 1980-х годов, когда такие изыскания стали возможны, после работы разного рода комиссий и большого количества публикаций, даже самая общая статистика заключенных сталинского времени раскрыта не до конца. Если свести вместе все известные и наиболее часто встречающиеся данные, то получим табл. 1.

Как видим, данные становятся достаточно полными только с 1939 г. До этого нет возможности судить о числе заключенных в тюрьмах, а до 1935 г. – и в колониях. Между тем речь идет совсем не о ничтожных величинах, как свидетельствуют данные за те годы, за которые они имеются, на колонии и тюрьмы иногда приходилось больше половины заключенных. Согласно данным, приведенным в таблице, на начало 1933 г. в лагерях находилось 334 тыс. заключенных, но Уиткрофт ссылается на секретный документ ЦК ВКП(б) из захваченного немцами Смоленского архива, относящийся к маю 1933 г., где говорится о 800 тыс. человек, находящихся в местах заключения, помимо лагерей [44, с. 1338].

Встречаются и разночтения. Например, в одной работе утверждается, что на начало 1935 г. в колониях находилось 240259, а на начало 1936 – 457088 человек [41: 668], тогда как в другой первая цифра относится только к тюрьмам, а вторая – к тюрьмам и колониям [11: 53–55]. В источниках данных к табл. 1 приводятся разные сведения о числе заключенных в тюрьмах в 1939–1948 гг.¹¹

Приводимый ниже график дает представление о динамике числа заключенных тюрем, лагерей и колоний с 1936 г. (рис. 1).

¹¹ В таблице использованы данные из [17]. Согласно [41], число тюремных заключенных составило в 1939 г. – 350538, в 1940 – 190266, в 1941 – 487739, в 1942 – 277992, в 1943 – 235313, в 1944 – 155213, в 1945 – 279969, в 1946 – 261500, в 1947 – 306163, в 1948 – 275850 человек.

Число заключенных в СССР на 1 января каждого года

Год	В лагерях, колониях и тюрьмах	Только в лагерях	Только в колониях	Только в тюрьмах	В лагерях и колониях	В коло- ниях и тюрьмах
1930		179,0				
1931		212,0				
1932		268,0				
1933		334,3				
1934		510,3				
1935		725,5	240,3		965,7	
1936		839,4	457,1		1296,5	
1937		820,9	375,5		1196,4	
1938		996,4	885,2		1881,6	
1939	2024,9	1317,2	355,2	352,5	1672,4	707,8
1940	1846,3	1344,4	315,6	186,3	1660,0	501,9
1941	2400,4	1500,5	429,2	470,7	1929,7	899,9
1942	2045,6	1415,6	361,4	268,5	1777,0	630,0
1943	1721,7	984,0	500,2	237,5	1484,2	737,7
1944	1331,1	663,6	516,2	151,3	1179,8	667,5
1945	1736,2	715,5	745,2	275,5	1460,7	1020,7
1946	1948,2	746,9	956,2	245,1	1703,1	1201,4
1947	1996,6	808,8	894,7	293,1	1703,5	1187,8
1948	2449,6	1108,1	1061,2	280,4	2169,3	1341,6
1949	2587,7	1216,4	1140,3	231,0	2356,7	1371,4
1950	2760,1	1416,3	1145,1	198,7	2561,4	1343,8
1951	2705,4	1543,4	997,4	164,7	2540,8	1162,1
1952	2662,4	1713,6	796,2	152,6	2509,8	948,8
1953	2624,5	1731,7	740,6	152,3	2472,2	892,8
1954	1474,1	884,0	441,0	149,1	1325,0	590,0
1955	1173,9	748,5	326,8	98,6	1075,3	425,4
1956	925,1	557,9	223,8	143,5	781,6	367,3
1957	947,4	492,1	315,9	139,5	808,0	455,3
1958	840,6	409,6	312,3	118,7	721,9	431,0
1959	1023,6	388,1	474,6	160,9	862,7	635,5
1960	653,8	276,3	306,4	71,1	582,7	377,5

Данные за 1940–1960 гг. – без заключенных спецтюрем НКГБ–МГБ–КГБ, а также без детей и подростков, находившихся в детских исправительно-трудовых учреждениях.

Источники: [9: 91; 17: 114–115; 41: 668].

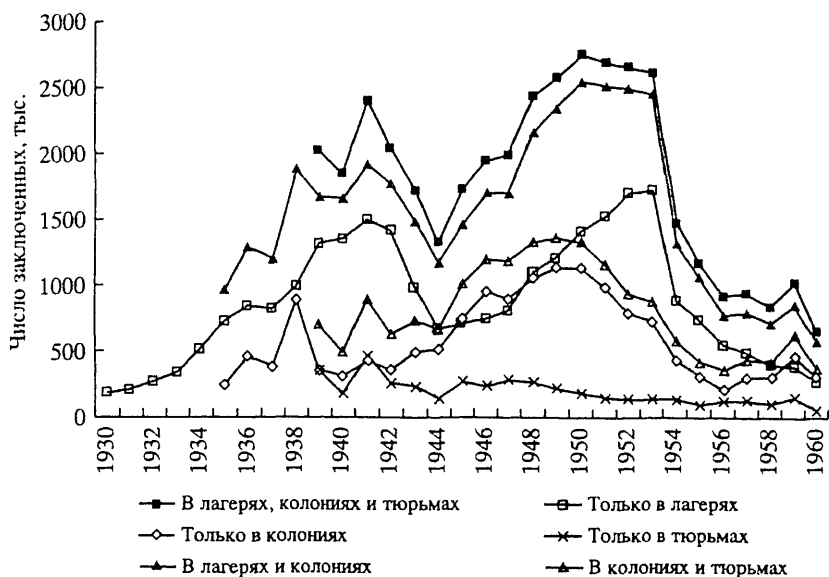

Рис. 1. Число заключенных лагерей, колоний и тюрем. СССР, 1930–1960, на начало года, в тысячах

Источник: [Табл. 1]

Рис. 2. Среднесписочное число заключенных лагерей, колоний и тюрем. СССР, 1930–1956, в тысячах

**Число заключенных лагерей, колоний и тюрем в 1935–1941 гг.,
тыс. человек**

Год	На начало года		Среднегодовое в лагерях, колониях и тюрьмах	
	В лагерях и колониях	В лагерях, колониях и тюрьмах	Рассчитанное как полусумма чисел на начало и конец года	Рассчитанное исходя из коэффициента смертности
1935	965,7			1150,4
1936	1296,5			1184,5
1937	1196,4			1283,3
1938	1881,6			2030,9
1939	1672,4	2024,9	1935,6	
1940	1660,0	1846,3	2123,3	
1941	1929,7	2400,4	2223,0	

Источники: [17: 115; 8: 441–442].

На рис. 1 представлены данные на начало каждого года. Так как в течение года могли быть – и обычно имели место – значительные изменения числа заключенных, то более верно позволяет судить об истинной динамике тюремно-лагерного населения его среднегодовая численность. Не располагая помесечными данными о числе заключенных, ее можно определить только грубо, приблизительно – как полусумму численности на начало и конец года. Но в некоторых случаях это возможно сделать и точнее. За ряд лет имеются сведения о числе умерших за год и о доле умерших в процентах к среднесписочной численности заключенных, рассчитанной Отделом учета и распределения заключенных ГУЛАГа [8: 441–442]. Эти сведения позволяют определить и более точное среднесписочное число заключенных, которое на рис. 2 помечено буквой “р”.

Как видно из графика, различия между определенной двумя способами среднегодовой численностью заключенных – иногда большие, иногда меньшие – существуют, однако качественной картины динамики числа заключенных они не меняют. Кроме того, следует заметить, что выполненный расчет позволил в известной мере восполнить отсутствие данных об общем числе заключенных лагерей, колоний и тюрем в 1935–1938 гг. (последний столбец табл. 2).

На фоне общего подъема числа заключенных между 1930 и 1960 гг. бросается в глаза его резкое снижение во время войны. Оно имеет несколько объяснений. Ниже будет показано, что в

это время резко возросла смертность заключенных, что, конечно, не могло не сказаться на их численности. Одновременно сократился приток заключенных, хотя он оставался не маленьким. Но, кроме того, за время войны, по неполным данным, из лагерей и тюрем более 1 млн человек было передано в ряды Красной Армии [8: 428], что, при общей численности тюремно-лагерного населения к началу войны менее 2,5 млн человек, обусловило его резкий спад к 1944 г.

Вторая особенность динамики числа заключенных – огромное разбухание тюремно-лагерного населения в самые, казалось бы, победоносные годы – после принятия “конституции победившего социализма” в 1936 г. или сразу после окончания Второй мировой войны. Особенно поражает это последнее. Уже в конце войны массовые репрессии вновь усилились и не прекращались до 1953 г. Можно еще как-то понять рост числа осужденных по делам органов НКВД–МВД в 1945–1946 гг., когда в их руках оказались лица, сотрудничавшие с противником во время войны, бывшие белоэмигранты и т.п. Но что происходило в последующие годы? Как объяснить, что за один 1948 г., когда по политическим делам было осуждено 73 тыс. человек, число заключенных лагерей, колоний и тюрем выросло на 466 тыс. (а число вновь поступивших заключенных было, следовательно, намного большим)? В целом за пять лет, с 1945 по 1950 г., общее число заключенных лагерей, колоний и тюрем увеличилось более чем на 1 млн и в 1950 г. приблизилось к 2,8 млн человек [17: 115].

В обескровленной войной стране с резко сократившимся населением, после огромных потерь мужского населения в наиболее продуктивных возрастах, власти не нашли ничего лучшего, как держать в тюремно-лагерной изоляции свыше 2,5 млн человек, большинство из которых составляли те же недобитые на войне мужчины молодых и средних возрастов. Правда, видимо, мужчин тюремно-лагерному Молоху уже не хватало. “Доля женщин среди осужденных после завершения победоносной войны удваивается (с 17,2 до 39,5%)” [28: 26]. Начиная с 1946 г. доля женщин несколько сократилась и замерла на уровне 31–32%, что лишний раз заставляет вспомнить о социалистических принципах разнарядки и квотирования.

Характерная особенность послевоенных репрессий – дикое ужесточение наказаний – и вовсе не за “политические преступления”. В 1940 г. “народные” суды приговорили на срок свыше пяти лет лишения свободы 2,1% всех осужденных, в 1947–18,1%, в 1948 – 29,2% [28: 27]. Народ явно провинился перед властью.

“Кулацкая ссылка” и депортации

Репрессивная политика сталинского режима не ограничивалась использованием судебной-тюремно-лагерной системы, которая хотя бы внешне имитировала общепринятые принципы правосудия, представляла наказание как кару за якобы совершенное, хотя, на самом деле, чаще всего вымышленное преступление.

Другим магистральным направлением сталинских репрессий стали незаконные массовые депортации выделенных по социальному или этническому признаку групп населения, иногда очень крупных. П. Полян насчитал “53 сквозных депортационных кампании и около 130 операций” разных масштабов, начиная с депортации казаков из Притеречья в 1920 и кулаков-казаков из Семиречья в 1921 г. и кончая депортациями представителей “неправильных” религиозных вер – “иннокентьевцев” и адвентистов-реформаторов в 1952 г. [27].

“Подавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселение. Меньшая часть депортированных становилась ссыльнопоселенцами (отправленными в ссылку навечно), ссыльными (отправленными в ссылку на сроки), высланными и административно высланными. Кое-кто попадал и в лагеря ГУЛАГа” [15: 145]. Сейчас уже известно довольно много, по крайней мере, о масштабах высылки на спецпоселения – основной составной части депортаций.

Можно выделить три главных этапа формирования спецпоселений после 1930 г. В 1930–1940 гг. они комплектовались в основном за счет так называемой “кулацкой ссылки”. Выселению на спецпоселение в отдаленные районы подлежала определенная категория кулацких семей на основании решения специальных “троек”, состоявших из представителей ОГПУ, обкомов ВКП(б) и прокуратуры. Только в 1930–1931 гг. число выселенных таким образом крестьян составило 1803 тыс. человек [14: 3; 15: 146].

За 1932–1940 гг. к числу спецпоселенцев добавилось (“прибыло”) еще 2177 тыс. человек [16: 146, 150–151]. Если вычесть из этого прироста родившихся на поселении, а также возвращенных из бегов, то число действительно вновь прибывших составит 1179 тыс., но, учитывая, что до места назначения добирались далеко не все, отправленные в путь, число высланных было, видимо, существенно больше. Самые скромные поправки к этой цифре позволяют утверждать, что всего число высланных “кулаков” и “бывших кулаков” за 1930–1940 гг. превышало 3 млн человек.

Кроме того, в довоенные годы депортации подверглись еще некоторые категории населения, не связанные с “раскулачиванием”, но считавшиеся неблагонадежными – в основном по этниче-

скому признаку: в 1936 г. 59,5 тыс. поляков, живших вблизи границы с Польшей, в 1937 г. 172 тыс. корейцев с Дальнего Востока, а также тысячи граждан, в основном курдов, живших вблизи иранской и афганской границ, в 1940–1941 гг. – 380 тыс. жителей присоединенных Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы (в основном поляков, но также евреев, украинцев, белорусов и др.). К этим категориям надо добавить еще 86 тыс. “антисоветских элементов” и “кулаков” из Латвии, Литвы, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии, депортированных в основном буквально за неделю до начала войны [15: 153–157]. Таким образом, всего за 10 лет было депортировано (вместе с “кулаками”), не менее 3,7 млн человек.

Второй период комплектования спецпоселений – военные годы (1941–1945), когда в них поступило еще не менее 2,1 млн человек. Это были целые народы – 950 тысяч немцев, выселенных из европейской части СССР, 576 тысяч коренных жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и других), 228 тысяч крымских татар, а вместе с ними и других жителей Крыма – греков, болгар, армян, 91 тысяча калмыков, 95 тысяч живших в Грузии турок-месхетинцев, курдов и хемшилов (хемшинов), 45 тысяч ингерманландцев и финнов [15: 158–159].

И, наконец, третий период – мирные послевоенные и обещавшие быть спокойными годы – 1946–1953. Они принесли для пополнения спецпоселений еще не менее 680 тыс. человек – снова 186 тысяч жителей Литвы, Латвии и Эстонии, 36 тысяч жителей Молдавии, 58 тысяч греков, турок и армян с Черноморского побережья, 148 тысяч бывших власовцев, участников других подобных формирований, полицаев и пр., 100 тысяч украинских националистов (членов ОУН). Еще раз добычей спецпоселений стали немцы. В начале войны депортировать из европейской части СССР удалось не всех немцев, часть из них оказалась на оккупированной территории, главным образом на Украине, и примерно 350 тыс. было вывезено оттуда в Польшу и Германию. Кто-то из них впоследствии оказался на территории, занятой Советской армией, а около 250 тыс. были переданы советским властям американцами и англичанами в соответствии с Ялтинскими соглашениями [42: 50] и, по-видимому, почти все они попали в спецпоселения. К началу 1953 г. среди 1225 тыс. находившихся на спецпоселении немцев числилось 208 тысяч репатриированных [15: 166]. Кроме того, в 1946–1951 гг. на режим спецпоселений – уже без всякой видимости оснований – перевели немцев, всегда живших в азиатской части СССР и не подвергавшихся высылке. На спецпоселение в послевоенные годы были высланы бывшие басмачи из

Таджикистана, жившие в Грузии иранцы, сектанты-иеговисты, какие-то “враждебные элементы” из Грузии, из бывших пограничных районов Псковской области, бывшие военнослужащие польской армии Андерса, лица, уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве – и так без конца [15: 145–170]¹².

Если сложить названные выше цифры по всем трем периодам, получим, что с 1930 по 1953 г. было депортировано 6,4 млн человек. Но это – минимальная оценка. В публикуемых данных нередко встречаются разночтения и неувязки. Например, наряду с приведенной выше оценкой числа немцев, депортированных в 1941–1942 гг. (950 тыс.), приводится и другая – 1209 тыс. [2: 42]. Не всегда ясно, о чем идет речь в публикациях – о числе выселенных или о числе учтенных в момент прибытия на спецпоселение. Судя по всему, чаще имеются в виду именно зарегистрированные в момент прибытия, но тогда надо еще учитывать потери от очень высокой смертности в пути. Так число *прибывших* на спецпоселение балкарцев по архивным данным НКВД оценивается в 37406 человек [15: 158] (Берия в докладе Сталину назвал 37107 *выселенных* [2: 132]). Но приводятся также оценки, по которым 8% выселенных балкарцев (3494 человека) умерли в пути, так что истинное число *выселенных* составляло 40900 человек [30: 15]. По-видимому, нечто подобное происходило и со всеми остальными высланными на спецпоселение, и если их общее число со временем будет уточнено на основании новых рассекреченных документов, то оно, скорее всего, увеличится.

Судя по всему, власть рассматривала высылку неугодных народов как способ “окончательного решения” каких-то втемнявшихся в ее голову вопросов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. предписывал “в целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ” [33: 124].

Депортированные составляли большинство населения “спецпоселений”, но были еще и другие категории (ссыльнопоселен-

¹² См. также: [25: 154–165].

цы, ссыльные, высланные и административно высланные), которых также надо учитывать, говоря о различных вариантах советских политических репрессий. В частности, некоторые категории заключенных, выходя из тюрем и лагерей, оказывались не на свободе, а на “поселении”. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., надлежало направить “по назначению Министерства государственной безопасности” и под его надзор в ссылку на поселение в районы Колымы, Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железнодорожной магистрали, и в наименее благоприятные районы Казахстана “государственных преступников..., освобожденных по отбытии наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны” [33: 46].

Эта мера, введенная 30 лет спустя после революции и гражданской войны, распространялась на “всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности” [33: 46].

Общее число репрессированных

По состоянию на 1 января 1953 г., за два месяца до смерти Сталина, в лагерях, колониях и тюрьмах числилось 2625 тыс. человек, в спецпоселениях – 2753 тыс., ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных – 65 тыс. [15: 168, 189; 17: 115–116]. Всего, стало быть, даже без учета не столь многочисленных контингентов ссыльнопоселенцев, ссыльных, высланных и административно высланных, – свыше 5,4 млн советских граждан, *единовременно* подвергавшихся репрессиям в форме лишения или очень большого ограничения свободы. Сколько же миллионов подверглось этим видам репрессий за все годы советской власти, особенно же за четвертьвековой период, начиная с “года великого перелома” (1929) до смерти Сталина в 1953? Сколько из них выжило, а сколько погибло?

Окончательно судить о числе лиц, побывавших в заключении, по-видимому, пока рано. Данные о динамике числа заключенных, подобные тем, какие представлены на рис. 1, недостаточно информативны, они не позволяют судить о движении тюремно-лагерного населения на протяжении года, а значит и о том, сколько человек всего прошло через лагерь, колонии и

тюрьмы, главное же, о том, каковы были обусловленные этим демографические потери.

Скажем, известно, что между 1936 и 1941 гг. число заключенных в лагерях, колониях и тюрьмах увеличилось на 1104 тыс. [9: 91; 15: 115]. Но поступавшее пополнение должно было не только обеспечить этот прирост, но и покрыть убыль в результате освобождения и смертности. Сообщается, например, что в 1937–1938 гг. из лагерей было освобождено 644 тыс. человек, а умерло в них 116 тыс. [13: 14]. Но число заключенных с начала 1937 по начало 1939 г. выросло на 496 тысяч. Значит, число поступивших в лагеря, способных покрыть убыль и обеспечить прирост, только за два года должно было составить 1256 тысяч – примерно в 2,5 раза больше прироста. В другие годы подобная “ротация” могла быть и большей.

Появляющиеся иногда в печати обобщенные данные не вполне ясны и довольно противоречивы. Сообщается, что уже в 1940 г. “централизованная картотека ГУЛАГа содержала сведения почти на 8 млн вошедших к этому времени в его ограды заключенных” [13: 17], а в 1955 г. в архивах ГУЛАГа хранилось 9,5 млн личных дел заключенных [9: 96] – неужели за 15 лет прибавилось всего 1,5 млн “личных дел”? Имеется оценка “общего числа заключенных, прошедших исправительно-трудовые лагеря с 1934 по 1953 г.” – 11,3 млн человек [9: 96], но и она, скорее всего, занижена. По другим данным, только за 1934–1947 гг. в лагеря поступило (за вычетом возвращенных из бегов) 10,2 млн человек, да на начало 1934 г. в лагерях уже находилось 0,5 млн [13: 14–15]. Это уже 10,7 млн, а мы знаем, что именно с 1947 г. население лагерей снова начало разбухать и к началу 1953 г. выросло на 0,9 млн человек, стало быть, “оборот” был намного большим.

На начало 1945 г. число заключенных лагерей и колоний составляло 1,46 млн (да еще в тюрьмах было 275 тыс. человек), на начало 1951 г. – 2,54 млн, т.е. выросло более чем на 1 млн человек (и тюрьмы снова не пустовали). Опубликованы документы, свидетельствующие о том, что только в 1947, в 1949 и 1950 гг. в лагеря и колонии поступило 3,3 млн вновь осужденных [11: 37, 42, 43], и, видимо, что-то подобное было и в другие годы (1945, 1946 и 1948), о которых у нас нет сведений. А это означает, что только в 1945–1950 гг. в гостях у советской пенитенциарной системы побывало не менее 6–7 млн человек, может быть и больше. Если суммировать все приведенные данные, то становится ясно, что в целом “за оградой” советских тюрем и лагерей за четверть века – с конца 1920-х до 1953 г. – побывало никак не менее 20 млн человек.

Кроме того, “лагерная статистика не учитывает огромных масс людей, прошедших через лагеря ГУЛАГа не в качестве заключенных, а в ином статусе. Так, в 1943–1945 гг. лагеря ГУЛАГа были определены местом дислокации для мобилизованных в Трудовую армию советских немцев (около 400 тыс. чел.). Через них также прошли в 1945–1950 гг. сотни тысяч человек “спецконтингента”, т.е. лиц, задержанных для проверки (в основном репатриантов)” [17: 115]. В письме начальника ГУЛАГа на имя Берии в июне 1945 г. говорится, что в лагерях и колониях на 11 мая 1945 г. находилось 1542 тыс. заключенных, из которых 1048 тыс. работали на стройках и предприятиях НКВД и еще 279 тыс. “выделялось другим наркоматам”. Но, кроме того, “для других Наркоматов как рабочая сила” выделялось еще 1974 тыс. человек (882 тыс. спецпереселенцев, 104 тыс. мобилизованных немцев, 142 тыс. “окруженцев” из проверочно-фильтрационных лагерей, 580,5 тыс. военнопленных и 265 тыс. интернированных) [11: 32–33].

Непросто оценить и число людей, прошедших через спецпоселения. Даже если известно число депортированных – основной контингент спецпоселений (а мы видели, что оно известно лишь приблизительно, 6,4 млн человек принято нами как минимальная оценка), то это говорит лишь об их исходном числе. В отличие от заключенных, спецпоселенцы жили семьями, у них рождались дети, имел место естественный прирост, поэтому число людей, вкусивших прелести жизни в спецпоселениях, было намного большим, чем число депортированных, а тем более прибывших к месту поселения.

Имеются данные о том, что за 9 лет (1932–1940 гг.) в спецпоселениях родилось свыше 230 тыс. детей [15: 150–151], но впоследствии спецпоселения разрослись, к началу 1953 г. спецпоселенцев было втрое больше, чем в конце 1930-х, так что за все время родилось никак не менее 1 млн детей, скорее, даже более – их тоже надо приплюсовать к числу прошедших через спецпоселения.

Если обобщить все высказанные выше соображения, то получается, что общее число граждан СССР, подвергшихся репрессиям в виде лишения или значительного ограничения свободы на более или менее длительные сроки за четверть века – с конца 1920-х до 1953 г. – составило не менее 25–30 млн человек¹³. Какие это имело демографические последствия?

¹³ У советской репрессивной системы есть адвокаты, и они приводят совсем другие цифры. “Со времени окончания гражданской войны вплоть до смерти И.В. Сталина, т.е. за 33 г., общее количество репрессированных составило 3,8–4 млн человек” [32: 41]. Что ж, пока существует римское право, даже маньяки – серийные убийцы имеют право на защитника. В действительности только число *погибших* в сталинской репрессивной машине, видимо, было больше 4 млн.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ РЕПРЕССИЙ

Применявшаяся как массовая мера наказания смертная казнь была безусловным, но далеко не единственным источником прямых демографических потерь в десятилетия репрессий. «Кроме того, и это мы знаем точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах, не будучи приговоренными “судом” к смерти» [6]. Пребывание в ГУЛАГе не добавило лет жизни и тем, кто выбрался из него живым, нередко потому, что был “списан” по состоянию здоровья.

Разумеется, заключение или депортация не всегда означали смерть, в СССР не было лагерей смерти, подобных тем, какие существовали в нацистской Германии и создавались специально с целью физического уничтожения людей. Отчасти их заменяли массовые расстрелы. Тем не менее, условия, в которых оказывались репрессированные, избежавшие “высшей меры”, тоже были источником огромных демографических потерь – прежде всего из-за высокой смертности, хотя тюремно-лагерная изоляция миллионов мужчин, распад семей и другие последствия деятельности огромной репрессивной машины не могли не сказаться и на рождаемости.

Один из главных смыслов демографической модернизации заключался в том, что все экономические и технологические достижения новейшего времени использовались для ограждения человека от неблагоприятных воздействий природной и социальной среды. Эти достижения сделали возможными более комфортабельные жилища, лучшие социально-гигиенические условия, более полноценное питание, менее тяжелый физический труд, эффективную медицинскую профилактику, а в случае необходимости – немедленную медицинскую помощь и т.п. В каком-то смысле даже современные пенитенциарные системы, по крайней мере, в идеале, – тоже часть мер по ограждению большинства населения от агрессивного преступного меньшинства, представляющего собой одну из угроз благополучию, здоровью и жизни всех остальных.

Система концентрационных лагерей, через которые пропускались огромные массы невинных и не представлявших никакой угрозы людям и в которых нормальные современные условия труда, отдыха, питания, быта, гигиены, минимального социального комфорта и т.д. считались излишеством, демонстративно и резко нарушались, была не из этого ряда, несла в себе огромный контрмодернизационный заряд. Она цинично разрушала ковавшуюся столетиями, если не тысячелетиями броню, защищавшую человека от преждевременной смерти, возрож-

дала условия, обрекавшие совершенно здоровых людей на раннюю гибель.

Машина уничтожения ГУЛАГа работала безотказно: смерть “есть самая основная, неуклонная и никем не нормируемая продукция Архипелага”, – писал Солженицын [35: ч. 3, гл. 7]. Но как подобраться к оценке числа погибших на его бесчисленных островах?

Есть любопытное свидетельство, связанное с проведением переписи населения 1937 г. По рассказу одного из ответственных работников центрального статистического ведомства того времени (ЦУНХУ) В. Азатяна, который «в середине января или в феврале 1937 г., зайдя в кабинет начальника ЦУНХУ [Кравалю], застал его разговаривающим по телефону с Молотовым и хорошо запомнил последнюю фразу И.А. Кравалю: “...Мы же дали в НКВД бланков на 4 миллиона, а получили от них только два”. Что говорили на другом конце провода, Азатян не слышал, но на него произвело неизгладимое впечатление, как побледнел Краваль, повесив трубку, и как, опустившись в кресло, сказал: “Это – конец!” Теперь это свидетельство можно подкрепить архивными документами. НКВД затребовал от ЦУНХУ ...бланков переписных листов... на 4 с лишним миллиона человек. Переписано же было НКВД, включая спецпереселенцев, всего 2660,3 тыс., из которых 270,7 тыс. личного состава» [5: 47–48]¹⁴.

Из тех данных, которые находятся в научном обороте сейчас, следует, что за 1930–1936 гг. только по делам органов ОГПУ–НКВД было приговорено к заключению в лагерях и тюрьмах, а также к ссылке и высылке почти 1,3 млн человек, и за то же время было выслано не менее 3 млн раскулаченных. Даже если бы они все пребывали в заключении и ссылке все годы, начиная с 1930, то при общероссийской смертности тех лет (включая и 1933 год!) к началу 1937 г. их должно было остаться примерно 3,5 млн. Но, кроме того, были осужденные и по другим делам, состав заключенных и спецпоселенцев пополнялся непрерывно, а не только в 1930-е годы, наконец, в семьях спецпоселенцев продолжали рождаться дети. Крупномасштабных освобождений из заключения в эти годы не было. Так что, даже с учетом естественной смертности, в ведении НКВД и в самом деле должно было бы быть примерно 4 млн человек. А оказалось всего

¹⁴ “В январе 1937 г. для учета в переписи населения НКВД СССР сообщило статистической службе, что по контингенту “А” числится 263466 человек, а по контингентам “Б” и “В” – 2389570 человек (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 142, л. 54)” [38: 163].

2,4 млн. Выходит, что чуть ли ни каждого второго из числившихся за НКВД четырех с лишним миллионов заключенных и спецпереселенцев в этот момент уже не было в живых.

Разумеется, для того, чтобы судить об истинных людских потерях в местах заключения и спецпоселениях, такого рода прикидок недостаточно. Есть ли более надежные источники для того, чтобы оценить сверхсмертность репрессированных?

Как полагает В. Земсков, “мы... располагаем совершенно точной информацией, что за период с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963766 заключенных” [13: 13]. Действительно ли это такая точная информация?

Даже если предположить, что приводимые им в указанном источнике данные верны, они относятся только к исправительно-трудовым лагерям (ИТЛ), в которых в разные годы содержалось от трети до трех четвертей всех заключенных, остальные находились в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях (ИТК). Известная нам информация о смертности в местах заключения сведена в табл. 3.

Если объединить всю информацию об умерших заключенных, которой мы располагаем, то получается, что за 1930–1934 гг. только в лагерях умерло 122 тыс. человек. Начиная с 1935 г. есть данные о смертности не только в лагерях, но и в колониях и тюрьмах, за 1935–1953 гг. во всех этих местах заключения умерло 1619 тыс. человек (за 1945 г. почему-то нет сведений об умерших в тюрьмах, мы взяли среднюю между числом умерших в тюрьмах в 1944 и в 1946 гг.). Таким образом, общее известное число умерших с 1930 по 1953 г. 1721 тыс. человек. К этому надо добавить еще какое-то число умерших в колониях и тюрьмах в 1930–1934 гг. – примерно 30 тыс., если применить соотношение, наблюдавшееся во второй половине 1930-х годов, за которые имеются данные. Следовательно, общее число умерших в советских исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах за 1930–1953 гг., в основном подтверждающееся опубликованными архивными данными, составляет 1,76 млн.

Однако насколько точны эти данные?

Доступная сейчас статистика смертности заключенных поражает своей неполнотой. Почему нет данных за ряд лет? Неужели не велся учет или не сохранились архивы? А если сохранились, почему к ним нет доступа? Откуда берутся вопиющие разночтения и несовпадения цифр? Например, согласно одному источнику, в лагерях и колониях в 1940 г. умерло 44,6 тыс. человек, а согласно другому – только в лагерях – 46,7 тыс.

Число умерших в лагерях, колониях и тюрьмах в 1930–1956 гг.,
тыс. человек

Год	В лагерях, колониях и тюрьмах	В лагерях и колониях	В коло- ниях и тюрьмах	Только в лагерях	Только в колониях	Только в тюрьмах
1930				8,0 ^a		
1931				7,3 ^a		
1932				13,2 ^a		
1933				67,3 ^a		
1934				26,3 ^b		
1935	32,7 ^c		4,3 ^c	28,3 ^b		
1936	26,5 ^c		5,9 ^c	20,6 ^b		
1937	33,5 ^c		8,1 ^c	25,4 ^b		
1938	126,6 ^c		36,0 ^c	90,5 ^b		
1939	75,3 ^c	51,8 ^a	24,8 ^{c**}	50,5 ^b	7,7 ^c	7,1 ^d
1940	56,7 ^c	44,6 ^a	10,0 ^{c**}	46,7 ^b	6,8 ^c	3,3 ^d
1941	130,4 ^f	123,0 ^a		101,0 ^b		7,5 ^d
1942	412,1 ^f	382,3 ^a		248,9 ^b		29,8 ^d
1943	309,4 ^f	288,6 ^a		167,0 ^b		20,8 ^d
1944	131,0 ^f	122,7 ^a		60,9 ^b		8,3 ^d
1945		81,9 ^a		43,8 ^b		
1946	35,3 ^f	33,0 ^a		18,2 ^b		2,3 ^d
1947	75,1 ^f	71,0 ^a		35,7 ^b		4,1 ^d
1948	53,5 ^f	52,1 ^a				1,4 ^d
1949	31,3 ^f	30,3 ^{a***}		15,7 ^c	14,0 ^c	1,0 ^d
1950	25,8 ^f	25,2 ^a				0,7 ^d
1951	23,3 ^f	22,9 ^a				0,4 ^d
1952		20,6 ^a				
1953		9,6 ^a				
1954		8,4 ^a				
1955		4,8 ^a				
1956		3,2 ^a				

* Согласно источнику (b) 26,3. ** Не совпадает с суммой столбцов 5 и 6. *** Не совпадает с суммой столбцов 4, 5 и 6.

Источники: [(a) 8: 441–442; (b) 13: 14; (c) 16: 63; (d) 11: 51–52; (e) 9: 99; (e) получено суммированием столбцов 2 и 6].

(табл. 3). Наряду с приведенными в табл. 3 данными о числе умерших в лагерях, колониях и тюрьмах в 1935–1938 гг. имеются и другие – похожие, но не совпадающие: 1935 – 31,6 тыс.; 1936 – 25,0; 1937 – 31,1; 1938 – 108,6 [8: 441–442]. О какой точности можно говорить при таких несовпадениях? “Точная информация” никак не выглядит убедительной, скорее всего,

В. Земсков да и другие исследователи работали с неполными или фальсифицированными данными¹⁵.

Приведенные в табл. 3 числа умерших в 1930-е годы совершают странные скачки, которые очень трудно объяснить. Можно ли поверить, что в 1934–1936 гг. число умерших в лагерях быстро снижалось и в 1936 г. было втрое меньше, чем в 1933, при том, что число заключенных с тех пор удвоилось? Почему в 1938 г. число умерших составило 90,5 тыс., а в 1939 г. – всего 50,5 тыс., тогда как число заключенных увеличилось? Как это вяжется с другими, тоже архивными документами?¹⁶

Если в 1940-е годы в соотношении динамики числа заключенных и числа смертных случаев среди них еще можно найти какую-то логику, то в 1930-е годы никакого параллелизма в динамике этих двух рядов чисел не просматривается (рис. 3).

¹⁵ О не очень большой надежности гулаговских документов говорит и анализ В. Цаплина. Он отмечает, что по данным отчетов “количество заключенных по группам “Б”, “В” и “Г” почти такое же, как и по группе “А” [группа “А” – заключенные, используемые в основном производстве, остальные – занятые в хозяйствах, не отнесенных к основному производству, не работающие и т.п.]. Такое соотношение мало вероятно. Скорее всего, что-то преднамеренно остается в тени” [38: 158]. “В отчете об использовании труда заключенных в 1939 г. сообщается, что в системе УЖДС [Управления железнодорожного строительства] на начало года их имелось 94773, а на конец года – 69569. Отработали заключенные, как отмечается в том же отчете, 135148918 человеко-дней. Подобное сочетание невозможно, так как если бы в течение года каждый день без выходных трудилось 94 тыс. человек, то количество отработанных ими дней составило бы лишь 34310 (94 тыс. на 365)” [38: 160].

¹⁶ “На начало 1938 г. в лагерях Дальстроя было 83855 заключенных. В 1938 г. “план завоза заключенных был увеличен на 10 тыс. чел. Таким образом, план составил 71 тыс. чел.”. В 1938 г. судами из Владивостока было перевезено 73368 пассажиров, а везли на Дальстрой преимущественно заключенных. Если контингент заключенных пополнился на 73 тыс. человек, то на конец года их было бы 157 тыс., но в действительности оказалось 117630 человек. Произошла убыль на 39370 человек, или более, чем на 25%. Куда же девались эти люди?.. К исходу 1938 г. на Дальстрое числилось 117630 заключенных. В 1939 г. было завезено 70953 человека и “фактически освобождено” (так в документе. – В.Ц.) 26176 заключенных. Следовательно, количество заключенных должно было бы увеличиться почти на 45 тыс. и составлять примерно 162630 человек. Однако в действительности среднесписочная численность заключенных по Дальстрою в 1939 г. определяется в 121915 человек. Следовательно, убыло почти 41 тыс. заключенных, т.е. более 25% их возможного общего количества” [38: 161]. А согласно “точной информации” В. Земскова, во всех лагерях СССР в 1939 г. умерло 50,5 тыс. человек. Надежна ли эта цифра? По оценке В. Цаплина, изучавшего финансовую отчетность об использовании труда заключенных за 1939 г., наиболее полно представленный в документах, “через лагеря, колонии, тюрьмы и другие места заключения в 1939 г. прошло 2103 тыс. человек. Из них погибло не менее 525 тыс. человек” [38: 161]. Но, конечно, и эту оценку нельзя принимать на веру.

Рис. 3. Изменение среднегодовой численности заключенных и годового числа смертей в лагерях (1930 = 1) и лагерях и колониях (1939 = 1)

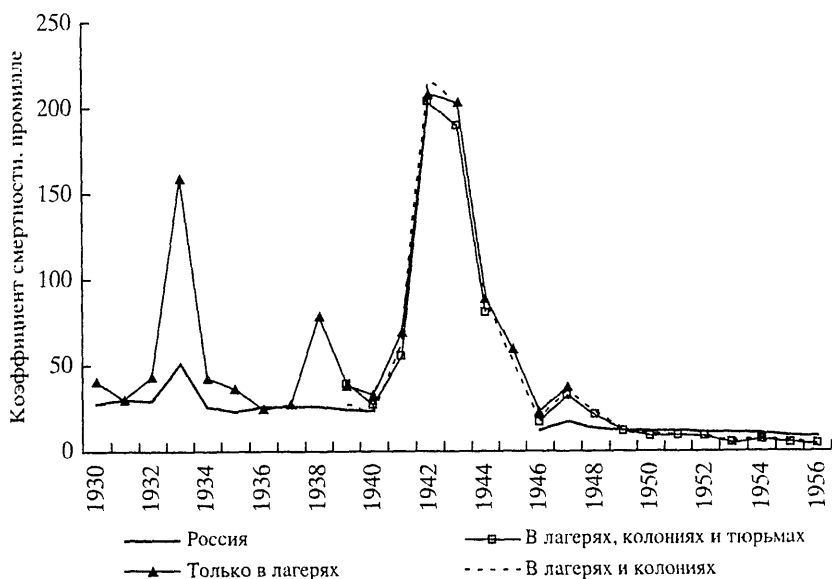

Рис. 4. Общий коэффициент смертности населения России и заключенных в 1930–1956 гг., в ‰

**Общий коэффициент смертности населения России
и заключенных в 1930–1956 гг., в %**

Год	Россия	В лагерях, колониях и тюрьмах		В лагерях и колониях		Только в лагерях		
		расчет на осно- вании табл. 1 и 3	ОУРЗ* ГУЛАГа	расчет на осно- вании табл. 1 и 3	ОУРЗ* ГУЛАГа	расчет на осно- вании табл. 1 и 3	ОУРЗ* ГУЛАГа	Санотдел ГУЛАГа
1930	2,73					4,08	4,2	
1931	3,03					3,03	2,9	3,6
1932	2,98					4,38	4,8	4,8
1933	5,10					15,94	15,3	15,7
1934	2,61					4,26		4,2
1935	2,36		2,75			3,62		3,6
1936	2,62		2,11			2,48		2,4
1937	2,62		2,42			2,79		3,0
1938	2,56		5,35			7,83		5,5–5,7
1939	2,39	3,89		2,69	3,1	3,79		3,3
1940	2,32	2,67		2,30	2,72	3,28		
1941		5,53		6,23	6,1	6,93		
1942		20,30		21,62	24,9	20,74		
1943		18,91		20,11	22,4	20,27		
1944		8,00		8,67	9,2	8,84		
1945				5,18	5,95	6,00		
1946	1,23	1,67		1,80	2,2	2,33		
1947	1,70	3,19		3,45	3,59	3,72		
1948	1,31	2,07		2,24	2,28			
1949	1,17	1,13		1,19	1,21			
1950	1,15	0,92		0,96	0,95			
1951	1,16	0,85		0,89	0,92			
1952	1,07	0,78		0,83	0,84			
1953	1,04	0,47		0,51	0,67			
1954	1,03	0,63		0,70	0,69			
1955	0,93	0,46		0,52	0,53			
1956	0,84	0,34		0,40	0,4			

* Отдел учета и распределения заключенных.

Источники: [Табл. 1 и 3; 16: 63–64; 8: 441–442].

То же относится к общему коэффициенту смертности. В одни годы он в разы превосходит соответствующий коэффициент по России в целом, в другие – опускается даже ниже общероссийского показателя (табл. 4 и рис. 4). Чем можно объяснить, скажем, резкое снижение смертности в лагерях в 1935–1936 гг.? Не-

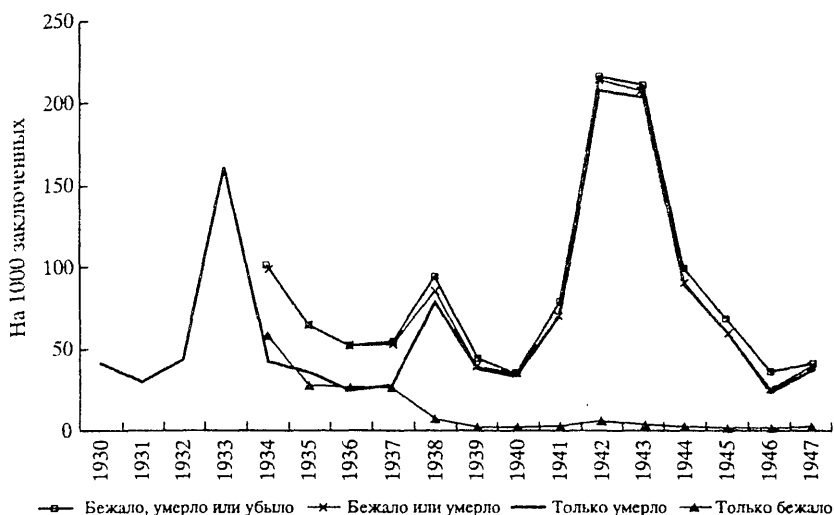

Рис. 5. Коэффициенты убыли числа лагерных заключенных в результате смертности, побегов и убыли по “прочим причинам” в 1930–1947 гг., в ‰

уже после убийства Кирова в конце 1934 г. в них был установлен санаторный режим?

Еще одна странная особенность архивных сводок 1930-х годов: в них указывается огромное число побегов (рис. 5). Например, в 1934 г. в лагерях умерло 26,3 тыс. человек, а бежало из них 83,5 тыс., и хотя часть бежавших была поймана, число безвозвратно бежавших составило 36,7 тыс., т.е. значительно больше числа умерших. Просто решето какое-то, а не ГУЛАГ. А в сводках фигурирует еще какая-то “прочая убыль” – помимо умерших, бежавших, освобожденных и переведенных в другие места заключения. В 1938 г., например, она составила 8,8 тыс. человек, в 1939 – 6,2 тыс. Не была ли эта странная убыль – от побегов и “прочая” – просто маскировкой убыли от огромной смертности, что естественным образом и предположили исследователи [22; 44]? И трудно возражать против логики Уиткрофта, который рассматривал приведенные в архивных документах показатели смертности как минимальную оценку ее уровня, не исключая того, что максимальная оценка должна включать и убыль – от побегов и “прочую” [44: 1339]. В этом случае показатели смертности становятся более правдоподобными, хотя их снижение в 1935–1936 гг. все равно остается трудно объяснимым.

Если произвести такую максимальную оценку, то “совершенно точные” 964 тыс. умерших в лагерях за 1934–1947 гг., о кото-

**Число умерших и "избыточная смертность" заключенных
в 1934–1940 гг. по минимальной и максимальной оценке**

Год	Число смертей в лагерях		Разница между фактическим и "нормальным" числом смертей				
	"нормальное"	фактическое		в лагерях		в пересчете на все места заключения	
		мини-мум	макси-мум*	мини-мум	макси-мум*	мини-мум	макси-мум*
1934	6420	26295	62957	19875	56537	23739	67529
1935	6726	28328	50804	21602	44078	31760	64806
1936	7650	20595	43468	12945	35818	18471	51108
1937	10271	25376	49789	15105	39518	21334	55814
1938	13916	90546	108678	76630	94762	134537	166371
1939	15221	50502	59250	35281	44029	51315	64039
1940	13614	46665	49834	33051	36220	49336	54067
Итого	73817	288307	424780	214490	350963	330493	523732

* Максимальная оценка включает число показанных умершими плюс число безвозвратно бежавших и "прочую" убыль.

рых писал В. Земсков, увеличиваются до 1156 тыс., а 1761 тыс. умерших за это же время во всех местах заключения, полученные нами выше на основе опубликованных архивных данных, превращаются в 2067 тыс. Категорически настаивать на точности этой оценки, конечно, нельзя, но то, что и минимальная оценка не безупречна и, скорее всего, занижена, тоже не вызывает сомнений.

Как бы высока ни была смертность заключенных, не вся она объясняется самим фактом заключения, какая-то часть смертей неизбежна и на воле. Какую часть смертности заключенных следует отнести на счет тюремно-лагерного режима?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним фактическое число смертей в местах заключения с "нормальным" числом смертей в населении, имеющем ту же численность и возрастно-половую структуру, что и заключенные, и возрастные коэффициенты смертности, наблюдавшиеся в соответствующие годы у всего населения России. В табл. 5 приведены результаты соответствующего расчета. Он выполнен вначале только для заключенных лагерей, в отношении которых у нас имеются необходимые данные за 1934–1940 гг., а затем его результаты распространены на другие места заключения.

Как видим, смертность заключенных была катастрофически высока, в 4–6 раз превышала смертность на воле. В конце 1930-х годов в лагерях, колониях и тюрьмах находилось примерно 3% взрослого населения России в возрасте от 15 до 59 лет, а число умерших среди заключенных составляло от 12% всех умерших в этом возрасте в России в 1940 г. до 29% в 1938. (Число заключенных относится ко всему СССР, так что сопоставление с Россией здесь служит лишь для того, чтобы оценить масштаб явления.)

Так было перед войной, а в годы войны смертность заключенных резко повысилась (рис. 3). «Все донесения администрации ГУЛАГа в 1941–1944 гг. признают чудовищное ухудшение условий в лагерях во время войны. Лагеря были перенаселены, “жилая площадь”, предоставленная каждому заключенному, упала с 1,5 до 0,7 м² на человека, и это означало, что заключенные спали на нарах по очереди... В 1942 г. “калорийная норма питания” упала на 65% по сравнению с довоенным уровнем. Заключенные голодали, и в 1942 г. тиф и холера снова появились в лагерях; согласно официальным данным, около 19000 заключенных умерло от них» [4: 222]. «В докладной записке санотдела ГУЛАГа за 1945 г. отмечалось: “По возрастному признаку наибольший процент смертности падает на группу от 20 до 40 лет, т.е. на лиц, наиболее предрасположенных к туберкулезу легких, алиментарной дистрофии и пеллагре. По категорийному составу наибольшая смертность падает на 4-ю категорию – 67,4%, 3-я категория дает 28,9% смертности. Таким образом, почти вся смертность – 96,3% идет за счет 3 и 4 категорий физтруда”... Во время войны при снижении норм питания одновременно возросли нормы выработки» [13: 22]. Не удивительно, что даже по архивным данным, скорее, все же неполным, число умерших заключенных за 1941–1945 гг. составило не менее 1,1 млн человек [11: 51–52; 8: 441–442].

Конечно, во время войны смертность повысилась и на воле, но едва ли превышение смертности заключенных над смертностью всего населения России стало меньшим, чем оно было в конце 1930-х годов. Так что вполне можно предположить, что на протяжении всего периода с 1930 по 1953 г. в среднем оно было, как минимум, пятикратным, а значит, при общем числе смертей порядка 2 млн, избыточные смерти, непосредственно обусловленные всеми обстоятельствами ареста, следствия, суда и заключения, составили 1,6 млн. Совсем немало, если учесть, что во всей России, скажем, в 1950 г. умерло 1,2 млн человек, а среди заключенных преобладали люди цветущих возрастов.

А как обстояло дело со смертностью другой крупнейшей группы репрессированных – спецпоселенцев?

Здесь также нет систематической и полной статистики, но есть множество свидетельств и фрагментарных оценок. Наиболее высокой была смертность в первые месяцы и годы высылки – транспортировка и вселение на новые места происходили в чудовищных условиях.

Огромными были потери “кулацкой ссылки”. Даже если об этом имеется только разрозненная информация, она достаточно красноречива. Например, в письме наркома внутренних дел РСФСР В. Толмачева сообщается, что только за март и 10 дней апреля 1930 г. в Архангельске из 8 тыс. детей в высланных семьях заболело 6007, из которых умерло 587, т.е. более 7% за 40 дней – и такой процент смертности детей – 7–8% – автор письма называет и для других округов Северного края [34: 302]. Другая справка сотрудника НКВД, тоже относящаяся к Северному краю, сообщает, что в 1930 г. в край было вселено 230 тыс. человек. Далее в справке говорится, что 104 тыс. из них были расселены в “поселках” – в бараках, землянках и селениях, прилегающих к поселкам, и о том, что с ними стало дальше, не упоминается. Но в отношении остальных 126 тыс. говорится, что к маю 1931 г. 21,2 тыс. из них, т.е. 17% умерло [34: 662].

С 1932 г. как будто имеются уже сводные данные, но и они вызывают немало вопросов. Сообщается, что за 1932–1940 гг. умерло 389,5 тыс. человек, из которых 281,4 тыс. приходятся на первые три года (1932–1934) [15: 150–151]. В табл. 6 показатели смертности (и рождаемости, которая резко упала) спецпоселенцев приведены в сопоставлении с соответствующими показателями для всего населения России, в эти годы, как известно, тоже крайне неблагоприятными. Разумеется, среди раскулаченных были выходцы не только из России, да и расселяли их не только в России, таблица имеет иллюстративный характер, но она показывает, какой страшный демографический шок испытали миллионы “раскулаченных”.

Как ни велики приведенные показатели смертности спецпоселенцев, весьма сомнительно, чтобы они были полными и надежными. Публикуемые данные часто с очевидностью противоречат друг другу. Так, по сводным данным, в 1932 г. при среднегодовой численности спецпоселенцев свыше 1,2 млн человек из них умерло 89,8 тыс. В то же время, приводятся, например, данные о том, что только в Нарымском крае, где к 1 июня 1931 г. было около 51 тыс. спецпоселенцев, а в начале 1932 г. – около 196 тыс. (15% всех спецпоселенцев на эту дату), за период с июня 1931 по май 1932 г. умерло 25,2 тыс. человек [19: 160–161], т.е. 28% всех спецпоселенцев, умерших в СССР за 1932 г. Это соотношение мало правдоподобно.

**Рождаемость и смертность спецпоселенцев
и всего населения России**

Год	Среднегодовая численность спецпоселенцев, тыс.	Коэффициент рождаемости, ‰		Коэффициент смертности, ‰	
		спецпосе- ленцы	все насе- ление России	спецпосе- ленцы	все насе- ление России
1932	1229,6	14,7	39,3	73,0	29,8
1933	1107,3	15,4	32,3	136,9	51,0
1934	1023,1	13,7	28,7	39,1	26,1

Источник: [15: 150–151].

В условиях неразберихи и неподготовленности внезапной насильственной транспортировки многих сотен тысяч людей было не до учета, да и особой заинтересованности в таком учете у властей – и местных, и центральных – не могло быть. Время от времени какая-нибудь проверка вскрывала “отдельные недостатки”, но это, конечно, не меняло общей ситуации, и можно с уверенностью утверждать, что отчеты о смертности среди спецпоселенцев того времени – сугубо “ориентировочные”¹⁷, с явным уклоном в сторону занижения.

Но, кроме того, и здесь, как и в случае с заключенными, поражает огромное число безвозвратно бежавших (бежавшие минус возвращенные из бегов в течение года). Хотя бежать из спецпоселений было, видимо, легче, чем из лагеря или колонии, считать, что сделать это и укрыться потом на воле, было очень просто, тоже нет оснований. Поэтому цифра 373 тыс. безвозвратно бежавших из спецпоселений за 1932–1934 гг., при том, что в 1936 г. их показано всего 3 тыс., вызывает, по меньшей мере, удивление. Правда, в том же 1936 г. показано 95 тыс. безвозвратно убывших по “прочим причинам”, тогда как в 1932 г. их было 5 тыс., а в 1935 – вообще всего 1 тыс. Все эти странные цифры, так же, как и их необъяснимые резкие колебания от года к году, хорошо видные на рис. 6, лишь усиливают сомнения по поводу достоверности архивной статистики смертности “кулацкой ссылки”.

¹⁷ К примеру, гулаговский начальник, совершавший летом 1931 г. инспекционную поездку в одном из районов Нарымского края, сообщал, что “смертность на отдельных участках, преимущественно детей, в момент моего нахождения, была 10–35 человек в сутки. В данное время ориентировочно цифру смертности можно исчислять около 1000 человек” [19: 165].

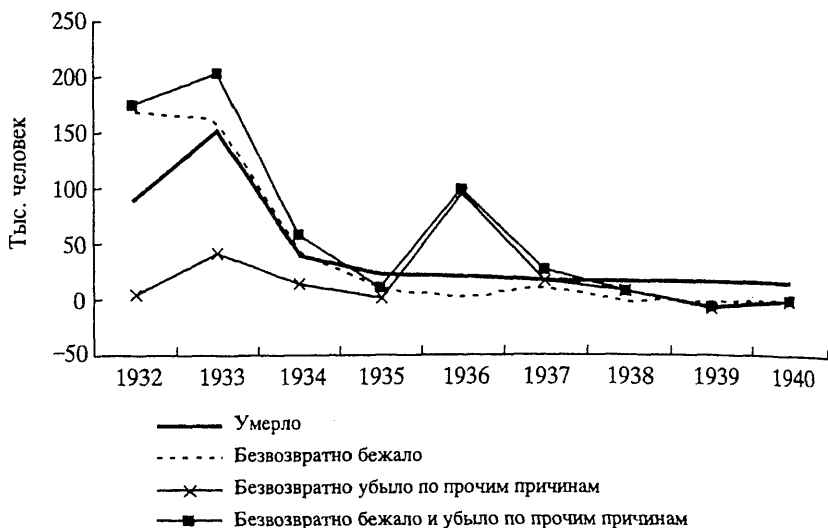

Рис. 6. Умершие, бежавшие и выбывшие по прочим причинам из числа спецпереселенцев/трудопоселенцев (“кулацкая ссылка”) в 1932–1940 гг., в тыс. человек

Источник: [15: 150–151]

Нужно поверить, например, в то, что в 1932–1934 гг. число умерших среди “раскулаченных” менялось так же, как и среди всего населения России (рост в 1933 г. на 70% и сокращение в 1934 примерно на 75%), а избыточная убыль в эти годы объясняется огромным числом побегов: из 715 тысяч убиавших по трем указанным на графике причинам только 281 тыс. человек умерли, а остальные 434 тыс. были живы и здоровы, хотя и не вполне ясно, где они находились. Поверить в это трудно.

Огромной смертностью – в дороге и в первые годы жизни на новом месте – сопровождалась и депортация народов. Так, по некоторым оценкам, только во время транспортировки умерло 7889 из 191044 депортированных крымских татар (5%), 3494 из 40900 балкарцев (8%), 1220 из 93139 калмыков (1,3%)¹⁸. Тот же

¹⁸ Подобные оценки оспариваются. В. Земсков, возражая Максудову, клеймит “грандиозный миф о якобы колоссальных потерях депортированных во время транспортировки”. “Г-н Максудов должен усвоить как аксиому, что если было выселено 194,1 тыс. крымских татар, то в места высылки поступило из них не менее 193,8 тыс. Смертность при транспортировке составляла, как правило, от 0,1 до 0,2%” [18]. В. Земсков верит в известные ему документы, но документ – это не обязательно – справка, составленная чиновником из “органов”. Вот одно из свидетельств людей, переживших депортацию крымских татар. “В накрепко закрытых вагонах люди умирали, как мухи, от голода и недостатка

источник приводит оценки общего числа умерших между депортациями 1944 г. и перерегистрацией 1949 г.: 24,7% депортированных с Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев); 19,3% депортированных из Крыма, 15,7% депортированных из Грузии, 17,8% калмыков [30: 15–16]. “Между ноябрем 1944 и июлем 1948 г. 19540 выселенных месхетинцев, курдов и хемшинов, т.е. 21% от всех спецперемещенных, умерли. Такой процент смертности (от 20 до 25%) одинаков для всех репрессированных режимом народов” [4: 221–222]¹⁹.

Эти оценки близки к полученным Д. Эдиевым для 10 totally депортированных народов расчетным путем на основании модели “демографического потенциала”: из-за подъема смертности преждевременно погибло более полумиллиона представителей этих народов, или свыше 19% от общего числа депортированных для всех 10 народов при значительных различиях в коэффициенте потерь между ними (табл. 7).

Д. Эдиев оценил и потери, связанные с сокращением рождаемости, а значит и общие демографические потери в первые годы после депортации. Согласно его расчету, потери численности населения от падения рождаемости были даже большими, чем прямые потери от подъема смертности (но в отличие от прямых потерь, позднее они были отчасти компенсированы, благодаря повышению рождаемости). Общие демографические потери 10 народов к началу 1950-х годов превысили 1 млн человек [40: 302]

Впоследствии численность многих депортированных народов довольно быстро росла, но даже к 1989 г. они так и не смогли полностью оправиться от последствий депортаций – их долгосрочные демографические потери составили от 10–20 до 30–40% возможной численности при отсутствии депортаций.

Позволяют ли все приведенные данные подойти к общей оценке хотя бы прямых людских потерь, т.е. потерь от повышен-

воздуха: нам не давали ни пить, ни есть... Когда, наконец, открыли двери посреди казахстанской степи, то дали военный паек, не давая пить, приказали выбросить трупы прямо возле железнодорожного пути и не дали их закопать, после чего мы снова отравились в путь” [4: 219]. “Аксиоматические” 0,2% – это месячная норма смертности населения России в предвоенном 1940 г. И мы должны поверить, что такой же и даже более низкой она была в этих страшных эшелонах, наполненных стариками и женщинами с детьми?

¹⁹ Об обстановке, в которой проходили депортации, говорит чудовищная история сожжения заживо 705 запертых в конюшне жителей высокогорного аула Хайбах 23 февраля 1944 г. Из-за снегопада они не могли спуститься с гор [36]. До трагедии в Орадур-сюр-Глан, где погибло 642 человека, оставалось немногим больше трех месяцев.

**Оценка прямых людских потерь 10 депортированных народов
в 1944–1952 гг. (для корейцев – с 1939 по 1945, для немцев – с 1942 г.)**

	Депортировано, тыс.	Из них прямые людские потери до 1951 г.	
		в тыс.	в %
Корейцы	172,5	28,2	16,3
Финны	105,0	18,8	17,9
Немцы	1276,9	228,8	17,9
Карачаевцы	71,9	13,1	18,3
Калмыки	104,1	12,6	12,1
Чеченцы	412,5	125,5	30,4
Ингуши	96,3	20,3	21,1
Балкарцы	39,4	7,6	19,3
Крымские татары	200,0	34,2	17,1
Турки-месхетинцы	102,1	12,9	12,6
Итого	2580,8	501,9	19,4

Источник: [40: 302].

ной смертности вследствие сталинских репрессий за период с конца 1920-х до 1953 г.? Скорее всего, нет. Информации все еще мало, она неполна и ненадежна.

По одной из оценок (Д. Волкогонова), в результате репрессий с 1929 по 1953 г. в СССР погибло 21,5 млн человек [12]. У нас столько не набирается. То, что удастся как-то подсчитать и критически оценить, позволяет говорить примерно о 4–6 млн убитых или доведенных до преждевременной смерти в местах заключения, во время депортаций и жизни в “спецпоселениях”.

Но, конечно, эту оценку нельзя считать окончательной. Пока исследователям доступны далеко не все необходимые для такой оценки данные. Хотя за последние 10–15 лет секретные архивы приоткрыли свои двери, и в научный оборот поступила огромная недоступная ранее информация, очень многое остается еще за семью печатями. “Бывший архив КГБ СССР, – писал незадолго до конца столетия один из высоких архивных чинов. – Почище сердца Кашея Бессмертного, надежно упрятанного в глухих лесах, он по-прежнему величественно недосыгаем... В этом архиве – море информации об империи ГУЛАГ. Без нее все имеющиеся исследования по данной теме можно считать только предварительными набросками” [29].

Проблема оценки демографических последствий политических репрессий советского времени еще ждет своих исследователей.

Литература

1. Антонов-Овсеев А. Враги народа. М., 1996.
2. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: “Согласно Вашему указанию...”. М., 1995.
3. В Комитете государственной безопасности СССР // Известия, 13 февраля 1990 г.
4. Верт Н. Государство против своего народа: Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе // Куртуа С., Верт Н., Пайне Ж.-Л. и др. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999.
5. Волков А.Г. Перепись населения 1937 г.: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 г.: история и материалы. Экспресс-информация. Серия “История статистики”. Вып. 3/5, ч. 2. М., 1990.
6. Волкогонов Д.А. (1988). Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992.
8. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960: Документы. М., 2000.
9. Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7.
10. Дугин А., Малыгин А. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7.
11. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999.
12. Жертвы войны и репрессий: цифры стали точнее // Известия, 1995. 8 авг.
13. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6.
14. Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10.
15. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции: Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Институт российской истории, 1994.
16. Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: Социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4.
17. Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России / Universe of Russia. 1999. № 4.
18. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995.
19. Красильников С.А. Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
20. Ленинградский мартиролог, 1937–1938. СПб., 1995.
21. Максудов С. Потери населения СССР. Benson; Vermont: Chalidze Publications, 1989.
22. Максудов С. О публикациях в журнале “СОЦИС” // Социологические исследования. 1995. № 3.
23. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990.
24. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1: 1900–1939 гг. М., 2000.
25. Перечень контингентов спецпоселенцев с указанием оснований к их выселению, содержанию на спецпоселении и численности их // Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Материалы к серии “Народы и культуры”. Вып. XII, ч. 1. М., 1992.
26. Погромы // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Иерусалим, 1992.
27. Полян П. У истоков советской депортационной политики: выселения белых казаков и крупных землевладельцев (1918–1925) // <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm> [2003]

28. Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2.
29. Прокопенко А. Архивы снова закрываются // Известия. 1997. 25 сент.
30. Репрессированные народы Советского Союза: Наследие сталинских депортаций: Отчет Хельсинкской группы по правам человека. 1991. Сент.
31. Ростиков Е. По кому стреляют Куропаты (Еще раз о том, как жертвы немецких фашистов превратили в жертвы “сталинских репрессий”) // Завтра. 2000 г. 22 авг.
32. Рыбаковский Л.Л. Роковые – тридцать седьмые // Народонаселение. 2003. № 1.
33. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
34. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: Документы и материалы. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. М., 2003.
35. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ.
36. Тимофеева О. Сопротивляемость организма // Известия. 2004. 18 марта.
37. Хорев Б. Правда против лжи // Народная правда. (СПб.) 1992. № 38.
38. Циплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. 1991. № 4/5.
39. Шишов О. Смертная казнь в России в XX веке // Индекс / Досье на цензуру. 2001. № 14
40. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.
41. Getty J.A., Trittersporn G., Zemskov V.N. Les victimes de la répression pénale dans l'URSS d'avant guerre. Une première enquête à partir du témoignage des archives // Rev. Etudes. Slaves. 1993. LXV/4.
42. Heitman S. The third Soviet emigration: Jewish, German and Armenian emigration from the USSR since World War // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1987. № 21.
43. Khlevniouk O. Le cercle du Kremlin. Staline et le Bureau politique dans les années 1930: les jeux du pouvoir. P., 1996.
44. Wheatcroft S.G. The scale and nature of German and Soviet repression and mass killings, 1930–45 // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 8.

ВОСТОК И ЗАПАД ЕВРОПЫ: РАЗНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ¹

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Восточная Европа – не столько в географическом, сколько в политическом смысле – включает в себя 10 государств, до 1992 г. входивших в состав бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Россия, Украина, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония), 5 государств, образовавшихся при распаде бывшей СФРЮ (Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия и Югославия), бывшие недавно единым государством, но разделившиеся Чешская и Словацкая республики, а также 5 других, до конца 80-х годов именовавших себя “социалистическими” стран (Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния), однако в нее не входят Греция и Турция, географически также относящиеся к Восточной Европе, но в контексте этой статьи относящиеся к остальной Европе, называемой здесь “Западной”². Всего, стало быть, “Восточная Европа” в нашем понимании охватывает 22 страны, на долю которых приходится две трети территории и населения всего европейского пространства “от Атлантики до Урала” (6,7 из 10 млн кв. км) и почти половина его населения (354 из 727 млн человек в 2001 г.). Но при этом Россия, которая рассматривается, конечно, как единое целое, имеет и огромную азиатскую часть, слабо населенную, но по территории (12,8 млн кв. км) превосходящую всю Европу (табл. 1).

Восточная Европа – географический и исторический перекресток, на котором издавна встречались разные религии, культуры и цивилизации, регион, и сегодня отмеченный значительной

¹ Опубликовано с сокращениями: Des populations aux destins démographiques contrastés // L'Europe post-communiste. Sous la direction de D. Colas. Presse Universitaires de France P., 2002. С. 393–439.

² В некоторых случаях логика изложения побуждает рассматривать в составе Восточной Европы также и бывшую ГДР.

Территория и население восточноевропейских стран, 2001

Страна	Территория, кв. км	Население, в млн человек	Страна	Территория, кв. км	Население, в млн человек
Страны Центральной и Восточной Европы			Бывшие республики СССР		
Албания	27	3,4	Азербайджан	86	8,1
Болгария	111	8,1	Армения	30	3,8
Босния и Герцеговина	51	3,8	Белоруссия	208	10
Венгрия	92	10,2	Грузия	70	5,5
Македония	26	2,0	Латвия	64	2,4
Польша	304	38,6	Литва	65	3,7
Румыния	230	22,4	Молдавия	37	4,3
Словакия	49	5,4	Россия	4310*	144,4
Словения	20	2,0	Украина	603	49,1
Хорватия	57	4,4	Эстония	45	1,4
Чешская Республика	79	10,3			
Югославия	102	10,7			
Итого по группе стран	1148	121,3		5518	232,7
Всего				6666	353,7

* Только европейская часть.

этнической и языковой пестротой. И в то же время – это особая часть Европы, обладающая общими чертами, отличающими ее от другой ее части – западной.

Истоки различий между Западной и Восточной Европой тянутся в глубине веков. За ними – давняя оппозиция Европы и Азии, римской и византийской традиций, католицизма и православия, к тому же всегда соседствующего с исламом. А на заре Нового времени появился и еще один фактор разделения, связанный с быстрым капиталистическим развитием Западной Европы. Как писал Ф. Бродель, “с начала XVI в. конъюнктура с двойными, а то и тройными последствиями обрекла Восточную Европу на участь колониальную – участь производителя сырья...” [2: 259]. С этого времени стало нарастать историческое отставание Восточной Европы, которое позднее породило здесь феномен *догоняющей модернизации*. Именно догоняющая модернизация стала одной из главных объективных особенностей восточноевропей-

ского региона и во многом предопределила формы экономической, политической и социальной жизни в большинстве расположенных в нем стран во второй половине XX века.

Полиэтничность и конструирование этнических наций. Другая, тесно связанная с первой и тоже очень важная особенность региона связана с его полиэтничностью, унаследованной от распавшихся уже в XX веке Османской, Австро-Венгерской, а совсем недавно и Российской (Советской) империй. При этом важна не столько сама по себе полиэтничность, сколько то, что пробуждение современного гражданского самосознания восточноевропейских обществ вело к отождествлению себя, в первую очередь, не с национально-государственными, как это было на Западе, а с более архаичными этноконфессиональными целостностями. Отсюда коренное различие в толковании самого понятия “нация” и всего, что с этим связано. В то время, как утвердившаяся на Западе концепция нации признает единственное законное определение национальной принадлежности как *гражданства*, на востоке Европы все еще живо стремление сохранить государственно узаконенные, институционализированные расовые, культурно-лингвистические, религиозные и т.п. перегородки, не совпадающие с государственными границами, а нередко и утопическое стремление реализовать недостижимый идеал “этнически чистого” государства.

Между тем если следовать “восточным” критериям национальной принадлежности, то к концу 80-х годов лишь некоторые из государств региона – Албания, Венгрия, Польша – подошли как мононациональные, с долей основного этноса превышающей 95%, иногда даже 99%. В других либо явное преобладание основного этноса сочеталось с существенными вкраплениями национальных меньшинств (Болгария, Румыния), либо ни один этнос не мог претендовать на то, что он – “основной” (бывшие СССР, Югославия, Чехословакия или входившие в них республики) – см. табл. 2.

Для СССР и Югославии, имевших федеративное устройство, было характерно перемешанное, чересполосное расселение разных этносов, из-за чего многонациональными оказывались и более мелкие – “союзные” и “автономные” государственные образования, так что при переходе на каждый новый уровень воспроизводилась все та же этническая чересполосица. И после распада СССР многочисленные “национальные” республики сохранились в России, Нагорный Карабах остался внутри Азербайджана, после распада Югославии два автономных “национальных” образования унаследовала Сербия. С другой стороны, большое число русских по-прежнему жило на Украине, в Казахстане, Молдавии, Латвии, Эстонии, свыше 4 млн украинцев и свыше 1 млн белорусов – в России, сербы и хорваты составляли чуть не половину на-

**Доля наиболее многочисленных этносов
в населении восточноевропейских стран, в процентах**

Страна	Год	Первый по численности	%	Второй по численности	%	Остальные, %
Азербайджан	1989	Азербайджанцы	82,7	Армяне Русские	5,6 5,6	6,1
Албания		Албанцы				
Армения	1989	Армяне	93,3	Азербайджанцы	2,6	4,1
Белоруссия	1989	Белорусы	77,8	Русские	13,2	9,0
Болгария		Болгары		Турки		
Босния и Герцеговина	1981	Боснийские мусульмане	39,5	Сербы	32,0	28,5
Венгрия		Венгры		Хорваты		
Грузия	1989	Грузины	70,2	Армяне	8,1	21,7
Латвия	1989	Латыши	52,0	Русские	34,0	14,0
Литва	1989	Литовцы	79,6	Русские	9,4	11,0
Македония	1981	Македонцы	67,0	Албанцы	19,8	13,2
Молдавия	1989	Молдаване	64,4	Украинцы	13,8	21,8
Польша		Поляки				
Россия	1989	Русские	81,5	Татары	3,8	14,7
Румыния		Румыны		Венгры		
Сербия	1981	Сербы	66,4	Албанцы	14,0	19,6
Словакия	1988	Словаки	86,7	Венгры	10,9	2,4
Словения	1981	Словенцы	90,5	Хорваты	2,9	6,6
Украина	1989	Украинцы	72,6	Русские	22,0	5,4
Хорватия	1981	Хорваты	75,1	Сербы	11,6	13,3
Черногория	1981	Черногорцы	68,5	Боснийские мусульмане	13,4	18,1
Чешская Республика	1988	Чехи	94,1	Словаки	4,0	1,9
Эстония	1989	Эстонцы	61,5	Русские	30,3	8,2
Украина	1989	Украинцы	72,6	Русские	22,0	5,4
Бывший СССР	1989	Русские	50,8	Украинцы	15,5	33,7
Бывшая Югославия	1981	Сербы	36,3	Хорваты	19,7	44,0
Бывшая Чехословакия	1988	Чехи	62,8	Словаки	31,9	5,3

селения Боснии и Герцеговины, значительной была численность сербов в Хорватии и т.д. Этническая пестрота была характерна и для “национальных” образований внутри бывших союзных республик. В крупнейшем из таких образований внутри России – Республике Татарстан – в 1989 г. проживало всего 27% живших в СССР татар (не считая крымских татар) и они составляли всего 48% населения республики, на долю русских приходилось 43%. В Косово – автономной области внутри Сербии (с 1974 по 1989 г.) – помимо албанцев (77,4% в 1981 г.) проживало еще 13,2% сербов.

Иногда подобное сожительство было долгим, многовековым, иногда – сравнительно недавним, но ни в том, ни в другом случае оно нигде не привело к возникновению единой нации в западном смысле этого слова. На протяжении всей второй половины XX века в “союзных” государствах нарастали центробежные тенденции, усиливалась тяга этносов к самостоятельной государственности. В конце столетия это привело к многочисленным острым конфликтам, даже к войнам между вчерашними согражданами.

Объяснения этих конфликтов можно искать в многовековой истории или в особенностях восточноевропейских политических режимов недавнего прошлого, в различии религиозных традиций или в политизированном националистическом возбуждении последних десятилетий XX века. Но никакое объяснение не будет полным, если не учесть особенностей догоняющей модернизации восточноевропейских обществ и ее асинхронности у разных народов. Культурно-лингвистические различия между русскими, украинцами и белорусами, между сербами и хорватами, чехами и словаками никак не больше, чем, например, между бретонцами, провансальцами и эльзасцами, между ними никогда не было столь острых религиозных распрей, как между французскими католиками и протестантами, они были связаны многовековой общностью исторических судеб, и тем не менее непреодоленная социальная архаика восточноевропейских обществ не позволила им объединиться в единые нации-государства, как это произошло во Франции. Тем более это оказалось невозможным для народов, имеющих значительные культурно-религиозные различия. Сегодня русские и эстонцы, армяне и азербайджанцы, сербы и боснийцы и т.д. – часто не просто разные расовые, культурно-лингвистические или культурно-религиозные общности, как это было еще сто лет назад. Это – разные исторические типы социума, ибо они находятся на разных стадиях модернизации, перехода от аграрного, сельского к индустриальному, городскому обществу.

Демографическая модернизация, осуществляющаяся в форме так называемого “демографического перехода”, – одна из важ-

нейших сторон общей модернизации. Все демографические процессы в Восточной Европе подчинены общим модернизационным закономерностям, в главном единым для всего мира. Но в то же время, будучи одновременно и причиной и следствием более общих перемен, они имеют и ярко выраженные особенности, отражающие культурно-историческую специфику и противоречия восточноевропейской модернизации. Различия, охватившие все стороны жизни западных и восточных европейцев, не могли, конечно, не дать себя знать и в демографической сфере. Уже задолго до начала демографического перехода на западе и на востоке Европы сложились две разные демографические модели, с началом перехода различия какое-то время увеличивались, потом стали уменьшаться, но не исчезли и в момент, когда мир вступает в третье тысячелетие, все еще остаются значительными.

УРБАНИЗАЦИЯ

Урбанизация – рост числа городов и доли городского населения, распространение городских, “буржуазных” принципов организации социальной жизни – одно из главных проявлений модернизации.

К середине XX столетия в большинстве государств Западной Европы доля городского населения превысила 50%, только

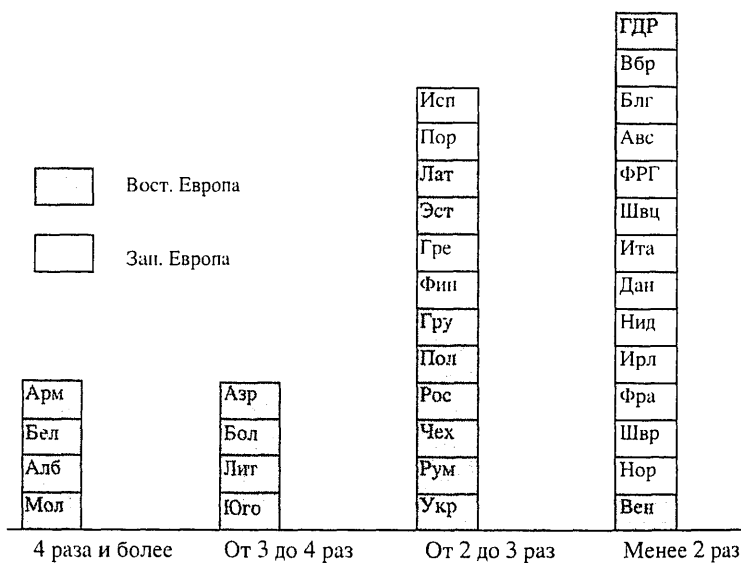
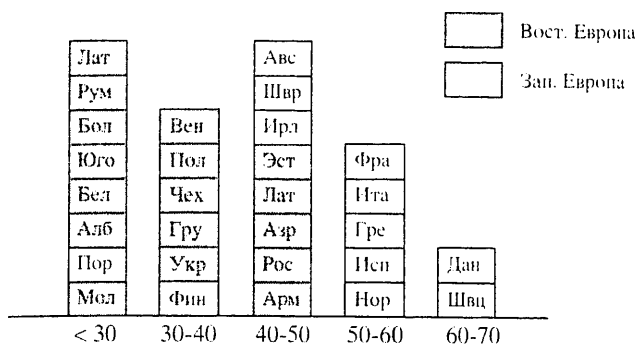
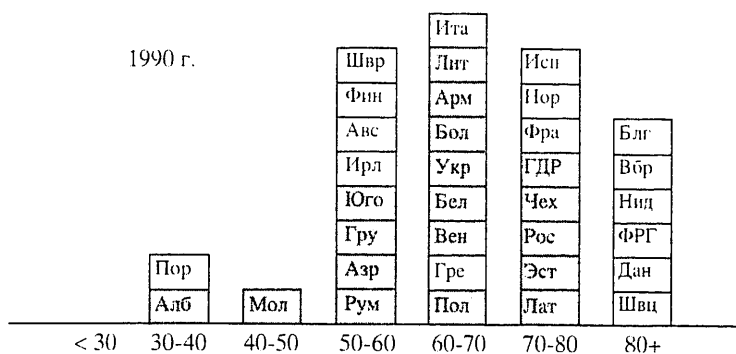

Рис. 1. Распределение стран по темпам роста городского населения за 1950–1990 гг.

1950 г.

1990 г.

2001 г.

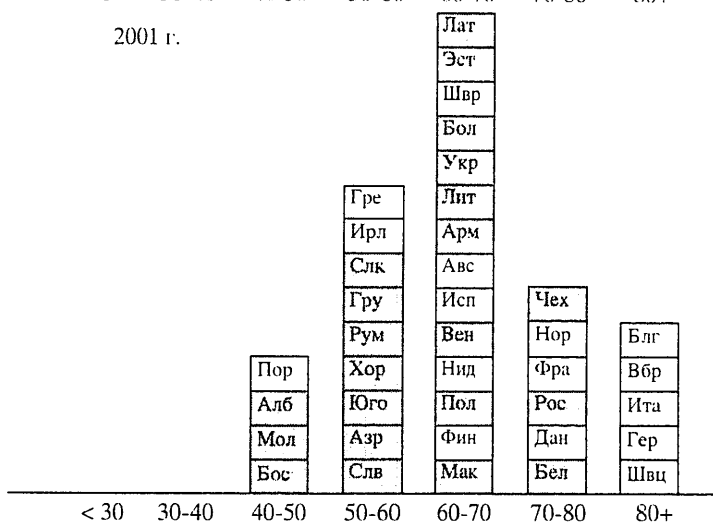

Рис. 2. Распределение европейских стран по доле городского населения

в двух из них она была ниже 40%. Напротив, в Восточной Европе не было ни одной страны, за исключением ГДР, которая достигла бы 50-процентного рубежа, и почти на всем пространстве региона сохранялись еще ощутимые черты отсталых аграрных обществ.

Но именно вторая половина XX столетия стала временем стремительного роста городского населения в Восточной Европе. За четыре десятилетия в 8 из 18 существовавших до конца 1980-х годов “социалистических” стран оно увеличилось более чем в три раза, еще в 8 странах рост составлял от 2,2 до 2,7 раза. В большинстве же западных стран рост был менее чем двукратным (рис. 1).

В результате к 1990 г. различия в уровне урбанизации между востоком и западом Европы очень сильно ослабели. Подавляющее большинство восточноевропейских стран не только достигло 50-процентного порога доли городского населения, но и значительно превысило его, оказавшись в одном ряду с весьма продвинутыми западными государствами. Только небольшая группа западноевропейских “рекордсменов” урбанизации с долей городского населения 80% и более оставалась впереди всех стран Восточной Европы, в остальных же группах обе части Европы были представлены более или менее равномерно (рис. 2).

К концу столетия, несмотря на образование новых государств в наименее урбанизированных регионах Восточной Европы, в Европе осталось всего 4 страны с уровнем урбанизации ниже 50% – Албания, Босния, Молдавия и Португалия (в 1950 г. таких стран было 22, из них 17 – восточноевропейских).

МИГРАЦИЯ

Внутренние миграции. Стремительная урбанизация восточноевропейских стран потребовала резкого повышения территориальной подвижности их населения. В целом городское население Восточной Европы с 1950 по 1990 год выросло на 150 млн человек, при том, что все ее население увеличилось всего на 112 млн. Стало быть, главным источником роста числа горожан стало перераспределение населения между городом и селом, а главным механизмом этого перераспределения была миграция, которая и обеспечила перемещение в города десятков миллионов сельских жителей Восточной Европы. Массовое переселение сельских жителей в города в течение десятилетий заметно влияло на экономическую, социальную и политическую обстановку в большинстве стран региона и во многом подготовило наступив-

шие в конце столетия политические перемены. К этому времени переток сельского населения в города в большинстве стран региона в основном уже произошел, соответственно ослабели и обусловленные им миграционные потоки.

Впрочем, урбанизация была не единственным фактором, определявшим формирование мощных миграционных потоков. Экономика стран Восточной Европы переживала глубокие структурные изменения, которые приводили к появлению большого числа новых промышленных центров в некогда аграрных областях, к промышленному и сельскохозяйственному освоению новых, почти не освоенных прежде районов. Поэтому повсеместно “вертикальные” миграционные потоки из села в город переплетались с межрегиональными потоками, перераспределявшими население по всей территории каждой страны. Особенно характерно это было для СССР, обладавшего огромными слабо заселенными и даже вовсе не заселенными территориями.

Отличительной чертой внутренних миграций в Восточной Европе было активное вмешательство государства, пытавшегося поставить этот процесс под свой контроль. Западная Европа тоже пережила массовый исход населения из деревни в города в период быстрого развития промышленности, но, хотя он и там порождал немало проблем, это не ставило под сомнение принцип свободы передвижения граждан, который сам по себе признавался важным социальным завоеванием Нового времени.

В СССР же, как и в некоторых других восточноевропейских странах, стремительность перемен и неспособность урегулировать лавинообразно нараставшие проблемы привели к отказу от этого принципа, место которого заняли разнообразные полусредневековые ограничения подвижности населения с помощью системы внутренних паспортов, так называемой “прописки” – разрешения проживать в том или ином месте, запретов на свободное переселение в большинство крупных городов и т.п.

Внешние миграции. Еще более жестким был контроль “социалистических” государств над внешними миграциями. До Второй мировой войны большинство стран Восточной Европы были типичными странами эмиграции, что привело к возникновению значительных восточноевропейских диаспор за пределами этих стран. Общим местом стало, например, утверждение, что поляков в Нью-Йорке больше, чем в Варшаве.

Однако в послевоенные десятилетия над Восточной Европой опустился “железный занавес”, во всех восточноевропейских странах (кроме Югославии после 1964 г.) действовали строгие ограничения на выезд. После завершения крупных миграционных перемещений в первые послевоенные годы в Восточной Европе

существовало лишь несколько узких и, как правило, строго контролируемых каналов эмиграции: воссоединение семей; дозированная репатриация или эмиграция отдельных национальных, реже религиозных меньшинств, для которых по тем или иным политическим причинам делалось исключение, иногда подталкивающее их к выезду (немцы, евреи, армяне в СССР, турки в Болгарии, евреи в Польше и т.п.); приобретение статуса политических беженцев лицами, не возвращавшимися из деловых или частных поездок, а также выехавшими из некоторых стран в короткие периоды неудавшихся попыток политических реформ (Венгрия в 1956 г., Чехословакия в 1968).

По оценкам, за весь послевоенный период чистая эмиграция из шести восточноевропейских стран (Восточной Германии, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии) составила около 10 млн человек, а без Восточной Германии – примерно 6 млн [7]. Если же исключить из этого числа около 1,5 млн судетских немцев, переселившихся из Чехословакии после войны, и примерно по 200 тыс. человек, покинувших Венгрию в 1956 и Чехословакию в 1968 гг. [17], то всего из пяти стран с общим населением около 100 млн человек в “нормальных” условиях за четыре десятилетия эмигрировало примерно 4 млн. Из Советского Союза, по оценкам, выехало примерно 700 тыс. человек, включая репатриацию граждан довоенной Польши (250 тыс.), легальную эмиграцию евреев (290 тыс.), немцев (105 тыс.) армян (52 тыс.), репатриацию сравнительно малочисленных групп испанцев, греков и корейцев [8]. Обычная же эмиграция по экономическим, семейным и т.п. мотивам была ничтожной.

Официальная пропаганда в СССР и других странах Восточной Европы утверждала, что при социализме здесь отпали побуждения к эмиграции, существовавшие прежде, а потому сошла на нет и сама эмиграция, и это трактовалось как весьма положительный факт. Напротив, случаи репатриации из-за пределов “социалистического лагеря” (например, армян в СССР) всячески рекламировались. Но реальность противоречила пропаганде. С одной стороны, в таких странах, как Югославия или Польша, эмиграция и в послевоенный период не потеряла своего значения. С другой же стороны, было ясно, что в ряде стран масштабы эмиграции искусственно сдерживались. О роли такого сдерживания хорошо говорит пример бывшей ГДР. С 1950 по 1988 г. чистая эмиграция из ГДР в ФРГ составила 4 млн человек, из них 3,5 млн – за первые 12 лет до 1961 г., т.е. до возведения 106-километровой Берлинской стены. О том, насколько жесткими могли быть иногда меры по пресечению эмиграции, свидетельствует тот факт, что при попытках самовольно пересечь Берлинскую

стену за 28 лет ее существования было только убито на месте 254 человека.

Миграционная ситуация в Восточной Европе после 1990 г. С началом быстрых политических перемен в конце 80-х годов общая картина миграций в Восточной Европе значительно изменилась.

Все государства региона официально признали принцип свободы передвижения и ликвидировали или, по крайней мере, смягчили существовавшие прежде ограничения на внутренние перемещения и особенно на въезд в страну и выезд из страны.

Ослабление или отмена ограничений на выезд из восточноевропейских стран во второй половине 1980-х годов, а иногда и ранее, привели к резкому росту “нормальной”, распространенной во всем мире миграции *по экономическим причинам*: в поисках работы, более высоких доходов, самореализации, “утечка умов” и т.п.

Это вызвало тревожные настроения в западноевропейских странах, где опасались, что эмиграционный вал из Восточной Европы будет нарастать и приведет к росту демографического давления на ресурсы Запада. В действительности, огромного “миграционного взрыва”, которого опасались на Западе, не произошло. За первую половину 1990-х годов из Восточной Европы в целом выехало примерно 2,5 млн человек [13: 18], но не все они направлялись в Европу, и нельзя сказать, что потоки “нормальной” экономической миграции нарастали. Например, объем зарегистрированной ежегодной долговременной эмиграции из России, а на нее приходится примерно половина всей эмиграции за пределы бывшего СССР из европейских постсоветских государств (без Закавказья), с 1990 г. установилась примерно на уровне 100 тыс. человек в год и меняется мало.

К тому же далеко не всю эту эмиграцию можно считать экономической. Она включала в себя “этническую” миграцию – репатриацию некоторых этнических групп на свою “историческую родину” (евреев – в Израиль, немцев – в Германию и т.п.), а также обусловленную политическими причинами вынужденную миграцию.

Правда, наряду с более или менее долговременными экономическими миграциями получили широкое распространение и кратковременные миграции экономической природы как между странами Восточной Европы, так и на Запад: сезонная миграция рабочей силы, “челночные” торговые поездки и пр. Кроме того, конечно, не следует недооценивать нерегистрируемую миграцию, не получающую отражения в официальной статистике. Некоторая часть такой миграции имеет криминальный характер, связана с торговлей наркотиками, трафиком людей и пр.

С конца 1980-х годов массовый характер в Восточной Европе стали приобретать *вынужденные* миграции, в большинстве случаев связанные с острыми межэтническими конфликтами. Только на территории бывшего СССР с конца 80-х годов было зафиксировано 7 региональных войн – вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия (в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане, Южной Осетии, Приднестровье, Чечне и Дагестане) и около 20 кратковременных вооруженных столкновений, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения. Все эти конфликты порождали потоки беженцев, иногда очень значительные, причем в большинстве случаев основная масса беженцев так и не смогла возвратиться в покинутые места. Число лиц, покинувших места своего прежнего проживания, в Азербайджане, Армении, Грузии, Молдавии, а также внутри России (в Северной Осетии и Чечне) – исчислялось многими сотнями тысяч.

Распад Югославии также сопровождался острыми вооруженными конфликтами и массовым бегством населения из районов боевых действий. Только в Боснии и Герцеговине в связи с кровавым военным конфликтом вынуждена была оставить свои дома примерно половина ее довоенного населения (4,3 млн человек). Ко времени заключения в 1995 г. Дейтонского мирного соглашения примерно 1,1 млн жителей Боснии оказались перемещенными лицами внутри страны, 510 тыс. эмигрировало в бывшие республики СФРЮ, 600 тыс. – в страны Западной Европы [13: 31]. Новый всплеск вынужденных миграций был связан с событиями в Косово в 1998–1999 гг., вследствие которых многие сотни тысяч албанцев были вынуждены покинуть места своего проживания и превратились в перемещенных лиц, а затем образовали противоположно направленный поток мигрантов, возвращающихся в свои дома.

Новыми для региона стали потоки *транзитных* мигрантов, которые, пользуясь резким ослаблением пограничного контроля вследствие политических перемен 1989–1991 гг., прибывают в Восточную Европу из стран Третьего мира, намереваясь использовать страны этого региона для дальнейшего продвижения на Запад. Десятки и даже сотни тысяч выходцев из Индийского субконтинента, Афганистана, других стран Азии и Африки, нередко пройдя через пять-шесть стран, перемещаются на Запад через Польшу, Чехию, а также через Болгарию, Венгрию, Румынию и Словакию, предварительно проследовав через территорию бывшего СССР. Часть этих мигрантов оседает в странах, которые первоначально они намеревались только пересечь, пребывание других в этих странах иногда надолго затягивается, хотя и не по-

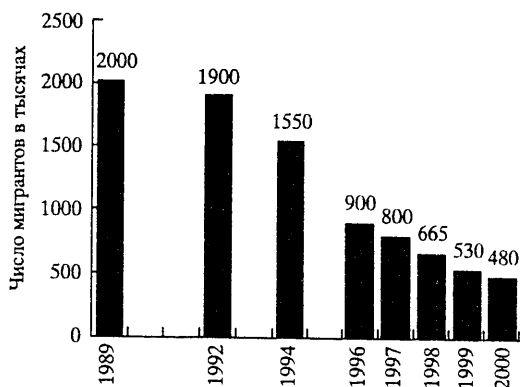

Рис. 3. Миграция между странами СНГ, в тысячах человек
Источник: [4: 165]

лучает обычно законного оформления. Вообще вся транзитная миграция, как правило, замаскирована, имеет нелегальный или полунелегальный характер.

В целом миграционная обстановка в Восточной Европе на рубеже XX и XXI веков имеет промежуточный, отчасти кризисный характер, ее тенденции не вполне определились, что, по-видимому, соответствует переходному состоянию восточноевропейских обществ, переживающих глубокие экономические и политические перемены.

Это особенно хорошо видно на примере бывшего СССР, после распада которого многие межрегиональные миграции из внутренних превратились в межгосударственные и при этом резко сократились в объеме (рис. 3) – тенденция мало соответствующая духу формирующейся рыночной экономики, требующей роста мобильности населения.

При этом *направления* основных миграционных потоков сохраняют преемственность по отношению к предыдущему периоду. В 1980-е годы в СССР главные межрегиональные потоки на бывшем советском пространстве были направлены от менее развитых и урбанизированных к более развитым и урбанизированным республикам. Положительную нетто-миграцию в этот период имели только Россия, Украина, Литва, Латвия и Эстония. Россия – некогда главный поставщик населения в другие районы бывшего Союза – стала получать от них население, начиная еще с середины 70-х годов, когда, по-видимому, и закончилась эпоха длительной восточнославянской колонизации.

Можно ожидать, что по мере того, как кризисная или полукризисная переходная ситуация будет изживаться, “миграцион-

ный застой” будет преодолеваться. Объем миграционных потоков будет нарастать, а их состав меняться таким образом, что миграционные тенденции будут все больше сближаться с западноевропейскими в том смысле, что экстраординарные миграции, порождаемые непредвиденными политическими событиями, будут все больше уступать место достаточно интенсивным “нормальным” долговременным миграциям по экономическим соображениям.

Но наряду со сближением возникают и новые линии раздела между Западной и Восточной Европой вследствие разной направленности политических процессов в них.

Для Западной Европы в последнее десятилетие было характерно усиление интеграционных тенденций, приведших к принятию Шенгенского соглашения, отменяющего всякий миграционный контроль на границах между странами Европейского Союза (за исключением Великобритании и Ирландии) при усилении контроля на внешних границах Союза.

Для Восточной Европы 90-е годы стали периодом нарастающей дезинтеграции. В результате распада союзных государств (СССР, Чехословакии, Югославии) возникли новые границы, пересечение которых становится все менее свободным. Повсеместно вводится таможенный контроль, в ряде случаев установлен визовый режим пересечения границ, например, между новыми независимыми государствами Балтии и другими бывшими республиками СССР, между Россией и Грузией, не исключено, что такой режим в будущем появится и на границах других новых независимых государств.

Еще одним источником появления новых разделяющих линий в Восточной Европе становится готовящееся вхождение 10 стран, входивших в прошлом в восточный блок (Польша, Венгрия, Болгария, Чешской и Словацкой республик, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии и Словении), в Европейский Союз, а следовательно, и в Шенгенскую зону. Претендуя на право свободного перемещения внутри этой зоны для своих граждан, они должны ужесточить режим пересечения своих границ, становящихся внешними границами Европейского Союза, для граждан не входящих в него стран, в частности, для бывших республик СССР, с которыми прежде у них существовал безвизовый обмен.

Таким образом, хотя существенные различия в миграционной ситуации между западом и востоком Европы сейчас значительно отличаются от тех, какие наблюдались еще 10–15 лет назад, говорить об их исчезновении пока нет оснований. Они, скорее, видоизменились, чем отпали, и со временем могут даже усилиться.

РОЖДАЕМОСТЬ

Уровень рождаемости: сближение двух Европ. Сегодняшняя Европа выделяется на фоне всех других крупных регионов мира крайне низкой рождаемостью. В 2001 г., первом году нового тысячелетия, среднемировой показатель суммарной рождаемости (среднее число детей, родившихся в течение года в расчете на одну женщину) составил 2,8. Он очень высок в Африке (5,2), намного ниже, но все же достаточно высок в Азии (2,7) или Америке (2,5), в Европе же (без России) он равен всего 1,4, а в России – и того меньше. Что же касается различий между странами и регионами внутри Европы, то хотя они и существуют, они не особенно велики, и сейчас, с точки зрения *уровня* рождаемости, разделение Европы на Западную и Восточную лишено смысла.

Так было не всегда. Демографический переход и связанное с ним снижение рождаемости в Западной Европе начались намного раньше, чем в Восточной, и на рубеже XIX и XX столетий различия между ними были очень заметными. Но в течение первой половины XX века снижение рождаемости в Европе стало практически повсеместным, различия между двумя частями континента постепенно уменьшались, и к 1960 г. практически сошли на нет (табл. 3).

В 1960 г. значения показателя итоговой рождаемости подавляющего числа европейских стран заключались между 2 и 3, экзотические исключения составляли лишь несколько анклавов, сконцентрированных, если не считать Ирландии (3,8) в основном в юго-восточном углу Европы (Азербайджан – 5,3; Армения –

Таблица 3

**Показатель итоговой рождаемости в некоторых странах
Восточной и Западной Европы, 1900–1990**

	1900	1930	1960	1970	1980	1990	2000
Болгария	6,6	3,7	2,3	2,2	2,1	1,8	1,1
Венгрия	...	2,8	2,0	2,0	1,9	1,8	1,3
Россия	7,1*	5,4**	2,6	2,0	1,9	1,9	1,2
Украина	7,5	4,2	2,3	2,0	2,0	1,9	1,3
Англия и Уэльс	...	2,0	2,7	2,4	1,9	1,8	1,7
Италия	...	3,4	2,4	2,4	1,7	1,4	1,2
Финляндия	4,9	2,8	2,7	1,8	1,6	1,8	1,7
Франция	2,9	2,3	2,7	2,5	1,9	1,8	1,7
Швеция	4,0	2,0	2,2	1,9	1,7	2,1	1,5

* 50 губерний Европейской России; ** Европейская часть СССР.

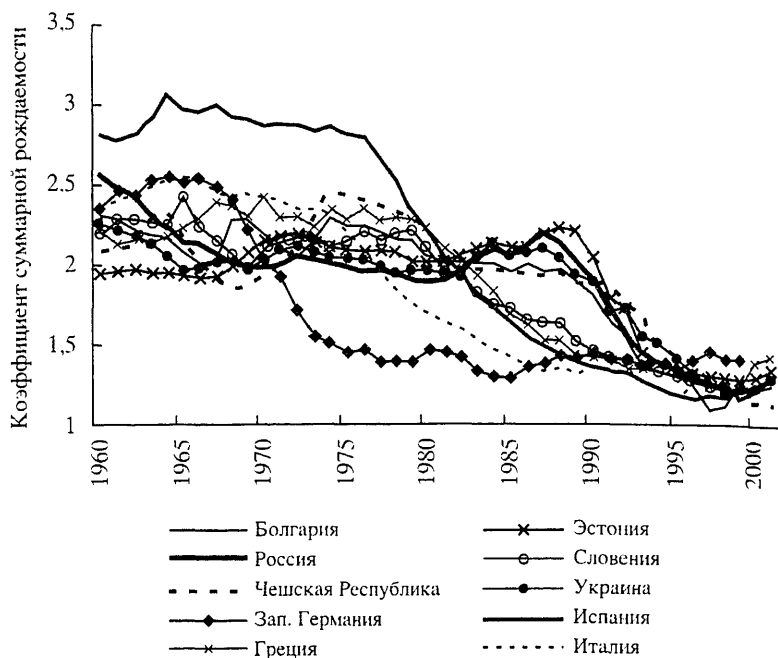

Рис. 4. Снижение рождаемости в некоторых странах Европы

4,3; Турция – более 6; Молдавия – 3,5; Македония – 4,1; Босния и Герцеговина – 3,9; Албания – 6,9). Большинство из этих стран принадлежали к “социалистическому лагерью”. К концу столетия в Европе практически не было стран, в которых уровень рождаемости обеспечивал бы простое замещение поколений, почти во всех странах (кроме, может быть, Турции и Албании) показатель итоговой рождаемости опустился ниже 2.

Динамика рождаемости: различия в траекториях. На протяжении всей второй половины XX века различия в динамике показателей рождаемости на Востоке и на Западе Европы не имели принципиального характера. В обоих случаях рождаемость снижалась, но траектории этого снижения были разными, фазы колебаний не совпадали, так что соотношения показателей в обеих группах стран периодически менялись (рис. 4).

С середины 50-х годов рождаемость в западноевропейских странах росла, в Восточной же Европе этого роста не было. В результате в 60-е годы “социалистические” страны выглядели чем-то вроде “демографической воронки” в Европе, в частности, за счет самой низкой рождаемости. В следующем десятилетии положение поменялось. При общем падении рождаемости, к 1980 году самые низкие показатели оказались в группе западноевро-

пейских стран, и это положение даже усугубилось к 1990 г. Но затем соотношение снова резко изменилось за счет более быстрого падения показателей в Восточной Европе.

Новая конвергенция. Может показаться, что это падение – прямое следствие крушения восточноевропейского “социализма”, связанного с этим экономического кризиса, деградации условий жизни и т.д. Но, скорее всего, это не так. По существу, восточноевропейские страны лишь ускоренно проходят тот путь, который многие страны Западной Европы проделали несколько раньше почти с такой же скоростью в отсутствие каких бы то ни было потрясений и даже в периоды процветания. Среди стран, представленных на рис. 4, этот путь еще в 70-е годы прошла тогдашняя ФРГ, через некоторое время за ней последовала Италия, затем Греция, Испания и – первая из восточноевропейских стран Словения, а уже в 90-е годы к ним присоединились Болгария, Чешская Республика, Россия, Украина и Эстония.

По-видимому, речь идет о более глубоких изменениях, чем те, которые можно связать только с конъюнктурными колебаниями экономической или политической ситуации. Все европейские общества движутся к расширению свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, к равенству партнеров в браке, к большим возможностям контактов между поколениями, к удовлетворению личных потребностей, самореализации и т.д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином “*второй демографический переход*” [21]. Его смысл усматривают “в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора” и видят в нем естественный спутник модернизации и демократизации. Во всех странах, представленных на рис. 4, модернизация шла с большим или меньшим отставанием, все они пережили периоды задержки, искусственного торможения инновационных перемен в условиях тоталитарных режимов или сильного клерикального давления. Но рано или поздно жизнь брала свое, и массовое демографическое поведение стремительно менялось, причем чем позднее наступал поворот, тем резче были перемены, круче и глубже падение рождаемости. В конечном счете, она оказывалась даже ниже, чем в таких классических цитаделях низкой рождаемости, как Франция или Скандинавские страны.

В 1990-е годы этот новый этап общеевропейской конвергенции демографического поведения докатился и до Восточной Европы, что, конечно, было связано с переживаемыми ею политическими переменами. Как не без основания полагает бельгийских демограф Р. Лестег, один из авторов концепции “второго де-

мографического перехода”, “то же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу” [11: 350].

Уровень рождаемости – не единственная ее характеристика, быстро менявшаяся в XX веке. Есть и другие, которые важны для понимания того, что происходит с современной семьей как на востоке, так и на западе Европы. В частности, очень большое значение имеет возраст, в котором женщины рожают детей и который всегда был тесно связан с возрастом вступления в брак. Что происходит с этими параметрами?

Разные возрастные модели брачности и рождаемости. Как показал демограф Джон Хаджнал, начиная, по крайней мере, с XVII века, в ряде стран установилась особая, неизвестная прежде модель брачности, которую он назвал “европейской”, хотя на самом деле эта модель наблюдалась только в Западной Европе. Она была “распространена на территории Европы к западу от линии, соединяющей (не строго по прямой) Санкт-Петербург и Триест” [5: 14–15], и не встречалась нигде больше.

Европейскую модель, которая сохранялась до начала XX века, отличали две главные особенности: позднее вступление в брак и высокая доля женщин, вообще не вышедших замуж, во всяком случае, до окончания того возраста, когда они еще могли иметь детей (впрочем, и доля мужчин, не вступивших в брак до старости, тоже была очень высокой). Хаджнал представил данные, относящиеся к 1900 г. или около того, по всем европейским странам и пришел к выводу, что для иллюстрации существовавших различий можно взять практически любую из стран, находящихся как на востоке, так и на западе Европы. Приведем такую иллюстрацию в табл. 4.

Как видим, на рубеже XIX и XX веков во Франции незамужними оставались 30 процентов женщин в возрасте 25–29 лет, в Великобритании – 42 процента, в Швеции – больше половины. В Венгрии же этот показатель составлял всего 15 процентов, в России или Румынии – меньше 10. И даже дожив до возраста 45–49 лет, от 10 до 20 процентов женщин в западноевропейских странах все еще не знали брака, тогда как в Восточной Европе доля таких женщин составляла 3–4 процента, а иногда и менее.

Различия в моделях брачности могут показаться второстепенными, но на самом деле в них отразились очень существенные

Доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин около 1900 г.
в некоторых европейских странах
(в процентах к общей численности населения в данной
возрастной группе)

	Мужчины			Женщины		
	20–24 года	25–29 лет	45–49 лет	20–24 года	25–29 лет	45–49 лет
Западная Европа						
Великобритания	83	47	12	73	42	15
Франция	90	48	11	58	30	12
Швеция	92	61	13	80	52	19
Восточная Европа						
Венгрия	81	31	5	36	15	4
Россия	51	18	3	28	9	4
Румыния	67	21	5	20	8	3

Источник: [5: 16–17].

особенности демографических процессов, характерных для обеих частей Европы до начала XX века. Поздние и не всеобщие браки, свойственные европейской модели брачности, означали значительное сокращение средней продолжительности жизни в браке для женщин прокреативных возрастов. При отсутствии массовой практики ограничения рождаемости в браке это имело следствием значительное снижение рождаемости. Именно такой путь рекомендовал Мальтус, хотя, по существу, он просто указывал на уже существовавшую в его время западноевропейскую практику. Но она никогда не была общеевропейской. Еще в конце XIX и даже в начале XX века на западе и на востоке Европы существовали две разные стратегии брачности-рождаемости – “мальтузианская” и “домальтузианская”, что очень сильно сказывалось на показателях рождаемости (табл. 5).

На рубеже веков можно было предположить, что либо западноевропейская и восточноевропейская стратегии брачности-рождаемости будут по-прежнему эволюционировать дивергентно, либо они будут сближаться, и Восточная Европа будет постепенно осваивать лучше соответствующую новым условиям “мальтузианскую” стратегию. На деле же реализовался третий вариант, “неомальтузианский”, который предполагал ограниче-

**Общий коэффициент рождаемости в некоторых европейских странах
в конце XIX – начале XX века, промилле**

Страна	1870	1900	1930	Страна	1870	1900	1930
Западная Европа				Восточная Европа			
Англия и Уэльс	35,2	28,7	16,3	Болгария	...	42,3	31,4
Германия	38,5	35,6	16,8	Венгрия	42,1	39,4	25,4
Италия	36,8	33,0	26,7	Россия	49,2*	49,3*	43,9**
Франция	25,9	21,3	18,0	Румыния	34,4	38,8	35,0
Швеция	28,8	27,0	15,4	Сербия	44,8	42,4	...

* Европейская часть Российской империи, включая большую часть современных Украины и Белоруссии, Литву, Латвию и Эстонию; ** Россия в границах 1992 г.

Источники: [1: 164 ; 6: 502–505].

ния рождений в браке. Эта новая стратегия довольно быстро была воспринята в обеих частях Европы.

В результате связь между возрастом вступления в брак и числом детей оказалась разорванной, и поздняя “европейская” брачность потеряла свой смысл. И хотя Восточная Европа так и осталась регионом более ранней и высокой брачности и в этом смысле не пошла по стопам Западной, к 1960 г. восточноевропейская брачность практически утратила свою специфичность за счет того, что западноевропейцы сами довольно далеко продвинулись навстречу своим восточноевропейским соседям, их брачность помолодела, а доля лиц, вовсе не вступающих в брак, уменьшилась.

Однако последующее развитие событий, на первый взгляд, свидетельствовало о возникновении новой (или возрождении старой) дивергенции. С первой половины 1970-х годов началось новое повышение возраста вступления в первый брак, постепенно охватившее все страны Западной Европы. Восточная же Европа в целом оставалась верна традиции более ранних браков. Но постепенно положение стало меняться и здесь. В 1990-е годы средний возраст вступления в первый брак почти во всех восточноевропейских странах хотя и был существенно ниже, чем в западноевропейских, но демонстрировал явную тенденцию к росту.

Примерно то же самое происходило и со средним возрастом матери при рождении детей. До середины 1970-х годов он снижался во всех европейских странах и к этому времени был более или менее одинаковым в обеих частях континента. Но затем их пути разошлись. Западноевропейские матери стали рожать своих детей все позже, восточноевропейские – все раньше. Однако и

здесь различия стали постепенно размываться, и страны Восточной Европы одна за другой стали поворачивать к более позднему материнству.

Не исключено, что эта новейшая эволюция связана с отказом от государственного патернализма, столь свойственного существовавшему до недавнего времени “социалистическим” режимам: рост индивидуальной ответственности родителей за судьбу своих детей побуждает их откладывать рождения до времени, когда они чувствуют себя достаточно обеспеченными материально. Возможно также, что сказывается появление более совершенных противозачаточных средств и рост контрацептивной культуры молодых супругов, которые теперь могут лучше планировать сроки появления детей. Но в целом следует признать, что мотивы изменения возрастных моделей рождаемости во второй половине XX века как на западе, так и на востоке Европы, пока изучены недостаточно.

Новые модели семьи. Эволюция брачности и рождаемости во второй половине XX века свидетельствует о том, что эти два процесса, которые всегда были тесно связаны между собой, постепенно обособляются. Новые технические возможности, современный образ жизни и либеральная семейная и половая мораль делают возможной намного большую, чем прежде, матримонильную и семейную мобильность мужчин и женщин. Они позволяют заключать “пробные браки”, сравнительно легко разрывать брак, менять брачного партнера, жить в браке и сознательно не иметь детей, рожать детей вне брака, воспитывать общих детей, состоя в разных браках и т.п. Все это приводит к появлению все новых и новых вариантов индивидуальных “семейных траекторий”, которые разрушают стройную статистическую картину формирования и развития семей, фиксируемую с помощью регистрации заключения и прекращения браков и рождения детей.

Повсеместно отмечается сокращение числа браков, однако речь идет обычно о *регистрируемой* брачности, что в значительной степени компенсируется быстрым ростом числа свободных союзов, часто обладающих всеми основными признаками брака и нередко превращающихся впоследствии в зарегистрированный брак. Поэтому отмеченное выше “постарение” брачности в Европе, возможно, в большой мере артефакт, ибо повышается возраст регистрации браков, а не их фактического заключения. Еще одно быстро прогрессирующее явление – рост доли детей, рождающихся вне брака, хотя снова надо подчеркнуть, что имеются в виду зарегистрированные браки, которых действительно становится все меньше и меньше.

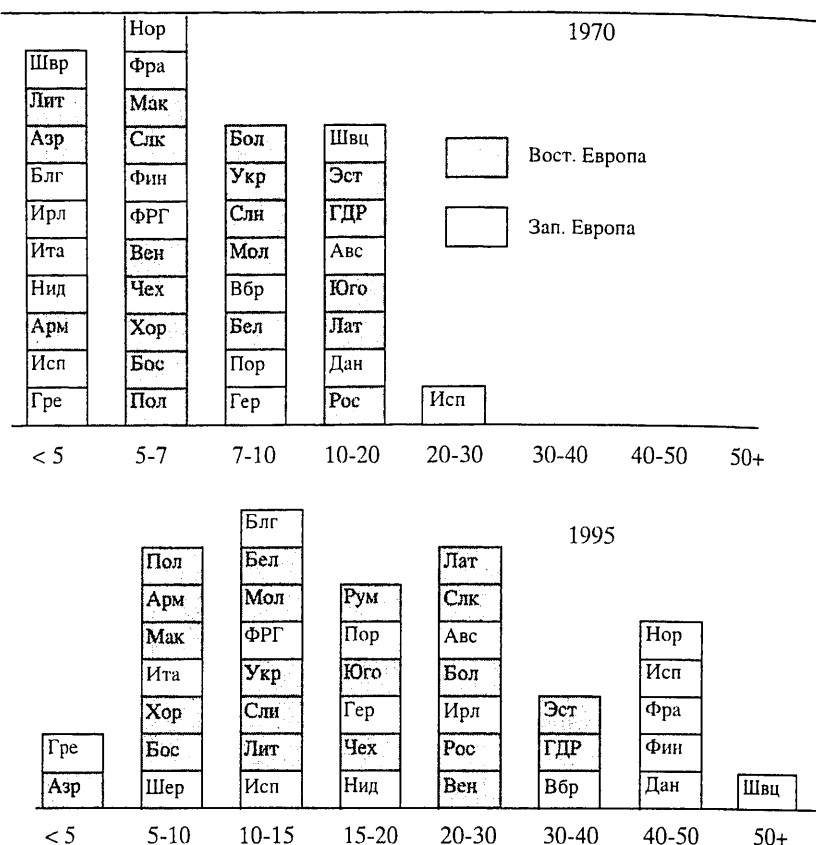

Рис. 5. Распределение европейских стран по доле внебрачных рождений в общем числе рождений, в процентах, 1970 и 1995

Как обычно, все эти новые явления приобретают известный размах вначале на западе Европы, но довольно скоро распространяются и на ее восточную часть. Хотя в конце XX в. некоторые страны выделялись среди всех остальных очень высокими долями внебрачных рождений, и среди них не было восточноевропейских, в целом говорить о принципиальных различиях между Западом и Востоком Европы по этому показателю к этому времени уже не было оснований (рис. 5).

Планирование семьи. Низкий уровень и наличие характерных возрастных моделей рождаемости свидетельствует о том, что подавляющее большинство населения как на западе, так и на востоке Европы сознательно планируют число рождений и время появления детей на свет. Однако методы *планирования* семьи в обеих частях Европы пока очень сильно различаются. В отличие от

западноевропейских стран, где преобладают различные методы предотвращения беременности, во многих странах Восточной Европы тот же результат в очень большой степени обеспечивается за счет ее прерывания с помощью искусственного аборта.

Эти различия имеют, по-видимому, историческое объяснение. Описанная выше допереходная стратегия брачности-рождаемости в Западной Европе была своеобразной "преадаптацией", облегчившей впоследствии переход к новым методам регулирования рождаемости. Он совершился не сразу, ограничение деторождения в браке поначалу лишь дополняло его ограничение путем откладывания браков и только постепенно стало его вытеснять. В "догонявшей" Восточной Европе возможности двигаться постепенно не было, а путь, который в течение XX века должны были проделать показатели рождаемости, двигаясь от высокого уровня к низкому, здесь был едва ли не вдвое большим, чем на Западе. Здесь, стало быть, требовались более кардинальные и более быстрые перемены в демографическом поведении.

Между тем в культурном и психологическом отношении Восточная Европа была очень мало подготовлена к регулированию деторождения в браке. Лишь кое-где в высших слоях общества здесь сложились островки, знакомые с этой практикой. На рубеже веков ее знала, вероятно, и какая-то часть городского населения — брачная рождаемость городского населения в России, Венгрии, Сербии, Болгарии и т.д. была заметно ниже, чем сельского. Но это последнее составляло подавляющее большинство, а ему-то как раз практика планирования семьи была мало знакома. Массовое отношение к аборту было крайне неодобрительным и, как показывает пример бывшего СССР, какое-то время оставалось таким даже после законодательного разрешения аборта.

Тем более парадоксальным выглядит тот факт, что уже в 30-е годы практика искусственного прерывания беременности стала стремительно распространяться в Советском Союзе, даже несмотря на то что либеральное законодательство в отношении аборта начала 20-х годов в середине 30-х сменилось запретительным и репрессивным. И вопреки закону, и вопреки традиции аборт стал едва ли не основным инструментом снижения рождаемости в СССР и в других странах Восточной Европы.

В 50-е годы во всех восточноевропейских странах, кроме Албании, были приняты весьма либеральные законы об аборте, что, возможно, затормозило развитие здесь контрацепции. В результате страны Восточной Европы вышли в число рекордсменов по числу абортотворений. В конце 80-х годов в них производилось не менее четверти мирового числа абортотворений (7,5–8 млн) [9: 59–65].

Быстрое увеличение числа абортс вызвало в ряде случаев негативную реакцию со стороны властей и привело к новому ужесточению законодательства об абортс. Классический пример – Румыния, где в 1963–1965 гг. количество зарегистрированных абортс превышало 1 млн. В 1966 г. здесь были введены жесткие запреты на производство абортс, и их число в следующем году уменьшилось, по сравнению с 1965, более чем в 5 раз. В 1985 г. запреты были еще более ужесточены и выросшее было число абортс снова сократилось. Во второй половине 60-х – первой половине 70-х годов были введены ограничения на аборт в Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

Меры по ограничению абортс не пользовались популярностью, и вторая половина 80-х годов вместе с политическими переменами принесла и новую волну либерализации законодательства об абортс. В частности, в Румынии отмена запрета на аборт в декабре 1989 г. была одним из первых актов нового режима. Число абортс немедленно резко подскочило: со 193 тыс. в 1989 до 992 тыс. в 1990 г. Затем это число постепенно сокращалось, но все же оставалось очень высоким. По числу абортс Румыния выделяется даже на восточноевропейском фоне, но сам фон этот и в конце XX века оставался крайне неблагоприятным.

Показатели соотношения числа абортс и рождений в европейских странах совершают резкий скачок у границ Восточной Европы. В начале 1990-х годов в западноевропейских странах число абортс на 100 родов редко превышало 25, в среднем для Европейского союза оно было ниже 20. В то же время в восточноевропейских странах, если не считать Польши с подозрительно низким уровнем зарегистрированных абортс, а также Азербайджана, Армении и Албании, самый низкий уровень, зарегистрированный в некоторых республиках бывшей Югославии³, превышал 60, в 8 замыкавших список странах он превышал 100 (Россия, Украина, Белоруссия, Латвия, Эстония, Болгария, Румыния и, по-видимому, Сербия), причем в России он превышал 200, а в Румынии – 300 абортс на 100 родов. К концу 1990-х годов, по-видимому, благодаря большему распространению контрацепции, число абортс повсеместно сократилось. Но все же даже в 1998 г. в 7 восточноевропейских странах число абортс на 100 родов превышало 100, а в России, Украине и Белоруссии было более 150 [20].

³ В целом по бывшей Югославии коэффициент абортс в 1990 г. составлял 126 абортс на 100 родов. Данными по Сербии за этот год мы не располагаем, но, судя по некоторым более ранним оценкам, число абортс там также очень велико: в 1986 г. – 138, а без Косово – 218 абортс на 100 родов [16].

Отставание или неустранимое своеобразие? Теория демографического перехода подчеркивает общие черты новейшей демографической эволюции разных стран и народов, однако все же не предполагает, по-видимому, ее полной одинаковости. Одни и те же общие тенденции проявляются в разных условиях места и времени и поэтому неизбежно реализуются во множестве вариантов. Естественно поэтому, что конвергентные тенденции всегда соседствуют с дивергентными. Но сам по себе переход – это мощное проявление прежде всего конвергентного развития, что и подтверждается изменениями рождаемости в Европе в XX в.

Судя по всему, именно уменьшение числа детей в семье, снижение рождаемости было целевой доминантой перехода в области рождаемости, что и сближало обе части Европы. На определенном этапе модернизации это снижение становится неустранимым императивом, который задает общее направление движения. Экономические и социально-культурные различия между странами позволяют объяснить относительно небольшие различия в рамках одного и того же исторического типа рождаемости – допереходного или постпереходного, могут даже послужить причиной различий во времени начала перехода, отсрочить или приблизить его. Но они в очень большой степени утрачивают значение, если переход уже начался. Тогда он очень быстро распространяется на все слои населения, приводит к стремительному изменению их демографического поведения, что и отражается в показателях рождаемости. Это – время торжества конвергентного начала. При этом, однако, и дивергенция получает новые основания в реальном плюрализме новых форм демографического и семейного поведения, тем более, что разложение старых и становление новых форм поведения в Западной и Восточной Европе шло в разных условиях.

Восточноевропейские общества стремительно вошли в полосу демографических перемен, не будучи вполне готовыми к ним. Догоняющее развитие вообще постоянно порождает подобные коллизии. Социальные нововведения заимствуются у более продвинутых обществ в готовом виде, что позволяет отставшим двигаться быстрее, минуя многие промежуточные этапы и не неся ненужных потерь. В этом – позитивная сторона догоняющего развития. Но оно имеет и негативную сторону. Заимствованные нововведения переносятся на неподготовленную почву, порождая причудливый и нередко не самый удачный сплав старого и нового. Демографический переход в Восточной Европе был частью общей модернизации восточноевропейских обществ, которая совершилась быстро, но, так сказать, вчерне, оставив многое недоделанным, ждущим своего часа.

Тем не менее при демографическом анализе эволюции рождаемости на Востоке Европы на первый план выходит, скорее, сходство с Западом, нежели отличие от него. Явных и к тому же неблагоприятных для Востока отличий, подобных тем, что мы видели на примере планирования семьи, не так уж много и, скорее всего, со временем они исчезнут.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Растущее отставание Восточной Европы. XX век во всем мире стал временем глубокой модернизационной трансформации извечного процесса вымирания человеческих поколений. Суть этой трансформации заключается в установлении эффективного контроля над многими неконтролируемыми прежде факторами смертности и причинами смерти (например, контроль над эпидемиологической обстановкой и инфекционными заболеваниями), всегда приводившими к массовой ранней смертности и, вследствие этого, в оттеснении подавляющего числа смертей ко все более поздним возрастам и в огромном росте продолжительности жизни.

Нет ничего удивительного в том, что модернизация смертности в Восточной Европе началась позднее, чем в Западной, и что по уровню ожидаемой продолжительности жизни восточноевропейские страны долго отставали от своих западных соседей. Однако сразу после Второй мировой войны это отставание стало быстро сокращаться, и к середине 60-х годов оно уже не было столь очевидным. Но именно в это время наступил перелом в динамике смертности – по-разному в обеих частях Европы – и показатели смертности и продолжительности жизни в них, до этого сближавшиеся, снова стали расходиться (рис. 6).

Последующее развитие событий показало, что из всех демографических процессов именно смертность оказалась наиболее чувствительной к политическим различиям между Западом и Востоком Европы, существовавшим до конца 1980-х годов. В то время как ожидаемая продолжительность жизни в Западной Европе на протяжении всей второй половины XX века неуклонно росла, в Восточной Европе ее рост приостановился, а в ряде случаев сменился сокращением. Восточноевропейские страны стали быстро терять завоеванные позиции, откатываясь на последние места в европейской иерархии стран по продолжительности жизни. В конце концов, даже самые передовые в смысле продолжительности жизни восточноевропейские страны, такие, как ГДР и Чехословакия, оказались позади Португалии, долгое время замыкавшей европейский список.

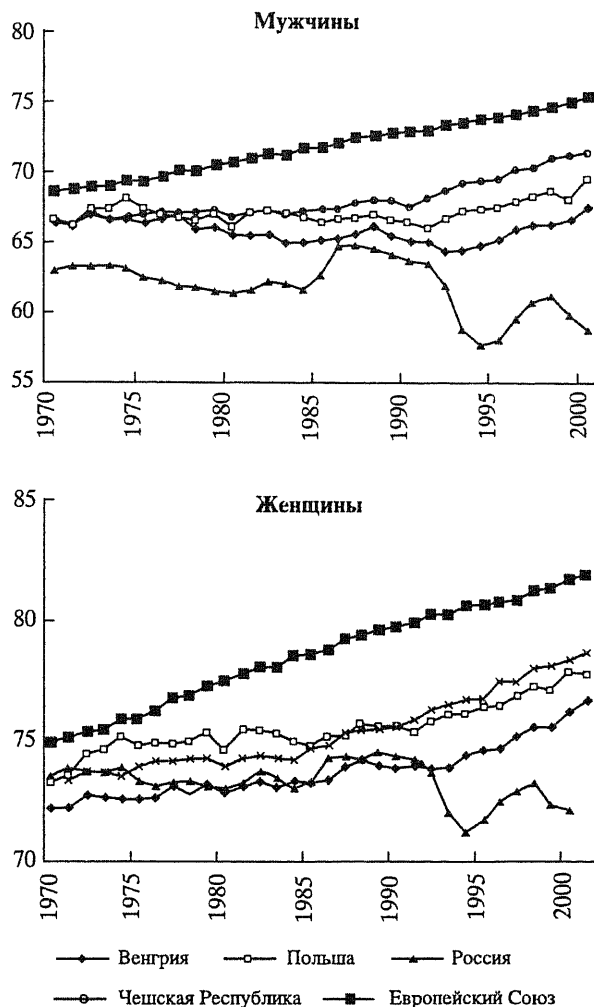

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни в некоторых странах Восточной Европы и в Европейском Союзе, в годах

Особенно наглядно различия между западом и востоком Европы видны на примере младенческой смертности, которая всегда служит хорошим индикатором как качества жизни в целом, так и эффективности систем здравоохранения. В середине 60-х годов, при некотором преимуществе западноевропейских показателей младенческой смертности, четкого разделения на две группы стран по этому параметру не существовало. В списке из 40 европейских стран, ранжированных по уровню младенческой смертно-

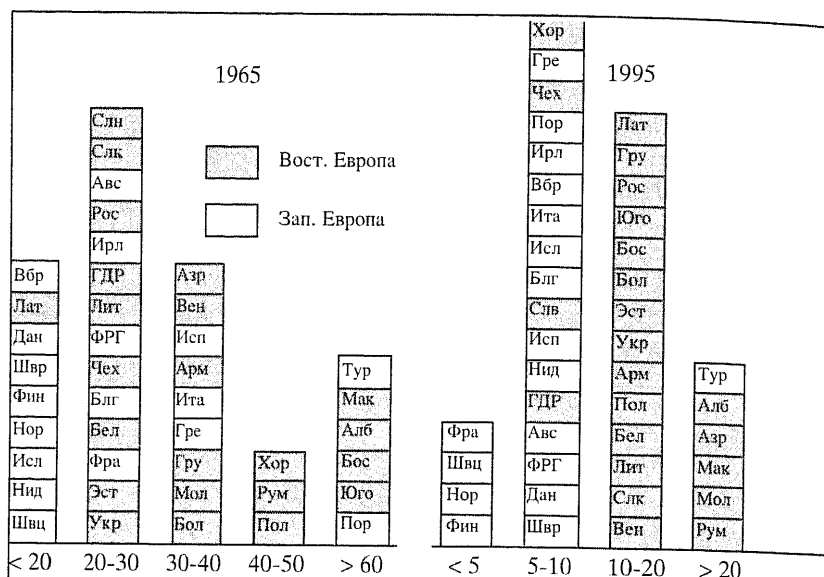

Рис. 7. Распределение европейских стран по уровню младенческой смертности, на 1000 родившихся

сти, 2 восточноевропейские страны входили в первый десяток, еще 6 – во второй, 6 – в третий и 9 – в четвертый. К 1980 г. младенческая смертность повсеместно снизилась, но при этом в первых двух десятках из восьми осталось только пять стран Восточной Европы, а к 1995 их число уменьшилось до трех, зато эти страны прочно заняли все 20 мест в двух последних десятках (рис. 7).

Смертность в 1990-е годы. Длившийся десятилетиями застой и даже ухудшение ситуации со смертностью стали одним из наиболее очевидных свидетельств глубокого кризиса социализма советского образца. Когда же система рухнула, “постсоциалистические” страны столкнулись с таким количеством трудностей, что во многих случаях неблагоприятные тенденции смертности на некоторое время даже усилились. Однако это временное ухудшение ситуации не следует переоценивать. Оно наблюдалось не везде, а там, где имело место, длилось недолго. К тому же очень скоро дали о себе знать исторические и социокультурные различия внутри Восточной Европы. Среди стран региона сразу же выделились такие, в которых динамика смертности приобрела позитивный характер (Чехия, бывшая ГДР, в меньшей степени Польша и Венгрия), тогда как в других (Румыния, Болгария) ситуация продолжала деградировать, а улучшение наметилось только в самом конце 90-х годов.

Особый случай – изменения смертности и продолжительности жизни в европейских постсоветских государствах. В 1985–1987 гг., незадолго до распада СССР, все они пережили значительный, но кратковременный рост продолжительности жизни (на 1,4–2,2 года у мужчин и на 0,7–1,1 года у женщин), что было связано, главным образом, с проводившейся в это время жесткой антиалкогольной кампанией. Затем последовало резкое падение продолжительности жизни, во многом носившее, по-видимому, компенсаторный характер. С 1994 г. положение снова стало улучшаться, и постепенно показатели стали возвращаться к уровню, существовавшему до 1985 г., а в некоторых случаях уже превысили его (в Эстонии в 1995, в Латвии и Литве – в 1996 г.).

За три года – с 1994 по 1997 – продолжительность жизни мужчин и женщин в России увеличилась на 3,4 и 1,7 года, в Латвии – на 3,8 и на 1,8 года, в Эстонии – на 3,7 и на 2,9 года, в Литве – на 3,1 и 1,9 года. На Украине – также за три года, но с 1995 по 1998, продолжительность жизни мужчин возросла на 2,0 года и женщин – на 1,1 года. И только в Белоруссии роста продолжительности жизни в этот период практически не было, так что Украина на какое-то время даже обогнала ее по этому показателю, что было не совсем обычно для соотношения показателей в этих странах.

В 1998 г. в Латвии и Эстонии, в меньшей степени в Литве, а в 1999 в России и на Украине позитивная тенденция прервалась. Но в странах Балтии – ненадолго, рост ожидаемой продолжительности жизни через год возобновился, в других же бывших европейских республиках СССР этого не произошло. Создается впечатление, что сходство динамики продолжительности жизни в постсоветских странах, так бросавшееся в глаза примерно до 1995 г., оказалось нарушенным, и на первый план вышли различия, которые, как кажется, нарастают (рис. 8).

О существенных различиях, обозначившихся в последнее десятилетие прошлого века, говорят и кумулятивные итоги неоднократных колебаний смертности 1980–1990-х годов. Как видно из табл. 6, к середине 1990-х годов показатели продолжительности жизни во всех шести странах были хуже, чем в начале 1980-х, и в этом смысле они все были в положении проигравших. Но к концу десятилетия положение изменилось. Несмотря на все взлеты и падения, страны Балтии улучшили свои показатели по сравнению с началом 80-х годов, тогда как Россия, Украина, а особенно Белоруссия все еще не вернулись даже к своим более чем скромным показателям ожидаемой продолжительности жизни эпохи развитого социализма.

Мужчины

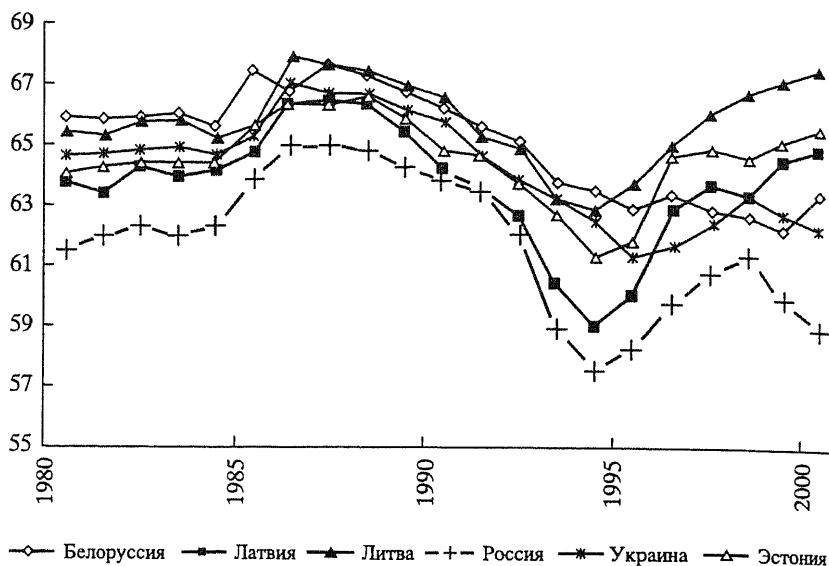

Рис. 8. Изменение продолжительности жизни мужчин в шести постсоветских странах, в годах: дивергенция тенденций в конце 1990-х годов

Сравнение постсоветских стран между собой и с другими (не входившими в СССР) “социалистическими странами” говорит не только о различиях, но и о глубинном сходстве новейшей эволюции смертности и продолжительности жизни в большинстве этих стран. Сопоставление Венгрии и Литвы на рис. 9 показывает, что

Таблица 6

Накопленные изменения ожидаемой продолжительности жизни за период с 1981 г., в годах

	Белоруссия	Латвия	Литва	Россия	Украина	Эстония
Мужчины						
1981–1988	1,7	3,0	2,4	3,3	2,1	2,3
1981–1990	0,3	0,9	1,2	2,1	0,8	0,8
1981–1994	–2,5	–4,1	–2,5	–4,2	–3,3	–2,9
1981–1999	–3,7	0,2	1,2	–1,9	–1,9	1,4
Женщины						
1981–1988	0,1	0,8	0,9	1,1	0,8	1,0
1981–1990	–0,2	0,2	0,9	1,2	0,7	0,9
1981–1994	–1,6	–1,5	–0,4	–2,0	–1,5	–0,6
1981–1999	–2,0	0,4	1,5	–1,1	–0,4	2,5

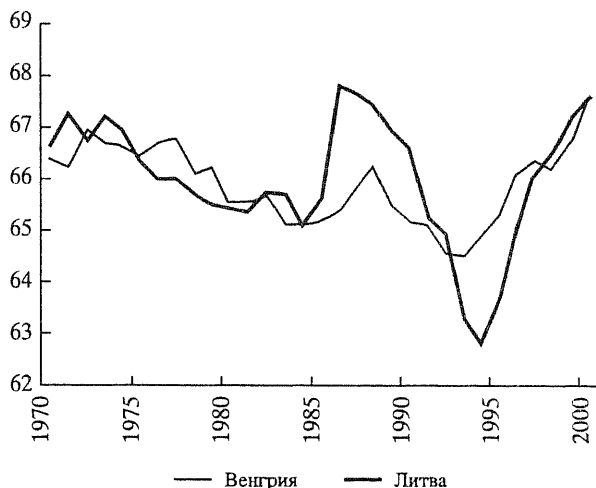

Рис. 9. Венгрия и Литва: сходство и различие изменений продолжительности жизни мужчин в двух частях Восточной Европы, в годах

особенность Литвы (характерная для всех бывших республик СССР) заключается в огромном колебании показателей между 1985 и 1995 годами, искусственно вызванном советской антиалкогольной кампанией. Но если отвлечься от этой особенности, то пути Литвы и Венгрии, где такого колебания не было, на протяжении последних 30 лет прошлого века были очень похожими.

Причины смерти. Неблагоприятные тенденции смертности в Восточной Европе объясняются задержкой в модернизации структуры причин смерти. В большинстве восточноевропейских государств эта структура имеет ярко выраженные особенности и существенно отличается от западной своим архаизмом. Все сравнения востока и запада Европы указывают на то, что главной причиной существующего и нарастающего разрыва между ними стала неспособность восточноевропейских стран снизить либо оттеснить к более поздним возрастам смертность от болезней системы кровообращения, новообразований, болезней органов дыхания и внешних причин (несчастных случаев, травм, насилия и т.п.).

Восточноевропейская структура причин смерти имеет две главные особенности.

Во-первых, по сравнению с Западом, эта структура обычно смещена в сторону тех причин, от которых люди вообще умирают в более молодых возрастах. В западных странах средний возраст смерти от инфекционных заболеваний примерно на 10 лет, а от внешних причин – более чем на 20 лет ниже, чем средний

возраст смерти от болезней системы кровообращения. А вероятность умереть от инфекционных заболеваний или внешних причин особенно высока в Восточной Европе. В середине 1990-х годов вероятность для новорожденного мальчика умереть на протяжении жизни от инфекционной болезни в России была в 2,9 раза выше, чем в Германии, и в 3,6 раза выше, чем в Великобритании; в Латвии это превышение составляло 2,7 и 3,3 раза; в Венгрии – 1,1 и 1,3; в Румынии – 2,3 и 2,9 раза. Еще более разительны различия вероятностей умереть от внешних причин: Россия превосходит по этому показателю Германию в 4,5, Великобританию – в 6,7 раза; для Латвии соответствующие соотношения – 4,1 и 6,1; для Венгрии – 1,9 и 2,9; для Румынии – 1,7 и 2,5 раза⁴.

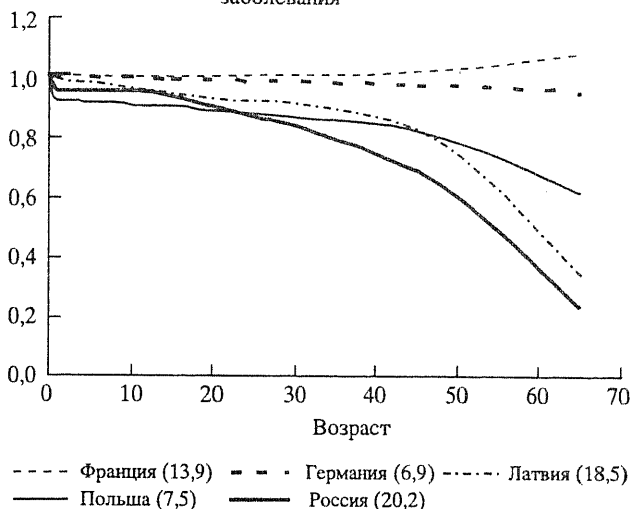
Во-вторых же, от каких бы причин ни умирали люди, на Востоке Европы они умирают от них более молодыми, чем на западе. По распределению вероятностей умереть от различных причин французская модель ближе к восточноевропейской, нежели немецкая или английская. Вероятность умереть от инфекционных болезней здесь даже выше, чем во многих восточноевропейских странах, а вероятность умереть от внешних причин примерно такая же, как в Польше или Румынии. Но по возрастному распределению смертей французская модель все-таки “западная”, а не “восточная”. Различия хорошо видны на рис. 10.

Крутое падение кривых на графиках, характерное для таких стран, как Латвия, Польша или Россия, указывает на то, что большинство тех, кому суждено умереть от инфекционных болезней или внешних причин, умирают в детских или молодых возрастах, из них мало кто доживает до старости. Медленное же падение кривых, а иногда и их подъем, типичные для Германии или Франции, – свидетельство того, что ранняя смертность от указанных причин невелика, а значительное число смертей, иногда их подавляющее большинство концентрируются в пожилых и старческих возрастах.

Иного комментария требует возрастное распределение умирающих от главной для всех европейских стран причины смерти – болезней системы кровообращения (рис. 11). Вероятности умереть от этой причины на Западе с возрастом растут относительно медленно, оставляя много места для конкурирующих причин смерти, прежде всего для рака. На востоке же Европы рак играет намного меньшую роль, что связано с более ранней смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний. Отсюда и более крутой подъем кривых на графике.

⁴ Рассчитано по: [22, table B-3].

Инфекционные и паразитарные заболевания

Внешние причины

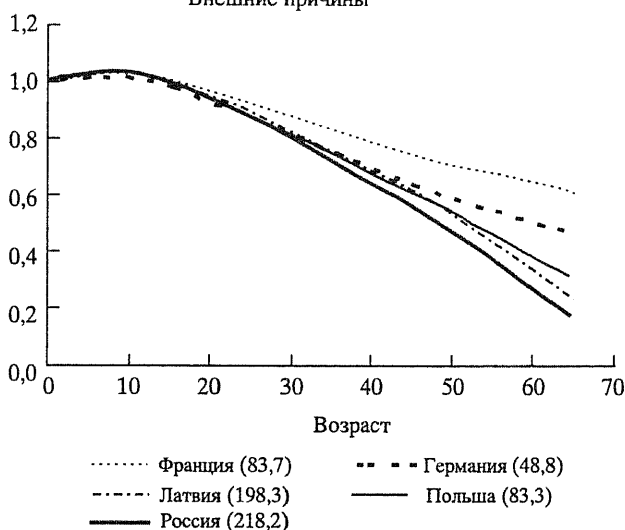

Рис. 10. Изменения с возрастом вероятностей умереть от инфекционных заболеваний и внешних причин в некоторых странах. В скобках указаны вероятности для новорожденного умереть на протяжении жизни от соответствующих причин

Болезни системы кровообращения

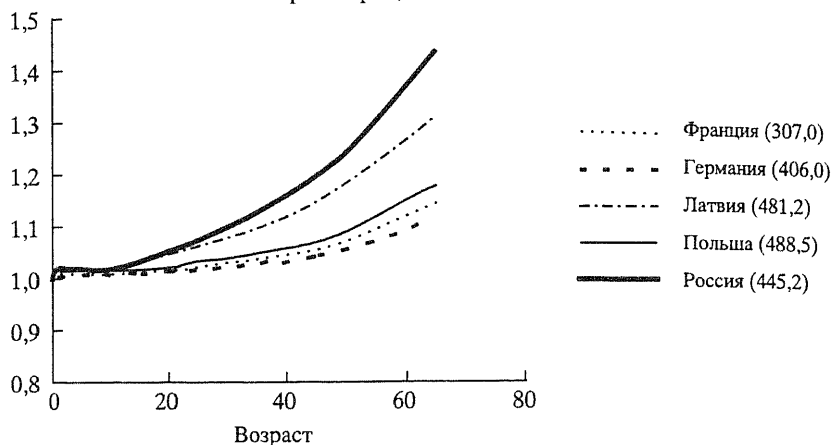

Рис. 11. Изменения с возрастом вероятностей умереть от болезней системы кровообращения в некоторых странах. В скобках указаны вероятности для новорожденного умереть на протяжении жизни от соответствующих причин

Как видно из табл. 7, совокупная вероятность для мужчины, достигшего 45-летнего возраста, умереть от сердечно-сосудистого заболевания или рака в странах Восточной и Западной Европы примерно одинакова. Но соотношение двух этих причин различается очень сильно.

Причины отставания. Более архаичная структура причин смерти и, соответственно, меньшая продолжительность жизни на востоке Европы, по сравнению с ее западом, — следствие того, что в “западных” странах (включающих не только государства Западной Европы, но и заокеанские страны, заселенные выходцами из Европы, и даже Японию) была выработана и реализована новая стратегия борьбы за удлинение жизни. Еще в 50-е годы здесь стали осознавать, что прежняя стратегия, направленная на подавление причин смерти преимущественно инфекционной этиологии, истощает себя, и необходимо переориентировать всю систему охраны здоровья на подавление неинфекционной патологии, выработать “новый тип профилактики, основанный на изменении поведения людей и их образа жизни” [18: 533]. Там, где это было сделано, уже 70-е годы принесли ощутимый результат: оттеснение ко все более поздним возрастам большого числа смертей от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, снижение смертности от несчастных случаев и т.д. Американский социальный гигиенист Милтон Террис назвал этот этап борьбы со смертью “второй эпидемиологической революцией” [19: 27–33].

Таблица 7

Вероятность для мужчины в возрасте 45 лет умереть
от сердечно-сосудистого заболевания или рака
в некоторых странах (на 1000)

Страна	Вероятность умереть		
	От злокачественных новообразований и болезней системы кровообращения	В том числе	
		от злокачествен- ных новообразо- ваний	от болезней си- стемы кровообра- щения
Франция, 1994	639,8	316,4	323,4
Германия, 1995	742,1	263,0	479,1
Польша, 1995	750,2	226,4	523,8
Латвия, 1995	720,4	168,5	551,9
Россия, 1995	698,9	166,2	532,7

Источник: [22, table B-3].

В странах Восточной Европы необходимость перехода к новой стратегии борьбы со смертью не была своевременно осознана, и такая стратегия не была реализована. В итоге “в то время, как западные страны ввели в действие оружие, пригодное для борьбы с патологиями, которые становились преобладающими, и благодаря этому добились новых успехов, восточноевропейские страны продемонстрировали свою неспособность войти в эту новую фазу санитарного перехода” [12: 646]. Более того, как отмечал польский демограф М. Окольский, они не только “не смогли ответить на вызов, проистекавший из нового типа заболеваемости и смертности, но неожиданно столкнулись с препятствиями в борьбе с теми болезнями, которые уже были сведены к низкому уровню, равно как и в поддержании уже достигнутых стандартов охраны здоровья” [15: 150–164].

Среди факторов, объясняющих неспособность восточноевропейских стран своевременно осуществить “вторую эпидемиологическую революцию”, называли ухудшение экологической обстановки, неэффективность системы здравоохранения, недостаток и низкое качество продуктов питания, распространение алкоголизма и курения, плохие условия труда, нервные стрессы, вызываемые трудностями повседневной жизни [14: 435–442]. Не последнюю роль играл патерналистский монополизм бесплатной медицины, который ограничивал активность человека в борьбе за сохранение собственных здоровья и жизни, лишал его свободы выбора врача, больницы, метода лечения, обрекал на пассив-

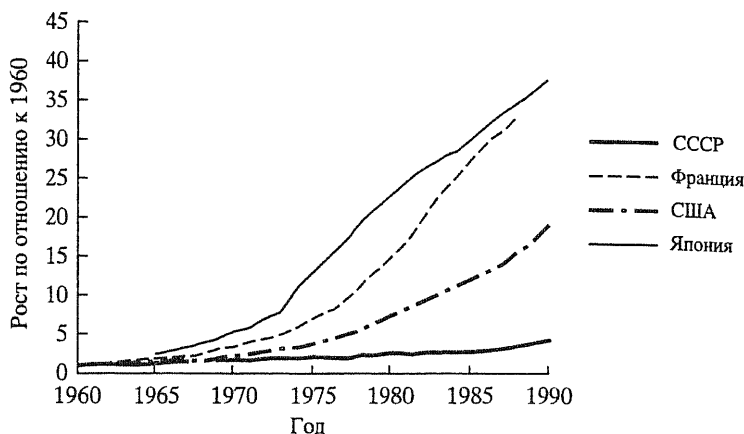

Рис. 12. Рост душевых расходов на охрану здоровья в СССР, США, Франции и Японии (1960=1)

ность, несовместимую с задачами и требованиями “второй эпидемиологической революции”. Одним из свидетельств разных возможностей борьбы за сохранение жизни в Западной и Восточной Европе и разного места, которое отводилось этой борьбе в западноевропейской и восточноевропейской системах целей, служат огромные различия в динамике расходов на охрану здоровья (рис. 12; см. также табл. на с. 147).

Причины нарастающего отставания европейского востока от европейского запада имели, по-видимому, двоякую обусловленность. С одной стороны, они были порождены особенностями существовавших в Восточной Европе политических режимов. Это хорошо видно при сравнении двух частей Германии: в начале 1950-х годов бывшая ГДР отставала от ФРГ по ожидаемой продолжительности жизни мужчин на 0,7 года, женщин – на 0,5; к концу 1980-х отставание увеличилось до 2,3 и 2,9 года соответственно [10: 157].

С другой стороны, между самими восточноевропейскими странами существовали значительные различия в смертности, которые указывали на более глубокие культурно-исторические корни отставания от Запада. Политический режим в ГДР был отнюдь не самым гуманным или либеральным в Восточной Европе, однако она всегда выделялась там относительно низкой смертностью, и в этом отношении ее разрыв со многими странами восточноевропейского блока был значительно большим, чем ее отставание от ФРГ. Этот разрыв нельзя было объяснить только политическими реальностями послевоенных десятилетий, как нельзя было и ожидать, что с изменением этих реаль-

ностей Восточная Европа по уровню смертности быстро приблизится к Западной.

Потери от высокой смертности. Задержка с модернизацией смертности обернулась для Восточной Европы очень большими демографическими потерями. Эти потери можно оценить, сравнивая фактическое число смертей в странах Восточной Европы с гипотетическим, каким оно могло бы быть, если бы возрастные интенсивности смертности в них были такими же, какими они в действительности были в соответствующие годы в типичных западных странах. Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как “избыточную” смертность.

Посмотрим, что может дать такой расчет, на примере сопоставления России и Франции. Представим себе, что возрастные интенсивности смертности в России на протяжении 30 лет, в каждом году с 1967 по 1996, были бы такими, как во Франции, а население – и по численности, и по возрастной структуре – таким, каким оно было в России. Тогда число только мужских смертей в России за эти 30 лет было бы на 10 с лишним миллионов меньше, чем оно оказалось в действительности. Это – чистые потери, сопоставимые по величине с прямыми военными потерями во Второй мировой войне всего СССР (9–10 млн человек), тогда как наш расчет относится не ко всему СССР, а только к России (и только к мужской части ее населения). Более подробно структура этих потерь представлена в табл. 8. Видно, что потери все время нарастали: в первое десятилетие первоначальная цифра удвоилась, во второе – утроилась. В 1967–1976 гг. такие избыточные смерти составляли 30% от всех смертей, в 1977–1986 – 43%, в 1987–1996 – 55% – больше половины! (в среднем за 30 лет – 45%).

Смертность в России высока даже на фоне других восточноевропейских стран, результаты такого же расчета для большинства из них не были бы столь впечатляющими. Но и они показали бы, что человеческие потери от экономии на охране здоровья были очень велики и едва ли оправданы даже с чисто экономической точки зрения.

В частности, они означали огромные потери трудового потенциала, так как в очень большой степени были вызваны смертностью людей в рабочих возрастах. Подсчитано, что если бы возрастные уровни российской смертности соответствовали западным, смертность мужчин во всех возрастах до 65 лет привела бы в России в 1995 г. к потере 3,2 млн человеко-лет трудовой активности. Фактические же потери составили 12,9 млн человеко-лет, т.е. в 4 раза, или на 9,7 млн больше [3: 151]. Готовность примириться с такими потерями позволяла восточноевропейским ре-

Таблица 8

**Избыточное число мужских смертей в России
(разница между фактическим числом смертей и числом смертей
при том же населении и французских возрастных уровнях смертности)**

Годы	Всего, тыс. чел.	В том числе в возрасте			
		0-19	20-49	50-75	75+
1967-1996	10113	709	3454	4896	1054
в том числе:					
1967-1976	1726	170	833	630	92
1977-1986	3233	276	1153	1478	327
1987-1996	5154	263	1468	2788	635

Годы	Всего, %	В том числе в возрасте			
		0-19	20-49	50-75	75+
1967-1996	100	7,0	34,2	48,4	10,4
в том числе:					
1967-1976	100	9,9	48,3	36,5	5,3
1977-1986	100	8,5	35,7	45,7	10,1
1987-1996	100	5,1	28,5	54,1	12,3

жимам экономить на охране здоровья и решать какие-то другие задачи, в частности поддерживать военный паритет социалистического блока с западными странами, вести с ними “холодную войну”, и это считалось очень важным положительным результатом. Однако огромные демографические потери от высокой смертности говорят о том, что эта война была “холодной” только для Запада, для Восточной Европы, особенно для бывшего СССР она была достаточно “горячей”. И хотя сейчас “холодная война” завершена, созданная ею инерция сохраняется, а процесс модернизации смертности в большинстве стран Восточной Европы пока остается заблокированным.

ВОСПРОИЗВОДСТВО И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Воспроизводство населения. Низкая рождаемость в Европе давно уже поставила под вопрос способность европейских населений воспроизводить себя. Нетто-коэффициент воспроизводства в одной стране за другой опускался ниже единицы – границы простого возобновления населения.

Уже в 1960-е годы в Европе образовалась “демографическая воронка” – группа стран, в которых установился режим суженно-

го воспроизводства населения. Тогда это были почти исключительно республики СССР или страны “социалистического лагеря”. Впоследствии зона суженного воспроизводства все время расширялась – за счет как восточных, так и западных стран.

В 1970 г. она охватывала 10 из 38 европейских стран в их нынешних границах⁵ (в том числе в 6 восточноевропейских), по которым имеются данные. Тогда список стран, в которых не обеспечивалось простое воспроизводство населения, возглавляла Хорватия (в ту пору – часть Югославии), вообще же такие страны из обеих частей Европы располагались в этом списке вперемешку. В 1980 г. число их выросло до 24 (из 42, предоставивших информацию), из них 12 находились на востоке и 12 на западе континента. Но первые десять мест занимали теперь западноевропейские государства, а весь список надолго возглавила ФРГ. Еще через 10 лет, в 1990 г., не воспроизводилось население уже в 33 странах (из 43), из них 18 принадлежали к числу восточноевропейских. К концу 90-х годов процесс перехода всей Европы к суженному воспроизводству населения практически завершился, нетто-коэффициент воспроизводства превышал единицу только в Азербайджане и Турции. В 1999 г. в первой десятке стран, расположенных по возрастанию показателя, находились 8 восточноевропейских стран, а также Испания и Италия. Возглавляли список Россия, Латвия и Чешская Республика (с одинаковым значением нетто-коэффициента – 0,55). Среди первых 20 стран списка было 14 восточноевропейских. В целом, таким образом, к началу нового столетия самые низкие в мире показатели воспроизводства населения оказались именно в Восточной Европе. Но и в Западной Европе они не особенно велики, при их общем снижении динамика нетто-коэффициента воспроизводства на протяжении нескольких последних десятилетий свидетельствует о конвергентном демографическом развитии двух частей Европы. Соотношение относящихся к ним стран по этому показателю менялось, но их поляризация в 1995 г. была меньшей, чем, скажем, в 1980.

Естественный прирост. Несмотря на то что нетто-коэффициент воспроизводства почти во всех европейских государствах опустился ниже единицы, европейские населения обладали так называемым “потенциалом демографического роста”, накопленным в возрастной структуре, в силу чего у большинства из них сохранялся положительный естественный прирост. Однако по мере того, как потенциал демографического роста исчерпывался, появление отрицательного естественного прироста становилось все

⁵ Только бывшая ГДР рассматривается здесь как отдельное государство.

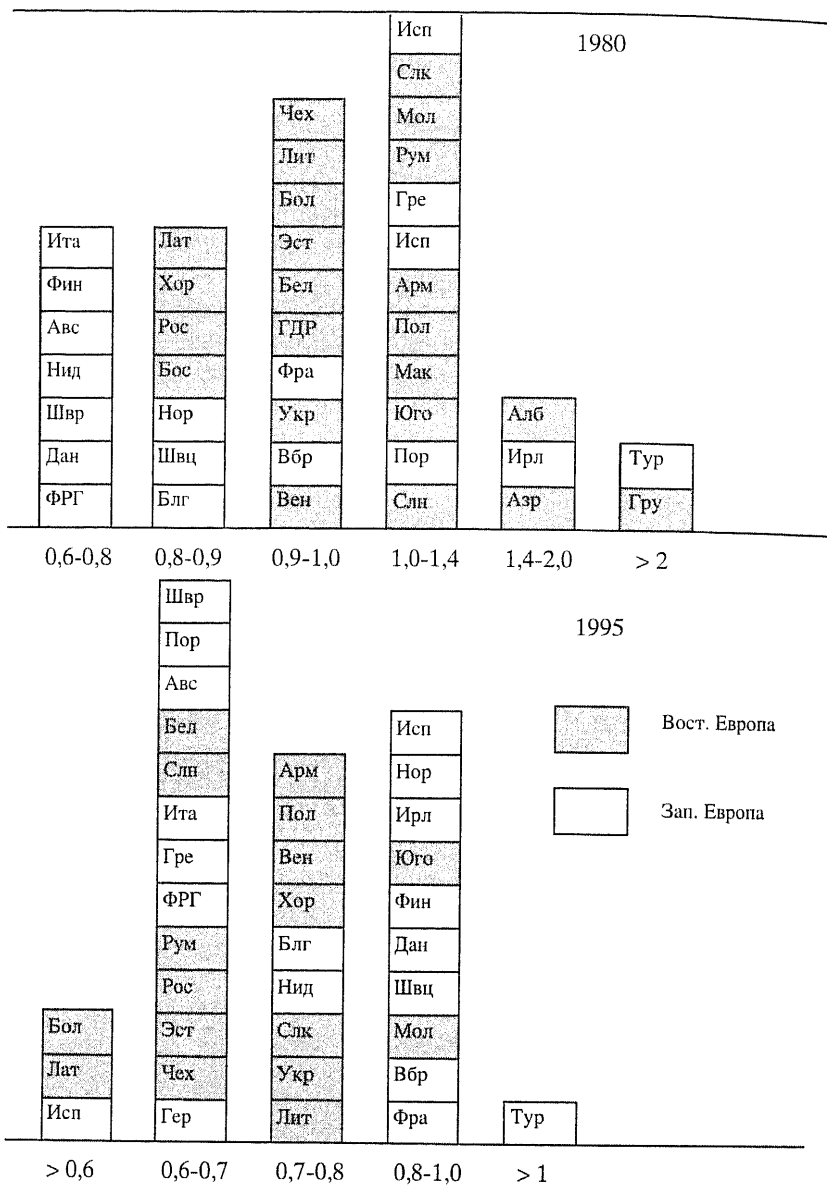

Рис. 13. Распределение европейских стран по величине нетто-коэффициента воспроизводства населения

более неизбежным. До 1990 г. он появлялся спорадически в некоторых европейских странах, но в 90-е годы естественная убыль населения в Европе стала приобретать все более массовый характер. В 1985 г. отрицательный прирост был зафиксирован в 5 из 42 европейских стран, в том числе в одной восточноевропейской (Венгрии). К концу века, в 1999 г. число стран с естественной убылью населения достигло 16, и на этот раз большинство из них (12 государств) находились на востоке Европы. Впрочем, говорить на этом основании о каком-то особом положении Восточной Европы нельзя. Разница есть, но она не принципиальна. Сейчас многие европейские страны очень близко подошли к границе, отделяющей положительный естественный прирост от отрицательного, и нет сомнения, что число стран с естественной убылью населения в Европе будет увеличиваться за счет как восточно- так и западноевропейских государств, так что сомнительное "первенство" Восточной Европы по этому показателю, возможно, перестанет существовать.

Рост населения. Но пока различие существует, и оно усиливается тем, что для большинства восточноевропейских стран характерна не только естественная, но и общая убыль населения. К концу прошлого века в большинстве восточноевропейских стран наблюдалось абсолютное сокращение населения, но его практически не было в странах Западной Европы, даже в тех, в которых коэффициент естественного прироста населения был отрицательным.

Это объясняется тем, что в западноевропейских странах важная компенсирующая роль принадлежит иммиграции, которая суммируется с положительным либо восполняет демографические потери от отрицательного естественного прироста. Миграционный прирост стал характерной чертой для многих из этих стран в послевоенные десятилетия, а в 1990-е годы в Западной Европе миграционная убыль почти не встречалась.

Страны же Восточной Европы были закрыты для миграции, и положительное миграционное сальдо в 1960 – 1980-е годы можно найти только в тех из них, которые были в то время частями более крупных государственных образований и получали население в результате его внутригосударственного перераспределения. В 1990-е годы в этих странах появились или усилились возвратные потоки мигрантов (например, из бывших республик СССР в Россию), к ним присоединились потоки запретной прежде эмиграции на Запад, и миграционное сальдо во многих восточноевропейских странах стало отрицательным. В 1980 г. из 10 европейских республик бывшего СССР только две – Армения и Азербайджан – теряли население в миграциях, в 2000 г., напро-

тив, только две бывшие республики – Россия и Белоруссия – имели положительное миграционное сальдо, но и его было недостаточно, чтобы нейтрализовать депопуляционный эффект отрицательного естественного прироста.

Как ни велики различия в росте населения обеих частей Европы на рубеже веков, они едва ли имеют принципиальный характер. И той, и другой не приходится рассчитывать на собственные ресурсы, на естественный прирост населения. В новом столетии только миграция извне сможет поддержать слабеющие демографические силы большинства европейских стран, где бы они ни находились. Это способно породить немалые проблемы в социально-экономической, политической или культурной областях, и в этом смысле западные и восточные европейцы, при всех их различиях, сидят в одной лодке.

Литература

1. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988.
3. Вишневский А.Г., Школьников В.М. Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия // Настоящий том, с. 137–174.
4. Население России. 2001: Девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002.
5. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
6. Chesnais J.-C. La transition démographique. P., 1986.
7. Chesnais J.-C. Les migrations d'Europe de l'Est vers l'Europe de l'Ouest: de l'histoire (1946–1989) à la prospective (1990–2000) // Conférence des ministres sur les mouvements des personnes en provenance des pays d'Europe centrale et orientale. Vienne, 24–25 janvier 1991. Strasbourg. Conseil de l'Europe, 1991.
8. Heitman S. The third Soviet emigration: Jewish, German and Armenian emigration from the USSR since World War II // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1987.
9. Henshaw S.K. Induced abortion: a world review 1990 // International Family Planning Perspectives. 1990. Vol. 16, N 2.
10. Höhn Ch., Mammei U., Wendt H. Bericht 1990 zur demographischen Lage: Trends in beiden Teilen Deutschlands und Ausländer in der Bundesrepublik Deutschland // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 1990. Jg. 16, N 2.
11. Lesthaeghe R. Der zweite demographische Übergang in den westlichen Ländern: eine Deutung // Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 1992, Jg. 18, 3.
12. Meslé F. La mortalité dans les pays d'Europe de l'Est // Population. 1991 N 3.
13. Migration in Central and Eastern Europe: 1999 Review. Geneva: IOM and ICMPD, 1999.
14. Okolski M. Le cas de la Pologne // La lutte contre la mort. Influence des politiques sociales et des politiques de santé sur l'évolution de la mortalité // Ed. par J. Vallin et A. Lopez. P., 1985.

15. *Okolsky M.* Relationship between mortality and morbidity levels according to age and sex and their implications for organizing health care system in developed countries // Consequences of mortality trends and differentials. UN NY, 1986 (Population Studies, N 95, ST/ESA/Ser. A/95).
16. *Rasevic M.* Thirty years of induced abortion in Yugoslavia. Background document. International Conference "From abortion to contraception", Tbilisi, 10–13 October 1990.
17. *Rédei M.* To move or not? Population development and social policy // Workshop of ESPE. Budapest. 1990. 27–28 Sept.
18. *Roemer M.I.* Politiques sociales et systèmes de santé: leurs effets sur la mortalité et la morbidité dans les pays développés // La lutte contre la mort. Influence des politiques sociales et des politiques de santé sur l'évolution de la mortalité / Ed. par J. Vallin et A. Lopez. P., 1985.
19. *Terris M.* The changing relationship of epidemiology and society. The Robert Cruikshank lecture // Journal of Public Health Policy. 1985. V. 6, N 1.
20. UNISEF TransMONEE (Monitoring Social Conditions and Public Policy in Central and Eastern Europe) database (<http://www.eurochild.gla.ac.uk/documents/monee/>)
21. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. Washington. 1987. Vol. 41, N 1.
22. World Health Statistics Annual 1996. Genève: World Health Organization, 1998. Table B-3.

МИРОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ: СОБЛАЗН И ОПАСНОСТЬ КОЛИЧЕСТВА¹

НАРУШЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ

Школьники моего поколения знали, что на нашей планете живет два миллиарда человек, и были уверены, что за время их жизни эта цифра особенно не изменится. Ведь рост населения от одного до двух миллиардов занял 123 года, никто из нас не соби-рался жить так долго. Откуда нам было знать, что третий милли-ард добавится всего за 33 года, четвертый – за 14, пятый – за 13, шестой – по расчетам – к 1998 г., за 11 лет? В тот день, когда мир вступит в третье тысячелетие, он будет уже на пути к седьмому миллиарду, а к середине XXI столетия число жителей планеты приблизится к 10 миллиардам [1: 33–34].

Не так давно этого не могли предвидеть не только школьники. По прогнозу известного американского биолога и демографа Пир-ла, составленному в 1924 г., двухмиллиардное население Земли со-хранялось и к 2000, и к 2050 году. В 1936 г. Пирл уточнил свой про-гноз, но и тогда он полагал, что население мира в 2000 г. не превы-сит 2,5, а в в 2050 г. – 2,6 миллиарда человек. И даже в 1945 г. дру-гой крупный американский демограф Ноутстайн полагал, что на исходе XX века на Земле будет 3,3 миллиарда жителей [3: 5].

Вторая половина нашего столетия смешала все расчеты. Она стала свидетелем необыкновенного, никогда ранее не виданного явления – мирового демографического взрыва, вызванного ог-ромным снижением смертности. Оно началось в Западной Евро-пе еще в конце XVIII века и медленно, шаг за шагом, отвоеыва-ло годы жизни для каждого следующего поколения европейцев, постепенно вводя в обиход все более мощные и эффективные средства борьбы со смертью. В XX столетии оно распространи-лось на весь мир. Сейчас в самых отсталых африканских странах не встретить такой смертности, какая была обычна для Европы

¹ Печатается по: Открытая политика. 1997. № 1. С. 91–95.

еще сто лет назад. Снижение смертности и удлинение человеческой жизни стало символом прогресса, неоспоримым доказательством торжества человеческого разума. Но оно же несло людям совершенно неожиданные вызовы, ответить на которые оказалось чрезвычайно непросто.

Тысячелетиями высокая смертность у всех народов уравнивалась высокой рождаемостью, и это базовое равновесие лежало в основе всех социальных и культурных установлений, светских и религиозных норм, которые охраняли его как непеременимое условие выживания. Резкое снижение смертности сломало равновесие рождаемости и смертности и тем самым поставило под сомнение очень многие основания традиционной культуры, потребовало пересмотра самых разных социокультурных норм, в первую очередь тех, которые охраняли высокую рождаемость. Теперь она стала ненужной.

Надо отдать должное европейской культуре. Она продемонстрировала высокие адаптационные способности и, пусть не сразу, не без труда и не без конфликтов, приспособилась к новым условиям. Сотни миллионов людей, так или иначе включенных в сферу влияния европейской, “западной” цивилизации, за время жизни нескольких поколений перестроили свое демографическое поведение и привели уровень рождаемости в равновесие с новым уровнем смертности.

Сейчас более одного миллиарда людей уже живут по новым демографическим правилам, численность населения индустриальных стран почти не увеличивается за счет его естественного прироста. Но с остальным миром дело обстоит иначе. Технические средства борьбы со смертью пришли сюда с Запада в готовом виде, поэтому снижение смертности было очень быстрым. Развивающиеся общества просто не успели вовремя перестроиться и привести социокультурные нормы, регулирующие демографическое поведение людей, в соответствие с новыми условиями. Отсюда – разрастающиеся “ножницы” рождаемости и смертности и небывалый рост населения, которым охвачено большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки. С 1950 года их население выросло на 2,8 миллиарда человек, тогда как развитых – всего на 400 миллионов. Сейчас в развивающихся странах живет не менее 4,5 млрд человек – почти четыре пятых мирового населения, на них приходится свыше 90% его ежегодного прироста. Число жителей развивающихся стран увеличивается на 1,9% в год [4: 99–101]. Все эти небывалые цифры как раз и говорят о том, что тысячелетнее демографическое равновесие в мировых масштабах резко нарушено, а рост населения вышел из-под контроля. Как его восстановить?

СВЯЩЕННАЯ КОРОВА КОЛИЧЕСТВА

История жизни на Земле и история человеческого общества знает только два пути такого контроля. Первый – стихийное, впрочем, иногда и рукотворное повышение смертности вследствие массового голода, повальных болезней, войн, геноцида. Второй путь – ограничение рождаемости, планирование семьи.

Совершенно естественно, что, хотя первый путь объективно не исключен, а может быть, даже и весьма вероятен, всякое общество, которое видит в числе своих приоритетных целей борьбу со смертью, должно рядом с нею поставить не менее важную приоритетную цель сокращения рождаемости. Это и происходило на протяжении послевоенных десятилетий. Некогда Индия была первой и единственной страной, ставившей перед собой такую цель. В 1993 г. 63 процента развивающихся стран считали рождаемость в своих странах слишком высокой, а 57 процентов проводили политику, направленную на ее снижение [2: 53]. Рождаемость в развивающихся странах мало-помалу снижается. По оценкам ООН, коэффициент суммарной рождаемости, то есть среднее число рождений на одну женщину, в них снизился с 6,2 в начале 50-х годов до 3,6 в начале 90-х [2: 48]. Но все же и этот уровень очень высок – с учетом резко снизившейся смертности.

Дальнейшие успехи в снижении рождаемости зависят от успехов распространения практики планирования семьи, то есть намеренного добровольного сокращения числа рождений супружескими парами. Никогда в прошлом такая задача не стояла, напротив, все правила – и светские, и религиозные – запрещали супругам ограничивать число рождений по собственному выбору. Теперь обстоятельства изменились, и возникла необходимость в пересмотре тысячелетних правил. Это связано с отказом от многих основополагающих ценностей культуры, всегда трудным, хотя и неизбежным на переломе эпох.

Впрочем, есть немало политиков и общественных деятелей, которые убеждены, что быстрый рост населения в развивающихся странах выгоден им, ибо усиливает их позицию в мире. При таком подходе на первый план выходят приоритеты идеологии и политики. Пусть сегодня стремительный демографический рост в развивающихся странах затрудняет борьбу с бедностью, неграмотностью, болезнями – чем хуже, тем лучше. Рано или поздно справедливость будет восстановлена, и совершится передел планетарных богатств. Будущее мира видится как некая финальная схватка “Севера” и “Юга”, исход которой решит соотношение количеств. Соответственно в стремлении затормозить рост мирового населения усматриваются прежде всего корыстные интересы “Запада”.

КАК РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ?

Если усилия, направленные на ограничение рождаемости, и в самом деле задевают чувства сотен миллионов, а теперь уже и миллиардов людей и противоречат их традиционным ценностям, если, как утверждают иные политики, они ослабляют позиции развивающихся стран в мире, то, может быть, следует отказаться от этих усилий и предоставить события их естественному ходу?

Население растет в тех районах мира, где оно наиболее бедно. А ресурсы планеты расходуются в основном в богатых странах. Выводы, можно сказать, напрашиваются сами собой и как бы снимают всякую ответственность с роста населения. Такая логика довольно широко распространена и, конечно, используется противниками ограничения рождаемости в Третьем мире. Она была представлена во многих материалах, распространявшихся на Каирской конференции. "Рост населения в развивающихся странах – не главная угроза стабильности на планете. Большая угроза идет от роста населения и потребления ресурсов в индустриализованном мире. Средний гражданин США потребляет в 20 раз больше естественных ресурсов, чем средний гражданин Индии, так что дополнительные 10 млн человек в США оказывают такое же давление на планету, как дополнительные 200 млн индийцев". "Каждый ребенок, родившийся в Северной Америке, потребляет столько же, сколько трое, родившихся в Японии, 147 в Бангладеш, 422 в Эфиопии". "Развитая страна с населением примерно в 30 млн человек потребляет всего больше, чем 650 млн человек на Африканском континенте".

Все это – правда, но это – не вся правда. Верно, что рост населения – не единственная угроза, а лишь одна из... Но разве этого недостаточно, чтобы бороться и против нее? И почему критика действительно расточительной и опасной экономики "Севера" исключает критику расточительного и опасного демографического роста на "Юге"? Хотя люди в бедных странах действительно потребляют намного меньше ресурсов, чем в богатых, нарушение равновесия между численностью населения и несущей способностью среды в Бангладеш или Эфиопии даже более опасно, чем в США или Японии. Современная технологическая цивилизация умеет не только разрушать, но и защищать природу, восстанавливать разрушенное. Во многом искусственная, созданная руками человека среда обитания в огромных западных городах приспособлена к очень большим антропогенным нагрузкам. Такой город может жить, по крайней мере, теоретически, не губя окружающие его естественные ландшафты, не испытывая недостатка в чистой воде, источниках энергии и т.п. Да и на практике

достижения немалые. В США, например, за 25 лет после 1960 г. загрязнение воздуха городов аэрозолями уменьшилось на 67%, выбросы окиси углерода – на 33%.

При традиционных застойных системах хозяйствования все это невозможно даже теоретически, поэтому они могут существовать только при постоянстве соотношения население/ресурсы. С ростом населения такое постоянство нарушается, а это ведет к губительным последствиям. Среди них, например, стремительное сокращение тропических лесов в результате расчистки земельных участков для сельскохозяйственных нужд растущего населения и добычи необходимого ему древесного топлива. В конце 80-х годов ежегодно вырубалось около 20 млн гектаров тропических лесов, их площадь сокращалась на 0,9 процента ежегодно [2: 18]. Демографическое давление на земельные ресурсы в сочетании с примитивными экстенсивными методами ведения сельского хозяйства ведет к деградации почв, вследствие чего ежегодно выводится из пользования 7–8 млн гектаров неорошаемых плодородных земель и 1,5 млн гектаров орошаемых угодий [2: 18–19]. Рост населения в развивающихся странах до предела обостряет проблемы обеспечения населения продовольствием, чистой водой, энергетическими ресурсами, загрязнения окружающей среды и т.д.

Единственный выход из всех этих тупиков для развивающихся стран – перейти от экстенсивной экономики к интенсивной, то есть стать развитыми. Но то, что могло бы быть направлено на экономический рост третьего мира, сейчас в значительной степени приходится тратить на поддержание хотя бы неизменного уровня жизни быстро растущего населения.

Строго говоря, всех вопросов не решит и экономический подъем третьего мира. Предположим, что развивающимся странам удастся разорвать порочный круг бедности и хотя бы приблизиться к нынешним индустриально развитым странам по богатству и технологическим возможностям. Тогда в третьем мире воспроизведутся все нынешние экономические и экологические проблемы развитых стран, но в десятикратном размере – в соответствии с возросшей массой его населения. Мир окажется в новом тупике, еще более опасном, чем нынешний.

Если что и может принести действительное спасение, так это научный и технический прогресс, новый скачок в соотношении население/ресурсы, создание принципиально иных технологий жизнедеятельности современных обществ, экономящих ресурсы и не разрушающих природу. Гарантии успеха нет, но есть, по крайней мере, осмысленная надежда, есть опыт прошлых успехов и есть реальная, поставленная историей задача, на решение

которой человечеству и следовало бы направить главные усилия. Пока она не решена, даже нынешнее население Земли слишком многочисленно, а уж замедление его дальнейшего роста – один из неустрашимых императивов нашего времени.

Никто не утверждает, что это замедление способно само по себе дать ответ на все глобальные вызовы. Несомненно лишь, что оно – необходимая составная часть такого ответа. Если сегодня у жителей планеты есть цель, отвечающая их общим интересам, то она заключается не в том, чтобы бесконечно обеспечивать скудное пропитание и полное опасностей существование для все прибывающих и прибывающих миллиардов землян, а в том, чтобы создать механизм поддержания равновесия между постоянным по численности человечеством и ограниченными ресурсами Земли. Если такой механизм не будет создан, земная цивилизация может не пережить XXI века.

Литература

1. ООН. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Предварительный вариант. Каир, 5–13 сентября 1994 г. A/Conf. 171/13, 18 октября 1994 г.
2. Опыт реализации стратегий и программ в области народонаселения и развития: Четвертый обзор и оценка Всемирного плана действий в области народонаселения. Доклад Генерального секретаря ООН. Международная Конференция по народонаселению и развитию, Каир, 1994. A/Conf. 171/4.
3. Lutz W., ed. The future population of the world. What we assume today? // ASSA-Earthscan. L., 1994.
4. World population prospects. The 1994 revision. UN NY. ST/ESA/Ser. A/145.

РОСТ ПРОИЗВОДСТВА И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ: ЧТО БЫСТРЕЕ?

Вторая половина XX века ознаменовалась огромными успехами сельскохозяйственного и промышленного производства в мировых масштабах. За пять десятилетий мировой годовой валовой продукт вырос более чем в 6 раз и превысил 40 триллионов долларов (1999). Мировое производство зерна увеличилось почти в три раза, мяса и рыбы – в 5 раз, соевых бобов – более чем в 9 раз. В 4,6 раза выросло потребление ископаемых энергоносителей, почти в 5 раз – производство автомобилей, а их совокупный парк увеличился почти в 10 раз. Почти в 9 раз выросло производство велосипедов. Только за период между началом 60-х и 1995 гг. производство используемых человеком материалов выросло в 2,4 раза, приблизившись к 10 млрд тонн в год. Производство металла выросло в 2,1 раза, лесоматериалов – в 2,3, минералов – в 2,5, синтетических материалов – в 5,6 раза [14].

Но стал ли мир намного богаче, чем он был в 1950 г.?

О действительном росте богатства можно говорить только тогда, когда оно увеличивается в расчете на душу населения, т.е. когда средние темпы роста производства и потребления превышают темпы роста населения. Но во второй половине XX в. почти весь прирост богатства был сведен на нет огромным приростом населения: число жителей Земли за те же 50 лет увеличилось с 2,5 до 6 миллиардов человек, или в 2,4 раза.

Таким образом, несмотря на то что темпы роста производства были близки к взрывоподобным темпам роста населения, добиться существенно опережающего экономического роста не удалось. Не удалось даже просто накормить население планеты. Более того, именно решение продовольственной проблемы во всемирных масштабах показало всю сложность стоящих перед

¹ Демоскоп Weekly. 2002. N 77–78, 26 авг. – 8 сент.

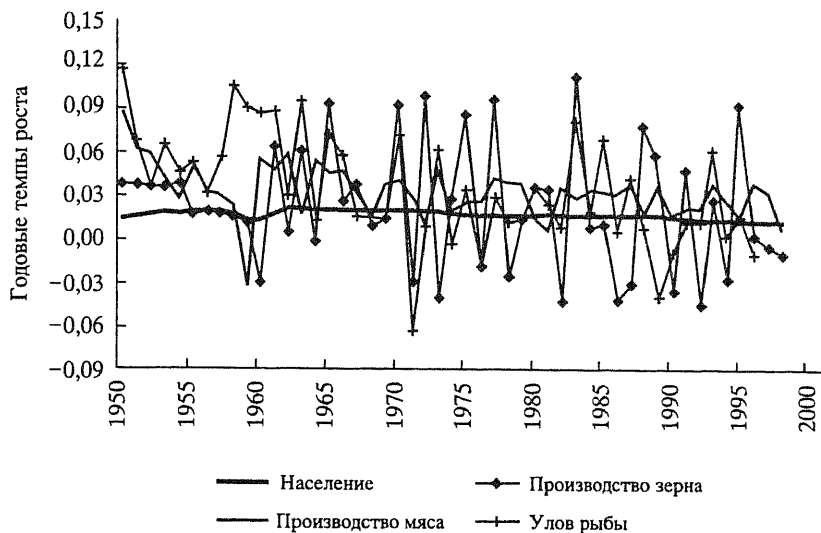

Рис. 1. Годовые темпы прироста мирового населения и мирового производства зерна, мяса и рыбы
Источник: [14]

человечеством проблем. Как видно из рис. 1, темпы роста производства основных видов продовольствия иногда были выше, а иногда ниже темпов роста населения, но даже если в среднем за полвека они были выше, превышение, как правило, было очень небольшим. При этом к концу второй половины столетия положение становилось хуже, чем было в ее начале.

За 49 лет – с 1951 по 1999 г. – относительный годовой прирост производства зерна 25 раз опускался ниже относительного прироста населения, из них 14 раз – во второй половине этого периода (с 1976 г.). Примерно таким же соотношением было для мирового улова рыбы: 21 раз из 48 (1951–1998) его относительный прирост был ниже прироста населения, в том числе 14 раз – во второй половине периода. Это соотношение лучше для производства соевых бобов (16 из 49, в том числе 8 – во второй половине периода) и особенно для производства мяса (6 из 49, в том числе 3 – во второй половине периода).

ЗЕРНО

За вторую половину XX столетия производство зерна в мире выросло примерно втрое, т.е. несколько больше, чем мировое население. Это различие было особенно заметно в 1950 – 1960-е годы, когда объем производимого зерна в расчете на душу насе-

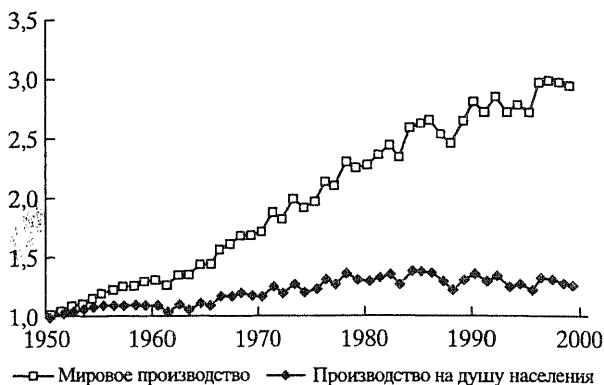

Рис. 2. Рост мирового производства зерновых культур во второй половине XX века (1950=1)

Источник: [14]

ления увеличивался. Но после 1970 г., когда этот показатель приблизился к 300 кг на человека в год, темпы роста населения и мирового урожая зерновых сблизились. В последние три десятилетия XX века годовой сбор зерна колебался в диапазоне от 300 до 342 (1984) кг на человека [4:31]. Но за этой средней величиной скрываются большие межрегиональные различия. Душевое производство зерна в развивающихся странах намного ниже, чем в развитых, и не позволяет добиться кардинального улучшения питания и обеспечить полноценный пищевой рацион для большинства населения.

Положение усугубляется неустойчивостью урожаев и невозможностью создать надежные резервы на случай неурожая. Считается, что гарантированная продовольственная безопасность достигается, если к появлению нового урожая в закромах имеется не менее чем 70-дневный запас зерна. С 1960 г. в мировом масштабе это условие не выполнялось 15 раз, из которых 8 раз пришлось на 90-е годы [6: 39].

МЯСО И РЫБА

В конце XX века более трети мирового урожая зерна использовалось для откорма скота и птицы, дающих мясо, молоко и яйца. Именно вытеснение пастбищного животноводства откормом животных на основе роста производства зерна и соевых бобов, а также успехи селекции в животноводстве позволили значительно увеличить мировое производство продуктов животноводства, в первую очередь, мяса. При этом важную роль сыграли изменения

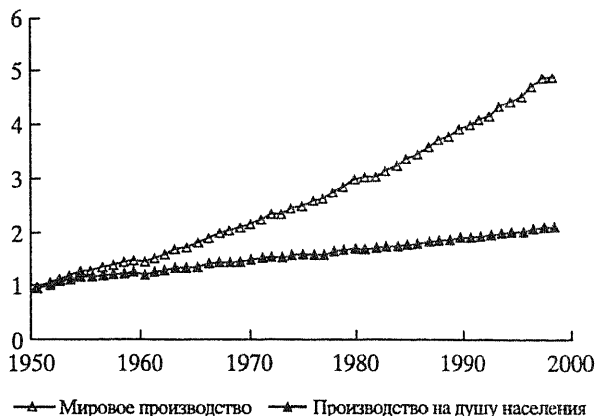

Рис. 3. Рост мирового производства мяса во второй половине XX века (1950=1)
 Источник: [14]

в структуре поголовья животных, с учетом эффективности откорма (производство 1 кг говядины требует примерно 7 кг зерна, свинины – около 4, птицы – 2 кг). Особенно быстро росло производство свинины и мяса птицы, так что производство говядины было менее чем за 20 лет оттеснено с первого на третье место.

В целом вторая половина прошлого века была отмечена огромным ростом мирового производства мяса. За 50 лет оно выросло в пять раз и даже в расчете на душу населения – более чем вдвое. Вначале рост шел в западных промышленных странах и Японии, но в два последние десятилетия XX века производство мяса быстро увеличивалось в Китае, на Среднем Востоке и в Латинской Америке.

И все же нынешний объем производства мяса далеко не отвечает мировой потребности, особенно если учесть огромное региональное неравенство в его потреблении. В расчете на одного жителя планеты в конце 90-х годов потребление мяса составляло немногим более 36 кг в год. Но один житель США потреблял, в среднем, почти в 3,5 раза больше, тогда как в Китае среднедушевое потребление мяса составляло более 50 кг в год, а в Индии – всего 3 кг [4: 120]. Однако даже если бы потребление мяса и других продуктов животноводства в разных странах было одинаковым, нынешний уровень их мирового производства недостаточен для поддержания сбалансированного пищевого рациона и нуждается в повышении.

Такое повышение наталкивается на ограниченность кормовой базы животноводства. Богатые страны, имеющие достаточно зерна, не знают этой проблемы. В США, например, производство

зерна достигает 900 кг на душу населения в год, значительная его часть может быть без труда направлена на откорм животных и потребляется в виде мяса, яиц, молочных продуктов. В промежуточных странах, таких, как Италия, в год потребляется примерно 400 кг зерна. В Китае же потребление зерна составляет 300 кг в год, в Индии 200 кг, и почти все оно потребляется непосредственно, на производство животных протеинов остается очень мало [4: 121]. Развивающиеся страны, как правило, находятся в ситуации, которая ближе к индийской, чем к американской или даже итальянской, их зерновые возможности ограничены.

По расчетам Worldwatch Institute, если предположить, что в ближайшие 50 лет душевое потребление мяса увеличится в полтора раза, то, с учетом ожидаемого роста населения, мировое потребление мяса вырастет с 216 млн т в 1998 г. до 481 млн т в 2050. Если расходовать в среднем 3 кг зерна на 1 кг мяса, в 2050 г. потребуется дополнительно 800 млн т кормового зерна. Это может резко усилить конкуренцию между непосредственным потреблением зерна и его потреблением в виде животных протеинов и поставить под вопрос возможность такого роста производства мяса [7: 104].

Второй после сельского хозяйства важнейший источник продуктов питания для растущего населения – естественные ресурсы Мирового океана. Считается, что сейчас рыбная продукция обеспечивает среднему жителю Земли 6% потребляемого им белка и 16% животного белка, а примерно для миллиарда человек, в основном жителей Азии, рыба – источник 30% потребляемого животного белка [12: 80].

Если экономика сельского хозяйства со времен Неолитической революции – производящая, основанная на агрикультуре, а потребление естественных плодов земли – скорее исключение, чем правило, то экономика использования Мирового океана, как и в донеолитические времена, в основном присваивающая. До недавнего времени человек потреблял естественные плоды моря, не умея воздействовать на их воспроизводство, рыбоводство находилось в зачаточном состоянии.

Рост населения в сочетании с совершенствованием методов лова и ростом потребления морских продуктов в богатых странах привел к стремительному увеличению улова океанической рыбы. За XX век ее вылов вырос в 25 раз – с 3 до 82 млн метрических тонн (1989) [3: 21]. Только с 1950 по 1988 г. он вырос с 19 до 88 млн т – намного больше, чем численность населения. В расчете на душу населения улов более чем удвоился – вырос с 8 до 17 кг. Но после 1988 г. прирост уловов стал меньшим, чем прирост населения. Поэтому, несмотря на то что в 1996 г. мировой

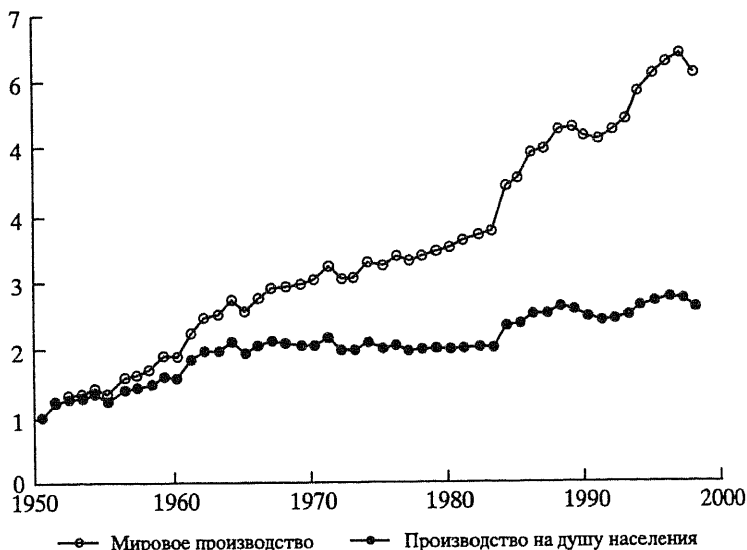

Рис. 4. Рост мирового производства рыбы (улов + разведение) во второй половине XX века (1950=1)

Источник: [14]

улов был наибольшим за всю историю – 95 млн т (в 1997 г. он немного снизился), улов на душу населения прошел свой пик в 1988 г. и сейчас имеет тенденцию к снижению.

Чрезмерный рост уловов ставит под угрозу устойчивое воспроизводство мировых запасов рыбы. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), уже сейчас 11 из 15 главных промысловых регионов серьезно истощены, а вылов 70% важнейших видов рыбы близок к биологическому пределу [12: 83]. Ежегодный прирост мирового улова в ближайшее время может прекратиться. С учетом роста населения это означает, что к 2050 г. улов океанической рыбы на душу населения упадет примерно до 11 кг. При этом в улове будет продолжать расти доля низкосортных пород, прежде даже не считавшихся съедобными. В ближайшие 50 лет вероятно полное исчезновение с рынка некоторых пород, снижение качества получаемых из моря продуктов питания, рост цен, умножение конфликтов между странами из-за доступа к рыбным богатствам. В 1990-е годы ежегодно отмечалось больше конфликтов из-за рыбы, чем за весь XIX век [7: 49–52].

Так как возможности океанов приближаются к исчерпанию, увеличивающийся спрос на рыбную продукцию может быть удовлетворен только за счет разведения рыбы, которое и превра-

тилось в одну из наиболее быстро растущих отраслей производства продовольствия. Продукция аквакультуры выросла с 7 млн тонн в 1984 до 28 млн тонн в 1997 г., т.е. до 30% от мирового улова океанической рыбы [7: 52]. По оценкам, в конце прошлого века каждая четвертая съедаемая в мире рыба была выращена искусственно.

Однако расширение рыбоводства наталкивается на ряд ограничений, в том числе и тех, которые тормозят наращивание производства мяса. Быстрый рост рыбоводства объясняется высокой кормовой эффективностью отрасли, по которой она сравнима с птицеводством: на 1 кг прироста рыбной продукции расходуется 2 кг зерна. Тем не менее искусственное разведение рыбы — это не простое потребление того, что создала природа. Оно вступает в конкуренцию с разведением скота и птицы за корма, в частности, за зерно, соевые бобы и рыбную муку, и к тому же порождает высокий спрос на пресную воду, которая также используется на другие цели и может быть остродефицитной.

ПАХОТНЫЕ ЗЕМЛИ

В конечном счете, решение продовольственной проблемы требует прежде всего постоянного и быстрого наращивания производства зерна. Оно же, в свою очередь, наталкивается на ограниченность пригодных для сельскохозяйственного использования земель и пресной воды.

Земля — главный базовый ресурс, основной источник природных и производимых продуктов питания.

Примерно 10000 лет, со времени возникновения сельскохозяйственного производства — земледелия и пастбищного скотоводства, — площадь земель, вовлекаемых в сельскохозяйственный оборот, медленно, но неуклонно росла за счет пригодных для земледелия или выпаса пустующих просторов, сведения лесов или орошения аридных земель. Именно такой экстенсивный рост делал возможным долговременное увеличение мирового населения, ибо отдача сельскохозяйственных земель увеличивалась крайне медленно. Но так как темпы этого роста тоже не могли быть очень высокими, они служили естественным фактором, сдерживавшим рост населения.

Когда в XIX в. европейский демографический взрыв породил несоответствие между темпами прироста населения и сельскохозяйственных земель и сделал явным аграрное перенаселение в Европе, частичное решение было найдено в колонизации крупнейших остававшихся неиспользованными пригодных для

сельскохозяйственного использования массивов земель в Северной и Южной Америке, в Австралии, на юге России, в Сибири и т.д. Но к середине XX века все основные земельные ресурсы планеты были уже использованы. Во второй половине века прирост используемых для сельского хозяйства земель замедлился, шел в основном за счет расширения орошаемых площадей или вовлечения в оборот менее ценных земель – на склонах, в тропических лесах и т.д. – и не поспевал за стремительным ростом населения.

Общая площадь земель, возделываемых под зерновые культуры, в мире выросла с 587 млн га в 1950 до 732 млн га в 1981 г. (на 25%), но их площадь в расчете на душу населения сократилась за то же время с 0,23 до 0,16 га (на 30%). А после 1981 г. и общая площадь пашни стала сокращаться. В 1990-е годы она была на 15–20% выше, чем в середине века, а население к этому времени выросло более чем вдвое. В результате площадь пашни на душу населения сократилась до 0,12 га, т.е. стала почти вдвое меньше, чем в 1950 г. [10: 43] (рис. 5). По прогнозам, дальнейший рост населения, возможно, в сочетании с некоторым сокращением посевов зерновых, приведет к падению их площадей до 0,07 га на душу населения в 2050 г. [4: 121]. Но это – в целом по миру. Во многих же странах обеспеченность посевными площадями уменьшится до 0,06–0,07 га на душу населения уже в ближайшие десятилетия [7: 62–64]. В то же время есть страны, которым нехватка земли не грозит. В России в 2050 г., по оценкам, на душу населения будет приходиться 1,14 га пахотных земель [1: 21].

На протяжении последних десятилетий XX века снижение обеспеченности земельными ресурсами в известной степени компенсировалось приростом высокоэффективных орошаемых земель. За 35 лет – с 1961 по 1996 – их площадь выросла почти на 90% – со 139 до 263 млн га. Особенно быстрым этот рост был во второй половине 1970-х годов, когда он заметно опережал рост населения и позволил несколько увеличить площадь орошаемых земель на душу населения. Земледелие на орошаемых землях высокоэффективно. В середине 1990-х годов такие земли составляли всего 17% возделываемых в мире земель, но давали около 40% мирового продовольствия. По некоторым оценкам, они обеспечили более половины прироста мировой сельскохозяйственной продукции между серединой 1960-х и серединой 1980-х годов [8: 45]. Особенно зависимы от орошения развивающиеся страны, они получают с них 60% потребляемого риса и 40% пшеницы [8: 46].

Площадь орошаемых земель продолжает расти, но постепенно ее прирост замедляется, а часть полученного выигрыша съе-

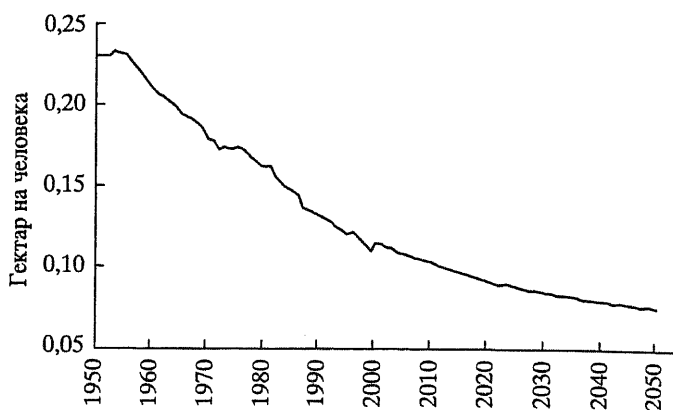

Рис. 5. Земли, используемые для производства зерна, на душу населения. 1950–2000 и прогноз до 2050 г.

Источник: [10: 43]

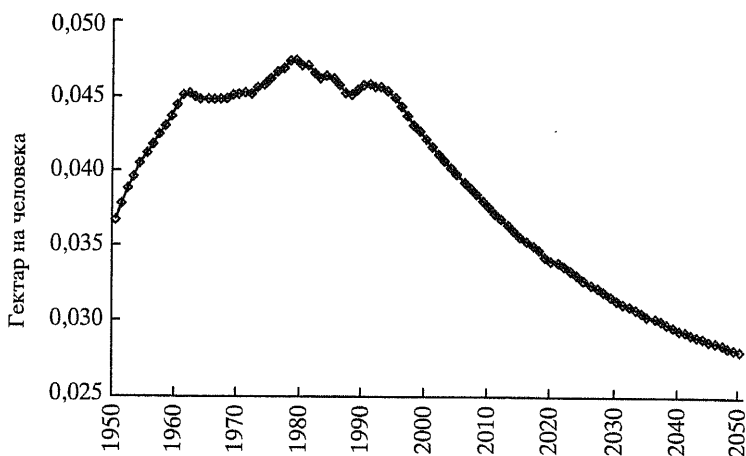

Рис. 6. Орошаемые земли на душу населения. 1950–2000 и прогноз до 2050 г.

Источник: [9: 45]

дается увеличением населения, так что прирост на душу населения становится все менее вероятным (рис. 6). Дальнейший рост будет неизбежно тормозиться нехваткой воды для орошения.

Конечно, планета все еще располагает немалыми резервами пахотных земель. Считается, что теоретически их площадь “может быть увеличена на 40% или на 2 миллиарда гектаров” [3: 19]. Но большую часть этих “резервных” земель нельзя эффективно использовать без дорогостоящих мероприятий по повышению плодородия почвы, вырубки лесов и т.д., так что их реальное

включение в состав мировой пашни весьма проблематично. С другой стороны, используемые ныне сельскохозяйственные земли быстро деградируют. Уже сейчас деградации в средней или сильной степени подвержены около 2 миллиардов гектаров пахотных и пастбищных угодий [3: 19].

ПРЕСНАЯ ВОДА

Пресная вода – второй фундаментальный ресурс, на ограниченность которого наталкивается стремительный рост населения. Сейчас в мире используется примерно 55% наличного годового запаса пресной воды, причем 70% мировых ресурсов подземных и речных вод используется на орошение, 20% – на нужды промышленности и 10% на бытовые нужды. Если нынешний душевой уровень водопотребления сохранится, использование мировых запасов пресной воды только за счет роста населения может повыситься до 70%, а если душевое потребление воды будет увеличиваться, использование годового запаса пресной воды будет постепенно приближаться к физическому пределу [3: 14–15]. “Многие страны уже сейчас испытывают недостаток пресной воды, социальные последствия нарастания этого дефицита трудно даже вообразить. Растущий дефицит пресной воды, возможно, самая недооцениваемая сегодня ресурсная проблема” [7: 37].

Как видно из рис. 7, расход воды на орошение сельскохозяйственных земель быстро растет, но, по мере развития промышленности и роста городов, их потребности в воде также увеличиваются, и нарастает межотраслевая конкуренция за нее. Так как 1000 тонн воды может быть использована на производство 1 т пшеницы стоимостью 200 долларов или на прирост промышленной продукции стоимостью 14000 долларов, то промышленность обычно побеждает в конкуренции с сельским хозяйством [7: 38].

В результате еще больше обостряется сильнейшая нехватка воды для сельскохозяйственных нужд. Чтобы ответить на растущие потребности в продовольствии, к 2025 г. долю мирового урожая, питаемого водой с помощью орошения, по сравнению с атмосферной, надо поднять с 28 до 46%. В 2050 г., чтобы удовлетворить потребности в воде для производства урожая, понадобится количество воды, равное 24 годовым стокам Нила – втрое больше, чем сейчас. Между тем, уже сейчас в мире имеется дефицит пресной воды, равный примерно двум годовым стокам Нила. В середине 1990-х годов он составлял, по оценкам экспертов из

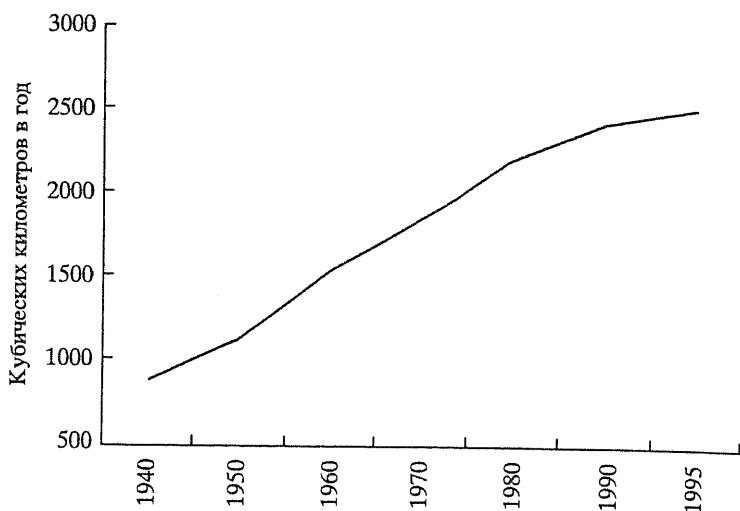

Рис. 7. Глобальный расход воды на орошение
Источник: [14]

Worldwatch Institute, более 160 млн кубических километров воды в год, в том числе более 100 – в Китае, 30 – в Индии, около 14 – в США, 10 – в Северной Африке [13: 44]. Вследствие роста населения в 2050 году на каждого жителя планеты будет приходиться лишь четверть того количества пресной воды, обеспечиваемой гидрологическим циклом, которое имелося в 1950 [7: 37], а спрос на воду растет быстрее, чем население.

Растущее использование воды на промышленные и бытовые нужды еще больше ограничивает возможности орошения и вынуждает страны с быстро растущим населением импортировать зерно. В конце 1990-х годов 34 страны с “напряженным водным балансом” в Африке, Азии и на Ближнем Востоке имели меньше 1700 кубических метров воды на жителя в год и ежегодно импортировали около четверти всего продаваемого на мировом рынке зерна – примерно 50 млн т [13: 47].

В целом, по оценкам Международного института водного хозяйства, уже в 2025 г. миллиард человек будут жить в странах с абсолютным дефицитом воды. Даже при более высокой эффективности ирригации они не смогут поддерживать душевое производство продовольствия на орошаемых землях на уровне 1990 г. и обеспечивать водой промышленные, бытовые и экологические нужды. Им придется импортировать продовольствие, если это вообще будет возможно. А к 2050 году число людей, испытывающих нехватку воды, будет намного большим [7: 39–40].

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

В целом успехи мирового производства продовольствия во второй половине XX века неоспоримы, но так же неоспоримо и то, что из-за стремительного роста населения мировая продовольственная проблема остается нерешенной. "Из 4,4 миллиарда человек в развивающихся странах... около пятой части страдают от калорийной и белковой недостаточности, еще более распространенным является дефицит питательных микроэлементов, в частности, 3,6 миллиарда человек испытывают дефицит железа в организме, причем 2 миллиарда из них страдают анемией. И это несмотря на то, что бедные семьи тратят не менее половины своего дохода на продукты питания" [2: 50].

Сейчас все страны можно разделить на три группы. Многие европейские государства, США, Канада, Австралия не только надежно обеспечивают себя продовольствием, но и экспортируют его. Возможно, они могли бы производить и больше и ввозить продовольствие в страны, испытывающие его нехватку, если бы эти страны были способны платить за него. Страны второй группы, включающей Японию, Сингапур, часть европейских стран и арабские государства – производители нефти, не обеспечивая себя продовольствием, достаточно богаты, чтобы закупать его в странах-экспортерах. Но две трети населения мира – около

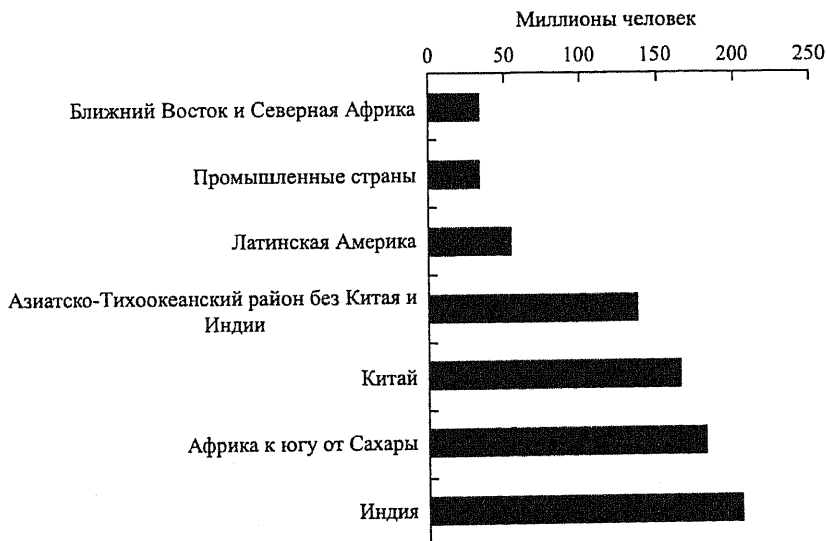

Рис. 8. Число недоедающих по регионам мира, миллионов человек. 1995–1997

Источник: [11: 11]

3,8 млрд человек – живут в странах третьей группы, в которых одновременно не хватает продовольствия и доходы слишком низки, чтобы его импортировать. И именно в этих странах население растет особенно быстро [11: 9, 11].

Иногда думают, что именно неравенство между странами и регионами – главная причина голода и недоедания и что продовольственную проблему можно решить за счет более равномерного распределения имеющихся ресурсов между ними. На самом деле, это иллюзия, потому что сейчас, как и 50 лет назад, продуктов питания производится недостаточно в среднем на одного жителя Земли.

По оценкам ФАО, чтобы обеспечить почти 8 млрд людей, которые, согласно прогнозам, будут жить на Земле в 2025 г., и улучшить их пищевой рацион, мир должен удвоить объемы производства продовольствия [3: 21]. Экономисты, ученые, политики ломают голову над тем, как решить эту задачу.

Заведомо ясно, что она не может быть решена на базе традиционных низкоэффективных методов хозяйствования. Требуется повсеместное внедрение современных сельскохозяйственных технологий, основанных на широком применении машин, удобрений, новейших методов ирригации и пр. В бедных аграрных странах для этого нет достаточных ресурсов. А чтобы они появились, эти страны должны модернизироваться, развить собственную промышленность, систему образования и подготовки кадров, здравоохранение, одним словом, все то, что уже существует в странах более богатых – вместе с их потребностями. А это не может не привести к еще большей конкуренции за ограниченные ресурсы.

К тому же вовсе нет уверенности, что, став доступным экономически, внедрение эффективных сельскохозяйственных технологий приведет к решению продовольственной проблемы. Сейчас уже хорошо известно, что применение таких технологий нередко вызывает непредвиденные последствия и порождает новые трудности. Скажем, применение удобрений и пестицидов, необходимое для повышения урожайности, приводит к нарушению экологического баланса, вследствие чего возникают новые болезни и вредители растений. И в любом случае быстрое наращивание производства продовольствия в условиях общей бедности будет иметь своим следствием растущую нагрузку на все естественные ресурсы планеты, подводя их к границе полного истощения. При этом речь идет не только о тех ресурсах, которые используются непосредственно для производства и потребления, имеют явную экономическую ценность, могут присваиваться в больших или меньших размерах, менять собственника и т.д. (пахотные земли,

источники пресной воды, ископаемого топлива, сырья и т.п.). Под угрозой находятся неделимые ресурсы планеты – ее климатический баланс, защитный озоновый слой, созданное миллионами лет эволюции биологическое разнообразие форм жизни. Эти ресурсы не принадлежат никому и не имеют явной экономической ценности. Но без них жизнь на Земле невозможна.

Так есть ли выход из мирового продовольственного тупика?

Пока этот вопрос остается без ответа.

Литература

1. Акимов А.В. Мировая продовольственная проблема: шанс для России в XXI веке? М., 1999.
2. Доклад о развитии человека за 1998 год. Н.-Й.: UNDP, 1998.
3. Население мира в 2001 году. Этапы и вехи: население и экологические изменения. Н.-Й., UNFPA, 2001.
4. Brown L. Feeding nine billion // Brown L. et al., eds. State of the World 1999. Worldwatch Institute. N.Y.; L., 1999.
5. Brown L. Grain harvest drops // Brown L., Renner M., Halweil B. et al. Vital Signs 1999. Worldwatch Institute. N.Y.; L., 1999.
6. Brown L. Grain stocks down slightly // Brown L., Renner M., Halweil B. et al. Vital Signs 1999.
7. Brown L., Gardner G., Halweil B. Beyond Malthus. N.Y.; L., 1999.
8. Gardner G. Irrigated areas up slightly // Brown L., Renner M., Flavin C. et al. Vital Signs 1998. Worldwatch Institute. N.Y.; L., 1998.
9. Gardner G. Irrigated areas up // Brown L., Renner M., Halweil B. et al. Vital Signs 1999.
10. Halweil B. Grain area declines // Brown L., Renner M., Halweil B. et al. Vital Signs 1999.
11. Hinrichsen D., Robey B. Population and the environment: the global challenge // Population Reports, Series M, N 15. Baltimore: Johns Hopkins University School of Public Health, 2000.
12. McGinn A. Charting a new course for oceans // Brown L. et al. State of the World 1999.
13. Postel S. Redesigning irrigated agriculture // Brown L. et al. State of the World 2000. Worldwatch Institute. N.Y., 2000.
14. Worldwatch database disk, June 2000.

МИРОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ И АНТРОПОГЕННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА КЛИМАТ¹

МИРОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Один из величайших парадоксов истории заключается в том, что небывалые успехи медицины на протяжении двух последних столетий, казавшиеся одним из главных и наиболее бесспорных доказательств прогресса, привели к возникновению и небывалых вызовов, на которые человечество пока не нашло удовлетворительного ответа.

XX век стал веком стремительного снижения смертности и роста продолжительности жизни во всем мире, а это привело к беспрецедентному росту населения планеты. Правда, впервые необычное ускорение демографического роста за счет растущего преобладания числа рождений над числом смертей было отмечено еще в XIX веке. Но тогда оно наблюдалось только в Европе и, по сравнению с ускорением роста населения в XX в., было небольшим. К тому же Европа располагала клапаном, позволявшим ослаблять нарастающее демографическое давление, – эмиграцией за океан. Поэтому росло население не только Европы, но и основных стран европейской эмиграции в Северной Америке и Океании, причем росло намного быстрее, чем население остального мира. Доля европейского населения в мире была не особенно велика (22% в начале XIX в. и 30% в его конце), и на мировом итоге его рост сказался не очень сильно. Тем не менее население планеты, которое в 1800 г. не достигало еще 1 млрд человек, к 1900 г. выросло до 1650 млн – рост, подобного которому не знало ни одно предыдущее столетие.

В XX в. необычное увеличение естественного прироста насе-

¹ Публикуется по: Изменение климата и здоровье населения России в XXI веке: Сборник материалов Международного семинара 5–6 апреля 2004 г., Москва / Под ред. Н.Ф. Измерова, Б.А. Ревича, Э.И. Коренберга. М.: Адамант, 2004. С. 34–43.

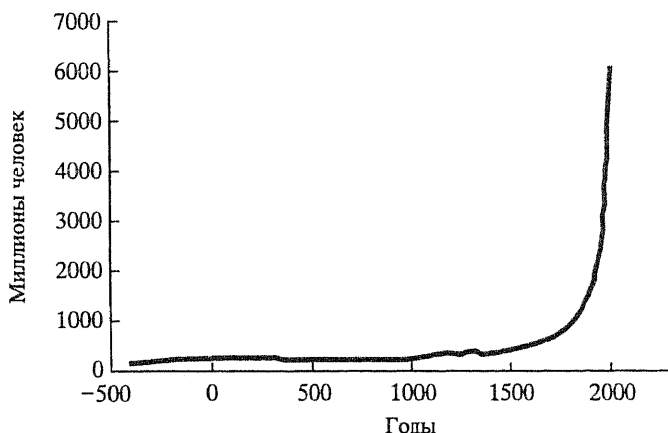

Рис. 1. Рост мирового населения между 400 г. до н.э. и 2000 г.

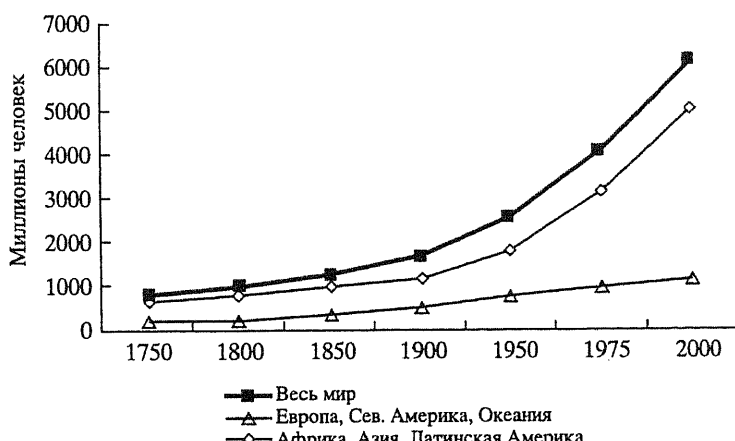

Рис. 2. Рост мирового населения

ления вышло за пределы Европы и распространилась на весь мир. При этом в XX в. в странах неевропейской культуры (70% населения мира в начале века и более 80% в его конце) естественный прирост увеличивался быстрее и достиг намного более высоких значений, чем в Европе в XIX в., что и обусловило стремительный рост населения этих стран, а вместе с тем и всего мира. За весь XIX век число людей на Земле увеличилось почти на 70%, тогда как только за первую половину XX века, несмотря на две кровопролитные мировые войны, оно выросло более чем в полтора раза. Во второй половине XX в. рост населения приоб-

рел лавинообразный характер, а за все XX столетие оно увеличилось в 3,7 раза.

Темпы роста мирового населения достигли максимума в 60-е годы, в последние три десятилетия XX в. они постепенно снижались, но все еще остаются высокими. По мнению экспертов, темпы демографического роста в первой половине XXI столетия будут в любом случае ниже, чем во второй половине XX. Согласно среднему варианту прогноза ООН, увеличение мирового населения с 6 до 7 млрд займет 13 лет, с 7 до 8 – 14, с 8 до 9 – 17 лет [6: 7]. Существуют и другие прогнозы, предсказывающие более скорое замедление роста мирового населения. Но в любом случае в середине XXI в. на Земле будет жить примерно в 5–7 раз больше людей, чем в начале XX.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ИМПЕРАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Современному человечеству, живущему в условиях демографического взрыва, приходится одновременно решать две взаимосвязанные задачи.

Первая из них порождена самим ускорением роста населения и заключается в том, чтобы просто ответить на демографический вызов. Так как население мира растет взрывными темпами, рост производства так же должен быть взрывоподобным – это необходимо, чтобы не допустить отката человечества назад, снижения достигнутого уровня благосостояния населения Земли, разрушения уже существующих систем жизнеобеспечения или падения их эффективности. Даже для того, чтобы просто прокормить дополнительные миллиарды людей в развивающихся странах, необходим невиданный рост производства продуктов питания, а это невозможно без создания экономики современного типа – индустриальной и постиндустриальной. Быстро увеличивающаяся плотность населения, и, как следствие, его новое территориальное распределение, бурная урбанизация, возникновение множества крупных и крупнейших городов резко повышают требования к элементарному качеству жилищ, минимальному уровню бытового и санитарного комфорта, транспортного обслуживания и т.д. Везде становится необходимым крупномасштабное городское и дорожное строительство, сооружение дорогостоящих инженерных сетей, создание надежных источников водоснабжения, использование огромного количества транспортных средств, привлечение новых энергетических ресурсов. Вся система жизнеобеспечения населения становится другой, и

для того, чтобы создать и поддерживать эту новую систему жизнеобеспечения, более бедные, преимущественно аграрные страны вынуждены модернизироваться.

Таким образом, из первой задачи автоматически вытекает вторая: не просто удержать среднестатистический уровень богатства на прежнем уровне, но резко повысить его с тем, чтобы получить средства для проведения ресурсоемкой модернизации. Эти внутренние побуждения к модернизации соединяются с внешними, связанными с неравномерностью мирового развития. Существование богатых индустриально развитых стран с достигнутыми ими высокими стандартами потребления, здравоохранения, образования и т. д., в свою очередь, создает мощный стимул модернизации бедных аграрных стран, которые тоже хотят стать промышленно развитыми и богатыми.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И РОСТ ПРОИЗВОДСТВА

Пока мировая экономика смогла ответить на все эти вызовы лишь частично. За вторую половину XX в. валовой мировой продукт в расчете на одного жителя Земли вырос в 2,7 раза [9], однако в условиях новых элементарных потребностей и учитываемая мировое экономическое неравенство, этого явно недостаточно. Лишь меньшая часть населения планеты, в основном жители промышленно развитых стран, смогли в той или иной степени воспользоваться экономическими достижениями XX века. Большинству же жителей развивающихся стран пока не удалось сделать достоянием прошлого застарелые проблемы голода или хронического недоедания, элементарной нищеты, непосильного физического труда, невозможности получить образование и т. д.

Тем не менее даже для того, чтобы обеспечить тот рост среднемирового мирового производства и потребления, который имел место, их совокупные объемы должны были вырасти очень значительно. Так и было на самом деле. Вторая половина XX в. ознаменовалась огромным ростом сельскохозяйственного и промышленного производства в мировых масштабах (см. с. 350 настоящего тома). Но одновременно стало ясно, что такие достижения сопряжены с многократным увеличением антропогенной нагрузки на все естественные ресурсы планеты как на локальном, так и на глобальном уровне. Дальнейший рост этой нагрузки может привести к негативным последствиям, способным свести на нет все прежние достижения.

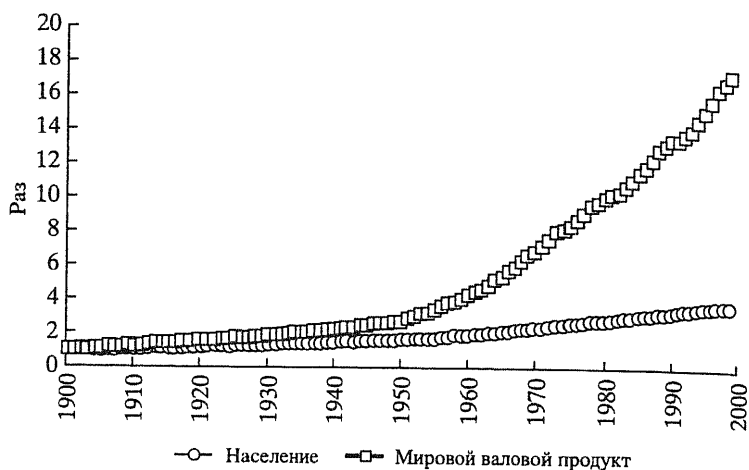

Рис. 3. Рост мирового населения и мирового валового продукта
Источник: [9]

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И АНТРОПОГЕННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Конечно, рост мирового производства был связан не только с ростом населения. В развитых странах, где население росло медленно, быстро повышались стандарты потребления. Очень высокая доля мирового прироста производства была обусловлена гонкой вооружений. Но ни в коем случае не следует недооценивать и ту его долю, которая с неотвратимостью вытекала из появления все новых и новых миллиардов жителей планеты. В некоторых случаях это очевидно.

Скажем, рост сельскохозяйственного производства, необходимый просто для того, чтобы прокормить растущее население, был достигнут в значительной степени благодаря все большему использованию высокоэффективных орошаемых земель. За 35 лет – с 1961 по 1996 – их площадь выросла почти на 90% – со 139 до 263 млн га. В середине 90-х годов такие земли составляли всего 17% возделываемых в мире земель, но давали около 40% мирового продовольствия. По некоторым оценкам, они обеспечили более половины прироста мировой сельскохозяйственной продукции между серединой 60-х и серединой 80-х годов [5: 45]. Но орошение требует большого количества воды, уже сейчас 70% мировых ресурсов подземных и речных вод используется на орошение. Между тем и без того многие районы издавна имеют напряженный водный баланс. К чему может привести чрезмерный разбор воды на орошение в таких регионах, можно видеть на примере за-

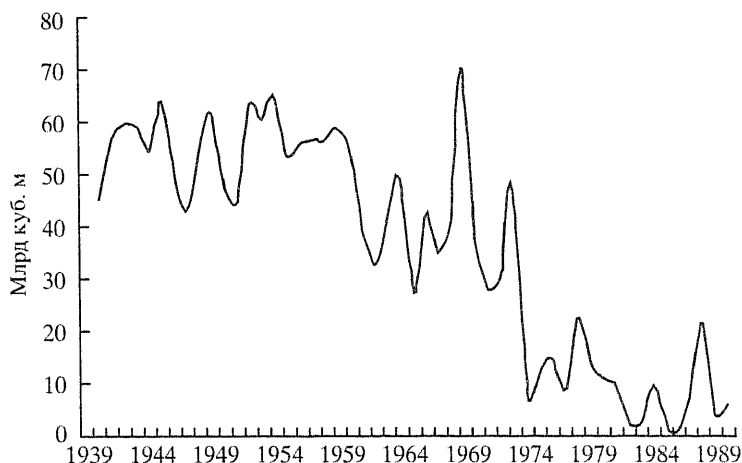

Рис. 4. Речной сток в Аральское море, млрд куб. м в год
 Источник: [9]

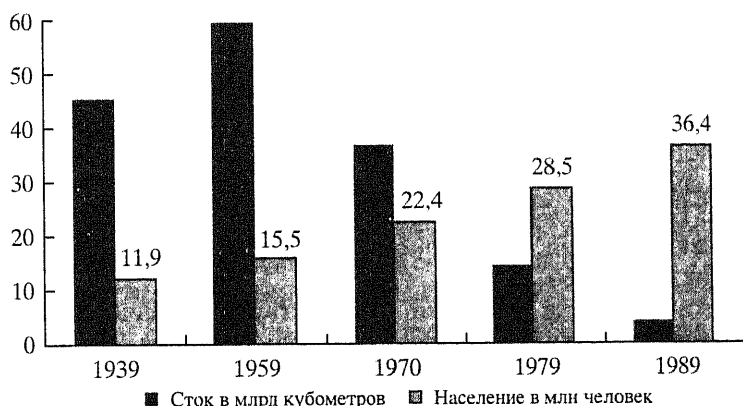

Рис. 5. Речной сток в Аральское море, млрд куб. м в год, и население Средней Азии и Южного Казахстана, млн человек

мкнутого Аральского бассейна, где питающие Аральское море Аму-Дарья и Сыр-Дарья перестали доходить до него, что привело к его пересыханию и, в итоге, к экологической катастрофе, пусть и локальной, но достаточно заметной даже в мировых масштабах. Вероятно, демографический рост населения был не единственной причиной этой катастрофы, но не видеть связи между ростом нагрузки на водные ресурсы этого густонаселенного региона и стремительным ростом его населения невозможно.

Аральская ситуация – лишь наглядная иллюстрация тех последствий, с которыми могут столкнуться другие регионы и весь

мир из-за нарастающего дефицита пресной воды. По оценкам, вследствие роста населения количество пресной воды, обеспечиваемой гидрологическим циклом, за сто лет между 1950 и 2050 гг. упадет, в расчете на душу населения, на 73%. Уже в 2025 г. миллиард человек будут жить в странах с абсолютным дефицитом воды, а к 2050 г. число людей, испытывающих нехватку воды, будет намного большим. Они не смогут поддерживать душевое производство продовольствия на орошаемых землях на уровне 1990 г. даже с учетом высокой эффективности ирригации и обеспечения водой промышленные, бытовые экологические нужды. Им придется импортировать продовольствие, если это вообще будет возможно [3: 37–40].

Другой пример локальных, но повсеместно распространенных последствий роста населения – истребление лесов. Вырубка лесов сопровождала рост населения на протяжении всей истории. Но она резко ускорилась после 1900 г. 75% роста мирового населения и примерно 75% сокращения площади лесов приходится на XX в. Эта корреляция объясняется дополнительными потребностями в сельскохозяйственных землях, пастбищах и продуктах леса. Даже простое потребление дров во многих районах мира увеличивается пропорционально росту численности населения. С 1950 г. переход к массовому потреблению лесной продукции ускорил процесс обезлесения. За последние 40 лет площадь лесов на душу населения уменьшилась более чем на 50%, с 1,2 га до 0,6 га на человека. Самые высокие потери лесов отмечены в Азии, за которой следуют Африка и Латинская Америка [3: 65–66].

Леса противостоят эрозии, способствуют устойчивости водоснабжения в сухие и дождливые периоды, регулируют выпадение осадков. Кроме того, что очень важно, они играют ключевую роль как поглотители двуокиси углерода – основного парникового газа. По некоторым оценкам, увеличение его концентрации в атмосфере примерно на четверть обусловлено истреблением тропических лесов.

Но особенно большие угрозы климатическому благополучию планеты связаны со стремительным развитием промышленного производства и обусловленным этим ростом потребления энергии. За XX век ее мировое потребление выросло более чем в 10 раз. При этом, если к концу XIX в. ископаемые ресурсы обеспечивали 58% мирового потребления энергии, то к концу XX в. доля ископаемых ресурсов достигла 75% (табл. 1).

Как известно, сжигание ископаемых видов топлива приводит к выбросу в атмосферу парниковых газов, прежде всего двуокиси углерода. За XX век годовые объемы выбросов двуокиси уг-

Таблица 1

Мировое потребление энергии, 1900–1997

Источник энергии	1900		1997	
	В млн т нефтяного эквивалента	В % к итогу	В млн т нефтяного эквивалента	В % к итогу
Уголь	501	55	2122	22
Нефть	18	2	2940	30
Природный газ	9	1	2173	23
Ядерное топливо	0	0	579	6
Возобновимые источники	383	42	833	19
Всего	911	100	9647	100

Источник: [4: 23].

лерода выросли в 12 раз – с 534 млн т в 1900 до 6,49 млрд т в 1997 г. [1: 22], что было обусловлено в основном ростом этих выбросов на душу населения в нынешних промышленных странах с учетом роста их населения. Например, прирост населения США на 115 млн человек между 1950 и 1998 г. ответственен за одну десятую нынешней глобальной эмиссии двуокиси углерода.

Однако по мере экономического развития в других регионах мира положение меняется, и, как полагают эксперты, в будущем мировом росте эмиссии главное место будет принадлежать взлету душевой эмиссии в развивающемся мире. По оценкам, она вырастет более чем вдвое – с 0,5 т в год (одна шестая уровня промышленных стран) в 2000 г. до 1,2 т в 2050. Рост эмиссии на душу населения на 77% будет связан с ростом экономики в развивающихся странах, на 23% – с ростом населения. В Китае, например, в ближайшие 50 лет она увеличится с 0,77 до 2,81 т на душу. В Африке, напротив, почти все трехкратное увеличение эмиссии будет обусловлено ростом населения [3: 75–76].

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОТВЕТА

Опасные экологические последствия производственной деятельности людей направляют их усилия на поиски безвредных или менее вредных технологий, возобновляемых источников энергии, на разработку способов утилизации отходов и т.п. Технологические и даже политические (квотирование) меры, направленные на нейтрализацию вредных последствий произ-

Таблица 2

**Коэффициент суммарной рождаемости
(среднее число рождений на 1 женщину)**

	1950–1955	1995–2000
Весь мир	5,01	2,82
Более развитые регионы	2,84	1,57
Менее развитые регионы	6,16	3,10
В том числе:		
Наименее развитые страны	6,60	5,47
Остальные менее развитые страны	6,10	2,78

Источник: [8: 38–48].

водственной деятельности человека, конечно, и необходимы, и возможны. Однако любые возможности имеют свои технологические и, что не менее важно, экономические пределы. Экологически эффективные меры часто стоят очень дорого, и бедные развивающиеся страны просто не могут себе их позволить.

Поэтому продуманная стратегия защиты глобальных природных систем жизнеобеспечения людей, к которым относятся и климатическая система нашей планеты, от непосильных антропогенных нагрузок должна включать в себя и воздействие на глобальную демографическую ситуацию, которая, в ее нынешнем виде, служит одним из главных источников роста этих нагрузок. Цель такого воздействия – скорейшее завершение мирового демографического взрыва и последующий поворот в сторону постепенного сокращения численности населения планеты.

Теоретически есть только два способа достижения этой цели.

Один из них – это резкое повышение смертности в результате возвращения старых или появления новых смертельных угроз, способных за короткое время унести сотни миллионов, а то и миллиарды человеческих жизней, – губительных эпидемий, ядерной войны, небывалых стихийных бедствий, обусловленных разрушением планетарных систем жизнеобеспечения под давлением непосильных антропогенных нагрузок. Никто не может с уверенностью утверждать, что человечеству удастся избежать подобных демографических катастроф, тем более, что оно само создало и продолжает создавать рукотворные средства собственного уничтожения, способные повлиять на судьбы жизни на Земле не меньше, чем скажем, ее столкновение с крупным метеоритом. А так как стремительный рост ми-

рового населения и порождаемые им напряжения служат фактором, резко усугубляющим все названные опасности, то в таких катастрофах можно видеть просто действие механизмов самоорганизации невероятно сложной системы под названием "Человечество", которая ищет простейший способ восстановления нарушенного равновесия между мертвой природой и созданной ею высокоорганизованной жизнью.

Однако такого апокалипсического сценария хотелось бы все же избежать – по многим причинам. К тому же нет никакой гарантии, что, когда минует катастрофа, человечество все же увидит новое небо и новую землю. Силы смерти могут полностью выйти из-под контроля, над созданием которого человечество трудилось на протяжении всей своей истории, и эта история может прерваться окончательно.

Не удивительно, стало быть, что усилия мирового сообщества, к сожалению, не единодушные, направлены на поиски альтернативного, не катастрофического пути прекращения мирового демографического взрыва за счет снижения рождаемости.

Как следует из табл. 2, определенные успехи на этом пути были достигнуты, с середины до конца XX в. рождаемость в менее развитых регионах мира снизилась практически вдвое. Однако в этих регионах, а потому и во всем мире она все еще остается значительно выше, чем требуется – при нынешнем уровне смертности – для простого воспроизводства населения. Соответственно и мировое население продолжает расти, пусть и несколько медленнее, чем в 1950–1970-х годах, но все еще довольно быстро.

Прогнозы предсказывают дальнейшее сокращение рождаемости, а вслед за ним – и прекращение роста мирового населения. Более того, поскольку рождаемость сокращается даже быстрее, чем предполагали еще 30 лет назад, эксперты корректируют прогнозы в сторону более быстрого замедления роста населения мира. Прогноз на конец XX в. оказался очень точным, но на 2050 год он был основательно скорректирован. Если в 1973 г., по среднему варианту прогноза ООН, ожидалось, что к этому времени на Земле будет жить 11,2 млрд человек, то в 1994 г. эта оценка понизилась до 9,8 млрд, в 1998 – до 8,9 млрд. Правда, два года спустя она снова повысилась до 9,3 млрд. Самый последний прогноз, выполненный в 2002 г., снова возвращает нас к 8,9 млрд, но впервые за все время послевоенных прогнозов сокращение ожидаемой численности населения отчасти (на 50%) связано не с сокращением рождаемости, а с подъемом смертности (от СПИДа) [2].

Если глобальные демографические прогнозы до середины XXI в. можно считать более или менее реалистичными, то их продление на более отдаленные периоды опирается в значительной мере не на реально наблюдаемые тенденции, а на некие концептуальные представления о них, умозрительные и, с моей точки зрения, весьма спорные.

В демографической литературе преобладает идеология “нулевого роста”, стабилизации численности населения мира и его регионов после того, как она достигнет максимума. Соответственно принято считать, что стабилизируется и уровень рождаемости. При этом падение рождаемости значительно ниже уровня простого возобновления поколений, которое наблюдается сейчас в развитых странах, рассматривается как прискорбное демографическое извращение, которое не может продолжаться долго, а нормальной следует считать рождаемость, соответствующую именно этому уровню. При низкой смертности это чуть больше двух рождений на одну женщину – показатель, на который и вырливают все прогнозы, касающиеся отдаленного будущего.

Так построен и недавний сверхдолгосрочный – на 300 лет – демографический прогноз ООН. Его “средний”, т.е. наиболее часто цитируемый и вообще как бы считающийся наиболее правдоподобным, вариант полностью соответствует этому умозрительному идеалу. Предполагается, что к середине века демографический взрыв в мировых масштабах в основном завершится, к 2075 г. численность населения планеты достигнет максимума в 9,2 млрд человек и затем практически стабилизируется на уровне, близком к 9 миллиардам.

Правда, другие основные варианты – “высокий” и “низкий” – допускают стабилизацию рождаемости на более высоком или менее высоком уровне (табл. 3). Соответственно и динамика мирового населения будет иной. В первом случае, при стабилизации рождаемости на уровне 2,35 рождения на одну женщину (на 15% выше уровня простого воспроизводства), население Земли к концу века превысит 14 млрд человек и будет продолжать расти. Во втором случае, при стабилизации рождаемости на уровне 1,85 рождения на одну женщину (на 10% ниже уровня простого воспроизводства), уже после 2040 г., население мира, едва преодолев планку в 7,5 млрд человек, начнет сокращаться – до 5,5 млрд в конце XXI в., до 3,2 млрд в конце XXII и до 2,3 млрд человек в конце XXIII в. (рис. 6).

Разумеется, с точки зрения сокращения антропогенных нагрузок на природные системы, обеспечивающие сохранение жизни на Земле, наилучшей была бы демографическая эволюция не по “высокому” сценарию – это был бы прямой путь к катастро-

Таблица 3

**Коэффициент суммарной рождаемости в мире согласно
долгосрочному прогнозу ООН**

	2000– 2005	2045– 2050	2095– 2100	2195– 2200	2295– 2300
Средний вариант					
Весь мир	2,69	2,02	1,91	2,05	2,05
Более развитые регионы	1,56	1,85	2,06	2,06	2,06
Менее развитые регионы	2,92	2,04	1,89	2,05	2,05
Высокий вариант					
Весь мир	2,90	2,50	2,17	2,35	2,35
Более развитые регионы	1,64	2,35	2,35	2,35	2,35
Менее развитые регионы	3,16	2,52	2,15	2,35	2,35
Низкий вариант					
Весь мир	2,48	1,54	1,67	1,85	1,85
Более развитые регионы	1,48	1,35	1,85	1,85	1,85
Менее развитые регионы	2,68	1,56	1,64	1,85	1,85

Источник: [7: Tables A-16, A-18, A-19].

фе. Но и “средний” сценарий такой эволюции не внушает большого оптимизма. “Стабильные” 9 миллиардов жителей Земли даже при нынешних масштабах производственной деятельности способны привести к необратимым изменениям климата плане-

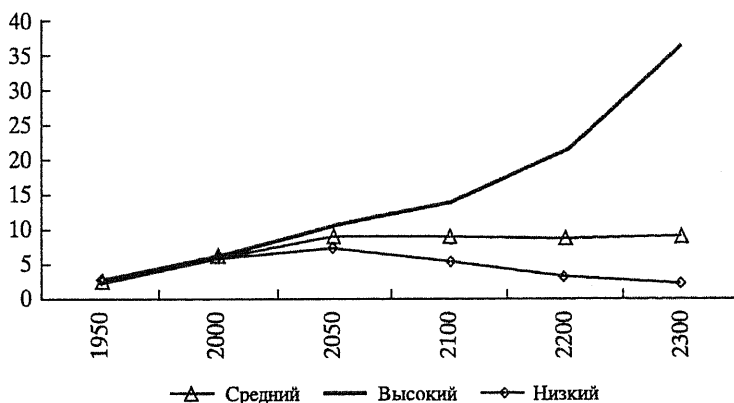

Рис. 6. Численность мирового населения по трем вариантам долгосрочного прогноза ООН, млрд человек

Источник: [7: Tables A-1, A-3, A-4]

ты, и уже одного этого достаточно, чтобы человечество оказалось на грани выживания. Единственный вариант, оставляющий надежды на будущее, – это развитие по “низкому” сценарию, предполагающему постепенное сокращение населения примерно до той численности, какую оно имело перед началом демографического взрыва, т.е. в середине XX в. А это значит, что на какое-то – довольно долгое – время все человечество должно перейти к рождаемости, которая будет ниже уровня простого замещения поколений.

Литература

1. Народонаселение мира в 2001 году. Этапы и вехи: население и экологические изменения. UNFPA, 2001.
2. Below-replacement fertility expected in 75 per cent of developing countries by year 2050 according to UN population report. Press Release POP/850. 26 February 2003 (<http://www.un.org/News/Press/docs/2003/pop850.doc.htm>)
3. *Brown L., Gardner G., Halweil B.* Beyond Malthus. Worldwatch* Institute. N.Y.; L., 1999.
4. *Fllavin C., Dunn S.* Reinventing the energy system // *Brown L. et al.* State of the World 1999. Worldwatch Institute. N.Y.; L., 1999.
5. *Gardner G.* Irrigated areas up // *Brown L., Renner M., Halweil B. et al.* Vital Signs 1999. The environmental trends that are shaping our future. Worldwatch Institute. N.Y.; L., 1999.
6. Population, environment and development. The concise report. UN, NY, 2001, ST/ESA/Ser. A/202.
7. World population in 2300. Highlights. ESA/P/WP.187, Draft. UN, N.Y., 2003, Tables A-16, A-18, A-19.
8. World Population Prospects. The 2000 Revision. UN NY, 2001, ST/ESA/Ser. A/198.
9. Worldwatch Institute database disk. 2000. June.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азатян В. 285
Акимов А.В. 363
Ананьев Б.Г. 85
Андерс В. 280
Андреев Е.М. 136, 342
Аннан К. 254, 259
Антонов-Овсеенко А.В. 267, 269
Аркуайт Р. 65
- Бабурин С.Н. 252
Берия Л.П. 280, 283
Бляхман Л.С. 85
Бодрова В.В. 136
Боярский А.Я. 5, 85
Бродель Ф. 302, 342
Бугай Н.Ф. 299
Буш Дж.мл. 244
Бьюкенен П.Дж. 244, 253, 256, 259
Бюке Л. 21, 71, 83
- Васильчук Ю.А. 85
Вердоорн П.Дж. 64
Верт Н. 263, 299
Виксель К. 21, 24, 83
Вишнев С.М. 85
Вишневский А.Г. 85, 136, 137, 174, 196, 204, 215, 260, 261, 342
Волков А.Г. 299
Волкогонов Д.А. 298, 299
- Галилей Г. 181
Гаузнер Н.Д. 85
Гердер И.Г. 257, 259
Гильбер М. 43
Гитлер А. 196
- Гомер 47
Гундаров И.А. 215
- Давидович В.Г. 95, 109
Дарский Л.Е. 136, 342
Деникин А.И. 263
Дугин А.Г. 136, 196, 299
Дуглас П. 74
- Ельцин Б.Н. 175, 191
- Жученко В.С. 5
- Замятин Е.И. 126
Земсков В.Н. 267, 286, 287, 288, 292, 296, 299
Зюзин Д.И. 196
- Изард У. 85
Измеров Н.Ф. 364
- Истерлин Р. 231
- Кабэ Э. 126
Калдор Н. 86
Калита И. 195, 251
Калмык В.А. 86
Кампанелла Т. 126
Кантор Ю. 299
Карнеги Э. 137
Кендрик Д. 46, 86
Кеннан Э. 21
Керенский А.Ф. 261
Киров С.М. 261
Кобб Ч. 74
Коданьоне К. 259

- Коренберг Э.И. 364
 Косилов С.А. 86
 Краваль И.А. 285
 Красильников С.А. 299
 Кузнец С. 18, 20, 84, 86
 Куропаткин А.Н. 259
 Куртуа С. 299

 Лацис М.И. 262
 Ле Корбюзье Ш. 98
 Ле Пен Ж.-М. 252, 253, 258
 Леман Гарвей 47
 Леман Гюнтер 42, 43, 44, 45, 47, 86
 Ленин В.И. 86
 Лестег Р. 129, 317
 Лотка А. 7
 Лэнснесс К. 259

 Максудов С. 296, 299
 Маленков Г.М. 267
 Малыгин А. 299
 Мальтус Т.-Р. 83, 121, 319
 Маркс К. 15, 64, 86, 110
 Мацковский М.С. 136
 Мельгунов С.П. 262, 263, 299
 Молотов В.М. 285
 Морозов Павлик 127
 Муссолини Б. 187

 Ноутстайн Ф. 344
 Ньюланд К. 259

 Окольский М. 335
 Орлова И.Б. 215

 Панкратьева Н.В. 86
 Панне Ж.-Л. 299
 Пивоваров Ю.Л. 88
 Пирл Р. 344
 Поляков Ю.А. 299
 Полян П.М. 278, 299
 Попов В.П. 300
 Пробст А.Е. 109
 Прокопенко А.С. 300
 Пушкин А.С. 181
 Пчелинцев О.С. 109

 Раков А.А. 86
 Ревич Б.А. 364
 Рейвенстайн Е. 38
 Рикардо Д. 83
 Россет Э. 45, 86
 Ростиков Е. 300

 Ротшильд К. 16
 Рыбаков А.Н. 299
 Рыбаковский Л.Л. 300

 Селигмен Б. 83, 86
 Симпсон Т. 81
 Смоляр И.М. 110
 Сови А. 25, 71, 79
 Соколинский З.В. 85
 Солженицын А.И. 264, 268, 285, 299, 300
 Солофненко Н.А. 109
 Сочилин В.Г. 85
 Сталин И.В. 127, 272, 280, 281, 283
 Стешенко В.С. 5

 Террис М. 334
 Тимофеева О. 300
 Толмачев В.Н. 294
 Тольц М.С. 136
 Троцкий Л.Д. 126, 131, 136

 Уатт Дж. 65
 Уиткрофт С. 273, 291
 Урланис Б.Ц. 86

 Федотова Н.В. 110
 Филд М. 177
 Фултон Р. 65

 Хаджнал Дж. 318, 342
 Хайдер Й. 253
 Хансен Э. 83
 Харрод Р.Ф. 86
 Харькова Т.Л. 136, 342
 Хорев Б.С. 300
 Хрущев Н.С. 267

 Цаплин В.В. 288, 300

 Шишов О.Ф. 300
 Шкаратан О.И. 85
 Шкварииков В.А. 110
 Школьников В.М. 137, 342
 Шляпентох В.Э. 86
 Шукайло В.Ф. 76, 85, 86

 Эдиев Д.М. 297, 300
 Эйзенхауэр Д. 244
 Энгельс Ф. 86, 90, 110

 Boch G. 86
 Brown L. 363, 376

Buquet L. 86
Bogue D.G. 86

Cailar A. 87
Cannan E. 87
Chesnais J.-C. 342
Coale A.J. 243
Colas D. 301
Cruikshank R. 343

Demeny P. 243
Denison E.F. 87
Duncan O.D. 87
Dunn S. 376
Denti E. 87

Easterlin R. 243
Eldridge H.T. 87

Flavin C. 363, 376

Gardner G. 363, 376
Getty J.A. 300
Girard A. 86
Guilbert M. 86

Halweil B. 363, 376
Hansen A.H. 86
Hedberg M. 86
Heitman S. 300, 342
Henshaw S.K. 342
Hinrichsen D. 363
Höhn Ch. 342
Hopkins J. 363
Huntington S. 260

Kane H. 260
Khlevniouk O. 300
Kuznets S. 87
Kono S. 87

Ladinsky J. 86
Lehman H. 47, 87
Lehmann G. 47
Lesthaeghe R. 136, 342
Lopin M. 87

Lopez A. 342, 343
Lutz W. 349

Malthus T.R. 87, 363, 376
Mammey U. 342
Marx K. 87
McGinn A. 363
Meslé F. 342
Miller H.P. 87

Nobile A. 196

Okolski M. 342

Peterson L.S. 196
Postel S. 363
Praderie M. 86

Rasevic M. 136, 342
Rédei M. 342
Renner M. 363, 376
Robey B. 363
Robinson E.A. 87
Roemer M.I. 343
Rotschild K. 87

Sauvy A. 87
Shio M. 87
Sisay A. 243
Skeldon R. 243
Staline J. 300

Terris M. 343
Thomas O.S. 87
Trittersporn G. 300

Valkovics E. 87
Vallin J. 342, 343
Van de Kaa D.J. 136, 343

Wei-Chiao H. 243
Wendt H. 342
Wheatcroft S.G. 300
Wicksell K. 87

Zemskov V.N. 300

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Население и производство (1972)	5
1. Вводные замечания	5
2. Демографическое состояние и уровень производства	11
Одноресурсная статическая производственная функция	12
Численность населения и производственная функция	14
Структура населения и производственная функция	25
Структура населения и его экономическая активность	26
Структура населения и его мобильность	34
Структура населения и производительность труда	42
Структура населения и производственная функция в целом	49
3. Демографический рост и рост производства	53
Статический и динамический подходы в экономике	53
Одноресурсная динамическая производственная функция	54
Динамическая производственная функция	54
Демографический рост и численность работников	57
Демографический рост и производительность труда	62
Двухресурсная динамическая производственная функция	72
4. Заключение	82
Литература	85
Экономические проблемы развития форм городского расселения (1972)	88

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Демографическая модернизация России и ее противоречия	113
Смертность в России: возрастно-причинные группы риска и приоритеты действия (1997)	137
Кризис смертности в России	137
Современная российская модель смертности	151
Главные возрастно-причинные группы риска (Заключение)	163
Литература	174
Русский крест (1998)	175
Статья первая. Что происходит со смертностью?	175
Статья вторая. Что происходит с рождаемостью?	181
Статья третья. Будет ли умножаться население России?	188
Литература	196

Автономны ли демографические процессы в современной России? (2003)	197
<i>Приложение. Подъем смертности в 90-е годы: факт или артефакт?</i>	215
Пять вызовов нового века (2004)	220
Литература	243
Альтернативы миграционной стратегии (2004)	244
Литература	259
Демографические потери от политических репрессий (2005)	261
Революция и гражданская война	261
Репрессии 1930-х – 1950-х годов	264
Демографические потери от репрессий	284
Литература	299
Восток и Запад Европы: разные демографические судьбы (2002)	301
Восточная Европа: догоняющая модернизация	301
Урбанизация	306
Миграция	308
Рождаемость	315
Продолжительность жизни	326
Воспроизводство и рост населения	338
Литература	342
Мировое население: соблазн и опасность количества (1997)	344
Можно ли накормить весь мир? (2002)	350
Мировой демографический взрыв и антропогенное давление на климат (2004)	364

5
5
11
12
14
25
26
34
42
49
53
53
54
54
57
62
72
82
85
88

113

137
137
151
163
174

175
175
181
188
196

CONTENTS

ECONOMIC DEMOGRAPHY

Population and production (1972)	5
1. Introduction	5
2. The state of the population and the level of production	11
The one-resource static production function	12
Population size and the production function	14
Structure of the population and the production function	25
Structure of the population and its economic activity	26
Structure of the population and its mobility	34
Structure of the population and productivity of labour	42
Structure of the population and the production function as a whole	49
3. Demographic growth and production growth	53
Static and dynamic approaches in economics	53
The one-resource dynamic production function	54
The dynamic production function	54
Population growth and the number of workers	57
Population growth and the productivity of labour	62
The two-resource dynamic production function	72
4. Conclusion	82
References	85
Economic problems of the development of forms of urban settlement (1972)	88

THE ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES

Demographic modernization of Russia and its contradiction (1999)	113
Mortality in Russia: age-causal risk groups and priorities of action (1997) ...	137
The crisis of mortality in Russia	137
The modern Russian mortality pattern	151
The main age-causal groups of risk (Conclusion)	163
References	174
The Russian cross (1998)	175
Article I. What is happening to mortality?	175
Article II. What is happening to fertility?	181
Article III. Will the population of Russia grow?	188
References	196

Are demographic processes in modern Russia autonomous? (2003)	197
<i>Appendix. The rise of mortality in the 1990s: fact or artefact?</i>	215
Five demographic challenges of the new century (2004)	220
References	243
Alternatives of migration strategy (2004)	244
References	259
Demographic losses from political repression (2005)	261
Revolution and civil war	261
Repression of the 1930s, 40s and 50s	264
Demographic losses from repression	284
References	299
The East and the West of Europe: two demographic destinies (2002)	301
Eastern Europe: catching up modernization	301
Urbanization	306
Migration	308
Fertility	315
Life expectancy	326
Population replacement and growth	338
References	342
The World population: the temptation and danger of quantity (1997)	344
Is it possible to feed all the world? (2002)	350
The world population explosion and anthropogenous pressure upon the climate (2004)	364

5
5
11
12
14
25
26
34
42
49
53
53
54
54
57
62
72
82
85
88

113

137
137
151
163
174

175
175
181
188
196

Научное издание

Вишневский Анатолий Григорьевич
ИЗБРАННЫЕ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
Т о м II
Экономическая демография
Анализ демографических процессов

Утверждено к изданию
Институтом народнохозяйственного
прогнозирования РАН

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*
Художник *Т.В. Болотина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Р.В. Молоканова,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 28.02.2005
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 24,0 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отг. 24,9
Уч.-изд.л. 21,2. Тираж 450 экз. Тип. зак. 218

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secter@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6